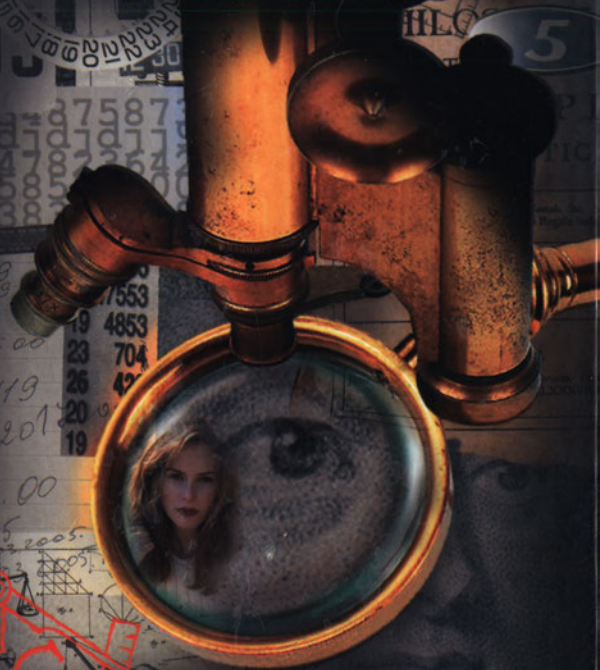

КОД НЬЮТОНА

КУРТ АУСТ

КУРТ АУСТ

КОД НЬЮТОНА

Кровавый след старинной тайны

Погожим весенним днем за столиком парижского кафе Май-Бритт Фоссен стреляет себе в рот прямо на глазах у потрясенных посетителей.

В последнее время она работала над книгой о тайной деятельности Исаака Ньютона, ранее неизвестной историкам... Жизнь знаменитого ученого была полна загадок, и тайны, которые он хранил, могли бы лишить его не только славы и почета, но и передать в руки палачей.

Но почему Май-Бритт заплатила собственной кровью за информацию, на которую охотились более трехсот лет? И зачем, прежде чем отправиться в кафе и совершить самоубийство, она разложила карточный пасьянс?..

Нашумевший роман-триллер, основанный на новейших исследованиях жизни Исаака Ньютона, от обладателя престижных литературных премий, знаменитого норвежского автора-криминалиста Курта Ауста.

«Просто великолепно!»

Газета «Дагблад»,
Тонье Твейте

«Устраивайтесь в кресле поудобнее и надолго — вы не сможете оторваться!»

Автор поразительно уверенно ведет читателя через загадочные и жуткие перипетии тайн жизни Ньютона.

Литературная газета «Афтенпостен».

Терье Стенланд

ISBN 978-5-17-050130-4

9 785170 501304

А АСТРЕЛЬ СПБ

ПРОЧТЕНИЕ

Интеллектуальный детектив

КУРТ АУСТ

КОД
НЬЮТОНА

Москва

«АСТ»

Санкт-Петербург

Arabesque Books – Астрель-СПб

УДК 821.113.5
ББК 84 (4Нор)
А93

Серия «Интеллектуальный детектив»
Дизайн обложки Ю. С. Межовой

Kurt Aust
DE USYNLIGE BRØDRE

Перевод с норвежского: Б. С. Жаров

Настоящее издание выходит при поддержке агентства NORLA —
«Норвежская литература за рубежом»

Ауст, К.

А93 Код Ньютона / Курт Ауст. — М.: АСТ; СПб.:
Астрель-СПб, 2008. — 510, [2] с. — (Интеллектуаль-
ный детектив).

ISBN 978-5-17-050130-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1092-4 (ООО «Астрель-СПб»)

Историк Май-Бритт Фоссен пишет книгу об Исааке Нью-
тоне, решив посвятить ее неизвестным сторонам жизни уче-
ного. Ей действительно удастся раскрыть некоторые тайны.
Одна из них оказывается роковой: за нее Май-Бритт вынужде-
на заплатить собственной жизнью...

Тайна эта — не что иное, как зашифрованная Ньютоном
формула эликсира жизни. Перед смертью, однако, молодой
женщине удастся оставить ключ к раскрытию кода.

Куда приведет расследование, проводимое талантливым
математиком Эвеном, шокированным смертью бывшей жены?
Какие темные глубины всколыхнет поиск истины?

УДК 821.113.5
ББК 84 (4Нор)

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 11.01.08.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 26,9. Тираж 4000 экз. Заказ 850.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

© 2006 H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, Oslo, Norway
© Б. С. Жаров, перевод, 2008
© ООО «Астрель-СПб», 2008
ISBN 978-985-16-4862-3 (ООО «Харвест»)

Посвящается Лисе и Туре

Основатели *Royal Society* — Королевского общества (1645)... называли себя, правда, *Invisible College*, или «Невидимый университет», но настоящим невидимым университетом была целая сеть безымянных специалистов, которые поддерживали пламя алхимии. Эти люди жили в том же городе, где находилось *Royal Society* — в Лондоне — и многие из них были членами и того, и другого.

Майкл Уайт, автор книги
«Ньютон — последний колдун» (1997)

Код создается с учетом двух условий: кто-то должен получить и расшифровать его, а кто-то ни при каких условиях не должен его понять. Поэтому можно говорить о «личном коде», то есть таком, который может быть расшифрован одним-единственным человеком, во всяком случае, в пределах обозримого периода времени.

Профессор Томас Боуэберге
в письме к генерал-адмиралу
Гюльденлёве (1709)

ГЛАВА 1

Прижатый к глазу, нож не давал ощущения холода.

Она смотрела на красного мужчину, который стоял, выпрямившись, на другой стороне улицы. Слышала, как из металлического ящика доносится мерное тиканье, как рычат автомобильные моторы, чирикают птицы в кустах за спиной, как радостно закричал ребенок. Весенние звуки Парижа.

Я прижимал к глазу нож тыльной стороной и видел белые, темные и цветные круги. Если я дотрагивался до глаза лезвием, круги становились отчетливее.

Она задумалась, почему сейчас вспомнила Ньютона, его безумные эксперименты, которые чуть не привели к полной слепоте, но, тем не менее, помогли сделать новые и важные открытия. Может быть, потому, что он рискнул — и победил. Его объявили гением.

Она тоже рискнула...

Внезапно красный мужчина исчез, появился зеленый. Вот так все менялось в этой жизни. От красного, застывшего, злобного, — к зеленому, мягкому и

подвижному. Живому. Потом в обратном направлении. К злобе. Она чуть повернула голову и увидела *его* в квартале от себя. Заметила, что он смотрит на нее сквозь темные очки. Шевельнулись только его усы, казалось, он улыбается. Крепко прижав к себе черную сумочку, она перешла через улицу и быстро проследовала дальше по тротуару.

Если бы нож нарушил тонкую оболочку, которая покрывает глазную жидкость, если бы острое лезвие проникло внутрь мышечной ткани, через пигментные клетки в стекловидное тело, если бы Ньютон ослеп на один глаз — разве была бы она сейчас здесь, в этом незримом пространстве между жизнью и смертью?

Вечернее солнце проглянуло между домами и вдруг осветило ее всю, словно прожектором. Она инстинктивно прикрыла глаза рукой, но тут же спохватилась, стала смотреть на солнце, которое было прямо в лицо. В голове промелькнула старинная мудрость из *Ars Moriendi*¹ — «*Учись умирать и научишься жить*» и тут же исчезла. На протяжении последних суток это повторялось без конца: мысли появлялись и тут же уносились прочь, как осенняя листва несется на своем пути к смерти.

«*Что посеешь, то и пожнешь*».

Эвен однажды именно так перефразировал третий закон Ньютона о движении, это он так пошутил. Но чаще всего за шутливыми словами Эвена скрывалась тень горечи и злобы. Она так никогда и не смогла привыкнуть к этой особенности его характера. Каблуки глухо стучали по тротуару. Она взглянула на отчетливую тень, которая перемещалась по гулким плиткам вслед за ней. Ее верная и немилосердная тень.

---

¹ «Искусство умирания» (лат.). — Здесь и далее примеч. перев.

Что ж, она уже посеяла. Теперь пришло время пожинать.

Немного впереди шел, опираясь на палку, старик. Одна нога у него плохо сгибалась, идти ему было трудно. И она спросила себя, каково ему так жить: воспринимает он это как мучение или смирился и живет себе безо всяких огорчений? Старик дохромал до угла и исчез. Умереть ожесточенным — это значит отвергнуть все то хорошее, что дала человеку жизнь. Она заставляла себя так думать. Тень от высокого дома обозначила черту на тротуаре. Она остановилась у черты, постояла на солнечной стороне и помедлила, как будто на темной половине ее ждало какое-то злобное существо. И чуть не задохнулась от внезапного желания позвонить домой. Поговорить с детьми, пожелать им спокойной ночи, услышать их голоса, сказать им, как сильно она их любит. Но позвонить она не могла. Мобильного телефона у нее больше не было. Фотографии дошли? Оставалось только надеяться на это. Это единственное, что ей оставалось, — надеяться. Она сделала глубокий вдох, пересекла черту и твердыми шагами вошла в тень.

Старик, хромая, одолел площадь перед самыми столиками кафе на открытом воздухе, прошел между ними к своему постоянному месту возле двери, прислонил палку к столу и сел. Похожий на старого моржа официант принес порцию кальвадоса и пробормотал что-то о приближении весны. Он говорил это каждый день. Старик привстал, передвинул стул так, чтобы можно было смотреть на улицу. Он любил видеть кусочек Сены, прогулочные теплоходы, оживление на реке. Из-за угла вышла женщина, быстрыми шагами подошла к кафе. Вид у нее был целеустремленный и энергичный. Старик, словно загипнотизированный, стал следить за

ее движениями, что-то неуловимое притягивало к ней. «Вот такую женщину я мог бы раньше полюбить», — подумал он и пригубил кальвадос. Но когда она приблизилась, то он был уже не столь уверен в своем предположении.

*Ma poupée chérie, ne veut pas dormir, ferme tes doux yeux, tu me fais souffrir*¹.

Молодая мама, больше похожая на девочку, сидела с ребенком на коленях и тихо напевала детскую песенку. Ребенок вдруг потянулся ручками к проходящей женщине. Женщина же не обратила на него никакого внимания. Мать обиженно посмотрела ей вслед и провожала взглядом до тех пор, пока женщина не села за свободный столик. Тогда она улыбнулась ребенку и продолжила тихое пение. Ребенок махал пухленькими ручками, лепетал, с радостью глядя на маму, которая медленно развернулась так, чтобы снова видеть женщину.

— Хм-хм, — бывшая учительница, а ныне пенсионерка из Бремена слегка откашлялась, скорее по старой привычке, а не оттого, что у нее першило в горле, пригубила белое вино из бокала и поверх очков посмотрела на новую посетительницу. — ...Хм-хм.

Учительница провела почти весь день в Лувре, гуляя и рассматривая картины старых мастеров: да Винчи, Рафаэля, Делакруа. День оказался во всех отношениях изумительным. Теперь она отдыхала, наслаждаясь бокалом вина. От реки пошел холодок. Она уже подумывала о том, чтобы вскоре перейти внутрь кафе и там пообедать. Женщина сделала заказ у официанта, у того, что помоложе. И учительнице показалось, что она смотрела на нее против своей воли, как будто та попала в золотое

---

¹ Моя дорогая куколка не хочет засыпать. Закрой свои милые глазки, не заставляй меня страдать (фр.).

сечение огромной картины. Например, той, на которой изображен приезд Марии Медичи в Марсель. Учительница долго стояла перед пленительным полотном Рубенса, изучала Нептуна, русалок, детали. Ее внимание привлек мрачный капитан корабля, который возвышался на заднем плане с бросающимся в глаза мальтийским крестом на груди. Означал ли крест принадлежность к братству? А сам капитан был предвестником зла, которое нагрянуло потом? Может быть, он и был истинным убийцей короля Генриха IV? Огромная картина возбуждала фантазию учительницы. Она любила сочинять истории на основе того, что видели ее глаза, — такова печальная привилегия пенсионеров. Она больше не должна была объяснять учебный материал и требовать его верного понимания. Теперь можно было дать волю собственным фантазиям. Она прищурилась, глядя поверх очков... А что если у некоторых людей есть свойство носить золотое сечение внутри, как будто крест нанесен на груди незримыми красками? Похоже, что так и было, потому что другие посетители, как она заметила, доедая свой бокал, тоже не отрываясь, следили глазами за этой женщиной.

«В одежде ее, правда, ничего особенного, и в облике тоже», — отметил про себя щуплый мужчина, изобразивший на своем лице важную мину знатока. «Как бы то ни было, это все же Париж — город, всегда славившийся красивыми женщинами...» И, тем не менее, этого мужчину очаровывали люди, от которых исходило излучение, заставлявшее при их появлении оборачиваться даже незнакомых. Опыт научил его, что лишь в редких случаях этот феномен связан с внешностью. «Это что-то более тонкое, что-то из области ауры», — так он любил говорить. В этой женщине было, пожалуй, еще

что-то, что нельзя выразить словами, словно на лице поставили печать тайны и спрятали ее под маску. Ему нравилась походка, странная комбинация явно выраженной целеустремленности — она в первую же секунду выбрала незанятый стол около старика с палкой, — и манера двигаться, заставлявшая вспомнить о зомби. Казалось, что женщина пребывает сейчас в каком-то другом месте. Не показывает ли она модную одежду на подиумах? Он в этом сомневался, но ведь многие модные дома в последнее время все больше интересуются зрелыми женщинами для показа мод. Всем уже надоели стандартные модели, и они предпочитали теперь дам, в которых ощущается личность. А эта женщина была, бесспорно, одной из них. В ее сердце есть крошечный магнитик от Северного магнитного полюса, да-да, вот так он опишет ее Клод. Он решил перестать на нее глядеть, дать ей возможность выпить кофе. Потом он подойдет, вручит свою визитку и предложит зайти на фотосессию. А принимать решение — это будет уже потом делом Клод, ну и, конечно, этой вот женщины...

Подошел человек в темных очках. Он присел к тому же столу, что и женщина, не спросив у нее разрешения, и разгладил мощным пальцем свои усы. Щуплый мужчина собирался было сделать ему язвительное замечание, как вдруг заметил взгляд из-под темных очков. Взгляд этот словно приклеился к женщине. Его женщине. И он заулыбался. Да, Клод будет, несомненно, рада, когда он расскажет ей обо всем...

Странно.

Старик рассматривал женщину, севшую за соседний стол. Она почему-то вызывала мысли об осени. Он махнул палкой старому моржу и заказал еще один

кальвадос. Лицо женщины было обращено к улице. Он мог свободно рассматривать ее: ему доставляло удовольствие видеть зрелую женщину, в каждой черте которой проглядывала личность и сила. Характер.

Тощие девчушки, от которых исходили только пустота и глупость, те, что смотрят круглыми глазами со страниц журналов и газет, не для него. Такие для него никогда ничего не значили.

Младший из официантов поставил перед женщиной капучино. Она сразу расплатилась. Во время последующих допросов официант ошибочно утверждал, что заказан был крепкий кофе с горячим молоком. Но это не имело ни малейшего значения, потому что к кофе она даже не притронулась.

Свидетельские показания посетителей кафе насчет ее одежды оказались очень противоречивы. Каждый был совершенно уверен в увиденном, каждый рассматривал женщину так внимательно, словно чувствовал себя ее старым знакомым. Брюки оказались и ярко-зелеными, и белыми, и темно-серыми. Блузка, кофточка, пиджак и даже тонкий дождевик, на котором настойчиво настаивал один из свидетелей, были всевозможных цветов от ярко-синего до темно-красного. Сапожки, а может быть, и туфли? — бирюзовые, зеленые, голубые. Единственный пункт, по которому все свидетельские показания совпадали, это цвет сумки. Черный!

Она положила сумку на стол справа от чашки. Именно там эту сумку позже нашли. Справа от чашки.

Все происходило очень буднично. Женщина вынула губную помаду. Сняла колпачок и отложила его в сторону. Поднесла помаду к губам и стала красить их резкими, твердыми движениями. Потом внимательно рассмотрела получившийся результат в маленьком

зеркале. Очень внимательно, замечали потом многие. Взяла в руку салфетку и стерла что-то в уголке губ.

Потом она подняла взгляд, посмотрела на улицу и кивнула. Она еще раз открыла сумку и сунула туда правую руку. «Сделала это почти в трансе, словно робот», — говорили свидетели. Тут же поднесла к виску пистолет, сместила его к правому уху, мгновение помедлила. Старик за соседним столом вскрикнул, попытался встать, но потерял палку и едва не упал. Где-то разбился о камни бокал, по площади разнесся крик какой-то девушки, от всего этого заплакал ребенок. Женщина вдруг подумала, уж не она ли сама виновата во всем происходящем? Но она не хотела быть виноватой. Вовсе нет, она как раз хотела уйти от вины, именно поэтому...

Она засунула пистолет в открытый рот и нажала на курок.

ГЛАВА 2

Телефон зазвонил во время перерыва на завтрак, когда он ел яблоко.

Это предложение звучало у Эвена в голове, вместе со звонком, доносившимся из кабинета. Он посмотрел на яблоко и изобразил на лице гримасу. Взглянул призывно на Юхана, старшего преподавателя, с которым сейчас делил кабинет, но этот остолоп взял себе еще один бутерброд с ветчиной и итальянским салатом и даже не оторвал глаз от газеты. По правде говоря, звонил тот телефон, который стоял на собственном столе Эвена.

Телефон звонил и звонил во время перерыва на завтрак, когда он ел яблоко.

Ситуация становилась абсурдной. Поэтому предложение продолжало звучать в его голове. Абсурдность состояла в одном нюансе этого предложения... да, гипотетически это было возможно, но вероятность настолько мала, что разум отказывался признать ее. Можно сказать так, что вероятность этого события была столь же мала, как если бы кто-то назвал наугад всего один ряд цифр Лото и сразу угадал все. «Дело не в том, что мне звонят редко», — подумал он. И заметил, что уже начал речь в свою защиту. Он не стал продолжать, но признался себе, что звонить ему могли многие. Дело и не в том, что он забыл взять из дома бутерброды, он забывал их по нескольку раз в неделю.

Эвен посмотрел на недоеденное яблоко. Вот в чем суть. Он никогда не ест яблок — в этом дело.

Это было его первое яблоко за последние пять лет. За пять лет, шесть месяцев и семнадцать дней, если быть точным. А тут вдруг одна студентка подошла к нему перед завтраком и протянула яблоко. Улыбнулась, посмотрела ему прямо в глаза и предложила красное яблоко. Он воспринял это как призыв и взял. Тут же пожалел, когда сообразил, что придется пробовать его, грызть, жевать... Но что сделано, то сделано, а... что съедено, то съедено. И все не так плохо, как он боялся.

Прошло ни много ни мало — пять лет. И еще шесть месяцев.

Старший преподаватель равнодушно посмотрел на него поверх газеты. Эвен встал и прошел в кабинет. Звонок прозвучал в шестой раз, назойливо и громко. Рука его на миг воспарила над телефоном, словно чайка над морем, потом схватила трубку, как рыбу.

«Май», — говорил этот звонок. Яблоко было предвестником, что звонит Май.

«Не хватало только, чтобы я стал ясновидящим», — раздраженно подумал он. Суеверия и чудеса он оставлял другим. Яблоко полетело в корзину для бумаг, где оказалось рядом с черновиком лекции о восьмой задаче Гильберта. Он сказал в трубку:

— Эвен слушает.

На другом конце раздавался свист, как будто ветер дул прямо в ухо, никто не говорил.

— Алло! Это я, Эвен. Кто это? Май, это ты?

В трубке раздался сдавленный звук, потом стало тихо, свист прекратился. Трубку бросили. Эвен нажал на кнопку последнего входящего звонка и стал рассматривать цифры. Эта комбинация ничего ему не говорила, во всяком случае, телефонный номер он узнать не мог, но последние четыре цифры были простым числом, 1729, в которых он всегда видел нечто особенное. С другой стороны... Он схватил карандаш и начал быстро вычислять. Да, конечно, похоже на сумму кубов двух чисел... с двумя разными...

Он остановил себя, бросил карандаш, подождал мгновение, набрал тот же номер. Звонок прозвучал один раз. Трубку сняли, но никто не ответил. Эвен слышал только тяжелое дыхание.

— Алло, — тихо повторил он, непонятно почему понизив голос.

Казалось, он вдруг захотел поделиться с неизвестным человеком каким-то секретом.

— Эвен... — прорезался мужской голос.

— Да? — переспросил Эвен, выжидая.

— Дело в том... Май-Бритт умерла, — голос дрогнул, трубку положили на что-то, стало слышно, как там вытирают нос.

Эвен застыл, как парализованный, и ждал. Наконец, трубку снова подняли.

— Финн-Эрик? Это ты? Говори же, черт побери.

— Она умерла,— наконец собрался с силами Финн-Эрик. Снова сделал глубокий вздох.— Она написала письмо, которое...

— Умерла,— оборвал его Эвен.— Умерла от чего? Был несчастный случай? Болела? Говори, черт побери! Если она болела, почему никто мне не сказал? Вы же знаете...

— Она...— Финн-Эрик опять замолчал и тяжело вздохнул.

Эвен увидел, как Юхан встал и закрыл дверь в кабинет. Рука Эвена, сжимавшая трубку, стала белой как мел.

— Что там такое, Финн-Эрик,— прошептал он и почувствовал, как кровь застучала в висках.— Что случилось?

— Она покончила жизнь самоубийством,— сказал Финн-Эрик.— Она...

— Вздор! Май никогда не покусилась бы на свою жизнь,— Эвен попытался засмеяться.— Она последний человек, который сделал бы с собой такое. Она...

— *Заткнись, черт тебя побери!* — прорычал Финн-Эрик.— Заткнись и выслушай, хотя бы один раз. *Выслушай!*

Эвен замолчал.

— Май-Бритт совершила самоубийство. Нет никаких сомнений. Оставила письмо.

«Письма подделывают»,— подумал Эвен.

— Есть свидетели.

«Свидетель может что-то перепутать».

— Много свидетелей. Девятнадцать, говорит парижская полиция.

Полиция... Парижская?.. Эвен тер виски и думал: почему в Париже? Тут голос Финн-Эрика уплыл в какую-то дальнюю даль, потому что рука уже опускалась, чтобы положить трубку, словно больше не могла ее удержать.

— Извини, я не слушал,— выдавил Эвен с трудом.

— Она написала письмо, которое ты должен прочитать,— повторил Финн-Эрик.— Оно лежало в гостинице. На письменном столе. Я пришлю его тебе. Копию. Ты живешь там же, по старому адресу, в Уллеволле? — Голос стал вдруг спокойным, почти деловым.

— Э, что? Извини, да, по тому же адресу.

— Я пришлю,— повторил Финн-Эрик, и сразу раздалась короткая гудки.

Эвен стоял с телефонной трубкой в руке и смотрел вниз на грязный исхоженный пол. На письменный стол, поверхность которого, покрытая сотнями следов от сигарет, стала такой неровной, что писать на ней было уже практически невозможно. На горы бумаг, которые валялись повсюду в комнате, прочитанные и непрочитанные, ждущие своей очереди. А видел только черную дыру. Огромную черную дыру, на которой было написано: Май-Бритт Фоссен.

ГЛАВА 3

Париж

К

огда в 08.00 раздался сигнал мобильного телефона, она лежала с открытыми глазами и смотрела на серые тени гостиничного номе-

ра. Встреча с Симоном Латуром и ночные события в Булонском лесу до сих пор кошмаром стояли перед глазами. Она так и не заснула. Несколько раз поднималась — чтобы проверить, заперта ли дверь, чтобы принять душ и смыть резкий запах пота. Запах ужаса и смерти.

Казалось, что проклятие Ньютона, которое она же сама и придумала, теперь стало реальностью, захватило ее саму и всех окружающих.

Она медленно поднялась с кровати, подошла к окну и потянулась. Начала повторять пришедшее ночью решение, как священное заклинание: *Пусть ее проигрыш обернется выигрышем*. Если бессонница и могла принести какую-то пользу, то это время для разработки плана.

Она пошла в душ, мылась, мылась, долго и тщательно — натерла кожу до покраснения. В самом конце облилась холодной водой, чтобы тело взбунтовалось и разбудило самые далекие уголки сознания, которые еще находились в состоянии комы. Потом оделась, поняла, что есть совсем не хочет, и села за письменный стол. Желание позвонить Финн-Эрику, услышать его спокойный голос, поговорить, быть может, с детьми, вызвало чувство тошноты. Она не осмелилась.

Большой коричневый конверт с книгой и заметками был еще открыт, оставалось вложить только последний листок и отослать. Уже бог знает в который раз, она проверила правильность адреса и почтового индекса: 0119 Вика, абонементный ящик 1220 — и вся трепетала от мысли, что можно перепутать одну-единственную цифру и тем самым задушить свое детище в момент рождения.

Она принялась искать в сумке колоду карт, обдумывая, как незаметно выскользнуть из гостиницы, как сделать все, что запланировала, и вернуться в номер до 14.00.

ГЛАВА 4

Какая-то женщина, севшая рядом, брезгливо покосилась на него. Эвен вспомнил, что брызнул желтком яйца на свитер, когда сделал попытку съесть хоть что-нибудь. Он скосил глаза. Женщина разглядывала через окно автобуса деревья и виллы, мимо которых они ехали. Эвен узнал въезд с большими белыми кувшинами по бокам и потянул за шнурок. Вскоре автобус замигал огнями и подъехал к остановке. Эвен вывалился в заднюю дверь и попал ногой прямо в снег.

Первая дорога направо, пересечь две улицы, следующая улица налево. Дом 5. Простое число. Он отвинтил крышку, сделал глоток. Виски больше не обжигало горла. Желудок тоже оцепенел, констатировал он, засунув бутылку в задний карман брюк и пробираясь по дорожке, выложенной плиткой.

«Пять лст, пятый дом, пять ступеней наверх, пять слёз из-за Май», — бормотал он прикладывая палец к кнопке.

Где-то в глубине дома зазвучала мелодия Моцарта, что-то крикнул ребенок. По полу зашлепали ноги, вскоре в дверях щелкнул замок. Из-за двери на уровне его бедра высунулась голова.

— Можно поговорить с... твоим папой? — Эвен делал усилия, чтобы не заплакать.

— Кто там, Стиг? — спросил из глубины Финн-Эрик. На стекле выросла тень, дверь открылась пошире. Лицо Финн-Эрика казалось помятым, будто он брлся газопокосилкой. Глаза были красными и влажными.

— Эвен, — выдохнул Финн-Эрик и ухватился за ручку двери, словно не хотел, чтобы дверь раскрылась полностью. — Стиг, иди к Лине. — Он посмотрел на Эвена: — Что ты хочешь?

— Сам знаешь, — сказал Эвен и крепко вцепился в перила. — Ты знаешь, что Май ушла от меня вовсе не потому, что не любила. Ты знаешь.

Финн-Эрик хотел прикрыть дверь:

— Уходи, Эвен. Я не хочу тебя здесь видеть.

— Она меня все еще любила, ты знаешь. Но она хотела детей. Либо я, либо дети. — Эвен подошел к двери ближе, толкнул ее и просунул голову. — Она любила меня и детей и выбрала детей. А тебя она никогда не любила...

Финн-Эрик кулаком ударил его прямо в рот. Не сильно. Не такой человек был Финн-Эрик, чтобы бить сильно, но удар был неожиданный, Эвен потерял равновесие и покатился по гладким ступенькам лестницы. Лежа на спине, он услышал, как дверь захлопнули и заперли. Погас свет на лестнице, потом в коридоре. Он сделал глубокий вдох и заметил, как что-то резануло его сзади в брюках. Вот, черт! Это разбилась бутылка. Он чувствовал, как петля затягивается на шее. С трудом поднялся и, шатаясь, вышел на дорогу.

Направо, две улицы вперед, налево. Ближайшая остановка автобуса. На Эвена уставился пожилой мужчина, Эвен попытался ответить ему твердым взглядом, но ничего не получилось. Потом пришел автобус.

ГЛАВА 5

Париж

В *ibliothèque nationale de France*¹. Библиотекарь в отделении *C, Sciences et techniques*², обратила внимание, что читательница держала в руках черную сумку, совершенно такую, какая была у нее самой. Женщина спросила одну книгу.

— *Philosophia Naturalis Principia Mathematica*³?

— Да, издание на латинском языке, спасибо.

Библиотекарь набрала на клавиатуре компьютера название книги, имя автора и, объяснив, где книга находится, с любопытством начала рассматривать женщину. Женщина кивком поблагодарила, спокойным шагом прошла по залу, поднялась по лестнице и скрылась среди стеллажей на левой стороне. Библиотекарь немного сдвинулась вправо, чтобы опять видеть женщину. Было в той что-то тревожное, пленительное, словно она явилась главной героиней из книги, от которой не оторваться. Женщина встала у полку, на которые ей указали, взяла один том, поставила его на место, взяла другой и перешла к ближайшему столу, где зажгла свет. Она села спиной к стойке и наклонилась над книгой, словно та ее чрезвычайно заинтересовала.

Тут к библиотекарю сунулся с каким-то вопросом читатель, и она неохотно отвела от женщины взгляд.

¹ Национальная библиотека Франции (фр.).

² «Наука и техника» (фр.).

³ «Математические начала натуральной философии» (лат.) — книга Исаака Ньютона.

Поэтому и не заметила, что женщина положила на взятую книгу листок бумаги. Не заметила, как женщина еще раз проверила буквы, написанные на листке, и эту процедуру она проделала сегодня утром, как минимум, раз пять:

UNUFNJPERLQRISPNJISFRTRAMSIBR
KMNIBNKNS

Библиотекарь не заметила, что женщина сложила листок, открыла сумку, вложила его в большой коричневый конверт, где уже что-то лежало, и закрыла конверт металлическими зажимами. Не видела она и того, что женщина вынула из другого конверта шесть пожелтевших листов и отобрала два. Не могла она знать и того, что женщина подумала: «Если я проиграю, пусть он тоже проиграет».

Но библиотекарь наблюдала, как через несколько минут женщина спустилась по лестнице, прошла с черной сумкой на плече через контрольный аппарат и исчезла в коридоре. Библиотекарь стояла и чувствовала себя странным образом обиженной, одураченной, — так бывает, когда читасшь увлекательную книгу и вдруг обнаруживаешь, что последние страницы романа кто-то вырвал.

ГЛАВА 6

Эвен глубоко вдохнул и набрал номер.
Трубку подняли после третьего звонка.
— Алло, — сказал Финн-Эрик.

— Это я,— сказал Эвен.— Я сожалею, мне очень стыдно. Не бросай трубку,— быстро добавил он, но тут же услышал слабое жужжание, и наступила тишина.— Черт!

Он выпустил трубку и почесал в затылке. Черт. Машинально прижимая чашку с холодным кофе к груди, Эвен перечитал написанное от руки письмо, бог знает, в какой раз, с тех пор как вынул его вчера из почтового ящика.

Дорогие мои!

Я очень люблю вас. Я никогда не думала, что по собственной воле покину вас когда-нибудь. Но произошло кое-что, и сердце подсказало мне, что я должна сделать единственно правильное. Для вас и для себя..

Жизнь не субтрагенд¹ и не идет по заданному шаблону к определенной конечной цели. Собственно говоря, никогда не знаешь, куда она тебя вдруг приведет или когда внезапно кончится — за исключением случаев, когда ты сам делаешь свой выбор.

Я этот выбор сделала. Приняла решение прекратить тот хаос, который сейчас во мне и вокруг меня, прежде чем он захватит и вас. Это означает, что я вас покидаю. И делаю это с тяжелым сердцем.

Мой дорогой большой Стиг и дорогая маленькая Лине! Вы оба должны знать, что навсегда останетесь в моем сердце. В том числе и там, куда я ухожу. Самое сильное из чувств сердца — любовь — следует за человеком даже

---

¹ Вычитасмос (лат.).

за грань смерти. Я беру вас с собой туда, куда я иду.

Не думайте обо мне плохо.

Мама

Мой дорогой Финн-Эрик!

Жизнь с тобой была хорошим, самым лучшим временем на земле, вплоть до момента, когда сердце и жизнь предали меня. Я люблю тебя, но произошло (далее зачеркнутое слово, которое невозможно восстановить) вопреки моему желанию, и все стало слишком запутанным.

Прости меня.

Май

Листок выскользнул из руки под стол. Кофейная чашка полетела к стене, за ней последовал термос, и кофе выплеснулся на кухонную скамейку и на пол. Эвен опустился на стул и обхватил голову руками. Немыслимые боли терзали все тело, как будто он потерял своего брата — сиамского близнеца, лишился той части самого себя, в которой гнездились его созидательные способности, энергия, жажда жизни.

Эвен засмеялся горьким смехом, закашлялся, обтер уголки губ. Жажда жизни! Мысль, что Май отняла ее у него, была абсурдной. А где была ее собственная жажда жизни в тот момент, когда в ней наступила нужда? Деятнадцать свидетелей. Почему никто не вмешался? «Ты ведь обещала никогда не уходить... А я обещал оберегать тебя, Май. Оберегать тебя от остального мира, от полиции, от всего. Помнишь, как мы лежали на мешках, лежали, с трудом восстанавливая дыхание. Потому что убегали, чтобы спасти свою

жизнь. Они тебя били, черт знает, как они тебя били, свињи. Вот поэтому я...— Он представил себе ее затылок, короткие темные волосы, примятые от ношения шлема, услышал отвратительный звук лопнувшей яичной скорлупы и стал лихорадочно тереть лицо обеими руками.— Мы лежали там, я стирал кровь с твоих губ. А ты обняла меня и сказала, что никогда и никуда не пойдешь без меня. Так ты сказала. Помнишь? — Он опустил взгляд. Глаза были опухшие и болезненные после бессонных суток.— Нет, этого ты, конечно, не помнишь».

Он наклонился над письмом.— Я попробую завтра позвонить ему снова, на работу,— пробормотал он.

— Страховая компания «Защита»,— прожурчал приятный женский голосок.

— Мне нужен Финн-Эрик Торсен, спасибо,— сказал Эвен.

Короткая пауза, голос появился снова.

— К сожалению, господина Торсена сегодня нет. Ему что-нибудь передать? Или попросить перезвонить?

— А разве завтра он будет? — спросил Эвен.— Ведь похороны, кажется, не сегодня?

Голос пропал, потом вернулся, такой же приятный и нежный.

— Господин Торсен будет только на следующей неделе, я сожалею. Может быть, вы хотите поговорить с кем-нибудь другим?

— Я по поводу похорон,— сказал Эвен и потер пальцами переносицу.— Я хотел поговорить с Финн-Эриком насчет...— Сил говорить больше не было. Он стоял, как истукан, сунув в рот кулак.

Женщина спросила, с кем она говорит, но Эвен покачал головой. Он хотел положить трубку, когда зазвучал голос женщины постарше:

— Говорит Будиль Мюнте, коллега Финн-Эрика. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я... бывший муж Май-Бритт. Я хотел узнать... про похороны,— выговорил Эвен.

— Похороны будут в среду. В четырнадцать часов. Финн-Эрик поехал в Париж забрать гроб. Вернется завтра. Попросить его перезвонить вам?

— Да. Да, спасибо.

— У него есть ваш телефон?

— Думаю, что есть,— пробормотал Эвен, но на всякий случай назвал номер и положил трубку.

ГЛАВА 7

Финн-Эрик не позвонил. Ни во вторник, ни в среду утром.

Эвен нашел свадебный костюм, свой единственный черный выходной костюм, и почистил щеткой для мытья посуды. Погладил его, потом отыскал чистую белую футболку и сорочку в клетку, только единой надеванную, встал перед зеркалом и спросил у Май, хорош ли он вот такой.

Эвен покосился на листок бумаги на столе, подошел к двери, вышел, запер дверь. Постоял, держась за ручку и глядя на дорогу. Место было очень тихое, мало транспорта, ненавязчивые соседи. Он только раскланивался с некоторыми. Май же, напротив, часто

пила кофе то с госпожой такой-то, то с вдовой такой-то. Это она ему рассказала, что в доме направо жил пекарь, который каждый день невероятно рано отправлялся на Богстадвейен, где работал в булочной. В доме налево — вышедший на досрочную пенсию водопроводчик, страдавший ревматизмом. Его жена раньше была парикмахером где-то около Янгсторге, но потом у нее на руках появилась экзема.

Эвен смотрел на длинный ряд секционных домов, он не знал, жили здесь все еще эти люди или уже нет. Ни о ком из них он ничего не слышал вот уже пять лет. И шесть месяцев. И... двадцать два дня. Он опустил глаза. Так, где же будет прощание?.. Отпер дверь, вошел и взял со стола объявление, которое вырвал из газеты: *Прощание в часовне на Северном кладбище. Среда, 28 марта 2005 г., 14.00. Прощание завершится в часовне.*

Шел мокрый снег, когда он вышел на улицу. Он хмыкнул, еще раз вернулся в дом, взял зонт и чуть не опоздал на автобус.

Часовня была полна народу. Орган играл тихую траурную музыку где-то далеко от человеческого моря. Бормоча извинения, он пробирался между коллег Май, друзей, родственников, клиентов, соседей, просто любопытных и наконец добрался до места, где увидел гроб, венки и множество цветов. Здесь он остановился. Гроб был самым обыкновенным, белым, с позолоченными ручками и желтым кантом крышки. Представить себе, что там лежит Май, было невозможно.

Не там. Не Май. Да нет же, черт побери!

Он начал было проталкиваться назад, но Финн-Эрик повернулся и заметил его. Он сидел на передней скамейке рядом с детьми и пожилым мужчиной.

Мужчина смотрел на свои колени, и видны были только его седые волосы. Финн-Эрик махнул ему рукой. Эвен покачал головой, но Финн-Эрик настаивал. Эвен прошел вперед по среднему проходу, выжидая, когда люди пропустят его, и пожал протянутую руку Финн-Эрика.

— Мои соболезнования,— сказал он, стараясь не смотреть на детей.

Пожилой мужчина поднял голову.

— Эвен,— сказал он.

— Тесть,— сказал Эвен и почувствовал, что сказал глупость. Просительно посмотрел на Финн-Эрика. Он пришел совсем не для того, чтобы устраивать скандалы. Финн-Эрик показал рукой, что на скамейке есть место, и Эвен сел.

Церемония была красивая. Красивый — это слово он никогда не употреблял. Сейчас слово вдруг оказалось очень уместным. Красивые похороны. Запели псалом номер 667 (результат умножения 23 на 29). Говорил священник. Одна из кузин, Эвен не смог вспомнить ее имя, прочитала стихотворение. Выступил Один Йелм от издательства. Спела некая подруга времен «Тен Синга». Причем хорошо. Китти. Эвен вспомнил ее. По-прежнему рыжеволосая. По-прежнему жемчужные серьги в ушах. По-прежнему чертовски красивый голос. Мягкий. Ее всегда ставили впереди, когда хор пел на концертах по телевидению или выступал перед журналистами. И по-прежнему невероятно красивые груди под темной скромной блузкой.

После этого он стоял у дверей часовни вместе с Финн-Эриком и детьми, вместе с отцом Май-Бритт, стоял и пожимал руки подходившим, видел в их

глазах слезы, а в некоторых неодобрение. Многие помнили его слишком хорошо, подумалось ему. Принимая соболезнования, он почувствовал, что совесть его нечиста, и это ощущение нарастало, отчего появилась боль в голове. Если бы он взял с собой бутылку, то сейчас приложился бы.

Потом все разошлись, наконец, он и Финн-Эрик остались вместе со священником на пороге часовни. Отец Май и дети пошли к машине. Священник пожал руки Финн-Эрику и Эвену и ушел. Они остались. Финн-Эрик собрался уходить.

— Я правда сожалею,— сказал Эвен.— Я был пьян.

— Мы больше об этом не говорим,— Финн-Эрика передернуло.

— Что сказали в Париже?

— Ты о чем? — Финн-Эрик посмотрел на Эвена.

— Что сказали в полиции? Что, по их мнению, произошло?

— Что сказали...— Финн-Эрик помолчал немного, наблюдая, как дети садились в «Датцун», стоявший на парковке.— Сказали, что в гостинице она написала прощальное письмо. Сдала ключ портье перед уходом.— Голос его становился громче.— Сказали, что она шла по городу, дошла до кафе, где выстрелила в себя из пистолета на глазах двадцати человек.— Он смотрел на Эвена в упор.— Какого еще дьявола они могли сказать, по-твоему?

— Что-то тут не так,— сказал Эвен. Он хотел положить руку Финн-Эрику на плечо, но передумал.— Май любила детей, ей было хорошо с тобой, так хорошо, как никогда не было со мной. Что же заставило ее вдруг бросить все это? Ко всему прочему, она

ведь получила любимую работу, ту, которая словно была создана для нее.

— Да, любимую,— сказал Финн-Эрик и сделал попытку улыбнуться.— И она *была создана* для нее. Издательство «Феникс» практически сшило по выкройке именно для нее целый отдел. Ей дали все, что она хотела. Иначе она ни за что не дала бы согласия.

— О,— сказал Эвен,— вот этого я не знал.

По правде говоря, до него доходили кое-какие слухи, но он хотел, чтобы Финн-Эрик был рад тому, что все-таки знает больше.

— Да-да, она просидела дома два дня, определяя структуру отдела, выдвигая свои требования. Круг читателей, направления работы, временные параметры, курсы, связь с коллегами.

— О,— повторил Эвен.

Финн-Эрик замолчал.

— Она любила очень многое,— сказал Эвен.— Я хочу сказать, столь многое, что письмо не убеждает меня. Какого дьявола кто-то мог захватить ее большими чувствами и ввергнуть в хаос, чтобы она не могла больше жить. Это ведь Май! Вот черт! Она была такая земная и, знаешь, такая ранимая...— Эвен закрыл рот, вдруг спохватившись. Пять лет все-таки не фунт изюма. Люди могут измениться.— Он решил подойти с другой стороны: — Она подписалась «Май». Ты когда-нибудь слышал, чтобы она называла себя Май? Когда ты называл ее Май в последний раз? Или дети? Ты и сам все понял и послал письмо мне...

В глазах Финн-Эрика появился злой блеск.

— Она написала письмо не мне,— продолжил Эвен.— Она писала тебе. Но она хотела, чтобы я тоже прочитал. Поэтому подписалась Май. Я единственный,

кто когда-то называл ее Май. И еще она написала одну глупость, которая была адресована мне. Какого черта иначе она стала бы писать про *субтрагенд* — *вычитаемое*. Это чертовский вздор. Это слово не употребляется в такой связи. А кто будет шутики шутить, когда письмо... такое письмо...

Эвен выпустил руку Финн-Эрика и пробормотал извинения.

Финн-Эрик смотрел на кладбище. Оба молча постояли собираясь с силами.

Со стороны улицы раздался автомобильный гудок. Дети помахали им. Тесть завел двигатель, чтобы прогреть машину.

— Что будешь делать? — спросил Финн-Эрик.

— Не знаю. Выяснить, с кем она общалась в Париже, кто этот похититель сердец.

— Поедешь в Париж? — с изумлением посмотрел на него Финн-Эрик.

— Я взял отпуск без содержания. На полгода. В смысле... — Эвен засмеялся. — Ответа на прошение я пока не получил, но они не посмеют мне отказать — иначе я уйду совсем.

Финн-Эрик долго смотрел на него. Эвен рассматривал часовню и думал, что старинное здание, наверное, привлекло бы внимание Май.

— Ты действительно любил ее, — тихо заметил Финн-Эрик.

Эвен в отчаянии поднял обе руки.

— Я напишу, что передаю тебе мои полномочия, — сказал Финн-Эрик. — Думаю, что без этого они не будут разговаривать с тобой. Я могу позвонить им и сказать, что ты приедешь. Когда едешь?

— Завтра, — ответил Эвен.

ГЛАВА 8

— Завтра, — ответил портъс. — Раффаэла работает завтра с одиннадцати часов. Будет убирать комнаты и менять белье в том коридоре, где вы живете, месье. Та горничная, которая работала 22 марта. Раффаэла Лоренцо.

Эвен поблагодарил и положил трубку. Он бросился на постель и устался в потолок. Лоренцо. Испанка, что ли? Он дотянулся до полотенца и в очередной раз вытер затылок. Эвен лежал обнаженным и обсыхал после душа с очень горячей водой.

Завтра в десять он идет в полицию. Он уже разговаривал по телефону с Главным полицейским управлением на Иль де ля Сите сразу по прибытии в гостиницу и договорился о встрече. С инспектором Бонжовом. Не Бон Джови, а Бонжовом. Он потянулся за пультом, пробежался безо всякого интереса по множеству телевизионных каналов, нашел французскую дикторшу, рассказывавшую о программе, которая начнется сразу после новостей. О лауреате Нобелевской премии по физике за прошлый год. Эвен не слышал такого имени. Почему нет Нобелевской премии по математике? Вот тогда бы он...

Он взял из мини-бара несколько бутылочек. Свинтил крышку с одной и расплющил ее в руке. Диктор в новостях рассказывал о скандале в комиссии Евросоюза по поводу распределения каких-то субсидий, и Эвен приглушил звук.

Так *что* он должен был сделать? Или мог сделать? Похоже, что он сам себе пускал пыль в глаза, когда думал, что сможет что-то сделать в области математики?

За пять с половиной лет не было сделано ничего, это факт. За пять лет его успехи в исследованиях функции зета и двойников простых чисел напоминали полку в исполнении черепахи. Шутка.

А теперь...

Он лежал и смотрел через стену. Смотрел через зеленую краску, гипсовое покрытие и слой изоляции. Смотрел в другой номер, в тот, в котором жила Май неделю назад. Он видел, как она сидит за письменным столом с ручкой и бумагой и медленно пишет, смотрит на стену, смотрит в будущее, которого нет. Думает.

«Завтра. Я умру завтра».

Она так думала? Она думала как Галуа: «Что мне осталось сделать, что мне надо записать перед смертью? Что передать тем, кто останется жить?»

Легенда об Эваристе Галуа. Эта история, ставшая легендой и имевшая хождение среди математиков, так как они любили представлять себя Последними Рыцарями Истины,— возникла на основе очень простых слов: *Я умру завтра. Что мне надо успеть передать людям будущего?*

Эвен любил историю о молодом Галуа, бунтаре, гении, французском математике, который жил во времена Наполеона. Из-за своего темперамента и любви к скандалам и прекрасным дамам в один из вечеров он оказался в неприятном положении — на следующее утро он должен был явиться на дуэль с одним из лучших стрелков Франции. Эта встреча неминуемо должна была кончиться смертью. Его собственной смертью.

Накануне дуэли Галуа сел и изложил свою жизнь в форме математических мыслей, положений и задач, для которых, как ему казалось, он нашел решение. Было их немало, если учесть его юный возраст. Он дейст-

вительно был гений, и было ему 22 года, когда его вызвали на дуэль. Всю ночь Эварист сидел в лихорадочном предсмертном бреде и писал числа, уравнения, пояснения, один листок за другим. В конце он собрал их все, скатал в рулон, перевязал красной ленточкой и приложил письмо другу, которого просил переслать записи всем крупнейшим математикам Европы.

Когда это было сделано, он надел свой самый лучший костюм, завязал платок на шее и взбил волосы на голове в виде вызывающего кокона. С первыми лучами солнца он отправился на окраину города, на ровное место рядом с рекой и поприветствовал своего противника. У того было два секунданта. Эварист Галуа предпочел явиться в одиночестве. Утренний туман еще поднимался, когда им выдали пистолеты. Проверив, что пистолеты заряжены, дуэлянты встали спиной друг к другу.

Пахло сырой землей, в камышах к югу от луга на-свистывала птица. Звук напоминал частую капель. Один секундант громко отсчитывал шаги в такт по-свистыванию, дуэлянты прошли двадцать шагов каждый в свою сторону. Затем развернулись, прицелились и выстрелили. Один из них упал с пульей в животе. Молодой человек — восходящая математическая звезда — остался умирать на земле, пока майское солнце медленно поднималось над лугом. Его противник и два секунданта собрали пистолеты, покинули место и, не говоря ни слова, поехали в Париж, а его предоставили его судьбе и мучительной смерти.

Что тут фантазия и что правда, трудно сказать. Да и кто стал бы их разделять? История, легенда говорит что-то об очаровании мира цифр. Какой нормальный человек станет посвящать свои последние часы числам

и уравнениям? Сидеть наедине с бумагой и пером вместо того, чтобы быть с людьми, которых любишь, родственниками, которых надо утешить, друзьями, которые готовы прийти на помощь в любую минуту?

Эвен когда-то в юности описывал магию чисел как очарование, как нечто, от чего он сможет легко отказаться, когда ему захочется и, во всяком случае, когда он встретит свою принцессу. Он не знал, был ли он человеком наивным или уже тогда хитрым и целеустремленным. Когда он встретил принцессу, без сомнений, ту самую, она не нарушила этого очарования. Большей частью потому, что он не давал ей шансов, он не желал этого. Напротив. Он сделал ее орудием в своем мире, элементом для улучшения своих возможностей в стране магических чисел. Он сделал ее необходимой для себя.

Но она видела его насквозь и покинула его. Хотя и давала обещание...

Он был вынужден спросить себя: а сам он соблюдал свою часть договора? Оберегал ее? Был готов создать единение, мир без тайн?

Нет, этого не было. По той простой причине, что это было невозможно. Если бы он рассказал о подлости, подозрительности, драках, крови!.. Она ушла бы от него. Нет никаких сомнений, да и кто бы остался? А если бы она не ушла, то осталась из сострадания. Он чертовски не хотел сострадания!

Он бросил последнюю бутылочку в сторону корзины для бумаг, промахнулся на полметра и стукнул изо всей силы кулаком по стене. Что так захватило ее неделю назад, что заставило сделать выбор и умереть вдали от тех, кого она любила?

Эвен со стоном повернулся в кровати. Потер глаза, провел рукой по лицу, почувствовав щетину на щеках.

На мгновение мелькнула мысль, но оно продолжалось не дольше, чем мышца успевает отреагировать на электрический разряд: а не удариться ли ему головой об стену и отключить мозги. Думать больше не было сил. Он посмотрел на часы. 20.47. Простое число Мерсенна. Время, выраженное простым числом. Время безумия. Он усталился в потолок, ожидая, что сейчас время пойдет дальше. И решил выйти на улицу, чтобы что-нибудь съесть. И выпить.

Уходя, он сунул письмо Май в карман, чтобы прочитать его в последний раз перед сном, прочитать здесь, в городе, где оно было написано.

ГЛАВА 9

— *It was here*¹, — сказал инспектор Бонжов и вытянул наманикюренный палец.

Он был сравнительно молод, вряд ли больше тридцати пяти, в безупречном, сшитом на заказ костюме и излучал естественное превосходство, раздражавшее Эвена. Они уговорились говорить по-английски, но вскоре Эвен пожалел об этом, потому что у собеседника был такой сильный акцент, что уж лучше бы он говорил по-французски, чем рыскал в своей тупой башке в поисках английских слов. Инспектор остановился и повторил еще раз:

— Она сидела под зонтом. Пуля вошла в стену у окна. Она заказала кофе капучино, который попал на...—

---

¹ Это было здесь (англ.).

Он пошевелил рукой в поисках английского слова, потом многозначительно показал носком лакированной туфли на грубые цементные плитки,— когда она упала и перевернула стол.

Кафе было расположено на улице, выходявшей к Сене. Сейчас, весной, когда снег на юго-восточных горах Франции начал таять, уровень воды в Сене был так высок, что между деревьями виднелись крыши длинных туристских теплоходов, которые неспешно проплывали здесь даже в этот прохладный мартовский день. Кафе занимало небольшую площадь и тротуар, тем самым как бы приглашая прохожих присесть. Сейчас только несколько наружных столиков было занято. Эвен, который стоял крепко сжав руки в карманах джинсовой куртки, поежился. Май шла вот здесь по тротуару, как обычно, своим чуть-чуть слишком широким шагом, что придавало ей очаровательный облик, напоминавший юношеский. Она посмотрела по сторонам, кивнула и решила, что в этом кафе все и произойдет,— здесь она закажет свой последний в жизни кофе. Эвен почесал в затылке. Что заставило ее выбрать именно это кафе?

— Она сразу умерла? — спросил он.

— Пуля вышла вот отсюда.— Инспектор приложил три пальца к своим черным блестящим волосам, чтобы точно показать, откуда именно.

Мозжечок, подумал Эвен. Спинной мозг. Отключилась центральная нервная система.

— Вскрытие было?

Инспектор посмотрел на Эвена:

— Зачем?

— Может быть, она что-то выпила или съела такое, что заставило ее действовать иррационально. Таблетки. Наркотик.

Бонжов помедлил секунду, потом пожал плечами, опустил кончики губ во французской гримасе и сказал:

— *So what!*¹ Она умерла. Выстрелила в себя. Бесспорно. Из-за несчастной любви или от принятого кокаина — это не касается полицейских. Они сочли дело закрытым. Но...

— А оно открывалось? — сказал Эвен в продолжение собственных мыслей.

— *Pardon?* — не понял инспектор.

— Вы или ваши люди вообще рассматривали эту смерть как дело, в котором надо разобраться, — я хочу сказать, по-настоящему разобраться?

Инспектор выдвинул стул и сел. Подбежал, пыхтя, пожилой мужчина с пышными висящими усами и отвислым животом.

— О-о, *inspecteur!* Опять к нам. Не могли обойтись без моего кальвадоса?

Бонжов представил Эвена владельцу бистро. Пышные усы выразили соболезнование, в котором были одновременно сочувствие и любопытство. «До чего похож на моржа», — подумал Эвен, когда мужчина дружески похлопывал его по плечу. Хозяин ушел за двумя порциями кальвадоса.

— В Париже происходит несколько сот самоубийств каждый год, — сказал Бонжов, глядя на бесконечный поток автомашин, велосипедов и мопедов, который захлестывал даже сюда, на узкую боковую улицу. — Только в этом округе вдоль левого берега было больше пятидесяти за минувший год. Не слишком много времени мы можем уделить им, даже если бы...

---

¹ Ну, и что! (англ.).

— Это совсем не обычное самоубийство,— прервал его Эвен.— Даже по стандартам Парижа.

— Это так, это так. Я как раз хотел сказать, что это не обычное самоубийство.— Инспектор Бонжов внимательно посмотрел на Эвена.— Вы ведь ее бывший муж, правда? Зачем вы приехали? Что вы ищете?

Вернулся «Морж» с рюмками, и Бонжов предложил Эвену попробовать напиток, прежде чем отвечать. Терпкий яблочный вкус подержался на языке, пробежал в горло и приятно двинулся дальше к желудку. Эвен одобрительно кивнул и увидел довольную улыбку «Моржа» в открытой раздвижной двери. Он вынул письмо, расправил его и положил на стол между ними.

— Май написала письмо,— сказал он.— Прощальное письмо мужу и детям. Но оно адресовано и мне. Мне, хотя я исчез из ее жизни пять с половиной лет назад.

Бонжов дотронулся до письма указательным пальцем.

— Но вашего имени тут...

— Нет, но я это знаю, потому что она подписалась так, что даже ее муж сообразил, что оно обращено ко мне. Подписалась именем, которым ее называл только я...— Эвен поднял взгляд к сложенному зонту.— Я — профессор математики. Май обычно говорила, что у меня в мозгу числа. А она — историк... *Была* историком, у нее есть докторская степень...— Эвен остановился и раздраженно показал на одно место в письме.— Тут есть слово, которое самоубийцы обычно не используют в прощальных письмах. Поэтому я знаю, что она писала мне, хотела мне что-то сказать. Иначе какого черта она стала бы... Не думают же о математических терминах, когда пишут прощальное письмо своим детям.

Эвен допил вино, закашлялся и откинулся на стуле, бросив ожесточенный взгляд на город. Черт бы побрал этот Париж!

— Будьте любезны, переведите мне весь текст. Когда мы нашли в номере письмо, его на скорую руку перевела портье, которая какое-то время жила в Дании.

— Письмо по-норвежски,— сказал Эвен.— Норвегия — не Дания.

— Я знаю,— сказал Бонжов.— Но это самое близкое, что мы могли найти. И то, что она нам перевела, не наводило на мысли, что письмо содержит что-то сверх того, что обычно пишут в таких письмах.

Эвен кивнул и перевел каждое слово письма. Тщательно подбирая слова, которые максимально точно отражали написанное.

— Субтрагенд? — спросил инспектор.

— Это в математике обозначение числа, которое отнимают от другого...

— О'кей, о'кей,— Бонжов отмахнулся от Эвена, как будто тот намеревался рассказать ему что-то уж очень интимное.— И что же, по-вашему, Май-Бритт Фоссен хотела рассказать вам в своем письме?

Эвен помедлил:

— Не знаю. Этого нет в тексте...— Он замолк.

Инспектор безнадежно махнул рукой:

— Вот именно. Там нет ничего, кроме того, что всегда пишут в подобных письмах. Если вы правы, и она действительно обращается к вам, то это значит, что она прощается и с вами. В таком случае я спрошу: когда вы видели ее в последний раз? Вы общались с ней после того, как она вышла замуж за человека, который приезжал сюда за телом? — Он повернулся к двери и помахал деньгами.

Эвен поднял на него глаза. В голове вдруг застучали молоточки, и сквозь зубы он произнес:

— Май была не такая, черт побери. Она ведь не хотела...

Инспектор прервал его:

— А вот вы хотели, не правда ли? Вы все еще любили ее. Приехали издалека в Париж, чтобы посмотреть на место, где она застрелилась. Чтобы найти какую-нибудь зацепку, какое-нибудь жалкое доказательство, что она, может быть, думала и о вас, когда нажимала на спусковой крючок.

Хозяин быстро подошел и взял деньги, положил на тарелку сдачу. Потом остановился у свободного соседнего стола и стал безо всякой в том необходимости тщательно протирать его.

Эвен встал и ткнул пальцем в сторону инспектора:

— Вы лжете,— тихо сказал он.— Делаете вид, что дело вас совершенно не интересует, и, тем не менее, тратите час своего драгоценного времени ради человека, который приехал сюда исключительно из-за каких-то жалких антикварных чувств.

Молодая пара, сидевшая неподалеку, с явным любопытством смотрела на них и шепталась через стол. Эвен стал медленно опускаться, словно проверяя, не горячее ли сиденье у стула.

— Мне кажется, я знаю, что вас мучает, инспектор. Почему вы, вопреки всему, что говорите, желаете меня видеть, почему вы все время думаете об этом самоубийстве...

Инспектор Бонжов рывкнул на Моржа, велел ему уносить подальше свои длинные уши. Тот сделал тряпкой несколько завершающих движений и ушел с оскорбленным ворчанием.

— Готов выслушать,— сказал инспектор и вытащил из кармана пачку «Голуаз». Взял сигарету себе, предложил Эвену, который покачал головой, но тут же передумал.

— Однако с тем условием,— Эвен посмотрел на белую сигарету, которую взял в руку, начал крутить между тремя пальцами, как будто хотел сломать ее,— что вы расскажете все, что вам удалось выяснить к настоящему моменту по этому делу.

— Выяснить к настоящему моменту! — Бонжов пожал плечами.— Я рассказывал вам, что тут вообще нет никакого дела. Мы не расследуем преступление, расследовать тут нечего. Поэтому мне нечего рассказывать.

— Но ведь вы допрашивали свидетелей самоубийства? И персонал гостиницы, где она жила? Ведь так? И вы можете рассказать мне, что узнали из этих допросов.

— *Rien. Nothing* ¹,— сказал инспектор и развел руками: — Ничего. Свидетели здесь, в кафе, ничего не могли рассказать осмысленно, даже не могли определить с тем, во что она была одета. Она потом лежала тут, в нескольких метрах от них, но выстрел и кровь были для них таким шоком, что даже самые простые детали превратились в жуткую мешанину. Один свидетель утверждал, что на покойной был плащ, хотя небо тогда было голубое.

— В какое время суток это случилось?

— В семнадцать сорок семь дежурный в полиции принял сообщение, так что это произошло на одну—две минуты раньше. Почему вы спрашиваете?

— Не знаю...

---

¹ Ничего (фр., англ.).

— Как вы думаете, что мучает меня? — спросил инспектор Бонжов, когда Эвен замолчал. Он наклонился над столом и зажег зажигалку. — Как *вы* думаете, почему я слушаю вас?

— Из-за пистолета, — сказал Эвен и наклонился, чтобы закурить. Он глубоко затянулся и почувствовал, как по всему телу пробежала мелкая дрожь. — Или револьвера, смотря по тому, что там было. Я думаю, что, с вашей точки зрения, очень странно, что такая женщина, как Май, предпочла застрелиться. Статистически это не самый правильный способ для образованной женщины сорока лет, если она желает покончить жизнь самоубийством. И откуда у нее оружие? Привезла с собой из Норвегии? Сомнительно. Вы знаете, что она прилетела на самолете, так что с учетом контроля в аэропортах это исключено. Да и самоубийство тогда должно было планироваться заранее. Она пробыла в Париже три дня, как рассказал мне ее муж. Нет, она достала оружие во Франции, в Париже, возможно в этом округе. А для этого нужны контакты в той среде, которая называется сомнительной. Но зачем тратить время на добывание оружия, если она с легкостью могла купить кухонный нож и в гостиничной ванной перерезать себе вены? Или привезти из дома снотворное? — Он откинулся на стуле. — Я думаю, что это и мучает вас, инспектор.

— А может быть, она любила оружие? Может быть, она думала, что так будет вернее и быстрее. — Бонжов активно жестикулировал, от сигареты поднимались вверх голубые круги дыма. — Самоубийцы в момент совершения своего деяния эгоисты. О других людях не думают. Не хотят, чтобы было больно, чтобы они страдали по пути в царство смерти. А когда уже приняли

решение, хотят, чтобы все было наверняка. Желателен эффектный уход со сцены, который надолго останется в памяти живых.

— Май была не такая. У нее не было потребности быть в центре...— Эвен в неуверенности замолчал. Ведь прошло уже несколько лет... Нет, нет, Май не могла так радикально перемениться, сколько бы лет ни прошло.— Она ненавидела оружие, была пацифисткой до мозга костей. В юности она использовала любую возможность принять участие в демонстрациях против войны, против всего, что было связано с оружием. Все годы, что я знал ее, она ни разу не взяла в руки оружие какого бы то ни было вида. По-видимому, кто-то показал ей, как заряжают пистолет. Потому что не могла она рассиживать тут и корпеть над ним, иначе кто-нибудь вмешался бы. Или же какая-то добрая душа помогла ей заранее снять пистолет с предохранителя?

Инспектор Бонжов пропустил мимо ушей сарказм, погрузившись в свои размышления, потом впился взглядом в Эвена:

— Возможно, что вы не знали ее так хорошо, как думаете.

— Что вы хотите сказать?

— А возможно, знали, но не хотите в этом признаться.— Инспектор сунул руку в карман и что-то вынул, но не раскрыл кулак.— Вы спрашивали меня, нет ли следов наркотика. Вот это лежало в ее багаже.— Он бросил маленький пластиковый пакет с белым порошком через стол, так что он оказался рядом с бокалом Эвена.— Это вы поставщик наркотиков? И поэтому заняты выяснением всего, что случилось с Май-Бритт Фоссен?

ГЛАВА 10

Лондон

Прошлым надо заниматься, его надо изучать во всех деталях и превращать в историю», — думала она, входя в Гайд-парк. Лондон показал себя со своей обычной стороны: серенькая погода, ветерок, но сухо. Май-Бритт сошла с дорожки и ступила на траву. Под ногами хрустели сухие ветки. На дерево взвилась белка и принялась из-за ствола подглядывать за ней своими круглыми черными глазками. Между деревьями виднелся Серпентин, продолговатый пруд, вырытый при королеве Каролине за десять лет до рождения Ньютона.

История живет и меняется, она вовсе не застывшая и фиксированная картина прошлого, как думают многие. Прошрое может всегда предложить что-то новенькое, если только сменить точку зрения. Она нашла свободную скамейку и с задумчивой улыбкой стала доедать пирожок с черникой.

Выбрать историю в качестве профессии ее заставило именно неизвестное. То, что заранее никогда нельзя знать, какие новые стороны могут открыться в давно известном деле, если порыться в каком-нибудь архиве, почитать забытые письма или узнать что-то из новых археологических находок. Жизнь слишком коротка, чтобы посвящать ее застенелому, тому, что превратилось в засушенную мумию старых предрассудков и затертых клише.

Она облизнула пальцы и открыла дипломат, который иные называют портфелем стрессов, — она не любила

этого названия, потому что старалась всегда относиться к делу с радостью, хотя и соблюдала приоритеты. Превыше всего — дети и семья, потом — работа. Основное ее требование к издательству «Феникс» и Одину Йелму было таким: она будет работать не больше, чем позволит ей семейная жизнь, и это определит только она сама и ее семья. А не глава издательства или твердо установленный срок. В результате эта работа стала для нее самым лучшим из всего, что было за всю жизнь, во всяком случае, в профессиональном отношении. Если говорить прямо, то она полюбила ее, каждый день с радостью отправлялась в офис, с радостью начинала новые проекты, и будущее представлялось в радужных тонах.

Мимо пробежала собака, остановилась и осторожно понюхала ее ногу. Май-Бритт улыбнулась, наклонилась погладить ее, но та отскочила и побежала дальше за молодым человеком, совершавшим свою пробжку с наушниками на голове; из наушников доносились глухие удары тяжелого рока. Она тут же предсказала ему в ближайшем будущем наступление глухоты.

Май вынула из своего дипломата черно-красную тетрадь. «Рабочая тетрадь „Проекта Ньютон“» гласила надпись на первой странице. Затем она достала шариковую ручку, открыла блокнот и записала:

14 апреля 2004 г.

Я в Лондоне (в связи с серией, связанной с Даниэлем Дефо) и полдня потратила на посещение The Newton Project¹ в Imperial College², а потом Royal society³. Получила представление о том, какие архивы и собрания

¹ «Проект Ньютон» (англ.)

² Колледж «Империал» (англ.)

³ Королевское общество (англ.)

мне могут быть полезными. Купила также несколько книг в антикварном магазине, его мне порекомендовал Симон Латур, мужчина, с которым я разговаривала вчера вечером на приеме в Next-Book Press ¹.

Она заводила такой дневник для каждого отдельного пункта плана, нуждавшегося в подробной проработке. Так было удобнее держать все под контролем. Поскольку ей обычно приходилось отвечать за осуществление пяти — десяти проектов одновременно, она легко могла забыть какие-то важные детали или потерять из вида первоначальные задумки. В этом случае хорошо было вернуться назад и прочитать ранние записи, например, тех дней, когда зарождалась сама идея. Она машинально открыла дневник на первой странице и прочла:

5 апреля 2004 г., Осло

Разговаривала с Одином Йелмом на прошлой неделе. Он предложил книгу об Исааке Ньютоне. Не о его великих достижениях в области математики и физики, а о его тайнах. Один прочитал в одной биографии, что там было очень много «взрывоопасного материала», как он сказал, и привел парочку примеров. Я целую неделю размышляла, посмотрела публикации о Ньютоне, вышедшие за последние годы, в особенности в Англии, идея кажется мне все более привлекательной. Похоже, что с этой точки зрения на ученого никто не смотрел. Во всяком случае, в точности с такой, которую мне предлагает Один.

Следующая запись датирована тремя днями позднее:

---

¹ Издательство «Некст-Бук» (англ.).

8 апреля 2004 г., Осло

Поговорила по телефону с профессором Томпсоном и получила кое-какую информацию. Не рассказывала ему о первоначальной идее, сказала только, что я буду работать над книгой о Ньютоне. Поеду на следующей неделе в Лондон в издательство и оставляю время для предварительного ознакомления. «Проект Ньютон» мне очень нравится.

Она закрыла блокнот, наклонилась и улыбнулась нескольким птичкам, которые гуляли по траве в поисках крошек от пирожка с черникой. Прекрасное настроение не покидало ее.

ГЛАВА 11

— Май никогда в жизни не стала бы...— Эвен пристально смотрел на пакетик с белым порошком. Он схватил рюмку и почти поднес ее к губам, когда обнаружил, что она пуста.— Она ненавидела наркотики. Она даже не курила, черт побери! Не прикасалась к крепким напиткам, пила только вино. Она ненавидела все, что могло...— Эвен поставил рюмку и обтер губы. Мысли остановились. На него навалилась полная тишина. Город стал черно-белым и немым.

— Все, что могло?..— Инспектор Бонжов взял пакетик и спрятал в карман, не отводя от Эвена взгляд.

— Все, что могло...— Он продолжал смотреть на карман инспектора.— Все, что могло «растрачивать понапрасну» ресурсы мозга, как она обычно выражалась. Вещи, которые лишали ее ощущения ясности

или заставляли потерять контроль. Она была помешана на контроле, если хотите, во всяком случае, когда дело касалось таких вещей.

Эвен откинулся на стуле и уставился прямо перед собой, но ничего не видел. Только со временем звуки города стали проникать в сознание; глаза заморгали, он увидел яркие краски на борту проезжавшего автофургона, понял, что в мире есть другие люди, что сами они сидят в центре Парижа.

Столики, покрытые красной в клетку скатертью, делили пространство на квадраты. Инспектор и Эвен сидели рядом с открытой дверью. Внутри были видны столики и длинная стойка. Май выбрала стол в центре — словно хотела, чтобы ее видели как можно больше людей. А, может быть, в тот момент он был единственно свободным? Мимо прошел официант с двумя тарелками. Запах чеснока и свежеспеченных хлебцев ударил Эвену в ноздри, он потрогал свой нос. — А она сама... Я хочу сказать, были какие-то признаки того, что она?..

— Да, были слабые следы кокаина около одной ноздри.

— А где вы нашли...

— В косметичке... вместе с зубной пастой, губной помадой и прокладками. — Бонжов подмигнул Эвену через сигаретный дым. — Вот только презервативов не было.

Эвен сжал кулаки, но не ответил.

— А кровь? Вы ничего не нашли в...

— Я же говорил. Вскрытия не было. Зачем оно?

Эвен встал, он чувствовал себя плохо. Постоял немного, глядя на улицу. Вскрытия, скорее всего, происходят за счет каждого полицейского округа. В Норвегии так же — полиция по финансовым причинам

порой отправляет покойника на кладбище, так и не выяснив точно, какова причина смерти. Мимо проезжал туристский автобус с японцами. Они фотографировали его, и инспектора, и кафе. И все вокруг. Помахали ему, когда увидели, что он смотрит на них.

— Вам говорит что-нибудь имя Симон Латур? — Инспектор задал вопрос, когда автобус скрылся за поворотом.

Эвен не отреагировал на вопрос, что, видимо, уже было ответом, потому что Бонжов бодро задал новый, как будто ему доставляло радость выдумывать вопросы, которые взрывали Эвена изнутри.

— Почему вы в начале нашего разговора намекнули, что она, возможно, приняла таблетки или наркотики, если теперь говорите, что она никогда не принимала ничего подобного?

Эвен прислонился к спинке стула.

— Потому что... Я думаю... *Должна же быть* какая-то причина. — Он посмотрел в сторону города. — И я, черт побери, поймаю этого дьявола, — вдруг пробурчал он и ушел, не попрощавшись.

ГЛАВА 12

Гостиница была расположена у подножия Монмартрского холма, неподалеку от ночного клуба «Мулсн Руж». Большая стерильная гостиница для среднего класса, для людей, готовых оплачивать хорошее обслуживание и пристойные номера, но без роскоши и вида на Сену. Типичная гостиница для коммивояжеров,

продающих офисное оборудование, подумал Эвен, когда накануне регистрировался. Немного странный выбор, потому что раньше Май всегда селилась в тихой гостинице «Берсоли» на рю де Лилль, сравнительно небольшой и уютной — к тому же находившейся в пределах пешей прогулки до сокровищ Лувра, готической элегантности Сент-Шапель и красочного очарования Латинского квартала — тех мест, которые она никогда не уставала посещать.

Эвен вошел в вестибюль, машинально кивнул портье, который ответил профессиональной дежурной улыбкой, и нажал кнопку лифта. Как и всегда, он сунул пластиковую карточку в карман, уходя из гостиницы.

Еще до его отъезда Финн-Эрик рассказал ему, что Май жила в номере 612. Типичные для Май числа, подумал тогда Эвен: 1, 2, 6 и 12; сумма цифр 9. Такое число выражало открытость и многообразие, большие возможности. Эвену пришлось удовлетвориться соседним номером — 610. Число из ряда Фибоначчи, результат сложения предшествующих ему в этом ряду чисел 233 и 377. В такой же степени он, Эвен, был бесспорным результатом соединения *своих* собственных предшественников: дерьма и мусора.

При заселении в гостиницу он настаивал на том, чтоб ему дали номер 612, но там жила немецкая супружеская пара.

— Мы сожалеем, но они пробудут здесь еще неделю, — терпеливо объяснял ему портье.

На шестом этаже в коридоре стояла пожилая женщина в форменном голубом халате и пылесосила ковер.

— *Pardon*, вы — мадам Раффаэла Лоренцо?

Женщина улыбнулась и показала на уши, потом выключила пылесос. Эвен повторил.

— Нет,— женщина засмеялась, как будто Эвен сказал что-то смешное,— Раффаэла где-то там.— Она указала на то крыло коридора, где располагался номер Эвена, и опять включила свою тарахтелку.

Эвен прошел до 610 номера, осмотрелся, но не увидел ни тележки, ни горничной, не услышал звука пылесоса из номеров. Выловил пластиковую карту из кармана и вставил в замок. 610 — год, когда Мухаммеду было видение, известившее, что он пророк Аллаха. Об этом ему рассказала однажды Май, и он неожиданно вспомнил это именно сейчас. Раздался зуммер, он вошел в номер, закрыл дверь, вставил карту в выключатель, зажегся свет. Повесил куртку на плечики в гардеробном шкафу и только собрался войти в ванную, как вдруг замер и стал медленно осматриваться.

Шторы были закрыты, как он и оставил их утром. Телевизор отключен полностью, даже из розетки: он всегда так делал, когда жил в гостинице. Папка с информационными материалами о гостинице лежала на письменном столе рядом с телефоном. Стул стоял прямо перед письменным столом. Постель была заправлена идеально, белье гладкое белое, как на покойнике в гробу. Осторожно, словно боясь разбудить спящего, он прошел мимо постели и остановился около подставки для багажа. Долго стоял, рассматривая молнию сумки, которую застегнул не до конца, как это делал всегда. Но что-то было не так. Эвен видел это невооруженным глазом. Чтобы отбросить всякие сомнения, он приложил ладонь к молнии и измерил расстояние: да, на два сантиметра больше.

Он пошел в ванную со странным ощущением, что ступать надо тихо. Оставил за собой открытую дверь, окинул взглядом полочку с зубной пастой, бритвой,

мылом и зубной щеткой. Сумка с туалетными принадлежностями стояла на полу, он поднял ее и открыл. Потряс сумку — выпала зубочистка, за ней тюбик с кремом для бритья, которым он никогда не пользовался. Больше ничего.

Из зеркала на него смотрел мужчина с красными, воспаленными глазами, и он подумал, что ему надо побриться и вздремнуть. Надо успокоиться. Эвен взял пластиковый стакан и выпил холодной воды, потом снова подошел к сумке.

Это, видимо, горничная не удержалась и заглянула в поисках денег или банковской карты. А может, просто уронила сумку, когда пылесосила. Нечаянно.

Он схватился за кожаный ремешок и расстегнул молнию, раскрыл сумку настежь, увидел одежду, запасную пару туфель и купленную в аэропорту перед отъездом книгу. Все лежало так, как он положил. Никаких отклонений. Не то чтобы он запоминал, как все это лежало, но выглядело вполне убедительно. У него не было невроза — трюк с молнией просто привычка. Необходимости никакой, но и вреда нет, думал он, когда клал руку поверх молнии и оставлял щелку шириной точно в ладонь, каждый раз перед тем, как выйти из номера. Вредная привычка из прошлого, говорил он себе в качестве оправдания.

Эвен вынул пластиковый мешок с запасными туфлями и положил его на постель. Книгу Эко «Маятник Фуко», — ни разу не открытую. Один предмет за другим он вынимал и складывал позади себя. Наконец заглянул внутрь кожаной сумки и вынул второе дно, после чего показался черный кожаный низ, который выглядел совершенно невинно и матово мерцал в свете лампы.

Эвен рухнул на постель и закурил. Сигареты он купил на обратном пути после встречи с инспектором и заставил себя поверить, что это будет одна-единственная пачка. Он чувствовал, что наступило трудное время, которое требовало каких-то дополнительных средств, чтобы подбодрить себя. Эвен сделал глубокий вдох, во всем теле колело, пока он держал дым в легких, и, наконец, закашлялся. Воздух, который он выдохнул, был чистым и прозрачным. Все дерьмо осталось в легких, подумал он и выглянул в окно. Так человек охраняет окружающую среду.

«Так во что же вляпалась Май?» — подумал он в тысячный раз. Что такого серьезного случилось, что личность переродилась, и Май сделала то, что еще неделю назад казалось абсолютно немыслимым, — он готов был в этом поклясться — не только немыслимым, а просто невозможным? Когда они поселились вместе, он быстро обнаружил, что гашиш и все наркотики, даже заурядное курение вызывали отвращение в мире Май. Она отвергала все это, так же, как алкоголь в значительных количествах.

Среда, в которую он попал, когда покинул отчий дом, была, мягко говоря, совершенно противоположной. Там он увидел все и попробовал почти все. Ему надо было узнать, что предлагает человеку дьявольский мир! Он думал, что всегда будет держать себя в руках — *piece of cake*¹ — и с наркотиками покончено. Когда Май наложила на них свой запрет, он подверг испытанию самодисциплину. И любовь. Пожалуй, это было не совсем легко, в этом пришлось признаться. Совсем не легко. Это был настоящий ад. Тело требовало

---

¹ Раз плюнуть! (англ.)

своего, кричало и сражалось с разумом, чтобы получить то, в чем нуждалось. То, что он влюбился в девушку, которая была слишком хороша и прилична, заставляло его колебаться. А стоила ли она его стараний и мук? И что будет, если она от него уйдет? То, что она уйдет, было бесспорным. Он это знал, несмотря на то, что она сказала ему в самый первый день, когда они прятались в подвале. Но она поддерживала его в первые трудные недели, которые превращались в трудные месяцы. Сказала, что если он выдержит, то она тоже выдержит, и наконец после неоднократных визитов в ад, ему стало казаться, что дверь в сторону, которую он хотел забыть, действительно закрылась, а ключ выбросили. Он отказался от наркотиков, не нуждался в них, не испытывал в них необходимости, а голова стала похожей на новенький винчестер в компьютере, лишенный вирусов и дефектов. Он стал лучше и целеустремленней работать, а призрачный вид крови и звуки лопавшейся скорлупы появлялись все реже.

Самым феноменальным было то, что он никогда больше не вернулся к старым вредным привычкам. Даже тогда, когда Май ушла от него. Даже тогда, когда он, чтобы пережить разрыв, согласился поработать один год профессором в Англии, и потом, вернувшись домой, узнал, что у них с Финн-Эриком родился сын. Он стал больше пить, но все-таки не каждый день и не в безумных количествах. И только иногда его охватывали меланхолия и чувство одиночества. Сможет ли он совладать с наркотиками в отсутствие Май — в этом он не был уверен. Она терпеливо вытирала ему рот и покрытый испариной лоб и утешала его, когда он просыпался, охваченный кошмарами и облитый потом. Она была ангелом и в то же время стойким

оловянным солдатиком, абсолютно неколебимым в своих требованиях.

Поэтому история с белым порошком и найденными следами кокаина была полным абсурдом. Почти таким же, как если бы Мать Терезу разоблачили как проститутку. Что заставило Май порвать с порядочностью и моралью, чего она в те времена требовала от него? Делая глубокую затяжку, он отшвырнул пару носков, которые клубком лежали у него под задом. Приходилось признать, что ее прощальное письмо было чем-то из ряда вон выходящим, так странно сформулированным, что он начал думать, писала ли она его в здравом уме. За пять лет она, теоретически, могла стать человеком психически больным или наркоманкой.

Теоретически, да, но все произошедшее не было теорией. Рука машинально сжала носки, Эвен хотел бросить их в открытую сумку, но остановился. Пальцы сжали носки еще раз, нащупав что-то внутри. Что? Он развернул носки, в каждую руку взял по одному. Один носок чуть не выскользнул из руки от тяжести. Он сунул руку внутрь и вынул пластиковый пакетик. Он был наполнен белым порошком.

И в этот самый момент в дверь постучали.

ГЛАВА 13

Лондон

Внезапно налетевший летний дождь стучал по окнам, и сосредоточиться было трудно. Она с иронией покосилась на библиотекаря, сидевшую за стойкой. Дама излучала такую власть всей

своей выправкой и блюла такой строгий порядок в читальном зале, что Май-Бритт несколько не удивилась бы, если бы она строго взглянула на дождь, и тот сразу прекратился.

Собственно говоря, на сегодня Май-Бритт все свои дела закончила, но нежелание возвращаться в гостиницу промокшей насквозь заставило ее задержаться в библиотеке. Она стала делать записи в дневнике.

2 июня 2004 г., Royal society, Лондон

Финн-Эрик, Стиг и маленькая Лине уехали домой после того, как мы провели несколько прекрасных дней в Торки. Вчера и сегодня я сидела в архиве здесь, в Royal society. Рекомендательное письмо профессора Томпсона делает чудеса, нет никаких проблем с доступом ни к базе данных, ни в отдел рукописей.

Вчера вечером я была в гостях у моего научного руководителя. Профессор Томпсон живет в Кенсингтоне, всего в двадцати минутах ходьбы от моей гостиницы. Он все еще занимает должность профессора в Лондонском университете, но только при сокращенной нагрузке после операции на сердце, которая была прошлым летом. Голова его работает, как раньше, и он дал красочное описание Лондона времен Ньютона.

Я занята тем, что создаю хронологическую канву жизни Ньютона: что он делал, когда и где. На это уходит время, но появляется возможность заглянуть в мир удивительного человека. Короче говоря: он феноменален! Понятие «гений» является по отношению к нему недооценкой. Я понимаю теперь, почему Эвен так влюблен в него.

Она перечитала последнее предложение и захотела его вычеркнуть, совсем не было желания упоминать Эвена. Она стала рассеяно перелистывать страницы

дневника, читая то тут, то там. Последние два месяца она отмечала, какие книги прочитала, где можно взять фактический материал. На что-то другое времени не оставалось. Сейчас было слишком много прочих проектов, отнимавших внимание, тех, которые надо было закончить до осени.

Библиотекарь встала и закрыла единственное окно, до этого чуточку приоткрытое. Это не очень уменьшило уровень шума в зале, но воздух, который и раньше был довольно спертый, теперь станет еще хуже. Мэлл-Авеню за окнами Королевского общества, которая вела к Букингемскому дворцу, была закрыта непроницаемой шторой из водных струй. Май-Бритт вдруг представила себе, как королева Елизавета и принц-консорт возвращаются домой в открытой карете и усердно машут народу, а прическа, шляпка и пышные одеяния под воздействием воды приобретают жалкий вид.

Воспоминание о королеве навело Май-Бритт на некую мысль, она достала колоду карт и начала раскладывать пасьянс. Библиотекарь сердито посмотрела на нее, но ей трудно было запретить это невинное развлечение, хотя, судя по всему, у матроны появилось именно такое желание.

Стол был большим, и Май-Бритт выбрала «Велосипедное колесо», для которого у нее дома не хватало места, когда своими делами занимались также Стиг и маленькая Лина. Она положила одну карту в центре стола, а восемь других рядом в виде большого круга. Ей пришло в голову, что время, как понятие, у различных народов часто воспринималось в виде крутящегося колеса: одно и то же возвращалось бесконечно. Она сама воспринимала время как нечто преходящее, основывалась на представлениях человека о конечности.

Это давало другую перспективу времени. Представление о прошлом меняется быстро, и это происходит постоянно. Поэтому шины на таком велосипедном колесе часто получают проколы, а обод превращается в «восьмерку»... Историк хочет создать как можно более адекватную картину прошлого: «по-видимому, дела обстояли вот так», «по-видимому, такие события привели к тому, что мы имеем сегодня». Но историк прекрасно понимает, что новые находки завтра опрокинут все то, что утверждается сегодня. Создатели художественных произведений гораздо более свободны. Май-Бритт часто завидовала тем, кто мог позволить себе сочинять, игнорировать исторически спорные моменты и говорить попросту: «Вот так было. Я осмеливаюсь это утверждать, потому что здесь не Истина, а всего лишь договоренность с читателем о том, что мир есть Вымысел». Хороший писатель так же, как и хороший историк, прекрасно знает, что представление о прошлом всегда зиждется на том времени, в котором живут и писатель, и историк. Воссоздавая прошлое, мы никогда не сможем освободиться от настоящего.

Она раскладывала пасьянс пять раз, и, наконец, дождь кончился. Пасьянс ни разу не сошелся.

ГЛАВА 14

Эвен с ужасом смотрел на дверь, на пакетик с белым порошком и опять на дверь. Стук повторился, более настойчиво.

— Минутку,— крикнул он и на цыпочках прошел в ванную. Лихорадочно разорвал пакетик, высыпал белое

вещество в унитаз, бросил туда же пакет. Закрыв крышку и смыл, вымыл руки и смыл унитаз еще раз. Открыл крышку, чтобы проверить, все ли ушло, быстро подошел к постели, побросал одежду в сумку и закрыл ее. Потом подошел к двери и приоткрыл ее.

— Да? — сказал он худенькой девушке, которая стояла в коридоре и смотрела на него.

— Месье Робер в администрации сказал мне, что вы хотите поговорить со мной, — одетая в голубой халатик, она стояла, держа руку на бедре, и казалось, скучала.

— Ты — Раффаэла Лоренцо? Войди, пожалуйста. Да, я хочу поговорить с тобой. — Эвен распахнул дверь и отступил в сторону.

Девушка шевельнулась и неуверенно заглянула в номер.

— Нам не разрешают... — сказала она и вопросительно посмотрела на Эвена.

— Я только хочу поговорить. Мы можем оставить дверь открытой, — Эвен прошел и показал на кресло. — Прошу.

Она медленно подошла к креслу и села. Потом подтянула халатик, чтобы закрыть колени. «Лет восемнадцать-девятнадцать», — подумал Эвен и сел у письменного стола.

— Когда ты убирала мой номер?

Она взглянула на часы и ответила:

— Час назад.

— Здесь стало чисто и приятно, — приветливым голосом сказал Эвен. — Ты хорошо работаешь.

Девушка кивнула, как будто похвала жильца была совершенно обычным делом.

— В номере был кто-нибудь, когда ты убирала?

Девушка с испугом посмотрела на дверь, опустила глаза и сказала:

— Нет.

Эвен устался на свои руки, положил их на колени. В животе появилась боль.

— Ты работала в тот день, когда покончила самоубийством одна норвежская дама? Застрелилась там, в кафе около Сены. Помнишь? Неделю назад. Она занимала соседний номер.

Девушка кивнула, не поднимая головы.

— Ты говорила об этом с полицией, правда?

Девушка опять кивнула.

— Как выглядел номер после ее ухода?

Девушка непонимающе взглянула на него.

— Я имею в виду, где стоял ее чемодан, где была одежда, косметичка?

Раффаэла Лоренцо осторожно облизнула губы кончиком языка и объяснила, что чемодан лежал на подставке — такой же, на которой лежит сумка месье, а одежда была в чемодане. Косметичка была, скорее всего, в ванной. Она снова вопросительно взглянула на Эвена.

— А еще что? Днем она лежала на постели? Она застрелилась вечером, так ведь?

Девушка пожалала худенькими плечами и что-то пробормотала.

— Извини, что ты сказала?

— Она, может быть, сидела на постели. Но мне кажется, не лежала. А может быть, и лежала. Не знаю. Но она, конечно, сидела за письменным столом. Там остались карты, письмо и ручка.

— Карты? Какие карты?

Девушка взмахнула рукой, как будто удивилась вопросу.

— Карты. Игральные.

— Она с кем-нибудь играла в карты или раскладывала пасьянс, как лежали карты?

Раффаэла покачала головой и непонимающе посмотрела на него.

— Не знаю, просто лежали.

— К ней кто-нибудь приходил в течение дня?

Глядя в пол, она сказала:

— Нет.

Эвен посмотрел на свои руки, они опять сжались. Он почувствовал, как где-то внутри нарастает ярость.

— Лжешь! — Он схватил девушку за плечи. — Ты лжешь! Какого черта! Я вижу по тебе. Кого ты впускала сегодня в мой номер? И кого ты впускала к ней неделю назад...

— Месье! — прозвучал возмущенный голос в дверях.

Пожилая горничная стояла в коридоре и смотрела оттуда в номер. Раффаэла освободилась от хватки Эвена, подбежала к двери и исчезла. Женщина посмотрела ей вслед, с гневом оглянулась на Эвена и пошла дальше по коридору, за ней с шумом тащился пылесос.

ГЛАВА 15

Эвен отпер дверь, вышел из номера и на лифте спустился в вестибюль. Портье, улыбаясь, кивнул ему, когда он проходил к выходу на улицу. Это означало, что ни Раффаэла, ни пожилая горничная ничего ему не сказали. Девушка явно не имела намерения обвинять Эвена в приставаниях к ней или в чем-то еще. По

логике вещей, это означало, что ей было что скрывать — и что он прав: она кого-то впустила в его номер. Кого-то с пакетиком дьявольского порошка. Кого-то, кто хотел с ним разделаться.

Он посмотрел по сторонам. Жизнь на улице кипела, но Эвен высматривал людей, в поведении которых было что-то необычное. Около газетного киоска на углу стоял мужчина, разговаривавший по мобильному телефону, его голова была обращена в сторону гостиницы. Когда Эвен посмотрел на него, он повернулся и стал внимательно изучать дамские журналы за стеклом. К тротуару на другой стороне подъехал и остановился автомобиль с тонированными стеклами. Никто не вышел. Эвен пошел в противоположном направлении, чуть не столкнулся с двумя мужчинами средних лет с арабской внешностью, которые держались за руки. Когда он обернулся, мужчины у киоска уже не было, а из автомобиля так никто и не вышел. Из двора дома выкатился и тихо поехал за ним следом мопед. Эвен сжал кулаки и прибавил шагу, посмотрев через плечо. Парень на мопеде, проезжая мимо, поправил на носу темные очки, затем свернул на одну из поперечных улиц. Вход в метро был на расстоянии трехсот-четырехсот метров от гостиницы. Эвен направился туда, сбежал по лестнице и чуть не натолкнулся на группу подростков, которые поднимались ему навстречу. Он свернул за угол и побежал по тоннелю мимо грязных застекленных витрин с рекламой. Его ткнули в бок, пришлось сбавить скорость, в тоннеле раздавался гул множества ног. Он стал прислушиваться, пытаясь определить по топоту, не бежит ли кто-нибудь за ним. Не имея никакого плана, он вдруг выбрал вращающуюся дверь направо, взбежал по лестнице наверх и увидел,

что попал на ту же самую улицу, только с противоположной стороны. Он заскочил в какой-то магазин.

Через узкое отверстие между стеллажами Эвен стал осторожно рассматривать улицу, наблюдая за всеми, кто поднимается из метро. Пульсирующим потоком выходили люди, но казалось, никто не оглядывался по сторонам, выйдя на поверхность, никто его не искал. И никто не был похож на тех, кого он видел раньше.

— Чем я могу помочь? — Сзади стояла улыбающаяся женщина

— Э-э... — Эвен осмотрелся и обнаружил, что попал в специализированный магазин дамского нижнего белья. — Кажется, я не туда попал, — пробормотал он и вышел. Снова спустился на станцию метро и сел на первый поезд, идущий в центр. Устроился на сиденье около окна, изучающе посмотрел на молодого человека, державшего в руках футляр с гитарой. Молодой человек ответил вызывающим взглядом, и Эвен опустил глаза. Могло случиться так: люди инспектора Бонжова проникли в гостиничный номер сегодня утром, пока он сам занимался расспросами в кафе? Молодой человек с гитарой громко засмеялся, сказал что-то приятелю, оба встали. Весело поглядывая на Эвена, они вышли на следующей станции. Пакетик должны были обнаружить при полицейской облаве, а может быть, в таможне, когда он будет уезжать. И тогда его задержат и отберут паспорт.

Но что это дает полиции? Он прислонился лбом к холодному стеклу. В каком-то сосудице около глаза заныло, так с ним бывало, когда он попадал в сложную ситуацию. Увидеть, как он бежит, да-да, старается скрыться в панике, — вот чего хотели полицейские, для этого они и существуют. Чтобы заставить проявиться

самому худшему в человеке, уничтожить его защитные функции, чтобы все дерьмо вылезло наружу, и человек станет беззащитным, тогда его можно будет растоптать. За окном вагона в темноте мелькали огни. Промчался встречный поезд, и внезапно мелькание огней окрасило все в красный цвет, кровь у него в глазах, кровь потекла по полу. Он вскочил и подошел к двери. Стоял и ждал, закрыв лицо рукой.

Поезд подошел к площади Пигаль. Эвен быстро перешел на другую линию. Стал осматриваться на платформе, как будто собирался ехать к предместьям, и вдруг помчался через туннель на другую сторону и поехал в центр. Появилось знакомое ощущение адреналина в крови, смеси паники и радости, ему опять семнадцать лет, он прячется от полиции. Поезд был переполнен, он встал на средней площадке и ухватился за металлический поручень. Незаметно оглядывая людей вокруг себя, он пытался оценить их: друг или враг. У большинства — невидящий взгляд в пространство. Он поднял голову в сторону двери, чтобы внимательно рассмотреть тех, кто вбежал в последнее мгновение... Только встреча с Май остановила бегство, заставила его успокоиться. Заставила отодвинуть в сторону вражду, не забыть ее, потому что забыть он не мог, а положить в сейф и запереть. И все это при полном ее неведении. Теперь ее не было, не было нигде, и бегство началось снова. История пошла по кругу, он бежит снова, и будет бегать от полиции всю жизнь. Так ему сейчас казалось. Из соседнего вагона пришел контролер, который стал у всех проверять билеты. Эвен посмотрел на его форму, вынул свой билет и держал его наготове, чувствуя, как билет от пота становится влажным. Контролер кивнул, проталкиваясь, и

пошел дальше. От него исходил запах дезодоранта, который Эвен терпеть не мог.

На станции Сен-Лазар он пошел по перрону, как будто собирался выйти на поверхность, к дневному свету. Стал считать секунды: две, три, четыре, пока пассажиры выходили, медленно шел вдоль вагонов, наблюдая за входившими. Считал не свои личные секунды, а секунды мирового времени: восемнадцать, девятнадцать, двадцать... Ждал сигнала. Как раз тогда, когда двери поезда должны бы закрыться, он вскочил в вагон и поехал дальше. Двадцать одна секунда. Столько времени у китов уходит на то, чтобы спариться. Он нашел свободное место рядом с почтенной матроной с проблесками усов над губой. На ее коленях лежал пакет с зеленью. Открыв рот, она тяжело дышала, монументальный бюст поднимался и опускался мощными толчками. Эвен закрыл глаза и, слушая пыхтение, представил себе двух китов на кровати, одного на другом. Открыв глаза, он заметил внимательный взгляд мужчины в двух сиденьях от него. Мужчина тут же отвернулся и стал смотреть в окно. На станции Сольферино Эвен выскочил из вагона в последнюю секунду перед закрытием дверей. Он остановился на перроне и направил взгляд на мужчину, раньше смотревшего на него, но тот сидел не шевелясь. Он поднялся на улицу, заглянул в ближайшее кафе. Убедился, что никто не зашел за ним, и только после этого заказал бокал вина и спросил про туалет. Официант указал на дверь в самом конце помещения.

Туалет был грязным, весь провонял мочой. Эвен вошел в кабинку и заперся. Сел на крышку и согнул спину. Всеми силами пытаясь подавить желание крикнуть, даже вонзил зубы в руку. Ему уже не семнадцать,

больше нет желания бегать и скрываться. Он больше не *Невэ*.

В туалет кто-то вошел. Эвен слушал, как мужчина неподвижно стоял, пока за ним закрывалась входная дверь. Потом раздались шаги, один ботинок был со скрипом. Мужчина подошел ближе и потряс ручку кабинки Эвена, что-то пробурчал и пошел к следующей кабинке. Щелкнул металлический замок. Брюки были сняты, мужчина стал пыhtеть и стоять, опорожняясь. Потом зашелестела бумага, брюки были надеты, и мужчина исчез. Эвен вздохнул с облегчением. Он не был уверен, что все это время ему удавалось сдерживать дыхание.

— А руки-то не помыл,— пробормотал он и улыбнулся.

Пара парижских рук с бактериями ему потребовалась, чтобы паника исчезла. Он закурил и откинулся к стене. В трубе текла вода, больше никаких звуков. Позвонить инспектору Бонжову и рассказать о пакете в носке?

«Будем рассуждать логически,— он пускал дым к грязному серому потолку.— Если пакетик подбросили полицейские, они по моей реакции поймут, что я чист и невиновен.— Он поднял крышку и стряхнул пепел в унитаз.— Или же будут думать, что я дважды жулик — и виновен. И если (все же) пакетик подбросили полицейские — а возможно, что и оба пакетика,— *они сами* не чисты. А если они поймут, что я нашел пакетики в носке, то используют другие средства для того, чтобы поймать меня на крючок.— Он посмотрел на огромный рисунок возбужденного пениса, нацарапанный на двери кабинки.— А если это подстроила не полиция...— он выкурил сигарету до последнего сантиметра,— ...то тогда это кто-то другой».

Окурок обжег пальцы, он бросил его в унитаз. Помыв руки, вернулся в зал и сел со своим бокалом красного вина в самом темном углу, какой только мог найти, лицом к двери. Разум, тот разум, который появлялся, когда он забывал о своей ненависти к полицейским, говорил ему, что все-таки не полиция подложила в носок пакетик. Обычно они так не делали, ну зачем это им?

Часы над стойкой бара показывали без двадцати четыре. Он вынул мобильный телефон и набрал номер. Никто не ответил. Финн-Эрик наверняка гуляет с детьми. Страховая компания «Защита» дала ему отпуск до конца недели.

Он нашел письмо Май, перевернул его, вынул ручку из кармана куртки и написал:

Полиция

Гостиница / Раффазла

Потом немного помедлил и написал: *Финн-Эрик.*

Это те, кто могли знать о его пребывании в Париже и название гостиницы. Кроме того, те, кому Финн-Эрик мог это сообщить. Потом он спросит об этом Финн-Эрика. Один эпизод разговора с инспектором Бонжовом вдруг всплыл в памяти и заставил его приписать внизу страницы еще один вопрос. Он задумчиво смотрел на листок, набирая номер, введенный в мобильный телефон этим утром.

— Инспектор Бонжов, слушаю, — сразу же раздался ответ.

Эвен представился.

— Перед тем как я от вас уходил, вы спросили, не знаю ли я одного человека. Я был слишком взволнован, чтобы хорошо запомнить имя, поэтому звоню сейчас. Как зовут того человека и почему вы спрашивали?

— Я спросил, не знаете ли вы некоего Симона Латурса,— любезно ответил Бонжов.— Латурс — это фамилия. Это французский писатель, кажется, из Тулузы. Я не очень хорошо знаю его. Он, видимо, написал несколько триллеров и грязных детективов.

— А почему вы спросили, не знаю ли я его?

— Наверное, это случайное совпадение, но я подумал...— Бонжов сказал: — Минуточку.— И Эвен слышал, как он отдал кому-то распоряжение, потом вернулся к телефону.— Да, так вот, этот Симон Латурс исчез. Говорят, что в этом ничего странного нет, он часто исчезает надолго, когда собирает материал для новой книги. Но дело в том, что издательство имело с ним договоренность, которую он не выполнил. Этого никогда раньше не было. Жена тоже не знает, где он.

— А при чем тут Май-Бритт Фоссен?

Инспектор Бонжов помедлил, прежде чем ответить.

— Он жил в той же гостинице, что и Май-Бритт Фоссен, фактически в соседнем номере. При этом одновременно с ней. А странно то, что он покинул гостиницу, не расплатившись, либо вечером накануне, либо утром того дня, когда застрелилась ваша бывшая жена. Естественно, возможно, что это случайное совпадение, ирония судьбы, если хотите. Но я подумал, что надо спросить и вас, раз уж мы разговаривали.— Он коротко рассмеялся, но веселья в этом смехе не было.— Знаете, у полиции так много дел одновременно, что мы любим объединять их, когда это возможно. Удобно для статистики. Пожалуйста, позвоните, когда обнаружите что-нибудь интересное.

Эвен закончил разговор, ничего не пообещав. Его удивил миролюбивый тон, которым инспектор беседо-

вал с ним на этот раз. Он снова перечитал письмо Май, сунул его в карман и ушел.

Хозяин быстро обратил на него внимание еще до того, как Эвен сел. Подошел, лицо его выражало попеременно то радостный восторг, то несколько натужное сочувствие. «Морж» даже задрожал, настаивая, что именно он угостит Эвена кальвадосом:

— *Oui*¹. Я видел, он вам понравился. Он полезен для сердца и для желудка — для всего. Ничто другое не может вылечить горе и плохое настроение, как мой кальвадос.

Вернувшись, он принес две рюмки и бутылку, сел на стул и разлил вино. Они подняли рюмки, Эвен почувствовал, как напиток обжигаяще двинулся в желудок, и подумал, что сегодня он почти ничего не ел. Хозяин еще раз наполнил рюмки, внимательно рассматривая гостя.

Эвен глядел на площадь.

— В тот день...

Хозяин кивнул, предлагая продолжить.

— Случилось здесь что-нибудь другое, что-нибудь особое, то, чего раньше не было? — Он повел плечами. — Ну, что угодно...

Морж развел руками и скривил губы.

— *Non*², это был самый обычный день. Сухо. Много туристов. Хороший день, да, вплоть до... *alors*³. — Он опять развел руки и с сочувствием посмотрел на Эвена.

---

¹ Да (фр.).

² Нет (фр.).

³ Того момента (фр.).

— А ваши постоянные посетители видели и ее приход, и последующие события?

— *Oui*, конечно. Старый полковник Лефевр... да, и мадам Наин была здесь, но...

— Где они сидели?

— Лефевр сидел совсем близко от вашей жены, за соседним столом. Он, пожалуй, видел все лучше других. К тому же, полковник неистребимый поклонник всего, что ходит в юбке. Его потрясло то, что случилось. И он уехал в Алжир на месяц, чтобы прийти в себя. Старый легионер, был ранен, повреждена нога. Видел очень много ужасов. Но вид красивой женщины, которая стреляет в себя,— это, пожалуй, самое страшное...— «Морж» грустно покачал головой, как будто это высказывание касалось его самого.— *Terrible*¹.

«Она не ходила в юбке,— подумал Эвен.— И она не моя жена. Больше».

— А все остальные за столами были туристы?

— Да, думаю, что так. Или посетители, которых я не очень хорошо знаю. Дело было к вечеру. Многие парижане в это время отдыхают дома или собираются в ресторан или к друзьям.

— Мадам Наин, вы сказали. Где ее можно найти?

— О, она ничего не видела. Обычно сидит в уголке со своей собакой и такая глухая, что, мне кажется, вообще не слышала выстрела пистолета.— Он махнул рукой в сторону центра зала. Эвен поднялся, подошел к двери и посмотрел внутрь. В самом дальнем углу спиной к улице сидела пожилая женщина с маленьким белым пуделем на коленях. Она понемногу смаковала

---

¹ Ужасно (фр.).

херес из своего бокала и почесывала за ушком собачку. Эвена она не заметила.

Он вернулся на свое место. Хозяин поднял рюмку, и они выпили.

— Очень сожалею, что ничем не могу помочь,— сказал он.— А что вы, собственно, ищете?

— Не знаю,— сказал Эвен.— Вам знаком человек по имени Симон Латур?

Хозяин провел пальцами по усам и покачал головой.

— *No.* Думаю, что такой здесь не бывает. А как он выглядит?

— Я не знаю.

Хозяин послал Эвену испытующий взгляд, потом поднялся, взял бутылку и рюмки. Эвен сказал, что заплатит.

— Не может быть и речи,— широкое лицо расплылось в улыбке. Он помахал бутылкой.— Я уверен, что вы уже чувствуете себя лучше.

Эвен кивнул.

Он поблагодарил и собрался уходить, когда хозяин вдруг пробурчал:

— Раз уж вы спрашиваете... *Кое-что* было странное в тот день.— Морж повернулся к одному из столов ближе всех к улице.— Один мужчина... Он пришел сразу после вашей жены, это я помню. И сел за ее стол. Заказал виски...

— И?..

— Да, так вот, раздался выстрел, и наступил хаос. Мужчина исчез, не получив своего виски. Фактически он был единственным, кто не остался и не разговаривал с полицией.

ГЛАВА 16

— Когда-нибудь ты встанешь перед святым Петром у его ворот и обнаружишь рядом скользкий спуск, ведущий в ад. И только когда ты увидишь, что кого-то выпускают в ворота, а других безжалостно посылают вниз к печам, то начнешь вычислять вероятность того, куда тебя могут послать, — она горько улыбнулась и тут же продолжила, когда увидела, что он хочет что-то сказать.

Он стоял с наполовину съеденным яблоком в руке.

— Когда ты решишь, что твои дела не так уж и плохи, ты начнешь провоцировать святого Петра, может быть, скажешь, что вид у него чертовски скучный. После этого — и учти, с этого момента, Эвсен, наши пути разойдутся — ты привяжешь веревку к столбу у ворот, спросишь у одного из ангелов-привратников о расстоянии до печей, обрежешь веревку и обвяжешь другой конец вокруг талии. Со своей обычной детской улыбкой сядешь на скользкий спуск, помашешь ручкой и помчишься по дороге в ад. Постепенно жар будет нарастать, и ты начнешь прикидывать, хорошо ли рассчитал длину веревки, чтобы она остановила тебя в самый последний момент перед тем, как ты загорись. И вот тут ты начнешь карабкаться вверх и затем скажешь: «Привет, а мне там не понравилось!» Потому что именно так ты смотришь на жизнь — и смерть! — как на то, что можно рассчитать, с чем можно играть до бесконечности. А у меня на это больше нет сил. — Май устало посмотрела на него, слезы на ее щеках высохли. Она открыла дверь и остановилась, наполовину повернувшись, с чемода-

ном в руке.— А может быть, ты забудешь, что нужна веревка, которая не сгорает от огня...

— *Pardon?* — Эвен заморгал, отвел взгляд от чемодана, который проезжал мимо по конвейеру.— Что вы сказали?

— У вас пересадка в Амстердаме, прибытие в Осло в 23.45,— повторил мужчина за стойкой и протянул ему билет.

— Спасибо.

Эвен поднял сумку — свою ручную кладь, осмотрелся в зале отправления аэропорта, увидел свободную скамейку и сел. Он сделал еще одну попытку позвонить Финн-Эрику, но ответа не было.

Перед контролем безопасности стояла очередь. Эвен смотрел на высокую белую рамку, через которую должны пройти все, чтобы окунуться в рай беспшлинной торговли. Сможет он пройти через рамку, или у него найдут маленький белый пакетик, который он не заметил, когда собирал свой багаж в гостинице? Спрятали «они», кто бы, черт побери, они ни были, что-то еще сверх того, что он нашел в носке?

— У рамки ищут металл. Или оружие,— пробормотал он, чтобы успокоить свои нервы. Сделал глубокий вдох, встал и... сел опять. Металл. «Они» могли ведь спрятать куда-нибудь лезвие ножа? Он стал рыться во всех карманах, потом прощупал подкладку кожаной куртки, не забыв заглянуть во внутренний карман, которым он никогда не пользовался. Даже снял сапоги, согнул голенища во все стороны. Почувствовал себя дураком. Сунул, наконец, руку в брюки спереди и сзади и увидел, как хихикнула проходившая девушка. Никакого металла, ничего такого, чего не должно быть. Он прощупал все кнопки и швы на сумке, расстегнул

молнию и проверил бока, дно, содержимое. Заместил, что делает все лихорадочно и привлекает внимание окружающих. Эвен резко поднялся, твердыми шагами пошел к контролю и встал в очередь. Он быстро приближался к рамке. Женщине, шедшей перед ним, пришлось снять серьги и вынуть что-то из прически, положить на конвейер для проверки. Эвен положил сумку на конвейер и увидел, как она исчезла в аппарате.

— Есть металл в карманах? — Дежурный протянул ему корзину. Эвен положил монеты, связку ключей, взял в руку мобильный телефон, который внезапно зазвонил.

— Алло? — Он виновато посмотрел на дежурного, тот безнадежным взмахом руки попросил его отойти.

— Ты мне звонил, — прозвучал голос Финн-Эрика.

— Мне сейчас неудобно, Финн-Эрик. Я перезвоню позже, — он отключил мобильный, положил поверх монет и подошел к рамке.

— Возлюбленной уже не терпится? — засмеялся дежурный, словно это была хорошая шутка. Эвен рассматривал его форму, борясь с желанием вмазать нахалу по физиономии.

Рамка загудела, когда он проходил, и дежурный знаком подозвал его к себе:

— Снимите куртку.

Эвен почувствовал, как под мышками стало мокро. Он положил куртку в большую пластиковую корзину. Еще раз прошел через рамку. На этот раз сигнала не последовало. Женщина у экрана ничего не сказала.

Он получил свои вещи и вышел на территорию беспошлинных магазинов и ресторанов. Нашел табло с указанием направления. До выхода 23 было далеко, а времени в обрез. Он заметил стойку, перед которой не

стояло очереди, схватил пирожок с неизвестным содержанием, заплатил за него и побежал дальше. Звонок Финн-Эрику может подождать.

В Амстердаме он купил бутылку «Баллантена», пока готовили самолет на Осло. Сидел в самолете, держа бутылку на коленях, и ощущал желание открыть ее, но не открыл.

— Алло! Это я. Я еду на поезде из аэропорта в Осло и буду там...

— Ты знаешь, который сейчас час? — прервал его сонный голос.

— Я возьму такси и приеду к тебе с часу до половины второго. Приготовь кофе, — он отключился, прежде чем прозвучат возражения, и откинулся на сиденье. Пока он был во Франции, сюда вернулась, собрав последние силы, зима. Десятисантиметровый слой свежеснега светился сквозь темноту.

Найти такси удалось не сразу, все-таки ночь на субботу, на улицах много народа. Шофер, молодой пакистанец, слушал пение Брюса Спрингстина, убавив звук, и, к счастью, не стремился поболтать. Эвен погрузился в мрачные размышления и смотрел, как мелькают разные части города. Грюнерлёкка, Турсхов, Ньюдален. По окружной дороге мчались быстро. Съезжали с окружной у Маридалсвейен, оказались на дальней окраине Ослоской впадины ¹.

...and tell her there's a darkness on the edge of town... ²

---

¹ Впадина между гор, в которой расположена большая часть старого Осло.

² ...и Расскажи ей о темноте на краю города... (англ.)

Боже, как он ненавидел Осло.

...Everybody's got a secret Sonny...¹

Всегда ненавидел этот город и все-таки не мог представить себе, что сможет жить где-то еще, во всяком случае, долго.

...something that they just can't face...²

Он пробовал. По несколько месяцев, по полгода, но потом его тянуло в Осло. И не потому...

...they carry it with them every step they take...³

— Какого черта, Спрингстин! Так дай мне это солнце! — Он завертелся на сиденье, сполз вниз так, чтобы плечи были выше ушей, и стал смотреть в ночь за окном. Несколько парней покатались с горы на финских санях, и шоферу пришлось резко затормозить. Снег уже стал серым. Ничто не могло быть белым долго в Ослоской впадине. Даже здесь, рядом с горами.

Ничто, кроме Май.

Май любила Осло. Но не фанатично: она сознательно выбирала позитивную точку зрения. Зеленые площадки, где дети играли в футбол, каток в Спикер-суппа (с его чересчур бешеной музыкой), новые звуки, запахи и краски района Грёнланд вблизи от моря и диких зарослей. Они могли прогуливаться по Тойен, и вдруг она, увидев табличку с названием улицы, начала читать ему лекцию о Туре Хунде (в то время как он в конце улицы мог назвать сумму цифр в каждом

---

¹ Каждый спрятал в себе свое любимое солнце (англ.).

² ...то, которое нельзя увидеть другим (англ.).

³ ...и оно с ним повсюду (англ.).

номере автомобиля, стоявшего у обочины, возвести ее в квадрат и умножить на четыре). А иногда они шли по берегу реки Акерсэльв, и он мог брюзжать при виде разрухи и упадка, штукатурки, сыпавшейся со стен, высматривать дом, который можно захватить без разрешения хозяев. Она же останавливалась, внимательно рассматривала кирпичи и сохранившиеся деревянные фрагменты и рассказывала, как этот дом выглядел сто миллионов лет назад или, на крайний случай, в прошлом веке.

Боже, как ему ее не хватало!

Шофер сбавил скорость на скользкой дороге. Местами, в промежутках между деревьями и домами, внизу открывался вид на Осло, похожий в темноте на звездное небо. Они подъехали к району Крингшо.

— Сюда, еще две улицы, следующая налево, дом пять,— он показывал дорогу шоферу. Говорил громко, заглушая музыку.

Шофер остановился не доезжая, опасаясь забуксовать в снегу. Эвен расплатился, прошел по дорожке, посыпанной песком, поднялся по лестнице. Его рука еще не успела коснуться звонка, как дверь распахнулась, и появился Финн-Эрик, приложивший палец к губам.

— Тсс, дети спят.

На кухонном столе уже стоял кофе. Эвен повесил куртку на спинку стула и сел. Финн-Эрик вытер уголки глаз и сел против него, зевнул и налил кофе в две кружки.

— Май заставили застрелиться,— сказал Эвен без предисловия.

Финн-Эрик едва не пустил в штаны. Глаз задергался.

— Почему ты так думаешь? — спросил он наконец.

— Кто-то подсунул ей в багаж наркотики, а у носа были следы кокаина. Это мне сказали полицейские в Париже.

— Да,— сказал Финн-Эрик.— Я знаю. Они мне говорили.

Эвен уставился на него:

— Что? Ты знал?.. Какого черта ты мне этого не сказал? Тогда я бы...— Он остановился, так как взгляд человека по другую сторону стола потемнел. Он успокоил себя и опустил глаза на кофе.— О'кей, я понимаю. *Sorry*¹. Но что ты об этом подумал?

— Что я подумал? Что я *подумал*?! — Финн-Эрик двинул ногой, задел ножку стола, кофе чуть не выплеснулся из кружек.— Я подумал, что здесь живут самые прекрасные в мире дети, и еще муж, который ради нее готов проскакать через весь мир, а она занимается такими вещами. Это я подумал. А что еще я, черт возьми, мог подумать? — Финн-Эрик проглотил слюну с громким звуком и уставился в кружку.— Но я не удивился,— сказал он.— Не особенно удивился.

Эвен заставлял себя сидеть молча, только смотрел на сидевшего перед ним сотрудника страховой компании. Страхового агента.

— Нет, не удивился. Май-Бритт была странной в последнее время, на протяжении нескольких месяцев, может быть, в последние полгода. Я не могу точно сказать, когда начал это замечать. Она стала более молчаливой, замкнутой. Всего избегала. Я иногда думал, что у нее, может быть, появился любовник, потому что она не очень часто хотела... ну, в общем, секса. Но все-таки я так не думал, потому что...— Он глубоко вздохнул.

---

¹ Извини (англ.).

— Это не для нее.

— Да, именно, не для нее. Не могла Май-Бритт сделать такое.

— А возить наркотики в багаже и нюхать кокаин Май могла? — Эвен бросил свирепый взгляд на Финн-Эрика и выпил кофе.

Финн-Эрик сделал вид, что не слышит этого, продолжал смотреть в свою кружку в поисках ответа:

— Она стала худеть. Казалось, беспокоится, нервничает. Но когда я спрашивал ее, она отвечала, что все в порядке. Много ездила в этот период. Лондон, Париж, Берлин. Работа требовала этого. Мне казалось, что она переутомилась. Но я думал, что все уладится.

— Что она делала?

— Конкретно? Не знаю. Она параллельно вела много проектов. Все время. О некоторых она рассказывала. О других я читал в газетах, после того как они выходили из печати. И тогда она говорила, что это создавалось под ее руководством. У нас так было принято. Я ведь тоже не рассказывал ей о том, чем занимаюсь. Когда мы были дома, главным для нас были дети, о них мы и говорили.

Наступила тишина. Эвен искал в карманах пачку сигарет. Финн-Эрик встал, чтобы принести пепельницу.

— Покончить жизнь самоубийством... Не было никаких признаков, я ничего не видел, — Финн-Эрик опять сел. — Но что кто-то мог заставить ее сделать это, звучит так, как будто... Нет-нет, я в это не верю...

Щелкнула зажигалка, и Эвен выпустил дым под лампу.

— Кто-то подкинул наркотики и в мою сумку.

— Что? — Финн-Эрик отставил кружку. — *Что* ты сказал!?

— Я сказал, что кто-то поместил пакетик вещества, похожего на кокаин, в мою сумку в гостиничном номере. Поэтому я уверен, что кто-то заставил Май. Заставил ее нюхать, заставил ее застрелиться.

Финн-Эрик сначала смотрел на Эвена, словно не верил ему, потом взгляд переменялся. Он смотрел в пространство глазами, которые вдруг увидели спасательный круг в безбрежном море подлых и непристойных вопросов.

— А как они заставили ее...— Эвен стряхнул пепел в пепельницу и стал смотреть на раскаленный кончик сигареты.— Я имею в виду в Париже. Они не давали ей кокаин до тех пор, пока она им не дала обещание?.. Нет, это слишком глупо. Я в это не верю. Она не была зависимой от наркотиков. Кокаин у носа был потому, что они заставили ее понюхать перед уходом из гостиницы. Так я думаю. Но тогда каким образом? Не было ни малейших признаков насилия, ни следов ударов, ни ожогов, никаких чертовых следов от...

— Ругаться нехорошо, так говорит мама.

Голос прозвучал от двери. Они с изумлением посмотрели на мальчика, у которого на руке висел медвежонок.

— Стиг, тебе же спать надо,— сказал Финн-Эрик и встал. Он поднял сына, коричневый мишка закачался. Черные пластиковые глаза загадочно посмотрели на Эвена, на губах была хитрая улыбка, как будто мишка дразнил его и хотел сказать, что знал больше.— А теперь я тебя опять уложу, золотко мое,— Финн-Эрик поцеловал мальчика в щечку. Они вышли, Эвен встал и подошел к окну, всмотрелся в ночной туман.

Если они не применили силу... то что же они сделали?

Он услышал, как где-то в доме закрылась дверь.

Угрозы. Они должны были угрожать.

Вдали проехал автомобиль, здесь, на окраине города, других звуков не было.

Угрожать самому дороговому, что у нее было. Тому, за что она была готова отдать свою жизнь.

Он повернулся к окну спиной и стал рассматривать кухню. Неоткрытый пакет с памперсами был положен на порожек кухонной двери. На тарелке лежал недоеденный бутерброд с сыром. В мойке стояла голубая чашка с исцарапанным изображением мишки, а в ней нечто среднее между молоком и красным соком.

Конечно, дело было в них. Что же еще могло?..

Наконец, вернулся Финн-Эрик. Эвен подождал, пока он сядет.

— Когда ты в последний раз общался с Май?

— Она позвонила мне в *тот* день, ближе к вечеру того дня, когда она, ну...

Эвен кивнул так быстро, что Финн-Эрику не пришлось говорить до конца.

— Когда точно?

— После трех, около половины четвертого. Я только что привел домой из детского садика Лине. Стиг бежал через сад по дорожке, когда я разговаривал с ней. За ним присматривает «дневная мама»¹, одна женщина по соседству. Когда я возвращаюсь, то звоню ей, и он идет домой.

— Он идет *один*?

— Ну да. Она живет сразу за углом, сорок-пятьдесят метров отсюда, никаких улиц переходить не надо. Он сам так хочет, не разрешает его провожать.

---

¹ В Норвегии руководитель маленького детского сада, обычно у себя на дому.

Это началось несколько месяцев назад. Май-Бритт и я сначала возражали, но он отказывался ходить с нами, шел далеко позади... Видишь ли, он может быть ужасно упрямым. Но...— Финн-Эрик дотронулся до глаза, который дергался беспрестанно.— Он пойдет в школу через полтора года, так что... это хорошая подготовка...— Он замолчал.

— О чем вы говорили, о чем-то особом?

— Май и я? Нет, мне кажется, нет. Все как обычно, мы говорили о том, о чем всегда. В порядке ли дети. Когда она вернется, что нам ее не хватает, и все такое...— Финн-Эрик взял стеклянный кофейник и налил кофе в кружки.

— Но ведь телефон стоит в прихожей.

— Да? — Финн-Эрик неуверенно посмотрел на него.

— Ты не видишь оттуда, идет ли по саду Стиг, не видишь, что он идет домой.

— У нас переносная трубка,— сказал Финн-Эрик.— Май спросила, вижу ли я Стига, все ли с ним хорошо, я подошел к окну и выглянул. Вообще-то она спросила, есть ли на нем красная куртка и синяя шапочка. Так оно и было. Я засмеялся и сказал, что она здорово угадала, потому что он не носил эту куртку с осени. Понимаешь, вдруг потеплело. Она не стала возражать, но сказала, что я должен лучше присматривать за Стигом и Лине. Я сказал, что, конечно, буду. И мы положили трубки. Это был самый обыкновенный разговор.

— Нет,— сказал Эвен.— Нет, неужели ты не чувствуешь? Она знала, в какой он одежде.

Финн-Эрик непонимающе посмотрел на него.

— Вот черт, как ты не видишь? Стиг был их заложником... То есть они угрожали что-то сделать с ним, если только она не...

— Успокойся, Эвен! — Финн-Эрик посмотрел на него устало и безнадежно. — Май-Бритт, конечно, угадала, в какой он одежде. У Стига не так уж и много курток. Может быть, она посмотрела, какая погода в Норвегии...

— За каким дьяволом ты все это делаешь, мужик! — закричал Эвен и топнул ногой. — Ты несешься, как ураган, ради того, чтобы узнать, почему она покончила жизнь самоубийством, и не можешь узнать. А когда я начинаю высказывать обоснованные предположения...

— Обоснованные предположения! Да ведь никогда... Может быть, ты спросишь себя сам, какое ты имеешь к этому отношение, — покрасневшие глаза Финн-Эрика уставились на него. — Май-Бритт исчезла из твоей жизни много лет тому назад. Она распрощалась с тобой. Она хотела от тебя избавиться, быть от тебя как можно дальше. Ты был дьяволом в ее жизни, самым худшим, что выпало ей на долю...

— *Дьяволом в ее жизни?* — прорычал Эвен. — Вот уж этого, черт побери, она никогда не говорила. Это ты говоришь, потому что ты чертов трус, который прекрасно знает, что она по-прежнему... — Эвен замолчал и брякнулся на стул. Посидел немного, уставившись в стол. Пробормотал извинения.

Финн-Эрик долго стоял как вкопанный, потом тоже сел с другой стороны стола.

— Это ее сестра, — пробормотал он, — она тебя... так называла.

— Я так и думал, — Эвен изобразил на лице ухмылку. — Она всегда считала меня порождением дьявола.

— А теперь... — Финн-Эрик встал и, уставившись в пространство, сказал: — А теперь убирайся.

Темнота за окном стала чуть-чуть менее плотной, часы на стене показывали, что до четырех оставалось уже немного. Эвен чувствовал, что еще чуть-чуть — и его мозг взорвется, он знал, что спать сегодня будет мало или совсем не будет. Он посмотрел на Финн-Эрика. Казалось, что еще пара слов — и тот упадет в кому: щеки запавшие, желтые при свете лампы, глаза ввалились.

Эвен помедлил и объявил:

— Завтра, в смысле уже сегодня, тебе надо, я думаю, отправиться в полицию.

Финн-Эрик непонимающе посмотрел на него.

— Я уже говорил с ними. Они позвонили и рассказали, что Май-Бритт...

— Даже если ты не веришь, что ее заставили, ты должен сообщить им мысли и сведения, которые помогли бы начать расследование. Я не понимаю, почему ты избегаешь...

— Это не потому, что я не хочу, — прервал его Финн-Эрик с лихорадочными пятнами на щеках. — Но я надеюсь... То, что мне нужно именно сейчас, это получить покой, чтобы опять начались будни, чтобы у детей все было нормально, хочу выспаться, хочу...

— Я понимаю, — сказал Эвен, когда Финн-Эрик замолчал. — Мне кажется, я тебя понимаю, Финн-Эрик. Но я также понимаю... — Он собрался с мыслями и продолжил: — Я думаю, что кто-то был поблизости в тот день и видел мальчика, то есть Стига, видел, как он идет домой от «дневной мамы», видел, во что он был одет. Этот человек позвонил Май... Нет, он позвонил тому, кто был рядом с Май. Со своего мобильного телефона он позвонил тому, кто угрожал ей. Ты не обратил внимания, на улице был какой-нибудь посторонний автомобиль?

Финн-Эрик взял себя в руки.

— Не знаю... Может быть, за углом, я не знаю. Отсюда не видно. Но ты считаешь...

— Да, черт побери. Я думаю, что Май позвонила тебе и получила подтверждение, что за мальчиком установлено наблюдение. Она поняла, что кто-то мог... похитить его, застрелить его, сделать еще что-то, откуда мне знать,— когда он шел домой. А зачем иначе она стала бы спрашивать про куртку и шапочку? Вы ведь, наверное, не устраиваете конкурса на тему детской одежды каждый раз, когда разговариваете, или устраиваете? — Эвен заметил, что чересчур повысил голос, и, извиняясь, развел руки. Черт знает до чего он устал.

Адамово яблока Финн-Эрика дрогнуло, он проглотил слюну.

— И она получила подтверждение, что нужно выбирать между собой и детьми.

— Да, думаю, что так.

Финн-Эрик резко встал и подошел к раковине. У Эвена выплеснулся кофе, когда Финн-Эрик бросил свою кружку в мойку.

— Подонки проклятые! — Он стоял, держась за край раковины, наклонившись, словно его сейчас стошнит.

Эвен поднялся, подошел к нему и осторожно положил на плечо руку.

— Если ты хочешь, чтобы полиция схватила этих свиней, ты должен предоставить им все необходимые сведения.

Финн-Эрик стряхнул его руку и подошел к двери.

— Да,— сказал он безо всякого выражения.— Я поговорю.— Он избегал смотреть Эвену в глаза. Все, кроме сна на протяжении сотни лет, было для него невыполнимой задачей.

— Отправляйся завтра. Я могу зайти присмотреть за детьми.— Эвен задумался, что полагается делать, когда присматривают за детьми. А им, кажется, два и четыре года.

Финн-Эрик вяло кивнул.

— Да. Конечно. Да.

Эвен надел куртку и вышел в коридор. Остановился.

— При тебе Май упоминала когда-нибудь человека по имени Симон Латур? Э-э, кстати, по какому номеру вызывают в Осло такси?

Финн-Эрик снял с крючка над дверью связку ключей.

— Латур? Нет. Думаю, что нет. Возьми мою машину.

ГЛАВА 17

Автомобиль стоял в тени от припаркованного грузовика, так что желтый свет уличного фонаря не попадал на переднее стекло. Шофер, согнувшись, сидел в крошечной темноте и наблюдал за домом через объектив фотоаппарата. Когда палец нажал на кнопку, раздался щелчок, и изображение на маленьком экране застыло на несколько секунд. Фотоаппарат лег на колени, где лежал бинокль ночного видения. Часы на дисплее показывали 04.47. Ночь вползала в свой самый холодный и самый тихий период. На стеклах местами образовался лед. Термос на сиденье пассажира был уже пуст, оставался только слабый аромат кофе. В кармане завибрировало. Шофер положил фотоаппарат рядом с термосом и вынул мобильный телефон.

— Да? Нет, сидят на кухне и разговаривают. Что? Да, о'кей, сделаю... Подожди, что-то происходит...

Свет на кухне выключили. Уличная дверь вскоре распахнулась, полоса желтого света упала на лестницу и часть сада. Человек с сумкой на плече вышел, другой стоял в дверях и показывал, потом что-то сказал и закрыл за собой дверь. Свет пропал. Шофер взял бинокль и стал следить за силуэтом, который подошел к машине и отпер дверь. Слабое гудение автомобильного двигателя нарушило ночную тишину. Машина выехала, резкий свет полоснул по дороге. Шофер съехал на своем сиденье, дал машине завершить поворот и исчезнуть в южном направлении.

— Алло, это ты? Да, он уехал. Принимаешь его? О'кей.

Шофер сунул мобильный телефон в карман, завел мотор и отъехал от грузовика. Без особого шума машина двинулась в противоположном направлении и через некоторое время исчезла на бесчисленных улицах, как будто ее никогда и не было.

ГЛАВА 18

Свет уличных фонарей скользил по переднему стеклу машины ритмическими волнами. Эвен кивнул зеркалу, сбавил скорость и свернул налево, не включив сигнал поворота. Вспомнил о нем, только проехав угол. Он очень давно не водил машину. Почувствовав, что дорога скользкая, он ехал с небольшой скоростью. Еще раз взглянув в зеркало заднего вида, чтобы проверить, не едет ли кто-то за ним следом, он увидел сигнальные

огни фургона, которые стремительно приближались к нему. Эвен резко взял в сторону, внимательно наблюдая за маневрами фургона. Тот внезапно сменил направление и объехал его, облив снегом с грязью, помчался к Согнвейен и исчез. На нем были буквы «ВГ»¹. Четвертая власть должна срочно доставить жизненно важные новости. Эвен свернул налево, затем сразу направо, так и не увидев огней, которые следовали бы именно за ним.

Колеса заскрипели о край тротуара и остановились. Машина была совершенно чистая, когда он в нее сел. И сейчас провел рукой по крыше, прежде чем отпереть дверь. Он представил себе Финн-Эрика, который в воскресенье утром перед посещением церкви моет и чистит стекла. Увидел Май, стоящую на кухне в переднике и занимающуюся приготовлением обеда, и детей в матроске и розовом тюлевом платице. Счастливая семья. «За каким чертом люди по доброй воле покупают „Датцун“?» — подумал Эвен и убедился, что двери надежно заперты, потом взял сумку и пошел по плиткам дорожки.

Приняв душ, он лег в постель и уставился в потолок. Тело было все еще в напряжении и не желало двигаться, вело себя так, будто где-то на затылке у него обосновался выключатель, который он забыл выключить.

В соседней квартире зазвенел будильник, его быстро выключили. Вскоре он услышал, как сосед-пекарь задвигался, он разговаривал с женой, казалось, через толстый слой шерсти, а может быть, старался перекричать радио? Через некоторое время наступила тишина,

---

¹ ВГ — сокращение от «Верденс Ганг» — крупная норвежская газета.

хлопнула наружная дверь, и с другой стороны дома завели машину. Она стояла и гудела, видимо, пекарь стирал снег со стекол, потом прибавил газу, приводной ремень, похоже немного ослабнувший, взвизгнул, и машина исчезла, растворилась в звуках собственного пыхания.

Другие соседи спокойно спали. Все-таки выходные.

Эвен поднял руку и приставил палец ко лбу. Медленно провел его вниз ко рту, раскрыл губы и вставил в рот. Почувствовал, как кончик пальца касается нижней губы, словно холодный ствол. Стала нарастать тошнота, он сказал: «Бах!» — и повернулся на бок. Чувство боли перешло из живота в горло.

Почему она должна была умереть? Если уж кто-то заслуживал пули, так это он, Эвен. А она была хорошим, сердечным человеком. Может быть, слишком хорошим. Таким хорошим, что Эвен первое время ошибочно воспринимал это как наивность. У нее в голове не было ни одной злой мысли. Для нее зло было порождением дьявола, тем, что полагалось удерживать от себя на расстоянии посещениями церкви и вечерней молитвой. Вот так просто было все для нее. Для нее зло было то, что находится в другом месте. Она тогда не знала, что жила с этим злом в одном доме, обедала с ним, спала с ним каждую ночь.

Он никогда не рассказывал ей о своем прошлом. Сказал только, что мама умерла молодой. Об отце он вообще ничего не знал. Так он сказал. Она поняла, что об этом не стоит говорить, и несколько лет они избегали этой трудной темы. Но время шло, и она больше не могла согласиться с тем, что ее оставляли в неведении, окружали какими-то тайнами. Как бы там ни было, Эвен был человеком, с которым она разделяла

жизнь. Нельзя оставлять что-то недосказанным, заявила она ему. Она стала задавать вопросы. Когда умерла мать, как, от какой болезни? Где она похоронена? И об отце, знал ли Эвен, кто он, было ли у него имя? Эвен отказался отвечать и ушел, прихлопнув дверью все вопросы, прищемив желание Май разбираться дальше в этой теме. На какое-то время.

Вопросы возобновились. Она потребовала отвечать, сказала, что любой другой вариант был бы противоестественным.

Но он так никогда и не сказал ничего. Даже когда она перестала разговаривать, когда он понял, что все между ними кошмарно плохо. Никогда.

И по-другому быть не могло.

Эвен потянулся, полежал немного и понял, что не уснет. Встал и пошел на кухню с сигаретой. Это довольно скоро стало его вредной привычкой. Раньше Май этого не позволяла. «Либо я, либо курение», — говорила она.

Он потушил сигарету в мойке и вошел в маленькую кладовку за прачечной. Покопавшись в картонных коробках, нашел то, что искал: кожаные ножны с пятью маленькими стальными ножами. Специальными ножами для метания. Он их купил много лет тому назад, когда они в первый раз собрались к родственникам Май в их хижину¹. Тогда у него родилась нелепая идея, что нужно обезопасить себя на природе от медведей, росомых и черт знает кто там еще есть. Он был жителем Осло, мальчишкой однозначно городским. Ему с лихвой хватало природы в парке королевского

---

¹ В Норвегии небольшой дом, находящийся далеко от населенных пунктов, как правило, среди красивой природы.

дворца и той, что можно встретить во время прогулки вдоль речки Акерсэльв. Он не балдел от турпоходов в Нурмарка и Эстмарка в окрестностях города, это было для коллективистов, для тех, кто любил шлепать гуськом друг за другом, — такая у него всегда была точка зрения. Но природа покорила его, вызвала к жизни те стороны его натуры, которых он раньше не знал. Он стал совершать длительные прогулки без книжки в руке, без мобильного телефона, без пера и бумаги. С ним не было ничего, кроме собственных мыслей и буйной зелени Рендалена вокруг. Все это так подействовало на него, что он назвал эту хижину среди природы своей второй музой, и все время подначивал Май еще раз съездить туда. Май подумала, что его привлекало общение с ее родственниками. Она почувствовала облегчение, что все, чего она долго боялась, оказалось не такой уж проблемой. Она позаботилась о том, чтобы все или хотя бы некоторые родственники тоже приезжали в Рендален, когда они собирались туда. Эвен очень быстро увидел, что ножи для метания оказались и глупыми, и бесполезными в дикой природе, но оченьгодились против этих улыбчивых, жизнерадостных христианских родственников во время общения с семьей Фоссенов. Когда застольные молитвы, совместное пение и их радостная болтовня начинали действовать ему на нервы, он садился на крыльцо и начинал бросать ножи. На расстоянии пяти-шести метров от него стоял пень, и Эвен все бросал и бросал ножи, говорил: «Вот так!» и «Хватит!» — но снова бросал, когда его тесть подсаживался поговорить или сестричка Карен спрашивала, все ли у него хорошо, а ее омерзительный муж начинал распространяться о жизни и смерти. Как бы то ни было,

он не мог совершать прогулки все время или же заниматься любовью с Май на берегу лесного озера, что было для него вторым главным делом в эти дни на природе. Он бросал и бросал ножи и достиг такой степени совершенства, что однажды взял и избрал другую цель — пень на расстоянии восьми метров, и к своему изумлению обнаружил, что все нужно начинать сначала.

С основательностью, характерной для математика, он стал анализировать процесс. Расстояние, скорость полета, вращение. Важными были эти три фактора. Он составлял в голове уравнение, решал его, а рука в это время бросала. Он учитывал ошибки, бросал снова и ощущал по напряжению мускулов, правильная ли скорость полета, а по легкому повороту кисти — достаточно ли скорость вращения. Чем быстрее вращение, тем труднее рассчитать попадание. Он менял цели и расстояния, делал их то короче, то длиннее, достиг такой степени совершенства, что тесть сказал, что ему можно выступать в цирке. Это была, конечно, шутка. Никто в этой семье не был знаком с людьми, выступающими в цирке, — и, наверное, это было хорошо.

Эвен положил ножны на стол и поставил вариться кофе. Пока кофейник закипал, он стал вынимать ножи, один за другим, и щупать у каждого острие. На них были зазубрины, но все можно наточить, и они станут как новые. Девять лет, может быть, десять, сосчитал он. Средняя продолжительность жизни пушиного зверя норки. Прошло столько лет с тех пор, как он кидал ножи в последний раз. Поездки в хижину становились все реже. Они переехали в этот секционный дом, и Эвен подумал, что пустынная природа находится от него на расстоянии короткой автомобильной поездки

в Эстмарка. Ножи были забыты и спрятаны Май, которая никогда не одобряла этого увлечения.

Он налил себе кофе и пошел в кладовку за точильным бруском. Нашел там еще старую мишень для дротиков, принес в кухню и приставил к столу. Налил воды в стакан, стал точить. Очень успокаивал однотонный скрежет металла о камень, была какая-то прелесть в том, как зазубренное лезвие опять становилось ровным и блестящим. Он следил за тем, чтобы нож был острым, но не слишком. Шло время, и, заточив два ножа, он остановился. Потом повернул стул и посмотрел на мишень.

Медленно поднял руку, прицелился и бросил. Нож попал боковой стороной ручки и со звоном упал на пол. Он поднял другой нож и бросил его, встряхнув кистью. Нож воткнулся косо и упал. Эвен поднял ножи и стал снова бросать. Первый попал в дверцу кухонного стола прямо над мишенью. Эвен выругался. Второй воткнулся в центр мишени с такой силой, что потребовались большие усилия, чтобы вытащить его.

Он продолжал бросать, переходя с места на место. Вошел в комнату и бросил через дверь. Постепенно он становился все более уверенным в определении расстояния и восстановил ощущение полного контроля.

В кладовке он нашел старую ленту для волос, которой была перевязана коробка с обувью.

«Рембо». Он почувствовал себя Рембо, когда наклонился, поднял брючину и несколько раз обвязал ленту вокруг лодыжки. Она сидела прочно. Он осторожно подsunул лезвие ножа под ленту острием вниз и убедился, что она держится хорошо. Встал и походил по комнате, но кончик ножа коснулся ступни. Если он упадет или просто будет идти быстро, нож воткнется в

ногу или даже разрежет кожу. Он вынул нож, перевернул острием вверх. Это означало, что ему нужно проявлять осторожность, когда он будет брать его, чтобы не порезаться. Нож совершенно не чувствовался, когда он пошел в туалет.

Он посмотрел на часы. Пора было ехать к Финн-Эрику присматривать за детьми.

ГЛАВА 19

Хорошо, что Финн-Эрик не попросил показать ему водительские права, подумал он, припарковывая машину.

Финн-Эрик был выбрит, но в остальном имел тот же жалкий вид, что и несколько часов назад. Эвен не стал спрашивать, спал ли он. Лине и Стиг стояли позади отца и выглядывали из-за спины. Эвен почувствовал себя огромным и страшным. Сделал попытку улыбнуться.

— Я сварил детям кашу. Когда ты их покормишь, они могут поиграть. Штанишки Лине я только что сменил. Так что новые будут нужны, только если она обмарается,— Эвен с ужасом взглянул на него.— Но это вряд ли произойдет,— успокоил его Финн-Эрик и устало обернулся.— У нее в последние дни запор.— Он постоял немного, не зная, что еще сказать.— Ну, я поехал. Я рассказал Стигу, что ты будешь за ними присматривать. Он, наверное, думает, что это будет весело. Спросил, умеешь лишь играть в «Лего».— Финн-Эрик показал на дверь в коридоре.— Не забудь,

что тебе не разрешают ходить в подвал, Стиг.— Мальчик усиленно закивал головой, так что его волосы встали дыбом.— Лестница крутая, а перила ненадежные,— объяснил Эвену Финн-Эрик.

Финн-Эрик взял ключи от машины, обнял детей и ушел.

Эвен перенес вес с одной ноги на другую. Стиг взял его за руку.

— Пойдем, дядя,— сказал он и повел Эвена на кухню. Эвен посмотрел на Лине, которая осталась стоять на месте.

— Наверное, надо ее взять и...— пробормотал он, отошел назад и хотел поднять девочку. Она взвизгнула так, что он отскочил и спрятал руки за спину.

— Лине придет,— по-стариковски вздохнул Стиг и повел его. Они сели за стол. Стиг подул на кашу и стал есть.— Хочешь есть, дядя? Папа говорит, что в кастрюле есть еще.

— Эвен. Меня зовут Эвен,— сказал он и взял из шкафа тарелку.— Можешь меня называть так.

— Да. Ложка вон там,— Стиг указал на ящик.

В двери появилась Лине и посмотрела на них. Медленно подошла к раскладному стулу и взобралась на него. Эвен подставил ей тарелку и сам сел есть. Подумал, что если он не будет говорить, то она не испугается.

— Мама уехала,— сказал Стиг и посмотрел на Эвена большими глазами.— Уехала и не вернется. Уехала далеко-далеко, но не потому, что мы вели себя плохо, а потому, что она умерла.— Он набил рот и показал на холодильник.— Можно молока, дядя?

— Эвен,— сказал Эвен и почувствовал себя дураком. Он вынул молоко и нашел в шкафу стакан.

— Лине надо дать ее чашку,— сказал Стиг.— Синюю.

Эвен нашел синюю чашку с тяжелым дном, которую трудно опрокинуть.

Они сидели и долго молчали. Дети чмокали и пили молоко. Линне, не переставая, смотрела на Эвена серьезными голубыми глазами, словно ей поручили следить, как бы он не сделал что-нибудь неправильное. Эвен вспоминал, как полагается разговаривать с малышами. Май очень давно начала подговаривать его завести ребенка. Он увиливал от разговора до тех пор, пока это было возможно. Когда эта тема возникала с прямым вопросом «когда?», он говорил, что у них нет денег и что оба студенты. Надо иметь постоянную работу, говорил он и чувствовал себя филистером. Потом они получили образование, получили работу, сравнительно постоянную и такую интересную, что Май на время «забыла» про ребенка. Но спустя какое-то время она заговорила об этом снова.

— Что это? — спросил Стиг, и Эвен дотронулся до глаза.

— Это шрам, я однажды ударился, пошла кровь, — сказал он, вспоминая комод, стоявший в коридоре. Вспомнил, как закричала мама, когда брызнула кровь. Врач сшил ранку четырьмя стежками и посмеялся над маминой историей о велосипеде. — Дети в девятилетнем возрасте *должны* уметь прыгивать с велосипеда, — сказал он. — Это часть детства. — Эвен сказал что-то, мама сказала «тсс» и взяла его за рукав. Врач улыбнулся и заметил, что вечером перед сном надо принять две болеутоляющих таблетки и...

— У меня тоже шла кровь, — сказал Стиг, с трудом задрал штанину и показал старые царапины на колене.

Покончив с кашей, они перешли в комнату. Она была продолговатой, обеденный стол ближе к кухне, с

другой стороны диван и телевизор. Норвежский стандарт. Эвен сел на диван и протянул руку к пульту.

— Играть будем? — спросил Стиг.

Эвен поднялся и проводил его в уголок, где стояли стол и два детских стульчика. Рядом со столом полочка, на ней коробки с игрушками. Стиг снял одну коробку с игрой ЛЕГО-Дупло. — Мы можем построить замок, — сказал он, — у тебя будут дракон и свиньи, а я буду жить в замке и кидать в тебя кубики.

— А Лине? — Эвен посмотрел на девочку, стоявшую в стороне.

Стиг не обратил никакого внимания на вопрос и стал строить замок, что-то рассказывая и объясняя, совершенно не интересуясь, слушают ли его. Эвен взял с пола куклу и показал девочке: — Это твоя, Лине?

Девочка подошла, вырвала куклу и исчезла за дверью. Эвен подождал, но она не появлялась. Он подошел к двери и заглянул: видимо, это был кабинет. У окна письменный стол с компьютером. Лине сидела под столом, прижав куклу подбородком, круглые глаза смотрели не мигая. У ног лежала детская книжка «День большого беспорядка», одна страница была наполовину вырвана. Эвен осторожно перешагнул через порог, не зная, как отреагирует на это девочка, но она только прижала к себе куклу.

Он осмотрелся. Маленький кофейный стол и два часто используемых кресла стояли у одной стены, у другой полка ИКЕА сгибалась под горой книг, журналов, скоросшивателей, старенького проигрывателя и довольно большого количества компакт-дисков.

Эвен подошел поближе: 10сс, Билли Идол, Дуран-Дуран, Сигварт Дагсланд, Сиссель Чюркебё. Он закатил глаза. Определенно не музыка, которую любила

Май, даже этот Дагсланд. Она никогда не интересовалась тем, что Эвен называл христианский поп. Правда, она с собой в семейную жизнь принесла одну пластинку с записью *Oslo Gospel Choir*¹. Но он ни разу не видел, чтобы она поставила ее на проигрыватель. Видимо, основателем всей коллекции безвкусицы был Финн-Эрик.

На стене около одного кресла — целая фотовыставка, одно фото на другом. Финн-Эрик обнимает беременную Май. Май и маленький Стиг на берегу. Финн-Эрик и Май на лестнице у церкви в свадебных нарядах, счастливые молодожены. Не очень они спешили, у Май довольно заметный животик, подумал Эвен. Последнее фото спряталось за другими, Эвен отодвинул его. Вся семья, все четверо смеются около хижины в Рендалене. Эвен почувствовал физическую боль, когда увидел на заднем плане хижину, и уронил фото на письменный стол. Подумал, что Май, пожалуй, могла переменить свой музыкальный вкус всего за пять лет. От Бетховена, Шуберта, Шопена к поп-классикам, Бон Джови, Роду Стюарду, Филу Коллинзу.

Страдающий Иисус взирал на него с пластикового распятия, висевшего над фото. Эвен отвел глаза, подавив стон.

Лине внимательно взглянула на него, когда он с извиняющейся улыбкой наклонился, чтобы нажать на кнопку выключателя компьютера рядом с ее коленями. В ящике щелкнуло и загудело, монитор засветился.

Он пододвинул к себе канторский стул на колесах и начал просматривать, что было на рабочем столе под именем «Май» среди «Моих документов», но ни-

---

¹ Церковный хор Осло (англ.).

чего не нашел. Под именем издательства «Феникс» тоже ничего не было. И под «Историей». Были в основном файлы с перепиской, которая явно касалась страховых дел Финн-Эрика, или финансовая документация семьи, сроки выплат за дом, автомашину и т. д. Эвен искал дискеты и компакт-диски, но они тоже касались хозяина или его работы.

Он стал искать на рабочем столе монитора *Outlook Explorer* и вдруг, к своему изумлению, обнаружил, что компьютер вообще не подключен к сети. Он выключил компьютер и сел в кресло. На столе лежали две стопки книг. Он взял верхнюю.

— Боже! — пробормотал он. — *David Brewster. Memoirs of The Life, Writings, and Discoveries of Sir Isaac Newton*¹, том 1. — Он взял еще одну книгу. — Вот черт! — сказал он и уставился на нее.

— Ругаться нельзя! — раздался серьезный голос из-под стола. Он так же серьезно кивнул Лине и еще раз посмотрел на книгу: *David Castillejo. The Expanding Force in Newton's Cosmos: «As Shows in his Unpublished Papers»*². Эвен просмотрел всю стопку. Две книги были о Ньютоне, а еще одна — старинная рукописная книга с названием *Origins of Gentile Theology*³, остальное — книги по истории, рассказывающие примерно о 1700 годе, а также книги о птицах, обитающих в Норвегии, в особенности в фюльках Акерсхус и Эст-фолл.

---

¹ Дэвид Брустер. Воспоминания о жизни, творчестве и открытиях сэра Исаака Ньютона (англ.).

² Дэвид Кастиллейо. Расширяющая сила в Космосе Ньютона «Как она представляется по его неопубликованным сочинениям» (англ.).

³ «Происхождение языческой теологии» (англ.).

Эвен полистал книги о Ньюtone. Некоторые предложения были подчеркнуты, на полях короткие комментарии, начертанные легко читающимся почерком Май: *bm!*, *alcl*, *pers.*, *besk.* и другие.

Неужели Май собиралась издать одну из этих книг? Вряд ли, они были слишком сухими, слишком специальными и слишком уж английскими. Но возможно, это был подбор материала для подготовки новой книги, которую надо было перевести или, может быть, написать?

У Эвена в груди зашевелилось ощущение неудовольствия. Невозможно было отделаться от чувства обиды. Странно, что *о нем* Май не вспомнила, если уж запланировала выпустить книгу об этом гиганте.

Он нашел страницу с расчетами траектории движения физических тел и закрыл глаза от режущего чувства ностальгии в связи с этими имевшими эпохальное значение заметками. Они были написаны три сотни лет тому назад. А мир все еще зависит от них, как будто это открытие сегодняшнего дня. То, что Ньютон сделал для математики и физики, можно сопоставить с тем, что Иисус сделал для религии. Нет, больше, потому что индийцы и китайцы обходятся, в основном, без Иисуса, а без открытий Ньютона они обойтись не могут.

— Что ты здесь делаешь?!

Эвен стал лихорадочно моргать, чтобы глаза видели лучше.

— Ай-ай-ай! Я, кажется, задремал.

— Нечего рыться в чужих вещах,— Финн-Эрик гневно топнул ногой. Подойдя к столу, взял фото, снятое в Рендалене, и повесил на старое место.— Убирайся отсюда!

Эвен поднялся.

— Вот, черт. Я только посидел и тут же...

— Пошел вон отсюда!

— Да-да, успокойся.

Финн-Эрик захлопнул дверь, и дети, сидевшие в своем уголке с куклами и ЛЕГО, посмотрели на них широко раскрытыми глазами.

Они перешли на кухню. Эвен сразу сел, а Финн-Эрик стал нервно накрывать на стол, готовясь к завтраку. Эвен взял ломтик хлеба, пожевал немного и спросил:

— Что сказали в полиции?

Финн-Эрик покричал на детей, заставил их успокоиться на своих стульях, потом, не глядя на Эвена, ответил:

— Они, точнее он, некий старший полицейский по фамилии Молвик, сказал не очень много.— Финн-Эрик, не прерывая рассказ, намазывал бутерброды детям и не заметил, что в глазах Эвена засверкали молнии.— Он записал то, что я ему сообщил, и обещал позвонить мне, если у него будут вопросы или новости.

— Этот Молвик — ты говоришь, старший полицейский,— он, что же, не понял, что Май заставили сделать это... ну, сам знаешь, что именно,— Эвен налил молоко себе в стакан и теперь смотрел на него с отвращением. Он терпеть не мог молока, а сейчас налил только для того, чтобы что-то сделать, просто пошевелить пальцами.— Я хочу сказать, что, когда мне тоже подбросили в сумку пакетик этого дерьма, стало ясно, что и ее кокаин...

— Я сказал это. Я сказал, что она никогда в жизни... Ну, вот это...— Финн-Эрик покосился на Стига, который ел и внимательно слушал их разговор.— Я сказал, что она никогда не... если бы ее не заставили.

Еще сказал, что она не стала бы одурманивать себя.— Еще я рассказал о...— Он кивнул в сторону Стига, не глядя на него.— Рассказал, что она знала, что на нем был надето, что кто-то его видел, но...

— Но что?

— Не похоже, что он не особенно оценил эту деталь или не счел ее чем-то важным. Единственный раз, когда он...

— Что?

— Единственный раз, когда старший полицейский Молвик показался мне по-настоящему заинтересованным, это когда я сказал, что ты нашел пакетик белого порошка у себя в сумке и выбросил содержимое в туалет. Он спросил, почему ты не пошел в полицию с найденным порошком. Стал расспрашивать о тебе, где ты работаешь, какое отношение имеешь к Май-Бритт и всякое такое. Когда я назвал твоё имя, он хмыкнул и сказал, что тогда все понимает.— Финн-Эрик посмотрел на Эвена: — Что он понимает?

— Откуда мне знать? — кратко ответил Эвен.

— Но тут он добавил что-то... странное, пробормотал, видимо, для себя. Но когда понял, что я его услышал, спохватился и добавил, что это просто так, это не надо принимать всерьез.— Финн-Эрик замолчал, забыв вынуть нож из масла, и испытующе смотрел на Эвена.

— Да, так что он сказал? — Эвен почувствовал нарастающее раздражение.

Никак ему не добиться покоя. Прошрое не отпустило его, оно, как чертова ищейка, шло по его пятам упорно и терпеливо.

— Он сказал: «У этого мерзавца не в первый раз кровь на руках». Что он этим хотел сказать?

Эвен почувствовал, как у него в висках застучало, и встал, чтобы вылить молоко и налить в стакан холодной воды. Медленно выпил, чтобы успокоиться.

— Я не знаю, что он хотел сказать,— ответил он Финн-Эрику и сел.— Наверное, пустая фраза, просто так сказал, откуда мне знать. Я только надеюсь, что он сделает что-нибудь с расследованием ее само...— Эвен посмотрел на две пары детских глаз, которые, как прикованные, следовали глазами за всеми его движениями, словно щенки, следящие за палочкой,— э-э, самостоятельного поведения.

— Возможно, что он с тобой свяжется,— Финн-Эрик положил еще один ломтик хлеба перед Стигом и стал выяснять, какой именно бутерброд ему сделать.

— Надеюсь, что свяжется,— соврал Эвен, глядя себе в тарелку. Взял баночку с вареньем и положил на хлеб очень много варенья. Выпил кофе, чтобы освежить мозги.— А что, Май работала над книгой о Ньютоне?

— Ньютоне? М-да, возможно. Я же говорил, что у нее всегда было много дел одновременно. Читала массу книг о восемнадцатом веке, потому что им прислали рукопись, исторический криминальный роман об убийстве и махинациях в то время. Один Йелм попросил Май-Бритт стать консультантом по этому произведению, то есть посмотреть, нет ли там анахронизмов, и все такое. Я это знаю, потому что Май-Бритт спросила меня о страховых компаниях, существовали они в то время или нет, в смысле, для обыкновенных людей.

— И что, существовали?

— Этого я не знаю. Историю этого дела я не знаю. Я знаю только, как все работает сегодня.

Эвен опустил глаза в чашку. Неужели же он, Эвен Вик, был такой большой задницей, что вот эта размазня,

сидевшая по другую сторону стола, могла стать ему той альтернативой, которую предпочли? Страховой агент, который в свободное время наблюдал за жизнью птиц, причем добровольно! Вместо того чтобы помогать жене, когда она задавала интересные вопросы.

— В семнадцатом веке Пьер Ферма разработал положения, из которых потом выросла теория вероятности,— сказал Эвен.— Она, можно сказать, жизненно необходима для страховых компаний. Они используют ее каждый день, когда оценивают риски, будь то страхование жизни человека или страхование велосипеда и всего чего угодно.

— Да неужели,— Финн-Эрик сделал еще один бутерброд Лине и спросил Стига, наелся ли он.

После этого Финн-Эрик убрал со стола и послал детей поиграть. Мужчины сели на диван пить кофе так, чтобы все время видеть детей, игравших в саду.

— Я кое о чем подумал,— сказал Эвен и вынул из кармана письмо Май. Оно стало таким потрепанным, что практически распалось на отдельные части.— Если ты помотришь текст, то увидишь, что слово «сердце» повторяется пять раз.

— Да,— сказал Финн-Эрик, глядя на синицу, сидевшую на ветке прямо за окном.

— Тебе не кажется это странным? Я хочу сказать, что Май была историком и в последние годы работала в издательстве. Это значит, что она писала все время, ее работа состояла в том, чтобы выражаться ясно и четко. И еще в том, чтобы критически оценивать, как формулируют свои мысли другие. Я думаю, что стремление избегать штампов было у нее в крови. Нет, это не штамп,— быстро произнес он, увидев, как сузились глаза Финн-Эрика.— Напротив, я несколько не

сомневаюсь, что она писала это от всего сердца. Но... пойми меня правильно, я пытаюсь разрешить загадку этого письма. Понять, есть ли тут что-то, что она хочет мне сказать, то есть нам. И пять раз слово «сердце» — это перебор.— Эвен развел руками.— И это единственное, за что я мог уцепиться, ну, не считая слова «вычитаемое». Но это не говорит ни чем, кроме того, что письмо адресовано и мне тоже.

Финн-Эрик взял письмо и потрогал краешек, бегло прочитал. Эвен увидел, что его глаза увлажнились.

— Извини,— сказал Финн-Эрик и выбежал из комнаты.

Эвен услышал шелест туалетной бумаги и потом громкое высмаркивание. Свет мартовского солнца падал через окно на пол, бесчисленное множество пылинок кружилось в солнечных лучах мерными движениями, напоминавшими танец эльфов. Казалось, время замерло. Эвену пришло в голову, что сегодня был последний день марта. Это, собственно говоря, ничего не меняло, какая разница — март или апрель? Время остановилось в пятницу на минувшей неделе, это произошло в тот момент, когда в своем кабинете он сидел с телефоном в руке и слушал Финн-Эрика. Время в мире продолжало идти, но его личное время попало в вакуум. Время не умерло, оно чего-то ждало. Эвен не совсем понимал, чего именно. Он потрогал свой живот. Только живот продолжал жить обычной жизнью, ощущал голод, урчал, пускал газы, опорожнялся. Боль. Боль была новинкой. Несколько раз в день боль появлялась и заставляла его сжиматься от полного бессилия.

Он поднялся и начал бесцельно ходить по комнате. Ему вдруг захотелось послушать, как Стан Гетц тихо

играет на саксофоне «*Misty*»¹. Именно так он себя и чувствовал: тихим и туманным. Он услышал, как Финн-Эрик спустил воду в туалете. Уж и впрямь, никакой помощи не дожدهшься от этого типа, подумал он и остановился перед полкой. Здесь тоже был норвежский стандарт. На плоскости полки возвышался телевизор, на маленьких полочках фарфоровые безделушки и несколько семейных фотографий. Коробка с игрой ЛУДО прикрывала колоду карт, перехваченную резинкой. Эвен приподнял коробку, взял колоду и перешел к столу. Отодвинул термос и стал раскладывать пасьянс. Выбрал один, первый пришедший в голову. Положил четыре карты вверх рубашкой, потом четыре открытые в том же ряду. Потом сделал то же самое в следующем ряду. «Безымянный» — называется этот пасьянс. Очень хорошо раскладывать во время охоты на то безымянное дерьмо, которое...

Он остановился и посмотрел на карту, которую держал в руке: пятерка червей².

Раффаэла, горничная в гостинице, что-то такое говорила...

— Послушай, Финн-Эрик! — Он чуть не опрокинул чашку кофе, бросившись от стола. — Финн-Эрик! Она раскладывала пасьянс? Я хочу сказать, во время своих поездок Май раскладывала пасьянс? И дома, и во время...

Финн-Эрик появился испуганный в двери ванной, вытирая полотенцем лицо.

— Пасьянс? М-да, думаю, что да. Она с собой брала колоду карт. Она часто сидит... сидела дома и раскладывала пасьянс по вечерам, особенно тогда, когда ей

---

¹ Туманный (англ.).

² Норвежское слово *hjerter* значит «червы» и «сердца».

надо было обдумать какую-нибудь проблему по работе. Она говорила, что это помогает ей сосредоточиться.— Он неуверенно улыбнулся, как будто просил извинения за дурацкое поведение.

Эвен отвернулся, чтобы скрыть довольную ухмылку. «Разложи пасьянс!» — сказал он однажды. Май с презрением посмотрела на него: «У меня в понедельник экзамен, а ты предлагаешь мне сыграть в карты». — «Нет, не сыграть в карты, а разложить пасьянс. Это совсем другое.— Он принял позу Цицерона и произнес с большим пафосом: — Медиативное влияние пасьянса на душу и дух, освежающее воздействие на интеллект невозможно переоценить. Разложив пасьянс разок-другой, ты становишься другим человеком, причем гораздо лучше». Май замахнулась на него грязным носком и стала гоняться за ним по двору. Но потом она сдалась. Увлеклась «Семеркой», одним из самых простых пасьянсов для начинающих. С течением времени она полюбила пасьянс, по меньшей мере, так же, как и он сам. И они соревновались, кто из них мог разложить максимальное количество так, чтобы сошлось.

— Почему ты спрашиваешь? — сказал Финн-Эрик, стоявший за спиной.

— У меня появилась мысль о пяти сердцах, тех которые упоминаются в письме.— Эвен изучал пятерку червей, карту, которую держал в руке. На лицевой стороне ничего не было видно, кроме цифры пять и пяти сердец.— Какую колоду она брала с собой в Париж? Ту, что я нашел на полке?

— Да, у нас нет других.

Эвен перевернул карту, сзади тоже ничего не было написано. Он подержал ее против света лампы под толком. Подвигал ее.

— Подожди! — сказал возбужденно. — Тут что-то есть. У тебя есть карандаш?

Финн-Эрик растерянно пошел в кабинет и вернулся с остро заточенным карандашом. Эвен приложил карту к стене, перевернул карандаш и стал катать тупым концом взад и вперед по обратной стороне. Постепенно, одна за одной, проступили пять неровных букв, которые образовали слово:

КИТТИ

ГЛАВА 20

Аккерсхус

Абсолютное пространство остается таким по своей собственной природе, без связи с чем-то внешним; оно всегда одинаковое и неподвижное. Абсолютное, истинное, математическое время течет само по себе, по своей собственной природе, так же без связи с чем-то внешним.

Май-Бритт пристроила книгу на коленях, заложив пальцем нужную страницу, и склонила голову набок. Небрежным движением она сняла соломенную шляпу, бросила ее на песок так, чтобы солнце могло беспрепятственно палить в лицо. «Мне нужен витамин D, чтобы восстановиться после долгой зимы», — подумала она и сосредоточилась на том, что только что прочитала.

Если Ньютон полагал, что время, независимо от того, называть его абсолютным, истинным или математи-

ческим, было равно своей природе, то это равнозначно тому, что время шло с одинаковой скоростью... все время. Что час был часом для всех, независимо от того, кто ты или где ты находишься. И так же обстоят дела с абсолютным пространством. Нам надо принимать его как данное, твердо установленное и универсальное место, которое не изменяется и не становится ни больше, ни меньше. Баста. Просто, ясно и обозримо.

Хотя во многих отношениях Ньютон опережал свое время, для современных мозгов такая мысль казалась устаревшей и почти по-детски наивной. Но фактически потребовалось двести лет, прежде чем некий Эйнштейн обнаружил относительность, разрушившую понимание пространства и времени, предложенное Ньютоном. Май-Бритт представила себе Ньютона, сидящего в кабинете и рассматривающего пространство, измеряющего его собственными глазами, всю видимую протяженность от угла до угла. От потолка до пола. Конечно же, оно не могло быть иным для тех, кто войдет в комнату. Они увидят то же, что видел он. Верить в противное было бы абсурдом. Абсолютным отсутствием логики. Он фыркнул с презрением и перевел взгляд на свои часы. Если время текло со скоростью двадцать четыре часа в сутки для него, то так же оно протекало и для всех других на земном шаре. А один час был один час, независимо от того, живешь ты в Кембридже, Париже или Бомбее. Ощущение часа всюду одинаковое.

— Мама, мама! Можно нам мороженого? — Голос Стига становился все громче и сильнее по мере того, как он приближался. — Мама, можно нам мороженого?

— Мама, мо-ёженое, — маленькая Лине потянула ее за рукав, и на ноги посыпался песок.

— Ах ты мое золотко! — Май-Бритт подобрала соломенную шляпу, надела ее и посмотрела на детей. — Если вы хотите мороженого, идите к папе, деньги у него. А кстати, где же он?

Стиг показал в сторону от пляжа. Май-Бритт разглядела Финн-Эрика, стоявшего у въезда на парковку автомобилей. Он разговаривал с мужчиной средних лет в костюме и темных очках. О, Боже, костюм в такую жару. Мужчина, кажется, смотрел в ее сторону. «Неприятный тип», — подумала она и посадила Лине на колени.

— Вас надо помазать кремом, а то солнышко скусает ваши маленькие спинки. Потом бегом бегите к папе и просите мороженое. Хорошо?

Вскоре малыши уже бежали по пляжу, так что песок летел из-под ног и прилипал к их коже. Она взяла книжку и стала читать. Чтение было трудное, но она дала себе зарок, что продерется через всю книгу, хотя порой она почти ничего не понимала. Нельзя же писать про Ньютона книгу, не прочитав то, что сделало его всемирно известным. Во всяком случае, надо попытаться прочитать. Пусть только сначала немножко отдохнут глаза, подумала она и опустила книгу. Детские голоса и смех, голос Луи Армстронга из динамика на крыше киоска, успокаивающий шум волн смешивались в ее голове и усыпляли. До чего же хороша эта жизнь, как же ей хорошо. *What a wonderful world*¹, — пел Луи Армстронг.

— Что ты читаешь? — Финн-Эрик поднял с песка книгу, и Май-Бритт сонно заморгала. — *Principia by Isaac Newton*², — громко прочитал он. — Приятное летнее чтение.

---

¹ Как прекрасен этот мир! (англ.)

² «Начала» Исаака Ньютона.

— А что бы ты сказал, если бы я читала это на языке оригинала? — засмеялась Май-Бритт.

— О! — Финн-Эрик посмотрел на английский текст. — Разве Ньютон был не англичанином?

— Англичанином, но писал он на латинском языке. Дети получили свое мороженое?

Финн-Эрик указал на Лине, которая стояла у воды. Мороженое текло быстрее, чем ее розовый язычок успевал слизывать капли. Они стекали по подбородку и пухлому животу. Стик уселся спиной к солнцу, пряча мороженое в тени, и быстро ел, чтобы ничто не пропало. День был, несомненно, самым жарким за все лето.

— Что это за тип, с которым ты разговаривал около машин?

Финн-Эрик устроился в шезлонге.

— Всего-навсего один клиент нашей страховой компании. У него украли машину, и теперь он хочет узнать, когда мы решим, сколько можно ему заплатить.

— А чем он занимается?

— Не знаю, — сказал Финн-Эрик и закрыл глаза. — Это, так сказать, не моя епархия. Его дело ведет Будиль Мюнте.

Май-Бритт посидела немножко, посмотрела на воду, затем вынула из сумки дневник и стала писать.

24 июля, пляж, Осло

Мне все больше нравится мысль о том, что надо смешивать выдумку и факты. Мне кажется, что, сочиняя то, что могло быть в мыслях Ньютона, придумывая его поступки в том мире и в то время, в которых он жил, за пределами известного с абсолютной точностью, можно создать вполне убедительную картину и его характера, и его времени. Более убедительную, чем она

сложилась бы, если придерживаться только фактов. Конечно, хорошее изложение фактов тоже может быть убедительным. Заманчива сама идея освободиться от гнета фактического материала, дать волю фантазии, заполняющей лакуны, которых бесспорно очень много вокруг человека по имени Ньютон.

Я поговорю об этом с Одином после отпуска.

ГЛАВА 21

— Ты знаешь какую-нибудь Китти? — хриплым голосом спросил Эвен.

Он стоял, вперив взгляд в имя на обратной стороне игральной карты, как будто боялся, что взлетит в воздух, если отвернется. — Кроме подруги Май, которая пела в церкви на прощании?

— Нет, — сказал Финн-Эрик и пальцем провел по длинной вертикальной черте в букве К, потом по такой же длинной косой черте в букве Y. — Май-Бритт писала это ногтем, вычерчивала, — пробормотал он. — Тот, кто стоял и следил за ней в гостинице, очевидно, позволил ей разложить пасьянс, пока они ждали... чего-то. — Финн-Эрик неуверенно посмотрел на Эвена. Но во взгляде его была и гордость. — Как ты думаешь?

Эвен кивнул.

— Возможно.

— Я знаю только одну Китти, ту самую подругу, — Финн-Эрик почесал в затылке. — Но фактически я с ней почти не знаком. Она позвонила несколько раз перед похоронами и спросила, можно ли ей спеть... Ее имя

Катарина или Катрине или как-то так. Но она сказала, что ее никогда не называют иначе, как Китти. Я помню, Май-Бритт назвала ее однажды, когда по телевидению передавали интервью с ней. Она сказала, что они были подругами в детстве. Кажется, она работает в высшей народной школе со спортивным уклоном.

— А живет она там же, где и раньше?

— Не знаю. Я ведь ее никогда не видел. А Май-Бритт до этого о ней не говорила. Во всяком случае, я не помню... «Где и раньше», говоришь ты. Так *ты* знаешь, где она живет?

Эвен прошел в комнату и плюхнулся на диван, не упуская из виду играющих детей, которые делали в саду маленького снеговика.

— Май и Китти жили коммуной, когда я познакомился с Май. Они двое и еще одна девушка купили дом в Несоддене. Кажется, большую часть оплатил отец Кити. Во всяком случае, Май получила всего несколько тысяч за свою долю, когда мы с ней стали жить вместе. Третья девушка вскоре уехала учиться в США, а Китти осталась. Во всяком случае, в то время. Не факт, что она там живет и сейчас, дом был старый и ветхий. Но зато с роскошным видом на Осло-фьорд.— Он прищурился: — Китти...

— Почему Май написала здесь ее имя? — Финн-Эрик вертел и крутил пятерку червей, как будто карта могла скрывать еще и другие тайны.

— Я как раз хочу ее спросить об этом,— сказал Эвен.

Под столом, где было не видно, он проверил, хорошо ли прикреплен к ноге нож. У него было огромное желание раздавить кое-кого, как гроздь винограда, желание пнуть этого «кое-кого» или ударить головой в живот. Он встал и взглянул на Финн-Эрика.

— Послу и поговорю с ней прямо сейчас.

— А не лучше ли сначала позвонить? Ехать далеко, а ее, может быть, нет дома.

— У тебя есть ее телефон?

— Мне кажется, она дала мне его тогда, во время похорон, на случай, если что-нибудь потребуется... Подожди,— он пошел в кабинет и вернулся с маленькой записной книжкой из пластика.— Вот, 66 91 50 50.

— 5050,— повторил Эвен и вышел в коридор к телефону. Триангуляция. Если сложить все числа от одного до ста, получится как раз 5050. Он набрал номер. После двух звонков трубку сняли, и женский голос сказал: «Алло!» Он послушал, голос еще раз сказал: «Алло», он положил трубку.

— Она дома. Поедешь? — Сказав это, он понял, что вопрос был глупый. Угрозы Май исходили из того, что у нее была слабость — любовь к детям. Ту же слабость имел Финн-Эрик. А вот Эвен был один. Его ни к кому ничто не привязывало — слабых мест не было.

Кроме того, он не хотел брать с собой этого недотепу.

Финн-Эрик посмотрел на детей и покачал головой — на счастье Эвена.

— Ладно. Можно одолжить твою машину?

— Ты думаешь, что она имеет какое-то отношение к смерти Май-Бритт?

— Я ее спрошу,— угрюмо сказал Эвен.

Китти. Подруга детства Май.

Они вместе учились в школе. Вместе делали все. Увлекались гимнастикой. Пели в хоре «Тен Синг». Вообще всегда всё делали вместе. Когда начинали учиться в университете, купили крестьянский дом в Несоддене и образовали коммуны. Эвен в это время жил к югу

от шоссе Е6. Он запомнил Китти как активистку, весьма склонную командовать. Она обожала выдумывать самые фантастические реставрационные задачи в доме, от которых просто волосы вставали дыбом. Делала полки, меняла трубы в туалете. Разобрала стену, которая, как потом объяснил ей Эвен, была несущей, отчего ему пришлось помогать ей укреплять крышу балками. Она нашла в амбаре старый трактор с различными орудиями, попросила соседа привести его в рабочее состояние и сделала вокруг дома новый дренаж. Когда, благодаря этому, из подвала ушла вода, она привела его в порядок и устроила там мастерскую и спортзал. «Она была наркоманом здорового образа жизни», — сказал себе Эвен и дал сигнал правого поворота по направлению к Несодалену. Дорога стала извилистой, машина заскользила, ему пришлось сбавить скорость... Китти бегала трусцой, поднимала штангу и ела только полезную пищу, отчего Эвен вскоре перестал обедать у них, если она была дома.

— Вкус омерзительный, и остаешься голодным, — пробормотал он, сворачивая налево к Мюклерюду и Стру. В одном месте какая-то лошадь с ним за компанию побежала по загону, но потом ее дернуло током, пропущенным через ограждение, она заржала и стала трясти гривой. Эвен повторил про себя вопрос Финн-Эрика: «Она имеет какое-то отношение к смерти Май?» Он заморгал от яркого солнца, которое выглянуло между облачками в этот морозный день. «А почему иначе ее имя было на колоде карт?» ...Здесь.

Он включил сигнал поворота и свернул на узкую, покрытую гравием дорогу. Посмотрел в зеркало заднего вида, нет ли за ним «хвоста», — он это делал все время, пока ехал из Осло. Маленький жалкий картонный указатель, обмотанный пластиком: «К дому Китти».

Подъехав, он увидел за садом море. Площадка была очищена от снега, под колесами хрустел гравий. Сам дом выкрашен в красный цвет — Эвен помнил его белым — с зеленой дверью и зелеными наличниками окон. Коровник и амбар справа от дома тоже совсем не выглядели ветхими. Та часть крыши, которая выглядывала из-под снега, смотрелась как новая, окна и двери тоже были новыми или хорошо отремонтированными и окрашенными. Он вышел из машины, сделал глубокий вдох и медленно поднялся по лестнице. Почувствовал, как нож трется о ногу, и захотел вынуть его.

Вместо звонка на двери был молоток — рыба с хвостом в виде креста. Не успел он постучать, как дверь открылась.

— Привет. Хорошо, что ты пришел,— сказала Китти.— Я тебя жду.

ГЛАВА 22

— Май-Бритт приезжала сюда несколько месяцев назад, в октябре или ноябре,— сказала Китти.— Сказала, что я должна кое-что сохранить. Спрятать это где-нибудь... все равно где, главное — сохранить. До лучших времен,— рассказывала Китти.

Эвен понюхал зеленый чай и осторожно выпил. На вкус вода и трава. Китти улыбнулась.

— Это розмарин. Мне показалось, что тебя надо взбодрить.— Она положила на столик ноги, грубые серые шерстяные носки, заштопанные на пятках красным.— Май-Бритт дала мне пакет. Она сказала, чтобы я отдала его тебе, когда ты...

— Что! — Эвен чуть не уронил чашку. — *Мне?!*

— Да. Она сказала, что ты придешь за ним, если с ней что-то случится.

— Если с ней что-то... — Эвен осторожно отставил чашку. Он почувствовал, как все его тело стало вести себя странно, просто полностью онемело. Как будто то, совсем небольшое движение времени, которое еще наблюдалось в каждой клетке, сейчас полностью остановилось. В ушах зашумело.

— Она так и сказала? Она прямо сказала: «Если с ней что-то случится»? — Он смотрел на женщину в тренировочном костюме, откинувшуюся на груди диванных подушечек. — Она сказала именно так — и сказала это *осенью?*

— Да, — Китти взяла со стола вязальную спицу, собрала волосы над головой в большой шар и воткнула спицу, чтобы волосы не рассыпались. Потом почесала обнажившуюся шею. — Да. Я хотела это сказать, когда видела тебя во время похорон, но решила подождать. Май-Бритт сказала, что *ты* сам установишь контакт. Повторила так, словно это было очень важно.

— Но откуда она могла знать, что я... То есть она сказала, как она мне расскажет?.. Вот, дьявол, я же ни хрена не слышал... Извини! — Он поднялся и стал ходить по маленькой комнате. Покрытый лаком сосновый пол скользил под носками, он остановился у окна. Май начертала имя Китти на карте уже тогда, четыре месяца назад, будучи уверена, что он найдет это имя? У них только одна колода карт, сказал Финн-Эрик. И уже тогда она думала о том, как что-то произойдет?

Китти села прямо и спрятала руки между колен, как будто у нее мерзли пальцы. Она озабоченно рассматривала Эвена.

Он сел, хотел спрятать руки точно так же, но почувствовал, что кровь будто вытекла из его тела. С огромным усилием он взял себя в руки.

— А что это... то, что ты должна отдать мне?

Китти подошла к коричневому секретеру с тремя большими ящиками внизу и множеством ящичков сверху над горизонтальной поверхностью для письма. Тренировочный костюм был чересчур большого размера и очень оттопыривался ниже талии, когда она выдвигала ящик. Она вынула что-то, Эвен не увидел, что именно, и снова закрыла ящик. Постояла секунду спиной к нему, прижав руки к груди.

— Спасибо,— сказал Эвен, когда она протянула ему коричневый конверт.

Он изучающее повертел его в руках. Имени на конверте не было. Ничего не было, абсолютно ничего. Размер С5, толстый, битком набитый конверт, так что клапан даже не закрывал место склейки. Он просунул палец и стал осторожно открывать клапан. Вынул кипу листов формата А4, сложенных пополам. Некоторые листки были соединены скрепками, другие нет.

Он положил все это к себе на колени и стал расправлять, чтобы листки лежали прямо и больше не сгибались.

«Три тайны Ньютона» — так было написано на верхнем листке. Текст был набран на компьютере и распечатан черными чернилами. *Замысел. Книга в трех частях о трех тайнах Исаака Ньютона, сопровождавших его всю жизнь. Книга должна быть обобщением фактов, которые можно найти в сохранившихся текстах, написанных самим Ньютоном и о Ньюtone. Фактические данные должны превращаться в прозаический текст, который введет читателя прямо в*

жизнь Ньютона, такую, какой она была три сотни лет назад.

Это было все. Не очень много. Набросок?

Эвен посмотрел на следующий листок, верхний из семи-восьми скрепленных листков. *Тайна Первая* — было написано вверху большими буквами. Ниже буквами поменьше: *Ключ ко всем знаниям*. В самом низу страницы было написано маленькими скромными буквами: *Май-Бритт Фоссен*.

Эвен растерянно поднял голову.

— Это о Ньютоне. Май писала о Ньютоне.

Китти выглянула из кухни, держа в руках хлеб.

— Хочешь?

— Что?.. Да-да, спасибо. Э-э... Май что-нибудь говорила о Ньютоне, когда оставляла конверт?

— Нет,— крикнула Китти из кухни.— Она ничего не говорила о содержимом. Печеночный паштет или сыр?

— Сыр, спасибо,— он прихлебнул чай и стал листать остальные страницы. Некоторые являлись ксерокопиями страниц текстов, которые, насколько он мог судить, были написаны собственноручно сэром Исааком Ньютоном. На других листочках только почерк Май. Желтый листок был приклеен к самой последней странице. Торопливым почерком было написано название: *Hermes Tris Bookshop*¹, и ниже число: 1009. Простое число, подумал Эвен.

— Бери,— предложила Китти и протянул ему тарелку с двумя бутербродами, сыр с ломтиками помидора.— Я совершу пробежку, а ты спокойно читай. Похоже, что материала для чтения хватит для большой пробежки.— Она улыбнулась и поставила одну

---

¹ Книжный магазин «Гермес Трис» (англ.).

ногу в кроссовке на диванный столик, чтобы завязать шнурки.

— Ты все еще фанатик бега, — заметил Эвен и откусил бутерброд.

— Фанатик? М-да, пожалуй. Я стараюсь поддерживать хорошую форму. Не обо всех можно так сказать, — она бросила язвительный взгляд на животик Эвена и через кухню вышла в прихожую. Эвен услышал хлопанье двери, тоже посмотрел на свой живот и принялся за чтение.

ГЛАВА 23

Тайна Первая

КЛЮЧ К ПОЗНАНИЮ

*Кембриджский университет, Англия
25 сентября 1672 года*

Поэтому чрезвычайно важно — это увидят мои уважаемые слушатели, — чтобы все цвета совместились в призме, и тогда композиция луча белого света будет идеальной.

Лектор взглянул в зал, сделал недовольную гримасу, заглянул в свои записи и продолжил:

— На этой иллюстрации моего следующего эксперимента, — он поднял руку и, не оборачиваясь, указал на чистую доску за своей спиной, — вы можете видеть, что ABC образуют призму, размещенную поблизости от точки F рядом с отверстием EG.

Голос, при его субтильной фигуре, был очень мощным и отзывался в зале негромким эхом.

— Угол по вертикали к АВС может быть определен в 60 градусов, чтобы дать максимальный эффект. Как вы все, несомненно, увидели и осознали, MN на рисунке обозначают, конечно, линзу.— Он посмотрел поверх своих бумаг.— Эксперимент подразделяется на...

В этот момент из небольшого окна в аудиторию внезапно проник луч солнца, осветил пыльный пол, заиграл на ножках стульев и колоннах. Молодой профессор запнулся, посмотрел на ближайшую колонну, на лоб набежали морщины. За колонной появилась тень, которая становилась бледнее и бледнее к концу, словно подтаивая в крепком растворе. В аудитории стояла тишина. Долго. Внезапно лектор сильно вздрогнул, как будто у него начался приступ эпилепсии. Он сложил свои листочки, сошел с подиума и покинул зал, не говоря ни слова. Тяжелая дверь закрылась с грохотом, который отозвался в огромном зале.

Сентябрьское солнце прогревало воздух между кирпичевыми кирпичными зданиями университета, нежило траву и плиты двора, где сидели или гуляли студенты, увлеченные серьезными беседами, освещало профессора, который шел с такой скоростью, что полы плаща взвивались вверх. Несколько студентов поспешно отошли в сторону, когда увидели его, поклонились, но он, казалось, вообще ничего не замечал. В воротах пожилой профессор теологии поприветствовал его с широкой улыбкой и сделал попытку напомнить о заседании, назначенном на вечер, но был вынужден констатировать, что и приветствие, и попытка заговорить остались незамеченными,— коллега промчался, не отрывая взгляда от земли.

Молодой профессор перешел через улицу, свернул в ворота, пересек большой двор Тринити-колледжа, вошел в дверь и прошел по коридору. В конце коридора он постучал в дверь — два раза по два стука. Вскоре внутри отодвинули засов. Мужчина мощного телосложения открыл дверь.

— Так рано, профессор Ньютон?

— У меня возникла мысль, мистер Уиккинз, которую надо срочно записать.

Он быстро подошел к столу и, не снимая шляпы и плаща, взял тетрадь. Долго был слышен только скрип пера по бумаге. Когда он, наконец, отложил перо, Уиккинз осторожно откашлялся:

— Опять пришло мало студентов на вашу лекцию, профессор Ньютон?

— Мало? — Ньютон рассеянно снял шляпу и плащ. — Это вряд ли точное слово.

— Было пусто, как я могу предположить.

— Что? Э-э... Да, пусто. Лучше пусть так, мистер Уиккинз. Студенты все равно ничего не поняли бы, если бы даже пришли. Но скажите-ка, как у нас идут дела с...

— Прекрасно, сэр, — сказал помощник, пожалуй, чересчур поспешно. — Процесс закончился.

Ньютон нахмурил лоб и подошел к двери. Прежде чем открыть ее, вопросительно оглянулся.

— Я уже запер дверь, сэр, — сказал Уиккинз.

Ньютон вошел в спальню. Это было квадратное помещение с узкой кроватью, жавшейся в углу, и особенно большим в сравнении с ней письменным столом около двух печей, оловянной и железной. На железной печи стоял стеклянный сосуд с серебристым раствором. Длинной стеклянной ложкой профессор зачерпнул немного серебристого вещества и положил на стеклянную пластину на своем столе.

— Боюсь, результат тот же самый, что и раньше,— пробормотал он и размазал вещество ножом по пластине.— Сделаем анализ, но, видимо, можно с уверенностью сказать, что это очищенная ртуть, а не *Prima Materia*¹. Он вздохнул и посмотрел на Уиккинза, застывшего в дверях.

— Ни «мокрый», ни «сухой» способ эксперимента мистера Бойля не дали желаемого результата.

Мистер Уиккинз молча кивнул. Ньютон испытующе посмотрел на синее вещество в сосуде.

— Я кое о чем подумал,— пробормотал он наконец и встал со стула.

Ньютон вышел в соседнюю комнату, так и не договорив. Сразу вернулся с книгой и открыл ее на странице с закладкой. Уиккинз увидел на полях книги его пометы.

Ньютон отложил парик и провел пальцем по странице.

— Базилиус Валентиниус писал, что из сурьмы нельзя получить «философского камня», что те, кто думает, будто надо использовать для этого чистейшую сурьму, находятся на ложном пути. Но... после этой отрицательной оценки Валентиниус добавляет...— Сейчас я найду, вот оно: «И все же в ней скрыто изумительное лекарство, возгонка духовного...»

Ньютон поднял взгляд, как будто хотел услышать аплодисменты своего помощника. Уиккинз кивнул с таким видом, словно понял, о чем речь, но взгляд, воровато метнувшийся в сторону книги, разоблачил его.

— Он не пишет, какое получается лекарство, а только то, что лекарство не является самоцелью. Возможно, что это этап на пути к достижению моей цели. Я решил изменить направление.— Ньютон решительно хлопнул

---

¹ Исходная материя (лат.).

себя по лямкам и встал. — Надо исследовать сурьму до конца. Поэтому надо купить сурьму и еще азотную кислоту в аптеке мистера Поттера и... — Он увидел, что Уиккинз стоит, держа в руке письмо. — Это сегодня пришло?

— Да, мистер Ньютон. От мистера Бойля.

Ньютон схватил письмо, оторвал восковую печать, развернул листок и прочитал короткий текст.

— Мистер Бойль приглашает меня через неделю на заседание в *The Invisible College*¹ в Рэгли-Хаус, Уорвикшир, — сказал он больше для себя. — Он провел несколько интересных экспериментов с летучими солями. Ему кажется, что это меня заинтересует. Кроме этого, мистер Ф. прочитает доклад «О второстепенном значении металла для философии благородной алхимии».

— Что такое *The Invisible College* и кто такой мистер Ф.? — поинтересовался Уиккинз.

Ньютон сложил письмо и убрал его в карман.

— Вы сможете принести из аптеки сурьму и азотную кислоту, мистер Уиккинз?

— Конечно, мистер Ньютон.

— А я тем временем отнесу запись сегодняшней лекции библиотекарю университета.

Ньютон встал и вышел из комнаты с бумагами в руках. Уиккинз все стоял у окна и смотрел, как тот прошел через двор, потом скрылся среди молодых студентов. «Когда-нибудь он мне про все это расскажет», — подумал Уиккинз и решил сразу отправиться в аптеку, потому что небо грозило разразиться дождем во второй половине дня.

---

¹ «Невидимый колледж» (англ.).

*Кембридж, Англия
13 февраля 1676 года*

...Я, конечно, чрезвычайно высоко оцениваю Ваши достижения, мистер Ньютон, и меня радует, что те мысли, которые у меня давно присутствовали, но которые из-за недостатка времени я не имел возможности оформить, могут быть развиты и улучшены Вами. Вы замечательно откорректировали, улучшили и довели до конца многое из того, что я начинал во времена моей молодости. Я нисколько не сомневаюсь, что мои собственные результаты были бы значительно скромнее, чем те, к которым Вы пришли.

*С уважением
Ваш навеки добрый друг
Роберт Хук*

— Эти мысли, которые у него давно присутствовали! — Ньютон сердито фыркнул и бросил письмо на стол. — Улучшил то, что он начинал! Он не в себе, он сошел с ума! Он за всю жизнь ни разу не имел в своей дурацкой голове ни одной мысли, всегда все воровал у других, а теперь то же самое хочет проделать с моими опытами.

Он встал и начал в злобе ходить по своей маленькой комнате.

— Не надо мне было посылать «Теорию света и цвета» в Королевское общество. Этот гном, этот бесталанный тупица, ответственный за эксперименты, сделает все, что в его силах, чтобы осмеять мои наблюдения и

эксперименты. Что вы скажете, Уиккинз, разве я не прав?

Уиккинз наблюдал за Ньютоном, спокойным взглядом оценивая коллегу, потом встал, взял лист бумаги и перо и положил на стол. Спокойно отвернул крышку чернильницы, словно стараясь этими движениями успокоить друга, и поставил ее рядом с пером на одном уровне с бумагой.

— Вам надо написать ответ, в котором вы вежливо, но решительно разнесете в пух и прах все его бессовестные утверждения так, как только вы умеете это делать, дорогой Исаак.

Ньютон остановился посередине комнаты, взглянул на бумагу, сделал еще несколько кругов по комнате, но в значительно более умеренном темпе. Он кивнул несколько раз, потом повернулся, машинально пошел к двери, вернулся и резко сел на стул.

— Вы, как всегда, правы, Уиккинз, — сказал он и обмакнул перо в чернильницу. — Я отвечу так, что он этого никогда не забудет. Ничтожный гном.

Перо заскрипело по бумаге, и Уиккинз услышал, как Ньютон негромко заговорил:

«Высокочитимый мистер Хук. Спасибо за Ваши интересные комментарии. Я вынужден признать, что Вы правы. То, что делается в присутствии свидетелей, часто совершается не только для того, чтобы найти истину, но еще и в каких-то других целях. То, что имеет место в личном общении друзей, лучше было бы называть консультацией, а не ссорой. Я надеюсь, что так и будет у нас с Вами...»

Уиккинз подавил улыбку. Ньютон обладал даром злить оппонента, но вежливым образом, быть высокомерным, но так, что это казалось тактичным. Ньютон замолчал, Уиккинз поднялся и заглянул через его плечо:

«То, что сделал Декарт, было важным шагом. Вы, мистер Хук, внесли вклад во многих областях, в особенности подвергая обсуждению и рассмотрению цвета на тонкой пластине. Если я посмотрел немного дальше, чем другие, то только потому, что я стоял на плечах гиганта...»

Уиккинз хихикнул и, чтобы не засмеяться громко, взял графин и налил себе стакан воды. «Плечи гиганта!» Это не очень придется по вкусу профессору Хуку, рост которого едва достигал пяти футов.

*Королевское общество, Лондон, Англия
27 апреля 1676 года*

— Поэтому я с большой радостью могу передать ответ мистера Роберта Хука.

Президент Королевского общества лорд Броукнер сделал жест в сторону своего соседа, сутулого бледного господина, который имел вид кого угодно, но только не ученого: *«Профессор Хук, выдающийся ученый, ответственный за эксперименты в нашем научном обществе, после многочисленных и глубоких опытов, часть из которых мы видели сегодня, пришел совместно с правлением Общества к выводу, что гипотезы мистера Исаака Ньютона о свете и цвете*

полностью соответствуют продемонстрированным experimentum crucis¹. Данную гипотезу с сегодняшнего дня можно считать доказанной теорией».

Лорд Броукнер улыбнулся собранию благородных господ и увидел, что секретарь общества, мистер Барроу, начал аплодировать. Мистер Ольденбург, мистер Рен и мистер Бойль, а с ними и многие другие присоединились к аплодисментам. Но не все. Ответственный за эксперименты профессор Хук с горькой миной на лице встал и покинул зал заседаний, что, однако, никого не удивило: все знали, что у него с мистером Ньютоном были большие разногласия.

Еще три человека поднялись и покинули зал вслед за мистером Хуком.

*Тринити-колледж, Кембридж, Англия
27 апреля 1676 года*

Минута в минуту в то самое время, когда в Королевском обществе происходило заседание, профессор Ньютон сидел, склонившись над железной печью, и неусыпно следил за происходящим в плавильном тигле. На месте последнего подогрева оставался белый порошок. Когда он остыл, Ньютон осторожно вынул тигель из печи, наклонил его и соскреб белый порошок в стеклянный сосуд. На весах он взвесил такое количество, которое могло бы поместиться на ногте мизинца. Стеклой ложкой переложил отмеренное вещество в грязноватую жидкость, которая находилась в стеклянной колбе на столе. Колба была помещена на штатив,

---

¹ Экспериментам (лат.).

под которым Ньютон зажег газовую горелку и проконтролировал силу горения.

Закончив эти действия, Ньютон посмотрел на свои карманные часы и сделал запись в тетради.

Два часа спустя он снял колбу со штатива. Содержимое ее испускало свечение, грязноватая смесь загустела и превратилась в нечто, похожее на маленькие золотые звезды размером не больше крупинки соли. Дрожащими руками он открыл колбу и перелил содержимое в небольшую кружку.

«Боже Милосердный..., — взволнованно забормotal он. — Я приближаюсь, я совсем близко, *по-настоящему, близко!*» Внезапно он услышал звук открывающейся двери и нервно вскочил. Быстро закрыл крышкой кружку с кристаллами и опустил ее в карман сюртука. Сгреб все бумаги и положил сверху несколько книг. В дверях лаборатории появился мистер Уиккинз.

— Рад снова видеть вас, мистер Уиккинз, — сказал Ньютон с улыбкой, такой непривычной на его обычно хмуром лице. — Как поживает ваша уважаемая госпожа матушка? Поездка была приятной?

Уиккинз с изумлением взглянул на него, обрадованный таким вопросом. У бедной старой госпожи Уиккинз на спине появилась экзема. Она могла теперь лежать только на животе, притом что у нее были еще проблемы и с пищеварением. Уиккинз рассказал и об этом. Они сели и некоторое время болтали на самые разные темы. Ньютон предложил матери Уиккинза попробовать новую микстуру, которую он недавно испытал на себе с хорошим результатом. Потом, безнадежно вздохнув, сказал, что ректор университета недавно спрашивал, когда выйдет его новый трактат.

Мистер Уиккинз кивнул и припомнил, что тоже разговаривал с одним студентом из Оксфорда, который высказал удивление, распространенное в университетских кругах, что такой гениальный человек, как профессор Ньютон, по-видимому, впал в спячку, раз он не опубликовал за последнее время никаких новых результатов исследований.

— То время, которое я использую для экспериментов в целях священной науки алхимии, время, которое я трачу на поиски ключа к познанию,— не предусматривает публичного обнародования,— воскликнул Ньютон и стукнул кулаком по столу. Он задумался, машинально придерживая карман сюртука, потом негромко заметил: — Мне надо дать какое-то объяснение.— Уиккинз удивленно рассматривал учителя и его оттопыривающийся карман. Ньютон заметил этот взгляд, но промолчал. Только махнул рукой в сторону двери: — Вам надо разобрать багаж, мистер Уиккинз. Я не буду вам мешать.

Мистер Уиккинз медленно встал, хотя было видно, что ему ужасно хочется остаться, и вышел из кабинета. Он услышал, как профессор Ньютон закрыл дверь в лабораторию, а эта дверь всегда была открыта, если у них не присутствовали посторонние.

*Тринити-колледж, Кембридж, Англия
4 января 1678 года*

Большой стол был завален книгами, листками с записями и рисунками. Горела стеариновая свеча.

— Не эта... — мужчина убрал со стола тетрадь, — ...и не эти, — добавил он и отложил несколько рисунков. —

А вот эти ничего не стоят, и эта книга... такое убожество. — Он был один в комнате, и разговаривал сам с собой, перебирая бумаги. Несколько листочков прислонил к свече. — Три четверти дюйма... — Линейкой измерил расстояние до пламени и поднял бумагу повыше: — Вот так. Час пятнадцать минут.

Он кивнул, медленно стал пятиться от стола, взял шляпу и плащ со стула, открыл дверь и вышел. Пламя дрогнуло, когда дверь закрывалась. Прогремел замок, потом шаги удалились по коридору.

Пламя выпрямилось, маленький острый язычок нацелился в потолок.

Один час и шестнадцать минут спустя.

Пламя стояло в своем королевском величии среди бумаг. Медленно, но верно оно поглощало стеарин и теперь добралось до ближайшего листка бумаги, край которого уже почернел. Листок свернулся и отклонился от пламени — но не очень далеко. Жар стал сильнее, весь листок внезапно вспыхнул и выпустил в комнату столбик дыма. Язык пламени вытянулся и поджег еще один листок. Он тоже свернулся, отвалился от свечи к большой кипе бумаг. Пламя захватило весь стол, загорелись книги, жар в комнате усиливался. В двери загремел замок, и огонь взлетел вверх от новой порции кислорода, хлынувшей через открытую дверь.

— Мистер Ньютон! Мистер Ньютон! — Уиккинз вбежал в комнату, схватил несколько одеял и стал лихорадочно набрасывать их на горящий стол, чтобы погасить огонь. — Помогите! Пожар! — закричал он, выглянув в коридор.

Из соседней комнаты прибежало несколько студентов. Один бросился за водой, другие кинулись помогать

Уиккинзу тушить пламя одеялами. Через несколько суматошных минут им удалось погасить огонь.

В комнату зашел мужчина в сюртуке и парике, окаменел и посмотрел на пожарище.

— Мистер Ньютон, хорошо, что вы пришли, — крикнул мистер Уиккинз, обожженными руками ливший воду на непокоренные остатки пламени на столе. — Здесь был пожар, и сгорело большинство записей и книг на столе. О, мистер Ньютон, я сожалею, что меня здесь не было.

— Это ужасно, мистер Уиккинз, — тусклым голосом сказал Ньютон и подошел к столу. Он поднял мокрое одеяло, ткнул пальцем в пепел: — Ужасно. Я был на утренней молитве в часовне. — Он посмотрел на настенные часы и добавил: — Ушел один час и двадцать минут тому назад.

ГЛАВА 24

На улице тихо. На другой ее стороне светил фонарь. Эвен шел к фонарю, но расстояние странным образом не уменьшалось. Шум падающих кирпичей заставил его обернуться, он увидел обрушившийся дом, исчезающий в бездонной мгле. В испуге он выбежал на проезжую часть, но вдруг откуда-то появился грохочущий грузовик с мощными прожекторами впереди и проехал, осыпав его снегом. Он стоял, как парализованный, и смотрел на два красных огонька сзади грузовика, расплывающиеся в тумане. Дорога задрожала, стала проваливаться под ним. Он спасся в последний момент, перескочив на тротуар, встал на колени и увидел, как проезжая часть превращается в камни и щебенку, в

маленькие метеоры, которые засасываются в черную дыру. От тротуара оторвался кусок поребрика, потом еще один; плитка, оставшаяся сзади, растаяла, как сахар в горячей воде. В ужасе он пополз вперед, пронасть проглатывала все, что оставалось сзади. В горле застрял крик, а вечность уничтожала пространство с двух сторон. Он испуганно ухватился обеими руками за последнюю плитку. Взгляд его был направлен в бесконечное мировое пространство. С грохотом проехал мимо грузовик, в котором варились овощи, он бросился на удачу в темноту, упал на его кабину и поехал. А шофер кричал ему...

— Кушать подано!

— Ммм...

— Если хочешь есть, поднимайся, — шофер призывно смотрел на него.

Эвен открыл глаза и увидел комнату.

— Что?.. — растерянно сел он на красшек дивана.

Китти стояла у обеденного стола и ставила на него дымящуюся горячую кастрюлю. Потом подошла к буфету.

— Вино? — Она подняла открытую бутылку красного вина.

— Э-э... да, спасибо, — Эвен зевнул и почесал грудь. В комнате было почти совсем темно. Только две стеариновые свечи на столе и свет из кухонной двери. Искры вылетали из старинной печки, и приглушенная музыка звучала из динамиков по обе стороны окна. Эвен наклонился вперед и подобрал бумаги, разбросанные по полу. Это была история Ньютона, написанная Май. Видимо, он заснул во время чтения.

— Было скучно? — Китти вошла из кухни с блюдом салата и чашкой соуса.

Эвен посмотрел по сторонам и почесал подбородок.

— Нет, не скучно...

— Но...

— Не знаю... Странно. Я не совсем понимаю, какой в этом смысл.

— Потом посмотришь еще.— Китти ногой подтащила стул и села.— Иди и ешь, пока горячее.

— Да, спасибо,— сказал Эвен и неуверенно посмотрел на стол. Что это она положила?

— Жаркое из куриной грудки с чесночным маслом и лимоном. Сливочный соус с лисичками,— сказала она, словно услышав его.— Вареные овощи, салат. И красное вино.

Запах был призывным. Он сел, обхватил бокал, но тут же выпустил его.

— Вот, черт, я же за рулем.

Китти пригубила вина, с удовольствием причмокнула и, поддразнивая, взглянула на него.

— Ты можешь спать здесь. Я еще толком не поздоровалась с тобой. Ты ведь либо читаешь, либо спишь.

Эвен с удивлением посмотрел на нее. Ее глаза были на уровне бокала. Выкрашенные хной волосы собраны в печесанный шар, некоторые локоны вылезли и свисали на плечи, как будто умоляя, чтобы кто-нибудь их сбросил с груди и щек и...

— Диванчик,— сказала она и иронически подняла бровь,— я постелю тебе на диванчике. Похоже, что тебе на нем хорошо спится.

— Да,— пробормотал он,— да, я тоже так подумал. Мне надо...— Он вынул из кармана мобильный телефон и включил его.— Надо узнать, может ли Финн-Эрик обойтись без машины до завтра.

Финн-Эрик сразу взял трубку.

— Эвен! Я очень волновался, когда ты не позвонил и...

— Я очень сожалею. Знаю-знаю, извини,— сказал Эвен и вышел на кухню, чтобы Китти не слушала их перебранку.— Послушай, успокойся! Все в порядке! Я потом все расскажу, но можно я верну твою машину завтра?

Финн-Эрик тяжело вздохнул и помолчал минуту.

— Хорошо, все в порядке. Завтра утром. Я обещал детям прокатить их в лес. Но я хотел бы все-таки услышать...

— Конечно,— немедленно согласился Эвен и хотел положить трубку, когда что-то вспомнил: — Послушай, Финн-Эрик, ты кому-нибудь рассказывал, что я поеду в Париж?

— Нет. Только тестю, в машине, когда мы ехали с похорон. А почему ты спрашиваешь?

— Не знаю, я тут подумал...

— Хотя, нет, подожди. На следующий день позвонил из издательства «Феникс» Один Йелм, чтобы поговорить. Он заботливый человек. Готов заплатить жалованье за полгода... детям, на их образование, внесет деньги на их счет.

— А про Париж?..

— Да-да, мы говорили, что на похороны пришло много людей. Он сказал, что узнал тебя, вспомнил, что ты математик и эксперт по Ньютону. Он пытался позвонить тебе в Блиндерн и домой, но не застал. Видимо, я сказал, что ты посидишь в Париж...

— И ты сказал, в какой гостинице я буду жить?

— Нет. А почему я должен был это сказать? Я ведь этого и не знал.

«Нет, а почему ты должен был?» — подумал Эвен, прервав связь. Этот Один Йелм легко мог по счетам определить, где Май жила обычно, и про меня дога-

даться — немножко быстрее, чем Финн-Эрик. Хотелось бы знать, почему этот Йелм хочет найти меня? Но это хорошо, желание поговорить взаимное.

Эвен сел за стол, поднял бокал и посмотрел в глаза Китти.

— Договорились, я переночую. За твоё здоровье.— Она улыбнулась, тоже подняла бокал. Некоторое время они ели молча, Эвен — с явным удовольствием.— А это и вправду вкусно.— Он положил себе на тарелку еще порцию мяса.

— Судя по тону, это тебя удивляет.

Эвен ухмыльнулся:

— Я не был фанатом твоего кулинарного искусства, когда Май жила здесь. Часто бывало так, что я сначала спрашивал, чья очередь готовить, и только потом решал, соглашаться на приглашение или нет.

— О! — На мгновение Китти приобрела оскорбленный вид, потом улыбнулась обезоруживающей улыбкой. Эвен заметил, что губы подкрашены темной помадой.

— Ты думала только о том, чтобы пища было полезной. Салат, зелень и все такое. А я в то время ел, в основном, продукты быстрого приготовления. Не знаю, изменила ли ты своим рецептам, но я точно изменил свою систему питания.

Они сидели и болтали о прошлом, о восьмидесятых годах, когда еще были молодыми студентами. Китти вспоминала о первом времени в Несоддене, как они трое работали, чтобы привести в порядок старый дом,— всякие забавные истории. Как они прыгали на сеновале, ловили рыбу в море, кидались, как дети, подушками перед сном.

— Но потом появился ты и все испортил,— Китти сказала это преувеличенно расстроенным голосом.—

Уже нельзя было больше дурачиться, как раньше, в присутствии мужчины. Тем более Май-Бритт. Она была по уши влюблена, ей нужно было казаться взрослой. Я никогда раньше не видела ее такой... как бы лучше выразить то, как она на тебя смотрела! А я ничего не видела, ты был чем-то средним между наркоманом и джентльменом из «Ритца», выражался как дьявол. И еще твое имя!

— Как это? — сказал Эвен и отвел взгляд от дивана. — Эвен?

— Нет, другое: Рекил. Она называла тебя Рекил¹, забыл?

— Э-э... Да, вспомнил, когда ты сказала. Но это же шутка, она перестала меня так называть, когда мы лучше узнали друг друга.

— Да, а я перестала относиться к тебе плохо, когда мы стали лучше знать друг друга. Когда ты помог мне укрепить потолок, — Китти засмеялась и показала на соседнюю комнату. — Мой отец пришел через несколько дней и был в шоке от того, что я сделала. Он хотел дать тебе медаль за то, что на голову его дочери не упал потолок.

— О, настолько плохо там все-таки не было, — засмеялся Эвен. Он подцепил на вилку кусочек куриного мяса. — Ты врач в высшей народной школе со спортивным уклоном?

— Да. Спортивный врач, специалист по физическим перегрузкам и спортивным травмам. Это полставки, есть еще полставки тренера и консультанта молодых талантов.

— По какому виду спорта?

---

¹ Дылда (норв.).

— Это не какой-то определенный вид спорта, а основные принципы тренировок, оценка слабых и сильных сторон организма. Не все могут быть спринтерами, сам знаешь, это зависит от мышечной массы, емкости легких, сердца...

Эвен слушал ее с интересом, не из-за того, о чем именно она говорила, а из-за убежденности, компетентности, страсти, которую она излучала, в глазах Китти появился особый блеск. Он вспомнил себя, такого, каким был когда-то. Давно. С хорошей стороны.

Он обмакнул последний кусочек брокколи в соус, стал жевать, поглядывая на столик у дивана.

Китти засмеялась, встала и взяла кастрюлю.

— Я понимаю, что я не так тебе интересна, как некоторые другие вещи. Разрешаю читать дальше.

Эвен смиренно пожал плечами и поблагодарил за угощение.

Он включил торшер за диваном. Стал медленно листать бумаги. Кроме восьмистраничного рассказа, названного «Тайна первая», было еще три страницы копий собственноручных записей Ньютона, одна страница старого английского текста, написанная совершенно незнакомым Эвену почерком, и четыре страницы рукописных заметок Май. В конце была одна страница с названиями книг, имеющих то или иное отношение к Ньютону или восемнадцатому веку. К этой странице был приклеен желтый листок со словами: *Hermes Tris Bookshop* и число: 1009.

В числе было что-то знакомое, не считая того, что это простое число. Но Эвен не вспомнил, что именно.

Он стал внимательно читать копии записей, сделанных рукой Ньютона. Одна страница была подробным списком слов и символов, которых употребляются в

рецептах алхимиков. Сначала был список минералов: *золото, серебро, медь* и т. д. Возле каждого один или несколько символов, его обозначающих. Круг с точкой в середине (золото), полумесяц (серебро), биологический знак женского пола (медь). Символом железа был биологический знак мужского пола. Эвен подумал, нет ли тут более глубокой символики. Медь сверкала, из нее делали серьги и чаши для фруктов. А железо грубое и твердое, из него отливают мечи и пушки? Он посмотрел в сторону Китти, которая что-то напевала на кухне. Лучше не посвящать ее в такие мысли. Они появились тогда, когда женщины еще не создавали коммун. Он посмотрел на мелкие буковки с завитушками и подумал, что Ньютон писал это в юности, когда сам был студентом. Штмп в углу показывал, где именно Май получила эти копии: *King's Coll. Libr. Camb.* — Библиотека Королевского колледжа в Кембридже.

Следующая страница была копией страницы из тетради. Буквы были и побольше, и попрямее, что указывало на более зрелого, хотя все еще молодого Ньютона. Текст начинался словами: *Opus 1. The first step. Extraction and rectification of the spirit.*¹ Последние слова были подчеркнуты двумя чертами. После еще одного предложения, которое Эвен не понял, текст был подразделен на нумерованные разделы: 5, 6, 7 и 8. Почему отсутствовали четыре первых пункта, понять было нельзя. Возможно, они как-то присутствовали внутри первого? Одна формулировка в пункте 6 привлекла его внимание: *Conjunction of the red man with the white woman, & decoction to the completion*² — так было написано. Эвен

¹ Опус 1. Первый шаг. Извлечение и очищение духа (англ.).

² Соединение рыжего мужчины с белокурой женщиной и вываривание до завершения (англ.).

схватился за свои волосы, в которых, как он знал, появились седые пряди, и посмотрел на рыжую гриву Китти, маячившую в дверях кухни. Он подумал, нет ли тут какой описки, не должно ли тут быть написано: *Conjunction of the red woman with the white man*¹. Это было бы забавно.

Как бы то ни было, все это было классическим пустословием алхимиков. И он ничего не понял. Он задумался, поняла ли это Май.

Третий листок оказался письмом к некоему мистериу Ф.— больше ничего о получателе не было написано. Письмо рассказывало об экспериментах, которые Ньютон провел в последнее время, и заканчивалось комментариями к предыдущему письму мистера Ф. и тем утверждениям, которые, похоже, в нем были. Все касалось алхимии, и, судя по тону письма, Ньютон глубоко уважал этого Ф. В письме не было даты, но, исходя из стиля, Эвен предположил, что оно было написано в середине 1670-х годов.

Текст, написанный незнакомым почерком, явно был записью беседы, которую писавший имел с Ньютоном. Почерк был трудно читаемым, но чтобы помочь в прочтении (Эвену?) Май выделила два предложения желтым фломастером. Близко к началу было написано: *...83 years. He was better after it and his head clearer and memory stronger...*².

Немного ниже на странице было выделено то, что, как совершенно очевидно, Исаак Ньютон сказал своему слушателю: *... that required the power of a creator. He, said he, took all the planets, viz the Sun and Moon and other*

---

¹ Соединение рыжей женщины с седым мужчиной (англ.).

² ...83 года. После этого ему стало лучше; голова прояснилась, память окрепла (англ.).

*planets, to be composed of the same matter with this Earth — viz earth, water, stones &c — but variously concocted*¹.

Типичный Ньютон, подумал Эвен. Типичная философия алхимии пряталась за этим утверждением: всё — камни, вода, земля, и даже солнце, — первоначально состояли из одних и тех же ингредиентов. Разница была только в способе «приготовления». Если Ньютону в момент разговора было 83 года, о чем свидетельствовала первая выделенная строка, то запись была сделана Джоном Кондуитом, человеком, который женился на племяннице Ньютона и позже стал его преемником на посту директора Королевского Монетного двора.

Эвен еще раз перечитал все, но не понял, почему Май хотела показать *ему* эти цитаты, и отложил листок.

Собственные записи Май читать было легче. Они были написаны четкими красивыми буквами. И, кроме всего прочего, рядом с человеком, который обладал этим почерком, он прожил тринадцать лет. Ниже на странице вперемежку были записаны ключевые слова и предложения, цитаты, которые надо было использовать, или мысли, внезапно приходившие ей в голову. Дата *27 апреля 1676 года* была подчеркнута несколькими чертами с последующей аргументацией, почему ее нельзя забывать. Эвен был с этим согласен. Как и многие другие ученые, он рассматривал эту дату как рубеж в мировой истории, считал ее началом современной науки. В этот день было признано, что основательные эксперименты подтвердили гипотезу, и она стала тем

---

¹ ...что потребовало силы Создателя. По его словам, Он создал все планеты, включая Солнце, Луну и другие планеты, из того же материала, из которого состоит Земля, то есть из земли, воды, камней и так далее, только в разных соотношениях (англ.).

самым доказанной теорией. Но Май оставила Ньютона в этот день дома в Кембридже и заставила его заниматься алхимией?.. Эвен не знал, присутствовал ли Ньютон на заседании Королевского общества. Он не встречал ни в одном источнике указания на это. Намекать... нет, не только намекать, а просто заставлять его именно в этот день совершить переворот в алхимии — было неожиданным и пахальным ходом. Это давало возможность читателю понять, насколько важной великий ученый считал алхимию. И похоже, именно этого добивалась Май. А как литературный прием это было вполне допустимым, в особенности если выдумка была построена на добротной фактологической основе. Предварительная заявка утверждала, что она будет обоснована...

Ньютон слыл скрупулезно точным, он был и упрямее, и наблюдательнее своих предшественников-алхимиков — так было написано в одном месте. Пожалуй, вот это верно, подумал Эвен. Ньютон был терпелив и смотрел далеко вперед. Он вполне мог начать эксперимент, который, как он предполагал, даст положительный результат лишь через пять-шесть месяцев. Если же он не получал этих результатов, он мог вернуться к началу, изменить деталь, в которой не был уверен, и потратить еще пять месяцев на эксперименты. Именно то, что он никогда не сдавался, и делало его гениальным. И еще то, как писала Май, что он был скрупулезно точным. Ученый знал с точностью до одной десятой грамма, что именно у него было в колбе, знал, при какой температуре происходит кипение, и знал абсолютно точно, как долго.

Любой ценой надо скрывать занятия алхимией!

Да, черт побери, подумал Эвен. Алхимия была объявлена вне закона. Заниматься ей — значило изобра-

жать колдуна. Во многих кругах на нее смотрели косо, открыто называли богохульством. Но Ньютон сумел держать свои занятия в тайне. Он сделал это так хорошо, что до сих пор пристрастие к алхимии является сравнительно неизвестной стороной его жизни. Если исследователи творчества Ньютона знают об этом, то только благодаря Майнарду Кейнесу, известному корифею экономической науки. В 1930-е годы он купил неопубликованные ранее рабочие тетради Ньютона и изучил их более внимательно, чем пожелали сделать до него. И черным по белому там было написано то, что более не подлежало никаким сомнениям: полжизни Ньютон посвятил алхимии. Фактически в некоторые периоды он посвящал своим алхимическим проектам больше времени, чем тем научным открытиям, которые прославили его во всем мире.

Перед глазами Эвена появилась рука, которая поставила на стол чашку кофе. Китти засмеялась, поймав его взгляд.

— Я подумала, что розмариновый чай тебе не подходит, поэтому я одолжила у своих соседей кофе, когда совершала пробежку. Видишь, от бега для здоровья есть какая-то польза.— Она не стала дожидаться его ответа и ушла.

Эвен отодвинул немножко чашку, чтобы нечаянно не залить листки, и взял следующую страницу с записями Май. Она была заполнена многочисленными именами и короткими биографиями от Роберта Бойля, коллеги Ньютона в области алхимии, до Роберта Хука из Королевского общества, яростного и многолетнего врага Ньютона. Многие имена ничего не говорили Эвену. Возможно, эти люди занимались алхимией, и, в таком случае, нет ничего странного, что он

их не знал. Эта сторона интересовала его меньше всего — тогда, когда он сам занимался Ньютоном. Он считал себя экспертом только в области научных достижений Ньютона. И начал теперь понимать, почему Май не обратилась к нему за помощью при работе над книгой.

Он подул на кофе и начал пить.

Внезапно ему пришло в голову кое-что. Он отставил чашку, помочил палец и погладил им бумагу. Записи Май были фотокопиями, как и записи Ньютона. Он оторопел. Странно, что она сделала копии со своих записей для него. Или же, если подумать, может быть, нет? Возможно, она не могла обойтись без своих записей, когда решила передать ему конверт. Он в этот момент не мог определить, что это значит, — он вообще не мог понять, почему ему все это передали. И стал читать дальше. Возможно, что он еще далек от ответа.

Использован код!

Да, Ньютон часто использовал код. Эвен задумался, устремив взгляд на огонь, который разгорелся в печи, после того как Китти подбросила еще порцию дров. Она сидела в кресле, положив ноги на столик у дивана, держа толстую книгу на коленях. Из динамиков доносилась тихая музыка Генделя.

Коды. Кажется, он сам ими увлекся именно тогда, когда приступил к изучению Ньютона. Нет, подождите, еще раньше, в детстве. Дома — чтобы его не трогал отец. Но начиная с Ньютона этот интерес возник снова. А когда он познакомился с Май, это уже стало чем-то вроде эпидемии. Он увлек ее так, что они стали писать планы действий и записки друг другу кодом и называли друг друга кодовыми именами. Детская игра, но только в тот момент он нашел все, что было в книгах о кодах и кодировании. А когда прочитал

статью об асимметричных шифрах, был готов поменять профессию и получить образование по новой специализации. То, что его работы по нерегулярным простым числам, простым числам — двойникам и бесконечности позже оказались пригодными для использования в области кодирования, было приятным сюрпризом. Как у того, кто ест хорошее мороженое и вдруг обнаруживает, что в серединке прячется его любимый шоколад. Однажды к нему обратился человек из военной разведки. Эвену пришлось наступить на горло собственной песне и за полугодовое жалование в качестве компенсации помочь людям в форме запустить новую систему кодирования. Как бы то ни было, к *полиции* это не имело никакого отношения.

Эвен взял чашку и отпил немного.

Ньютон обычно использовал код только в некоторых местах текста. Писал, например, слова справа налево или же употреблял в словах и предложениях загадочные знаки. Делал он это, чтобы тот, кто заглянет к нему через плечо или бросит беглый взгляд на его записи, ничего не понял, во всяком случае, сразу. Но если было время, то расшифровать такой текст, как правило, не составляло труда. По мере того как его математические системы становились более сложными, а физические эксперименты перешли, так сказать, в другое измерение, коды стали, по большому счету, излишними — потому что в эпоху, когда жил Ньютон, попросту *не было* других людей, кроме него самого, которые смогли бы понять то, о чем писал Исаак Ньютон.

Большинство кодов было по-детски простым, но некоторые его тексты могли скрываться под покровом утонченных систем. В особенности алхимические формулы могли быть написаны особыми алфавитами,

словами и понятиями, рассчитанными только на посвященных, и особыми знаками для металлов, ингредиентов и процессов.

Эвен рассматривал предложение: *Использован код!* Это Май адресовала ему скрытое сообщение в этих текстах? Именно *это* и было смыслом всего?

Он отставил чашку, пролистал до последней страницы и оторвал желтый листок. «Гермес Трис». Он посмотрел на число 1009, перевернул листок и обнаружил еще одно число внизу. 6419. Черт вас побери! Эвен со стоном откинул голову и стал смеяться, глядя в потолок. Теперь он понял, почему число 1009 казалось таким знакомым. Это его число. Потому что 6419 тоже его число. Их только нужно рассматривать одновременно. Именно потому, что это было чересчур просто, он и прозевал.

09.10.1964.

Это была дата его рождения!

ГЛАВА 25

Дети были уложены, в доме наступила тишина. «Гробовая тишина», — подумал он и посмотрел в темноту сада.

Финн-Эрик закрыл шторы, сел на краешек стула и осмотрелся в своем маленьком кабинете. Он привык быть дома один с детьми, так как Май-Бритт много ездила по делам издательства. И все же сейчас тишина была другой. Она стала бесконечной, и к этому надо было привыкнуть. Во всяком случае, смириться.

Он подумал, не поставить ли музыку, но сил не было. Он никогда не был меломаном, тем более все время женитьбы на Май-Бритт. Ее любовь к классической музыке он понять не мог, вернее, он не мог понять такой музыки. Он слушал музыку и, когда Май-Бритт ставила ее, не протестовал. Иногда думал, что, пожалуй, музыка хорошая, радостная или мрачная, но она ничего не говорила ему. Ему нужна была песня с текстом, который сообщает, о чем идет речь.

Финн-Эрик встал, посмотрел на фотографии на стене. Вот Май-Бритт и Стик на берегу, а это он обхватил ее округлившийся животик, свадебное фото, счастливое семейство перед хижинкой в Рендалене. Он подвинул их немножко, чтобы каждую было хорошо видно. Усилием воли заставил себя сделать так, чтобы ни одна из них не скрылась под другими. Эвен очень удивился бы, если бы в этот момент стоял здесь и видел это. Финн-Эрик опять сел. Что Эвен разнюхивал тут, рассматривая фотографии? Он что-то подозревает?

В почти раздался крик чайки, обвиняющий, басовый, бешеный: га-га-га. Финн-Эрик поежился, это была одна из немногих птиц, которых он не любил. Большая, красивая и безгранично жадная и ненадежная. Настоящий вампир. Май-Бритт любила природу, любила прогулки по полям и в горы, как он сам. Именно там и при общении с детьми они нашли друг друга и полюбили.

Финн-Эрик пересел на стул к письменному столу, открыл ящики и стал медленно листать бумаги, которые попадались под руку: свидетельство о браке, паспорт, свидетельства о рождении, документы на дом... Бумаги с места работы, из Норвежского орнитологического союза, из профсоюза... Конверт из Ложи? Он не должен

лежать тут. Он вынул письмо от ордена вольных каменщиков, закрыл ящик и пошел вниз, в подвал. Положил письмо в картонную коробку к другим бумагам.

Поднявшись наверх, Финн-Эрик запер дверь подвала и подошел к дивану. Тишина снова захватила его. Он сидел в темноте и думал об Эвене Вике. О человеке, которого он не любил и еще меньше понимал. Май-Бритт не очень много говорила о своем бывшем муже, только несколько раз мимоходом. Будучи предвзятым, он пробовал составить общую картину.

Поразительное отношение к числам. Эксперт по Ньютону. Никаких родственников: ни братьев, ни сестер, ни родителей. Какой-то женщине кто-то нанес рану на голове — кажется, она была с ним в каком-то родстве. Он не мог этого вспомнить. Иногда Эвен — совершенный ребенок, так она однажды сказала. И еще было что-то — Финн-Эрик внезапно встал и задумчиво уставился на черные кусты. Кажется, он работал какое-то время на разведку, военную, сказала она однажды, когда смотрела телевизор, но остановилась в середине предложения и больше не возвращалась к этой теме. Он покосился на нее и подумал, не задать ли вопрос, но потом решил, что она уже сказала больше, чем хотела. Поэтому решил удовлетвориться незаконченным предложением и забыл этот разговор.

Разведка. Значит, раньше он работал там. Или... Финн-Эрик почувствовал, что руки у него вспотели. Может быть, он *все еще* работает там? Может быть, это и была одна из причин, почему он вынюхивал все, что связано со смертью Май-Бритт? Он настойчиво искал хоть какое-то объяснение.

Финн-Эрик поднялся, вошел в кабинет, открыл ящик со своими бумагами и вынул оттуда одно свиде-

тельство. Он сложил его и вложил в конверт, прогулялся по дому, внимательно глядя по сторонам, и, наконец, нашел подходящее место. На самом верху кухонного шкафа, за стеклянными банками с чечевицей и сушеной фасолью. Туда Эвен вряд ли догадается посмотреть.

На конверт он поставил стеклянную банку с притертой пробкой, чтобы случайным порывом сквозняка его не сдуло, и спрыгнул с кухонного стола.

ГЛАВА 26

Эвен извивался, как червяк, никак не мог пристроить ноги — диван был слишком коротким. Кофе крутился в животе, а записи Май — в голове. Язык усиленно работал, стараясь стереть сахар, кислоту и кофеин, прилипшие к эмали и, как ему казалось, уже уничтожавшие ее. Ему позарез нужна была его зубная щетка. Китти легла спать, постояв перед тем в дверном проеме с расчесанными волосами, свисавшими с плеч, и пожелав спокойной ночи. Он был уверен, что ночь будет хорошей, чувствовал себя сонным и готовым сразу заснуть, не в последнюю очередь потому, что ему теперь стало казаться, что он разрубил узел, доставшийся ему в наследство от Май. Но сон не приходил.

Так что же, неужели Май действительно хотела, чтобы он сходил в книжный магазин под названием «Гермес Трис»? В таком случае, где он находится? В Англии, США, Канаде... Возможностей было много. Могла быть и страна не с английским языком. Германия. Возможно, Франция, Париж. Что надо делать в этом магазине? Найти какую-то определенную книгу?

В таком случае, какую? Или же поговорить с каким-то человеком? Получить сообщение? И здесь тоже возможностей было много. Перина для гостей чуть было не свалилась на пол, он ухватил ее в последнюю секунду. Какого черта она так зашифровала свое сообщение, ведь куда проще было написать: поезжай туда-то и возьми то-то! А нет ли в бумагах других сообщений для него?

Он сел, зажег лампу и начал перечитывать. В особенности записи Май. Внимательно изучил их, в том числе обратную сторону каждого листочка, даже конверт, и, к своему изумлению, нашел еще одно число 01156619, написанное внутри.

О себе напомнил мочевой пузырь. Эвен положил бумаги на стол, собрал их в пачку и пошел, крадучись, через кухню в туалет. Там окон не было, он зажег свет и постальгически улыбнулся старинному бачку, висевшему под потолком. Стоя рядом с унитазом, он с радостью ждал, как потянет за белую ручку, висевшую вдоль трубы. Но, уже положив на нее руку, вдруг остановился, подумав, что звук может разбудить Китти. «Обращать особое внимание на людей, которых я не знаю, это не для меня», — подумал он с кислой улыбкой и дернул за шнурок. Вода с грохотом помчалась по трубе в унитаз — ободряющий звук здесь, за городом, где было так удивительно тихо. Ему захотелось дернуть еще разок.

— Нет-нет, не надо преувеличений, даже для хорошего дела, — увещевая себя, пробурчал он, повернулся и чуть не подпрыгнул от страха, когда в дверях появилась тень.

— Извини, если я тебя напугала, — сказала Китти. Она прошла мимо него, стянула пижамные штаны, села безо всякого стеснения и стала писать.

— Ничего. Все нормально,— Эвен смущенно вышел и закрыл за собой дверь. Постоял в коридоре, глядя на открытую дверь ее спальни и кусочек земли обетованной. Вздохнул. Можно подумать, что, кроме секса, в мире ничего нет. В одном месте у Ньютона написано, что сексуальное воздержание сохраняет ясность мысли. А если ему сейчас что-то нужно, так это сохранять ясность мысли.

Дверь распахнулась и стукнула по спине.

— Извини,— пробормотал он и пошел обратно в комнату.

— Эвен,— сзади него стояла Китти. Он повернулся. Она стояла, одетая в полосатую пижаму слишком большого размера, которая висела на ней, словно она только что украла эту пижаму с сушилок около казармы гвардейцев.— Я подумала... Если диван для тебя слишком короткий, ты можешь перейти на кровать,— у нее появилась осторожная улыбка.— Но только если ты пообещаешь согреть меня. Я немножко замерзла.

— Когда ты кончишь?..

Эвен оперся локтем и посмотрел на ее округлые плечи и гибкую спину. Провел пальцем по шее, где у волос еще поблескивали жемчужинки пота, продолжил вниз по неровной дорожке позвоночника мимо лопаток. Палец исчез под одеялом по направлению к нижним сферам. Она дернулась, потянулась, как кошка, и улыбнулась ему.

— Если ты меня спрашиваешь, то я кончила. Насколько я могу судить, ты тоже кончил. Оба раза.

— Годы экономии энергии и спермы,— пробурчал он в смущении от того, что его мужская сущность за-

волновалась. Носом он отодвинул волосы с ее плеча и поцеловал его.— Я хочу сказать, когда ты кончишь терпеть и будешь меня расспрашивать,— сказал он.— Разве тебе не интересно?

— Что именно? — Она сонно говорила в подушку.— Это ты насчет Май-Бритт?

— Мм,— ответил он.

— Да, интересно, но это ведь не для меня. Она сказала бы мне все, если бы думала, что я должна знать.— Китти повернулась на спину и посмотрела ему прямо в лицо. Лениво подняла руку и провела пальцем от носа через губы к подбородку.— И если ты думаешь, что мне надо что-то знать, то ты мне тоже когда-нибудь расскажешь... Но дело еще в том,— сказала она, не услышав ответа Эвена,— что у меня есть одно правило.

— Какое?

Ее серые глаза отливали зеленым, может быть, из-за освещения, от недостатка света. Эвен не мог отвести глаз от ее взгляда, который пронизывал его насквозь.

— После того как мужчина занимался со мной любовью два раза,— было что-то кошачье в улыбке, которую она послала ему,— он должен рассказать мне одну тайну. Личную тайну. Таковую, которую никто не слышал раньше.

— А ты? Ты не расскажешь ничего?

Спина распрямилась, она сладко зевнула.

— Если захочу, то расскажу.

Эвен откинулся на спину и посмотрел в потолок. Стеариновая свеча на ночном столике Китти отбрасывала на стену большие тени их обоих. Пламя колебалось, когда ее дыхание долетало до него.

— У меня есть две стороны.— Он лежал неподвижно минутку, обдумывая, стоит ли продолжать. Май знала об этом, хотя они ни разу это не обсуждали. Она видела его насквозь, и он думал, что она знает его даже лучше, чем он себя сам.— Одна белая, другая черная,— сказал он, рассматривая тени на белой стене.— Я простое число, я — тринадцать. Состою только из двух частей, один и тринадцать. Больше ничего. Май была полной противоположностью, она — двенадцать. Ее можно было разделить любыми способами: на четыре, на три, на два и на шесть. Она могла быть тремя четвертыми, она все могла. Навещала родственников, пела в хоре, занималась гимнастикой, имела много друзей, старых и молодых, и ходила к ним в гости. Хотела завести детей. А у меня...— Китти повернулась и серьезно посмотрела на него, обхватила лицо руками и поцеловала в нос.— У меня были только Май и математика. И больше ничего.

Они долго лежали и только смотрели друг на друга, глаза их были теперь в тени, но он все равно чувствовал на себе ее взгляд.

— Май-Бритт была белая. А математика черная?

Он помедлил.

— Это... не все так просто. Было еще время до Май. Но...— Взгляд обратился к свету, мысли проникли в пламя и растворились в нем.

Китти задула свечу, он оказался в темноте.

— Не думай об этом, Эвен. Остальным займемся в другой раз. Хорошего тебе сна.

— Тебе тоже,— с благодарностью ответил он и внезапно почувствовал, что его тело стало тяжелым и расслабленным, готовым ко сну, глубокому, спокойному сну.

ГЛАВА 27

Осло

-К

нигу надо делать,— уверяла Май-Бритт.— Тут можно найти много интереснейшего материала.

— Вряд ли о Ньютоне можно сказать что-то такое, о чем еще не писали,— скептически заметил коммерческий директор.

«*Same procedure as last meeting*¹»,— подумала Май-Бритт.— У этого человека критический ген размером с шар для гольфа».

— Все зависит от того, как подойти к этому делу. С Ньютоном связано столько парадоксов, что современный человек вынужден спросить себя, как ему удалось стать таким великим гением, каким он стал.

На лице Одина Йелма, сидевшего в конце стола, подпрыгнула бровь.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот только один пример. Как вы, несомненно, учили в школе, он открыл силу тяжести и рассчитал эллиптическую траекторию движения Земли вокруг Солнца. Менее известно, что он, не производя экспериментов — о подобных экспериментах ничего не известно,— определил массу Земли в шесть миллиардов триллионов метрических тонн. И одно это, мягко говоря, внушает уважение. Дело в том, что те же данные получил Кавендиш спустя сто десять лет в результате

¹ Опять все то же, что и на прошлом заседании (англ.).

проведения тщательных экспериментов. Эти данные отличаются от современных примерно на один процент. Другими словами, это так гениально, что почти невозможно осознать. Но,— она подняла два пальца, чтобы подчеркнуть мысль, которая должна была сейчас прозвучать,— этот же самый человек, этот самый гений совершенно серьезно использовал Библию, чтобы вычислить *возраст* Земли. И он использовал пророчества Даниила, чтобы подсчитать, как долго католическая религия и папа римский будут властвовать на земле.

Йелм задумчиво грыз кончик карандаша, даже коммерческий директор нашел эту историю достойной размышления. Редактор детской литературы повернулась к Май-Бритт:

— А кто такой Кавендиш?

Май-Бритт увидела, что редактор переводной литературы закатил глаза к небу, но она ожидала и подобного вопроса, и закатывания глаз. Она объяснила, что он был английским аристократом и физиком, который жил во второй половине восемнадцатого века, еще более замкнутым и странным человеком, чем Ньютон.

— Он был настолько стеснительным, что со своей домоправительницей общался только путем переписки. Никогда не выходил на улицу. И если удавалось уговорить его принять участие в научном заседании, все гости были предупреждены, что к нему ни в коем случае нельзя обращаться. Не разрешалось даже смотреть на него,— Май-Бритт заметила, что все, включая Йелма, слушали ее с интересом, и решила отнять еще одну минуту драгоценного времени заседания: — Так же, как и Ньютон, Кавендиш был ужасно осторожен с

публикациями результатов своих экспериментов. Многие из них стали известны лишь после его смерти, и уже нельзя было попросить дать объяснения, что же именно он нашел. Оказалось, что он на сто лет или более опередил свое время.

— В чем, например? — это спросил Йелм.

— Он экспериментировал с проводимостью электричества, чем стали заниматься сто лет спустя. Оперировал физическими законами и правилами, которые были открыты гораздо позже: закон Ома, закон парциального давления Дальтона, закон эквивалентов Рихтера. И я могла бы назвать еще несколько. Все эти принципы и законы Кавендиш открыл и никому о них не рассказал. И только пятьдесят лет назад или около того изучили его бумаги и поняли, какой это был гений.

— Другими словами, это человек, о котором мы позже должны написать книгу, — улыбнулся Йелм.

— Безусловно, — сказала Май-Бритт и обратила внимание, что коммерческий директор скептически покосился на своего начальника. — Но вернемся к Ньютону, у него тоже есть очень много неизвестного, во всяком случае, для большинства людей. Не столько в его научных экспериментах, хотя и в них есть свои эксцентричные стороны. Вот, например, вы знали, что Ньютон проводил эксперименты со светом и зрением, прикладывая нож сверху на свой глаз и нажимая на лезвие? — Она показала пальцем, каким образом нож размещался между костью и глазным яблоком. Многие сидящие за столом изобразили на лице гримасу отвращения, другие непроизвольно заморгали, словно хотели защитить глаза. — Так действительно было, — продолжала Май-Бритт, улыбаясь. — Но хватит об

этом. То, чем я больше всего хочу заняться, так это изучить его тайный интерес к алхимии и оккультизму.— И она положила руку на бумаги, чтобы обозначить конец своей речи.— Дело в том, что, я думаю, у гения были еще и другие тайные и, возможно, черные стороны. Поэтому на следующей неделе я еду в Англию, чтобы окунуться в его прошлое и раскрыть его секреты.

Один Йелм довольно кивнул и закрыл заседание, а коммерческий директор сделал пометку в черной книге.

— Не забудь написать про яблоко,— сказал редактор переводной литературы и встал.

— Что, прости? — непонимающе посмотрела на него Май-Бритт.

— Не забудь историю про яблоко, которое упало и заставило его открыть закон всемирного тяготения.

— Ах, эту историю,— Май-Бритт собрала бумаги.— Это выдумка. Хорошая история, но выдумка. Не тот человек был Ньютон, чтобы сидеть под деревом и ждать вдохновения от яблока.

Редактор детской литературы остановилась возле Май-Бритт и спросила:

— Что такое парциальное давление?

Она единственная, кто готов был признать, что чего-то не знает, подумала Май-Бритт, когда чуть позже пошла к себе. Она привыкла объяснять и упрощать, привыкла иметь дело с детьми, которые задают вопросы.

Взрослые люди вопросов не задают. Кто спросил, тот — дурак, потому что обнаружил свое незнание. Вывод: не спрашивай, береги свое незнание и продолжай оставаться тайным дураком.

ГЛАВА 28

Похоже, весна близко, подумал Эвен и глубоко вдохнул воздух перед тем, как сесть в машину. С крыши амбара и с деревьев капало, ветерок казался уже почти теплым, хотя еще было раннее утро. Какая-то маленькая птичка так раскричалась, сидя на верхушке дерева, словно речь шла о ее жизни и смерти. Как будто она хотела отогнать снег и зиму.

Эвен несколько минут назад на цыпочках вышел из спальни, не разбудив Китти, нацарапал несколько прощальных слов на обороте какой-то мятой квитанции и ушел. Он подумал, что так будет лучше всего.

На извилистой дороге через Несодден и потом на шоссе Е6 в сторону Осло он несколько раз начинал улыбаться — совершенно без причин. Такого не было давно. Он стал даже напевать *Here Comes the Sun*¹ — похоже, такое было впервые в жизни. Он заметил, что время, его время, опять двинулось куда-то, стало тикать. Слабо, но все же он чувствовал это.

Движение на Е6 и третьем кольце этим воскресным утром было слабым. Практически, ни души на Нурбергвейене и Конглевейене в сторону Крингшо.

— А скоро идти в церковь, — пробормотал он с превеличенным презрением к себе. На кольцевой дороге он только что услышал колокольный звон со стороны Грефссена.

— Вот черт, в наши дни никто не хочет, чтобы его душу спасали.

---

¹ Сюда пришло солнце (англ.).

Он поставил машину у въезда и вошел не позвонив. Наружная дверь была приоткрыта, так что дома явно кто-то был. В коридор доносились голоса из комнаты, и он вошел, собираясь что-то сказать, но остановился. На диване двое сидели, прижавшись друг к другу. Во всяком случае, совсем близко друг от друга. По телевизору показывали священника у алтаря, который что-то говорил.

«Время пужно занять каким-нибудь действием для того, чтобы оно шло», — повторил он про себя. Эта мысль пришла к нему еще в машине. Секунду он постоял растерянно, потом начал двигаться в сторону двери, чтобы сделать вид, что его тут никогда не было. Но ботинок задел за порог, Финн-Эрик обернулся и заметил его.

— Эвен! — крикнул он и вскочил с дивана. — Подожди! — продолжал он кричать, шагая через кухню. Догнал Эвена на лестнице и, запыхавшись, схватил его за плечо. — Стой! Все не так, как ты подумал.

Эвен недоверчиво посмотрел на него.

— «Все не так, как ты подумал», — передразнил он. — Чудак, я тоже видел этот фильм. На это я отвечаю: «Что не так, как ты подумал?» А ты говоришь: «Мы всего лишь друзья, и ничего больше». Твоя подруга выходит и говорит: «Я ухожу, увидимся» — и смотрит на тебя тем самым взглядом, а потом выходит из кадра.

Женщина, сидевшая на диване, вышла в коридор. Волосы подстрижены косо, на левой стороне длиннее, чем на правой. Она дотронулась до локтя Финн-Эрика и сказала:

— Я ухожу, увидимся завтра, пока.

Мужчины молча стояли, пока она садилась в машину. Финн-Эрик поднял руку, когда она помахала.

— Неделя, — сказал Эвен. — Неделя прошла, как она умерла, черт возьми. Десять дней.

Финн-Эрик вошел на кухню.

— Я с ней не спал, если ты имеешь в виду это. Мы всего лишь друзья. Она моя коллега, оформила развод полгода назад. Муж сбежал, и я с ней часто разговаривал, может быть, помог ей пережить самый тяжелый момент. Она хотела сделать то же самое, пришла узнать, как тут дела... О, Господи! Я не обязан стоять перед тобой по стойке смирно! — Его взгляд окинул Эвена с головы до ног, потом в обратном направлении, Финн-Эрик принюхался: — А ты сам, твой вид, запах, исходящий от тебя. Вот *ты* точно не только разговаривал.

— Мой траур продолжался пять лет, — сквозь зубы произнес Эвен и сел. Он поднял маленький ключ с пластиковой биркой, лежавший на столе, и стал пилить им солонку, только для того, чтобы руки что-то делали. Потрогал бирку и прочитал. — Что это?

— Это тебя не касается, — раздраженно сказал Финн-Эрик и выхватил ключ. — Ты в этом доме гость, Эвен Вик, к тому же не очень желанный.

— Хочешь узнать, что я нашел у Китти?

Финн-Эрик помедлил, прежде чем ответить:

— Нет, пожалуй что и не хочу. Я рассказал о твоих мыслях Будиль Мюнте, и она, как и я, думает, что ты делаешь поспешные выводы.

— Я делаю поспешные выводы? — сделал язвительную гримасу Эвен. — Можно подумать, что вы тут успели получить полное юридическое образование, пока меня не было. И с чего это ты вдруг пожелал посвящать какую-то Будиль Мюнте во все, что я тебе рассказываю? В таком случае я совершенно четко заявляю...

— Я говорю, с кем хочу! — гневно прервал его Финн-Эрик. — Ты не имеешь ни малейшего права затыкать

мне рот. Я тебя не просил заниматься обстоятельствами смерти моей жены, и давай с этим покончим, мне надоело смотреть, как ты тут играешь в своих сыщиков-разбойников.

— Ах, ты, дерьмо поганое,— закричал Эвен, схватил Финн-Эрика за воротник и прижал к столу.— *Болван чертов!* Ты прекрасно знаешь, что они заставили Май покончить жизнь самоубийством. Но у тебя, черт тебя побери, кишка тонка сделать хоть что-нибудь. Ты знаешь, что ей намазали нос этим поганым наркотиком. Но ты не хочешь, черт тебя побери, выяснять, как это вышло.— Эвен остановился ненадолго, перевел дыхание и заговорил тише: — Ну хорошо. Пусть так. Делай вид, что этого не было. Но, по крайней мере, не мешай мне.— Он отпустил Финн-Эрика, пригладил его свитер, словно хотел убрать пылинки.— Послушай меня, будь так любезен. Послушай две минуты. Хорошо?

Он обошел стол и сел, не поднимая глаз. Финн-Эрик был до смерти напуган, может, этот идиот даже описался, подумал Эвен. Он посмотрел на свой кулак, лежавший на столе, открыл ладонь. Вот черт, он ненавидел такие минуты, ненавидел свой кулак, себя.

Финн-Эрик кашлянул, но ничего не сказал, медленно выдвинул стул и сел по другую сторону стола на некотором расстоянии, как будто был готов в любую секунду отскочить.

Эвен говорил спокойно и тихим голосом, чтобы не раздражаться без особой необходимости. Кратко рассказал о конверте, о бумагах Ньютона. Сказал, что дело касается только Ньютона.

— И вдруг я обнаруживаю здесь этот ключ.

— Да? — Финн-Эрик открыл ладошку и уставился на ключ.— Ничего особенного. Я нашел его вчера в

письменном столе, в ящике Май-Бритт, но пока не могу определить, от какого он замка.

— И как ты думаешь?

Ключ был маленьким, всего лишь два-три сантиметра. К нему прикреплена маленькая пластиковая бирка с номером 1642, написанным чернилами. Финн-Эрик повертел в руках ключ и бирку и положил на стол.

— Может быть, ключ от кофейного ящика на работе,— сказал он и попытался изобразить игривый тон.— Или от абонентского ящика, о котором Май-Бритт забыла мне рассказать.

— «От абонентного ящика, о котором Май-Бритт забыла мне рассказать».— Эвсену пришлось взять себя в руки, чтоб не стукнуть этого идиота по голове. Черт тебя побери, Май никогда не забывала таких вещей. Неужели муж не знал своей жены? Или он последовательно отказывался смотреть фактам в лицо?

— Между прочим,— Финн-Эрик стал сосредоточеннее.— Номер этот, 1642, напомнил мне кое-что...

— Да? — Эвен был весь внимание.

— Это, может быть, и не так, но во время зимнего отпуска я прочитал книгу этого знаменитого американца, ну, как его, Стивена Кинга, кажется, «Другая сторона». В ней один человек должен что-то оставить в абонентском ящике на почте. И номер ящика был как раз 1642, так что, может быть... этот ключ от... э-э, нет, конечно, это было...— Он замолчал и стиснул пальцы. Слабый румянец появился на щеках.

Эвен беззвучно вздохнул.

— Наверное, это не очень важно...— пробормотал Финн-Эрик.

— Это *важно*,— Эвен взял у него ключ и щелкнул по бирке пальцем.— 1642 — вовсе не случайное число,

вот в этом ты, в любом случае, прав. Еще два дня назад я бы так подумал, но не сегодня.— Он бросил ключ, который покатился по столу и остановился у сахарницы.— Видишь ли, в этом году, то есть в тысяча шестьсот сорок втором, родился Исаак Ньютон.

— О,— сказал Финн-Эрик.— Но это, возможно, случайное совпадение.

— Черт побери! Май пишет книгу о Ньютоне. *Моем* Ньютоне. И вот она совершает самоубийство и пишет прощальное письмо, где есть слова, обращенные ко мне. Она прячет то, что связано с книгой о Ньютоне, у своей подруги и велит передать мне бумаги, потому что знает, что я был поклонником этого человека. А теперь откуда-то выплывает ключ с номером, который прямо указывает на Ньютона. Да разрази меня... Ну как ты можешь все это отвергать как *случайности*?

Черт возьми, до чего же ему хотелось дать в морду этой безмозглой размазне.

Лицо Финн-Эрика было задумчивым.

— Это ключ от банковского сейфа, а может быть, от камеры хранения? — сказал он, словно не услышав слов Эвена.

Эвен пожал плечами.

— Или от всячего замка.

— В нашем доме нет всячих замков,— Финн-Эрик передвинул ключ одним пальцем.— Нет никакого имени, ничего. Если это ключ от абонентского ящика или банковского сейфа, то это, может быть... где угодно.

— И за границей тоже,— безнадёжно сказал Эвен и вдруг схватился за карман,— подожди! Возможно, что это имеет отношение...— Он вынул бумаги Май из конверта, полистал и нашел желтый листок.

— Что это? — спросил Финн-Эрик.

Эвен показал ему название: книжный магазин «Гермес Трис».

— А что это за число внизу?

— Не знаю,— соврал Эвен.

— Когда Май дала этот конверт Китти, ты сказал?

— Я не сказал, но она сказала мне, что осенью, кажется так...

— Осенью!! Она дала это Китти *осенью*?

— Да. В ноябре, как мне кажется.

Вид у Финн-Эрика был такой, как будто ему только что вlepили пощечину. Эвен понял его, немножко подумав. Обнаружить, что жена не попросила у своего собственного мужа помощи, хотя у нее совершенно явно были серьезные проблемы на протяжении месяцев,— это значило проглотить горькую пилюлю. Возможно, это было результатом его недостаточного интереса к тому, чем она занималась. Она, конечно, думала, что он все равно ничем не поможет. Или же... Причина была та, что она не...

Эвен почувствовал, что тело окаменело. Появилось непреодолимое желание собрать бумаги и уйти. Неужели Май попросту не доверяла Финн-Эрику?

— Что написано в этих бумагах? — спросил Финн-Эрик.

— Не очень понятно,— Эвен взял кипу и стал листать ее без видимого интереса.— Она писала о Ньюто-не, сочиняла новеллы на основании некоторых фактов. Есть также ее записи. Я возьму домой и познакомлюсь поближе. Впечатление самое безобидное. Не понимаю, почему она адресовала это мне.

Финн-Эрик резко встал, подошел к окну и застыл, освещенный солнцем. Эвен смотрел на его круглую спину и задумчиво постукивал пачкой листов по

подбородку. Май выстрелила в себя за границей, в Париже. Тот или же те, кто принудил ее к этому, должны были проделать значительную работу. Нужно было найти оружие, проникнуть к ней в номер гостиницы, иметь возможность и еще власть, чтобы угрожать Май таким образом, чтобы угроза казалась реальной. И, кроме того, нужно было быть циником для совершения такой подлости. А все это выливается в вопрос: зачем? Зачем все это делали? И еще один вопрос. Почему в этом замешан Финн-Эрик, страховой агент и отец двух очаровательных детей, муж такой жены, которой он совершенно не заслуживал?

Никакие ухищрения не помогали Эвену найти хоть сколько-нибудь правдоподобный ответ. Напротив. Мысли становились еще более абсурдными, чем раньше он думал. Нет, решение должно было находиться за границей. Май оказалась впутанной в такие дела, о которых она ничего не могла знать вплоть до момента, пока не стало слишком поздно. И, наконец, у нее не было никакого другого выхода, кроме как выполнить приказ и застрелиться. Выбор был между ею самой и ее детьми.

Финн-Эрик грузно опустился на стул.

— Дай посмотреть, что она прислала тебе, — проговорил он так, словно на это потребовались сверхъестественные усилия.

Эвен с неохотой протянул ему пачку бумаг. Финн-Эрик начал читать первую страницу. О Ньютоне в аудитории.

Эвен встал и занял место у окна. Сосед сел в машину, выехал из гаража, остановился и впустил жену, которая села рядом с ним, машина выехала на улицу и исчезла. Они слились с шестью миллиардами людей,

которых ты не видишь, но присутствие которых, тем не менее, всегда ощущаешь — где-то здесь на земном шаре. С глаз долой, да, но не из сердца вон, не все они исчезают. Возможно, что он никогда больше не увидит этих двух соседей. Или потому, что *он* никогда больше сюда не придет, или потому, что *они* не вернуться. Может быть, на ближайшем повороте у них откажут тормоза, и они врежутся в придорожное дерево, а, может быть, муж взял с собой жену, чтобы подвезти ее к болоту и утопить. При убийстве женщины преступником чаще всего оказывается муж/сожитель/возлюбленный. Так говорит статистика. Семьдесят процентов случаев. Или же бывший муж/возлюбленный/сожитель. Эта мысль промелькнула в голове Эвена и исчезла без следа. Ему захотелось курить, но пачка была пустая, а по дороге он не купил новой. Собственно говоря, курить он не должен, он чувствовал, что у него все еще были какие-то обязательства перед Май. Хотя она и изменила ему. Китти тоже не любила, когда в доме курят, как он понял. Он заглянул к правому соседу в окно и увидел девушку-тинейджера с голой спиной, стоящую с сигаретой в руке. Эвен отвел взгляд. В статистике полное число — это сто процентов. Следовательно, кто-то должен был заполнять оставшиеся тридцать процентов. Кто-то должен быть не-муж, не-сожитель и не-возлюбленный. Статистика не могла осудить Финн-Эрика.

Какой-то звук заставил его обернуться. Финн-Эрик сидел с бумагами на коленях, по щеке пробежала слеза и упала на верхний лист.

— Я... — Он вытер слезу рукавом и уронил бумаги на пол. — Я не могу... — Он в отчаянии посмотрел на Эвена, наклонился, подобрал бумаги. — Мне ее так жутко не хватает, что...

— Конечно,— сказал Эвен.— Конечно. Я понимаю,— он неловко похлопал его по плечу и сел к столу.

Финн-Эрик потерянно уставился в стол, что-то пробормотал, потом встал и подошел к кофейнику. Пластиковая воронка упала на пол, когда он хотел вложить в нее фильтр, и к тому моменту, когда он, наконец, включил кофейник, половина стола была покрыта молотым кофе. «Боже,— подумал Эвен, кладя бумаги Май в карман куртки.— Неужели у меня такие же переживания?»

Когда кофе закипел, Финн-Эрик повернулся в сторону Эвена.

— А она, эта Китти, с ней все нормально?..

— Да, думаю, что все.

— Да. Конечно. Я понимаю. Иначе...

— Иначе я не стал бы с ней трахаться,— Эвен поставил все точки над «i» и увидел, что Финн-Эрик покраснел.

— И ты уверен?..

— Я не был уверен,— сказал Эвен, помедлил немного и продолжил: — Мне казалось очень странным... Помоему, она совершенно не интересовалась тем, что Май оставила ей на хранение. Не спрашивала. Тогда я подумал, не открывала ли она конверт. Может быть, прочитала и потом переложила бумаги в новый. Он самый обыкновенный, коричневый, какой можно купить где угодно. Ни имени, никаких других надписей снаружи. Собственно говоря, любой человек мог положить туда бумаги. Но,— Эвен вынул из кармана ручку,— я обнаружил сегодня ночью, когда не мог заснуть, что в конверте было написано число, внутри конверта,— Эвен написал число 01156619 на полях газеты и передвинул газету Финн-Эрику.— Видишь, что это?

— Э-э, нет. Номер телефона?

— Нет. А теперь,— Эвен поменял местами две цифры в каждой паре.— 1501 1966.

— Дата рождения Май-Бритт,— воскликнул Финн-Эрик.— Какая хитрая! — Снова в его голосе послышалась гордость и, в меньшей степени, изумление.

Эвен еще раз подумал о том, насколько плохо знал Финн-Эрик свою покойную жену, несмотря на пятилетний брак. То, что она *хитрая*, это была явная недооценка. Великолепная. Умница.

— Да,— сказал он.— И тот, кто вздумал бы украдкой вскрыть конверт, чтобы прочитать бумаги, вряд ли обнаружил бы число и вряд ли перенес бы его на новый.

— Так что имя Китти она написала на пятерке червсей,— медленно вымучивал Финн-Эрик,— не потому, что *Китти* имела какое-то отношение к ее...— он проглотил последнее слово,— а потому, что у Китти было кое-что для нас, для *тебя*, я хочу сказать.— Кофейник перестал бурлить, он пошел к буфету и принес кружки. У Эвена возникла невольная ассоциация с побитой собакой.

— Я немножко не доверял Китти, признаюсь,— добавил он.— И проверил бумаги перед отъездом от нее. Но она ночью не вставала и не читала их, хотя я спал как убитый.

Финн-Эрик сел и передвинул кружку кофе Эвену через стол. Потом подул на свою и сделал несколько глотков.

— Проверил, говоришь... В каком смысле?

Эвен про себя проклял свой поганый язык.

— Это... как сказать, одна моя старая глупая привычка. Я кладу бумаги так, чтобы сразу было видно, не трогал ли их кто-нибудь.

Финн-Эрик смотрел на него через пар, шедший от кофе; было видно, что он ждал продолжения. Эвен попробовал кофе. Жидковат.

— И она их не трогала?

— Кто, Китти? Нет.

— Но почему...— Финн-Эрик наморщил лоб.— Почему ты устраиваешь такие ловушки? Я не знал, что университетские профессора настолько не доверяют друг другу.

— Мои коллеги?..— Эвен рассмеялся, ему показалось, что сердечно.— Нет, с ними все в порядке. Я не знаю случаев, чтобы они что-то вынюхивали. Одна уборщица как-то уронила конспекты лекции на пол и сложила их в другом порядке. Но в остальном, нет...— Он еще раз сердечно рассмеялся, потеревил конверт.— Это у меня старая привычка с детских лет.

Финн-Эрик не сводил с него взгляда. Эвен пожал плечами.

— Мне не разрешали запирать мою комнату. Поэтому я придумал дурацкий фокус, чтобы знать, не порылись ли родители в моем имуществе. А потом это стало чем-то вроде привычки.

— А в разведке ты этому не научился?

Эвен уставился на него.

— Что... ты говоришь?

— Май-Бритт однажды сказала, что ты работал в разведке.

— Что еще она сказала?

— Ничего. Только это,— Финн-Эрик пожалел, что завел разговор на эту тему. Вид у Эвена был такой, словно какой-то дьявол внутри него приказывал дать кое-кому прямо в морду.— Э-э, она только думала так.

А я никогда этого не вспоминал, никому не говорил, ни одной живой душе.

— Надеюсь, что нет, черт тебя побери, потому что это наглая ложь.

Финн-Эрик долго кивал, чтобы показать, что он, конечно, верит в такое объяснение, если его можно так называть.

Эвен встал, резкими движениями вынул из шкафа стакан и налил холодной воды. Отпил и посмотрел в пространство.

— Послушай, я вот о чем-то подумал. Ты сказал, что Май позвонила домой в день смерти — со своего собственного мобильного телефона, как я полагаю. Можно на него взглянуть?

— Мобильный? — Финн-Эрик сглотнул слюну, на щеках на секунду появился слабый румянец. Потом он пробормотал, что не нашел мобильного в посылке из Парижа.

Эвен рухнул на стул и с изумлением посмотрел на него.

— И ты только сейчас вспомнил об этом?

— Было очень много других дел. Дети, похороны... шок, — он резко встал и подошел к окну.

— Ты уверен, что в полиции его нет?

— Они мне ничего не сказали, — Финн-Эрик взял зеленый полсвой бинокль и посмотрел в него.

— Можешь завтра позвонить и спросить?

— Что? Минутку, — Финн-Эрик несколько секунд стоял, внимательно наблюдая, потом опустил бинокль. — Ну вот, — пробурчал он, — опять новый возлюбленный.

— Что?

— Соседская девчонка. Меняет возлюбленных, как другие меняют... — Он замолчал, положил бинокль на

подоконник и подошел к столу. — Звонить в полицию? Стоит ли их тревожить без нужды?

Эвен почувствовал, как в висках у него закипела кровь. Он заставил себя сидеть неподвижно, иначе придется кому-то вызывать «скорую». Он бросил автомобильные ключи на стол, встал. Нужен был свежий воздух.

— Позвони, пожалуйста. Хорошо? — Он бросил соевую купюру за бензин на стол рядом с кружкой кофе, схватил таинственный ключ с номером 1642 и вышел.

ГЛАВА 29

Осло

—Б

езупречная?

— Такая безупречная, просто до тошноты!

— Что это значит?

— Ты когда-нибудь видел Май-Бритт пьяной? Или слышал, чтобы она сморозила глупость? Всегда великолепно подготовлена. Такая правильная. Моральная. Она такая... черт, ну просто *не придерешься!* Даже за рождественским столом ведет себя благопристойно.

Палец Май-Бритт остановился на зеленой кнопке ксерокса, взгляд застыл на матово-серой крышке. Редактор переводной литературы раздраженно хмыкнул в своем кабинете и сказал еще что-то, но в коридоре этого не было слышно. Голос одной из секретарш ответил утвердительно. Палец Май-Бритт пробудился к

жизни, шевельнулся, аппарат загудел и замигал. Дверь в кабинет редактора захлопнулась, но при этом никто не выглянул.

Выползла копия, Май-Бритт взяла тепловатый листок, вошла в свой кабинет, закрыла дверь и уставилась в стену.

Безупречная!

Это было странное слово. Прилагательное, которое изначально имеет положительное значение. Например, «безупречный спектакль» или «безупречная картина». Даже о людях можно говорить совершенно спокойно: «безупречный парень». Но слова, которые характеризовали ее, ни в коем случае не были положительными.

Она была *чересчур* подготовленной, *чересчур* моральной, *чересчур* трезвой.

Чересчур безупречной.

Это она уже слышала, правда, двадцать лет назад.

— Не надо быть такой безупречной, Май-Бритт, надо жить весело! Твоих родителей здесь нет, — Китти с огорчением посмотрела на нее, когда Май-Бритт не стала пить больше одной бутылки пива в первый день их коллективной жизни в Несоддене. Китти же считала, что праздновать надо с размахом. Она подначивала Май-Бритт много раз и позже в подобных обстоятельствах. Китти замолкла, когда Май-Бритт привела Эвена. Май-Бритт впала в другую крайность. Ей пришло в голову, что наркоман-бомж был, пожалуй, слишком большим испытанием для ее родителей. Несколько недель потом она размышляла, не потому ли познакомилась с Эвеном, чтобы избавиться от печати безупречности. Но со временем она все забыла об этом. До сегодняшнего дня.

Неужели так плохо, если ты не напиваешься в зюзьку, не стремишься переспать с любым мужиком на семинаре, или плохо, если после рождественского стола не обливаешь людей грязью за их спиной?

Она пододвинула письмо и подписала его быстрым движением. Хорошо, пусть ее считают безупречной. Ей вдруг пришло в голову, что единственный человек, который имел какие-то основания называть ее безупречной, был Эвен. Познакомившись, они были, в самом буквальном смысле, Союзом Добродетели и Порока. Но, как ни странно, Эвен не сделал ни одного намека на ее «безупречность».

Тут она вспомнила, что забыла вынуть оригинал из ксерокса. Она резко поднялась, так что стул за ее спиной врезался в стену, вышла в коридор и, вынув письмо, зло посмотрела на дверь коллеги.

Ей захотелось распахнуть ее и крикнуть этому мерзавцу: «Дерьмо!» Но она была слишком безупречна для этого...

В середине коридора она остановилась, секунду постояла, потом развернулась на каблуках и подошла к двери. Открыла ее и прошипела: «Дерьмо!» — в лицо изумленному редактору переводной литературы. Хлопнула дверью и, улыбаясь, пошла к себе.

ГЛАВА 30

Эвен стоял в кабинке душа и вытирал волосы, когда зазвонил телефон. Он обмотал полотенце вокруг пояса и вошел в комнату.

— Я хотела только узнать, как твои дела,— сказала Китти.— Ты исчез так тихо.

— Все хорошо,— ответил Эвен, вполне искренне.

— У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

— Вот так вопрос...— сказал Эвен уклончиво.

— Хочешь пообедать у меня?

Полотенце заскользило вниз, и Эвен чуть не уронил телефонную трубку, пытаясь удержать его.

— Ой-ой... Звучит заманчиво. Зубную щетку брать?

Китти засмеялась.

— Очень жаль, что я не из тех, кто всегда держит наготове одноразовые зубные щетки для своих гостей. Уже довольно много времени прошло с тех пор, как в моем доме жил мужчина. Но мне кажется, что зубную щетку тебе надо взять.

В зеркале ванной комнаты на Эвена смотрела его широко улыбающаяся физиономия. Он вынул чистое белье из сушильного барабана, включил новую стирку и оделся. Стоя правой ногой на унитазах с ножом в руке, он вдруг подумал, что сейчас являет собой пародию на персонажа из американского фильма категории *B*.

— Герой спасет мир, бросив нож,— мрачно пробурчал он, вошел в кладовку, положил нож к другим, а сверху закрыл повязкой на лоб.

Молоко прокисло. Он вылил его, поставил вариться кофе, сделал себе несколько тостов, включил компьютер и зашагал по комнате, ожидая, пока компьютер загрузится. С тех пор как отсюда уехала Май, комната медленно, но верно меняла характер. Обставленная раньше по классической схеме, с диванным уголком и обеденным салоном, что очень напоминало комнату Финн-Эрика, она превратилась в нечто другое. Обеденный стол при-

двинут к стене, заполнен штабелями дискет, бумаг, журналов и книг. Диван и стулья превратились в хранилища бумаг, а на двух из них стояли огромные динамики. На стене доска с колоссальным количеством прилепленных бумажек, а раньше на ней были две репродукции картин Шагала. Под углом в девяносто градусов к обеденному столу — письменный стол с компьютером и телефоном. На двух зеленых деревянных пивных ящиках с желтой надписью: *Карлсберг* стоял CD-проигрыватель с грудой наваленных дисков. Пивные ящики были единственной «мебелью», которую привнес в дом Эвен, когда стал жить вместе с Май.

Эвен сел на свой конторский стул, включил проигрыватель и поставил *Sandinista* группы «Клэш» с тихим звуком. Потом он включил Интернет и стал медленно жевать хлеб и через *google* искать «Гермес Трис». Было более двух тысяч упоминаний. Попробовав несколько раз, он пришел к выводу, что они практически все относились к имени «Гермес Трисмегистос». Это было имя алхимика, жившего в эпоху раннего средневековья — так он сначала подумал. Но при более внимательном изучении наиболее серьезных веб-сайтов, пришел к выводу, что все не так просто.

Гермес Трисмегистос появился в Древнем Египте и первоначально был богом по имени Тот, который являлся богом Луны, а также богом мудрости, письма, медицины и магических искусств. И, не в последнюю очередь, богом смерти. Позже, когда греки приобрели влияние на Египет, бог Тот и греческий бог Гермес слились воедино. Подобно Тоту Гермес был богом смерти, медицины, а также всего таинственного и неизвестного. Естественно, что два бога и смогли стать одним под именем Гермес Трисмегистос, что значит:

Гермес Троскратно Великий. Время шло, греки забыли о его египетском происхождении, и Гермес Трисмегистос приобрел более человеческий облик. Ему приписали большое количество текстов, циркулировавших в эпоху поздней античности. Речь в них шла, в частности, о вопросах астрологии, алхимии и медицины. Под общим названием «Герметика» некоторые из этих текстов стали позже своего рода библией всех, кто интересуется алхимией и оккультными идеями.

— Ни хрена себе! — пробормотал Эвен и собрался уйти с этой страницы сайта, как вдруг его внимание привлекло одно предложение: *«Герметика занимается двумя сторонами человеческой природы — добром и злом. Она дает объяснение, почему зло у некоторых людей берет верх над добром, и каким образом подобные люди могут найти спасение»*.

— Вот дьявол, — Эвен стукнул кулаком по мышке, чтобы выйти из этой страницы. — Спасение! Я дам вам спасение!

Он ввел в окно поиска сочетание *Hermes Tris Bookshop*. Появилось шесть ссылок, но ни одна из них не имела ничего общего с книжным магазином под таким названием. В результате поиска в англоязычной базе данных он наткнулся только на один книжный магазин, где в названии было слово Гермес: *Hermes Academic Bookshop A/S*¹ — магазин был не где-нибудь, а здесь же, в Норвегии, более того, поблизости от Осло! Он с раздражением смотрел на сайт книжного магазина, а пальцы стучали по краю тарелки в такт звучания *Somebody Got Murdered*². Почти наверняка это был не тот магазин.

¹ Академическая книга «Гермес» А. О. (англ.).

² И кто-то был убит (англ.).

Ну какого черта Май не написала на своем листочке тут же адрес и телефон? Он, конечно, на всякий случай, завтра позвонит в Академическую книгу «Гермес» и спросит, знают ли они там о Май-Бритт Фоссен. Но сомневался, что это даст результат.

Что-то во всей этой истории раздражало его... Глаза скользили по экрану, на сайте был список публикаций, рядом с заголовками маленькими буквами указан автор. Одна фамилия показалась ему знакомой. Эвен наклонился и довольный хмыкнул. *Yes!* Вот этого человека можно спросить — если только он перестал сердиться. Он перешел на веб-сайт университета, нашел номер телефона этого человека.

— Алло, это Бьярне Энгельсрюд, из института теологии?

— Да,— буркнул выжидающе голос в трубке.

Эвен назвал себя.

— Ты, может быть, помнишь меня, я из института математики. У нас была дискуссия несколько лет назад... о чудесах.

Некоторое время было тихо, потом голос рявкнул:

— Помню. Это ты со своими цифрами.

«Ты со своими цифрами». Эвен закатил глаза к небу. «А ты со своими богами».

— Да,— сказал Эвен.— Я помню, что во время дискуссии ты сказал, что интересуешься оккультизмом, то есть увлечением людей метафизикой. И я подумал, не поможешь ли ты мне в одном деле.

— Я сказал, что...— Голос разъярился.— Это *ты* сказал. Назвал это делом сомнительным и подозрительным. И вообще, ты был...— Он задышал глубоко, потом замолк.

— Да-да, я — дерьмо. И ты это сказал...— Эвен не знал, как ему продолжить.

Их пригласили принять участие в дискуссии, организованной лет восемь-десять назад в Студенческом обществе, на тему «Чудеса совершаются ежедневно». Бьярне Энгельсрюд рассказал об одном проведенном им исследовании, где самых обыкновенных людей спрашивали о встреченных ими чудесах. Кто-то рассказал, например, как он стоял, держа руку на телефонной трубке, чтобы позвонить другу. И тут телефон зазвонил, на другом конце провода был этот самый друг. Или же вспомнил о болезни какого-то человека, и в следующее мгновение услышал, что этот человек умер — *или* поправился. Или же каким-то образом вспомнил о человеке, которого не видел много лет, и вдруг встретил этого человека на улице на следующий день. Примеров передачи мыслей на расстоянии, ясно-видения, внезапного выздоровления и других спиритических или околорелигиозных явлений было много. Участвовало в опросе около тысячи человек. И почти три четверти рассказывало о примерах маленьких или больших чудес. Вступительное слово было очень внушительным, и результаты казались убедительными, пока Эвен не разрушил это построение цифрами.

— Ты знаешь десять человек, о которых ты думаешь, по меньшей мере, один раз в год, — сказал он тогда. — Ради наглядности разделим год на 105 120 пятиминутных интервалов. Во время одного из этих интервалов ты думаешь, допустим, об одном из этих десяти, и этот человек *одновременно* звонит тебе, поправляется, умирает, или что-то с ним происходит, что ты считаешь чудом. Если посмотреть таким образом, то вероятность всего один шанс из 10 512 — это не очень часто. Но теперь сделаем предположение, что ты думаешь об этих людях десять раз в году, то есть примерно раз в

месяц, и мне кажется, что такое бывает у многих людей. Тогда получается, что шанс один из 1051, звучит гораздо лучше. Давай предположим, что это касается каждого из 4,6 миллиона жителей нашей страны, и каждый думает о десяти данных лицах десять раз в году. Разделим, получается, что 4757 людей имеют возможность столкнуться с таким совпадением раз в год. 4757 делим на 365 дней в году. Получается, что 13 человек...— Эвен намеренно подготовил счет таким образом, чтобы получилось 13, он любил это число,— где-то на территории нашей страны фактически сталкиваются с подобным событием *каждый день*.

Естественно, что кто-то из них тут же забывает данный эпизод мгновенно, не видит в нем ничего особенного или же не вспомнит, что приснилось ему накануне так называемого чуда. Другие же превращают эпизод во что-то сверхъестественное и вспоминают его, когда кто-то другой рассказывает похожий случай. Потому что, если тринадцать человек в Норвегии являются свидетелями подобного «чуда» каждый день, то естественно встретить других людей, с которыми случилось что-то аналогичное. Стать свидетелем подобной «подозрительной» случайности, чего-то, что на первый взгляд кажется загадочным или невероятным, в действительности является настолько «обыкновенным»,— сказал Эвен,— что *все люди* встречаются с ним несколько раз в году. А чудом *по-настоящему* является то, что есть ненормальные, которые из этого делают чудо и, в худшем случае, превращают это в религиозное событие или — если они совсем свихнулись — создают новую религию,— так сказал Эвен в самом конце.

Аплодисменты были оглушительными, молодые слушатели полюбили молодого профессора и его

простецкую манеру общения. А теолог, который был несколько старше, прошипел Эвену в лицо: «Дерьмо!» — спустился с высокого стула и покинул зал.

— Я был молод и *вправду* дерьмом. — Эвен подумал, перестал ли он быть таковым. — Я сожалею, что так получилось. Меня занесло.

Наступила тишина, потом Энгельсрюд буркнул:

— Что ты хочешь?

Эвен тут же стал рассказывать, что он занимался изучением некоторых сторон в наследии Ньютона, тех, где он старался под свои занятия алхимией подвести научные факты. Он слышал от одного английского коллеги, что в книжном магазине под названием «Гермес Трис» можно найти литературу о менее известных сторонах жизни Ньютона. Но адреса ему не дали, а теперь коллега уехал в отпуск на целый месяц неизвестно куда.

— Почему я должен тебе помогать?

— Потому что *ты* не дерьмо.

Энгельсрюд засмеялся.

— Очко в твою пользу. Минутку, я сейчас подсчитаю, как велика вероятность того, что у меня есть нужный тебе адрес, как раз когда ты мне звонишь.

— Ха-ха-ха, — Эвен изобразил смех. Он услышал, как Бьярне Энгельсрюд с довольным хихиканьем положил трубку на стол и стал ходить по комнате и шуршать бумагами.

— Вот, — вдруг раздался его голос. — Готов?

— Готов.

Энгельсрюд назвал адрес в Лондоне в районе Ноттинг-Хилл.

— Извини, что ты сказал? — Эвен не поверил своим ушам.

— Ньютон-Роуд, — повторил Бьярне Энгельсрюд. — Номера дома нет, но улица короткая.

— Спасибо,— сказал Эвен.— Большое спасибо. Премного благодарен.

— О чем речь. Не стоит благодарности. Ты можешь мне немедленно сообщать, как только столкнешься с чудом.

— Ха-ха-ха, обязательно,— хмыкнул Эвен и положил трубку.— Идиот,— пробормотал он, поставил диск *London Calling*¹ и в Интернете нашел карту Лондона. Сделал увеличение района Ноттинг-Хилл, на две секунду вспомнил Джулию Робертс, нашел Ньютон-Роуд. Но не в Ноттинг-Хилле, а в Бейсуотере. Ньютон-Роуд — это *должно быть* тем местом, на которое Май хотела обратить его внимание.

Раздался звонок, он рассеянно взял трубку, пытается определить маршруты автобусов, на которых можно доехать из центра до Бейсуотера.

— Да?

— *Hallo. Talar-jag med Even Vik?*²

Эвен узнал голос, шведский акцент, посмотрел на телефон так, как будто его обмазали кровью.

Медленно положил трубку и выдернул штепсель телефонного провода из розетки.

ГЛАВА 31

Машина закашлялась, точно у нее начался приступ летней простуды. Май испуганно открыла глаза; она дремала, прижавшись головой к окну.

¹ Вызываю Лондон (англ.).

² Алло. Я говорю с Эвеном Виком? (шв.)

— Что случилось?

Машины затрясло, кашель стал сильнее. Эвен выругался и покосился на Май.

— Черт, не хватило полкилометра.

Май мгновенно выпрямилась.

— Ты хочешь сказать, что сделал это еще раз? — спросила она голосом, предвещавшим бурю.

Эвен выключил двигатель, остался сидеть с руками на руле и уставился в темноту. Мимо проехало такси, опять наступила тишина. Город спал.

— Подумай, какое было бы чувство,— пробормотал он в сторону,— если бы ты подъехала к дому и заметила, что машина жадно глотает последние капли бензина, *как раз* когда ты въезжаешь в гараж. Представь себе это...

— Ты давал обещание больше не экспериментировать. Обещал! — Она открыла дверь.

— Да, но в машине есть запасной бак...

— Да будь ты взрослым! — Дверь захлопнулась, так что машину тряхнуло, как от сильного порыва ветра.

Эвен смотрел, как она широкими шагами пошла по тротуару и скрылась среди стоявших машин и веток деревьев, свисавших из-за изгороди.

Вот черт. Так близко. 219 километров означали 16 литров бензина. Почти. Не хватило пятьсот метров. Может быть, объезд Хамара проглотил чуть больше нормы.

Он вздохнул и пошел доставать запасной бак.

Долгий гудок отвлек Эвена от воспоминаний. Перед паромом плыла яхта. Молодые люди на ней замали руками, громко закричали и поторопились выйти из опасной зоны. Эвен устремил взгляд на чайку,

которая заняла позицию рядом с бортом и, почти недвижимо повиснув в воздухе, внимательно наблюдала за происходящим на палубе... Май могла примириться с очень многим. Неужели именно в ту ночь он зашел слишком далеко, и она стала от него отдаляться? Вскоре был поднят вопрос о детях. В самый последний раз. Паром скользил между островами внутренней части Осло-фьорда, приблизился к Несоддену и начал подходить к причалу. Он посмотрел на пенный след за бортом, подумал, есть ли шанс выжить в холодной воде больше пяти минут. Китти стояла на причале и махала ему рукой.

— Весна пришла,— Китти подошла к красному «Фольксвагену».

— Боже,— сказал Эвен и уставился на «мыльницу». — Где ты раздобыла эту штуку?

— Стоял в сарае. Я его подремонтировала, подкрасила... немножко с помощью соседа. Модель семьдесят четвертого года.— Когда они остановились около дома, Китти протянула ему ключи.— Вот. Можешь пользоваться.

— К-хе, зачем мне?..— изумился Эвен.— А есть мы не будем?..

— Пользуйся в ближайшие дни, недели, если надо. У меня в сарае есть еще «Кавасаки», в такую прекрасную погоду мне нравится ездить, чтобы в лицо дул свежий ветерок.

— На мотоцикле? — Эвен рассмеялся.— Ничего не скажешь, в тебе прячется много сюрпризов.

— У меня есть и другие,— сказала Китти и вошла в дом. Эвен пошел следом. Интересно, воспримет она как нахальство, если он предложит обмен? Он с удовольствием поехал бы на мотоцикле.

— Что у тебя в подвале? — спросил Эвен, повесив куртку. Дверь в подвал была закрыта, гора обуви лежала перед нею, похоже, в подвал никогда не ходили.

— О, он превратился в место, куда я кидаю все ненужное. Огромная кладовка.

— А для тренировок он больше не используется? Или в качестве мастерской?

— Все мои тренировки проходят в высшей народной школе, там прекрасное оборудование. А мастерскую я перенесла в сарай. Раньше в подвале были в основном инструменты для ремонта машины, глупо держать их в доме.

Приготовленный обед стоял в печи, стол накрыт, Эвену было приказано садиться, Китти принесла вино.

— Я кое о чем подумала, — сказала Китти и налила в бокалы красные сверкающие капли. — Если ты — тринадцать, а Май-Бритт — двенадцать, если у каждого человека есть число, которое его отражает, то какое число у меня?

— Э-э... Май не 12, — смущенно сказал Эвен. — Она была 26.

— Вдвое больше, чем ты, — констатировала Китти и протянула ему поднос с мясом. — Она стояла вдвое дороже тебя.

— Да-да, это тоже верно, но... — Он почувствовал, как это глупо выглядело. Детская игра, чуть-чуть более серьезная, но все-таки детская игра.

— Да и?... — не сдавалась Китти.

— Ну так вот. Хмм, в этом числе есть что-то специфическое, 26 — это... — Он взял себя в руки. — Это, по сути дела, совершенно уникальное число. Имеет свойства, которых нет больше ни у одного числа, — он посмотрел на Китти, она подтолкнула к нему блюдо с картофелем,

запеченным в сливках, и предложила накладывать себе. — Если мы знаем, что есть бесконечный ряд чисел, то действительно уникально быть числом, обладающим свойствами, которых с гарантией нет ни у кого больше.

— О, Боже, — сказала Китти и начала есть, продолжая слушать.

— Это единственное число, которое стоит между квадратом и кубом числа, в смысле между пятеркой в квадрате, то есть 25, и тройкой в кубе, то есть 27.

Китти бросила на него взгляд, который он не смог растолковать. Он рассердился. Черт, неужели не видно, какой это уникальный случай?

— Это обнаружил Ферма, — сказал он и сам услышал в своем голосе агрессивность. — Он сумел, в конце концов, доказать это, то есть то, что 26 — единственное число, которое обладало этим свойством. — Эвен обхватил бокал, поболтал вино из стороны в сторону, чтобы дать себе время успокоиться. — Да, и еще, как ты сказала, это число вдвое больше тринадцати. И Май тоже...

— Она двадцать шесть и к тому же уникальная. Как мило, — сказала Китти и подняла бокал.

Эвен не определил, была ли ирония в ее голосе. Поддержал бокал, как бы произнося тост, и выпил до дна, чтобы больше не думать об этом. Протянул бокал Китти, она налила. — Ты — шесть, — буркнул он.

Она засмеялась, но глаза остались серьезными.

— Это потому, что ты узнал меня только с этой стороны ¹.

— Нет, не такое «шесть». Число шесть мы называем совершенным. Поэтому я и думаю, что шесть подходит тебе.

---

¹ Слова «шесть» и «секс» по-норвежски звучат одинаково.

— Да,— сказала она.— Ну пусть, шесть подходит мне. А что это значит, если число совершенное?

— Числа, на которые данное число делится, то есть делители, при сложении образуют это же число. У 6 это 1, 2, 3, не так ли? Следующее совершенное число 28.

— Почему в таком случае я не 28?

Эвен взмахнул руками.

— Если хочешь, пожалуйста, будь 28, но 6 — гораздо более привлекательное число. Можно выбрать и среди других, но таких чисел вообще-то не очень много. Декарт сказал: «Совершенные числа подобны совершенным людям, они встречаются очень редко». На данный момент таких чисел известно только тридцать. Самое последнее из чисел, обнаруженных недавно, я тебе брать не советую. Чтобы его произнести, потребуется немало времени...

Китти подняла взгляд над тарелкой.

— В нем сто тридцать тысяч цифр.

Она задумалась, прижав палец к подбородку.

— Хорошо,— она помахала пальцем.— Ты — математик и знаешь, о чем говоришь. Я выбираю 6. Я — совершенная 6.

— Хороший выбор,— Эвен улыбнулся ей через стекло бокала.— Чрезвычайно хороший выбор, сказал бы я.

Пока они ели, Эвен рассказал, что много лет назад он влюбился в простые числа и в настоящее время проводит исследования в области нерегулярных простых чисел, двойных чисел — двойников, простых множителей и еще бесконечности.

— Ты знаешь, фактически можно доказать, что бесконечный ряд иррациональных чисел длиннее, чем бесконечный ряд рациональных? — Китти посмотрела

на него с кислой улыбкой, как будто ожидала, что он сейчас добавит: «С первым апреля!». — Это, правда, можно доказать! — подтвердил Эвен. — Но можно сойти с ума, если начать думать о том, что одна бесконечность больше, чем другая. Словно одна вечность более вечная, чем другая.

— Подумать только, — сказала Китти, — жить вечно в вечности. Не стареть, не покидать то, что ты создал, не покидать земной шар, который Господь сотворил для нас.

— Ты можешь что-нибудь предпринять сама.

— В каком смысле? — Китти пристально посмотрела на него.

— Ты ведь врач, не так ли, и можешь представить, что надо сделать, чтобы тело существовало вечно. По видимому, именно в этом-то и есть вся проблема.

— Да, — сказала Китти. — Я слышала однажды описание вечности, которое показалось мне красивым. Представь себе стальной шар размером с Землю. Один раз в миллион лет на него садится муха. Когда стальной шар полностью сотрется от визитов мухи, вечность даже еще не начнется.

За окном стало темно, где-то в лесу прокричала сова. Китти встала и поставила пластинку. Эвен отметил, что у нее нет дисков и CD-проигрывателя, а есть только добрые старые, вызывающие ностальгию виновые пластинки. К своему удивлению, он обнаружил, что эта сторона — консервативная — в ней ему нравится. Заиграла музыка. Непривычное в наши дни шипение в динамиках исчезло в звучании струнных, сначала тихом, потом все более сильном. Эвен узнал Шестую симфонию Бетховена. Любимое произведение Май. «Эта музыка такая позитивная, — сказала

она однажды.— Когда буду старая, буду лежать при смерти в своей постели, поставь ее для меня».

Он резко встал и вышел в коридор.

Китти с изумлением посмотрела на него.

— Что случилось?

— Захотелось пройтись,— буркнул он.— Пойдешь со мной?

— Да-да, прекрасно. Только сначала уберу со стола. Вот, съешь яблоко, пока будешь ждать,— она бросила ему через комнату красное яблоко. Он поймал его, словно оно было раскаленным. Двумя пальцами взял за хвостик и положил на подоконник.

— Ну,— сказал он и открыл дверь. Встал на лестнице и тяжело задышал.

— Что-то стряслось? — Китти вышла, встала рядом, но не дотрагиваясь.

— Идем,— сказал он и пошел вниз по лестнице.

— Надо захватить куртку. Еще не лето,— Китти ушла и сразу же вернулась с курткой, побежала по щебенке дороги.— Вот,— она набросила куртку ему на голову, язвительно рассмеялась и стала застегивать свою.

Они шли между деревьями и кустами в сторону моря. Ритмический шум волн становился громче, смешивался с запахом влажной земли и холодным воздухом, который обдувал кожу.

— Разве тебе не снилось, что ты никогда не покинешь все это? — прошептала Китти и взяла его под руку. Он почувствовал, как ее горячее тело прижалось к нему, запрокинул голову и посмотрел в небо. Огромное количество звезд напомнило ему вид ночного города-гиганта, возникающий перед пассажиром ночного авиарейса. Луна стояла в небе низко с восточной стороны. Он подумал о хижине в Рендалене, о том, как Май и он стояли на крыльце вот так же и смотрели вверх.

— Да,— сказал он.— Бывало.

Они дошли до самой воды. Он сделал глубокий вдох, прежде чем заговорить,— понимал, что испортит настроение.

— Это было не самоубийство. Кто-то заставил Май выстрелить в себя.

— Что?! — Голова Китти откинулась назад, словно невидимая дубина попала на нее. Она схватила его за руку.— *Что* ты говоришь? Заставил? — Она с трудом сглотнула.— *Что* ты хочешь сказать?

— Они угрожали убить детей, если она не сделает то, что они велели.

— Убить детей... О, Боже...— Китти хватала ртом воздух, как будто дубина била теперь ей по животу, согнулась и, шатаясь, пошла по берегу.— О, Боже,— Эвен услышал, как она шепчет это снова и снова. Он пошел за ней и положил руку на ее плечо.

— Я подумал, тебе надо знать, почему я веду себя иногда довольно странно.

Китти повернулась и посмотрела на него черными глазами. Тонувшими в белом как мел лице.

— Ты уверен?

— Да.

Она сделал глубокий выдох.

— Кто эти «они»?

— Именно это я пытаюсь сейчас выяснить.

— Скажи, если тебе нужна помощь.

— Да. Спасибо,— Эвен знал, что он никогда не будет просить. Ее, Китти. У нее, конечно, есть родственники, возможно, ребенок, о котором он не знал. Финн-Эрика — тоже. У него были Лине и Стиг. Нет, он будет сражаться в одиночку. Не потому, что ему так хотелось. Он не чувствовал себя Клинтон Иствудом или

Мелом Гибсоном, всегда готовым встретиться с невидимым врагом. Но он был единственным неуязвимым. Человском без детей и родственников.

А Май хотела детей.

Они шли дальше молча, остановились у маленькой деревянной лодки.

— Это моя лодка,— сказала Китти.— Когда-нибудь мы с тобой половим рыбу. Может быть, завтра.

— Нет, не завтра. Но с удовольствием в другой день. Завтра мне надо поговорить с Одином Йелмом, прежним начальником Май в издательстве «Феникс»,— Эвен заметил, как Китти замерла и отняла руку. Дальше они шли молча.

— В чем дело? — спросил он, когда больше не мог ждать.

Китти опять взяла его под руку.

— Это не имеет к тебе отношения. Но только... Знаешь, лучше тебе не упоминать при Одине, что ты меня знаешь. И что ты ночуешь у меня,— она остановилась и посмотрела на море. Взгляд их обратился к темноте. Они видели звезды, отражавшиеся в слабом движении волн.— Мы были любовниками. Я рассталась с ним около года назад. Он все еще не примирился с этим.

ГЛАВА 32

Эвен проснулся рано. Лежал тихо и смотрел в потолок. Две мысли четко сформировались, как теорема в математике, бесспорно и неотразимо. Во-первых, кто-то стоял рядом с Май, когда она писала прощальное

письмо! Во-вторых, этот «кто-то» знал норвежский язык или же имел прямую связь с человеком, знавшим норвежский язык.

Это было так очевидно, что теперь его удивляло, как он мог раньше не понимать этого.

Мысль не оставляла его в покое. Он осторожно поцеловал голое плечо, которое касалось его руки, и встал. Оделся, на цыпочках вышел на кухню и по телефону вызвал такси. Потом положил автомобильные ключи на стол, осторожно закрыл наружную дверь и пошел навстречу такси.

На пароме он посмотрел на часы, вынул мобильный телефон и набрал номер Финн-Эрика.

— Слушай, это я. Ты не знаешь, Май брала с собой в Париж ноутбук?

— И сейчас ты звонишь мне об этом?! Я тут убиваюсь, мою и одеваю детей... Мы опаздываем, мне пора на работу...

— Ответь, и я не буду тебе мешать больше.

Финн-Эрик крикнул Стигу что-то про свитер.

— Портативный компьютер? — спросил он. — Нет, не знаю. В багаже, который я привез домой, его не было. Почему ты спрашиваешь?

— Но она же пользовалась ноутбуком?

— На работе он у нее был, она несколько раз приносила домой, но не очень его любила. У нее от него деревенела голова, так она говорила. И пользовалась им крайне редко.

Значит, он остался в издательстве — или исчез, как мобильный телефон.

— Хорошо. Она посылала тебе эсэмэски?

— Всего несколько раз.

— Я имею в виду в последний день?

Финн-Эрик снова крикнул что-то, на этот раз Лине, потом снова сказал в трубку:

— Не знаю. Мой мобильный в ремонте. Надеюсь, что получу на следующей неделе.

— Тебе не дали временный? А где сим-карта?

— У них не было.. э-э, сим-карта в мобильном, я так думаю. Все происходило так быстро, когда я...— Голос вдруг поднялся на целую октаву выше.— Какого черта, Эвен. Оставь меня в покое. Я потерял свою жену, не твою! *Перестань меня мучить!*

— Так точно. Слушаюсь. Будет сделано,— рявкнул Эвен в трубку, когда связь уже была прервана, и сунул мобильный телефон в карман. Юмор висельника.

Пошел мелкий дождь, он поднял воротник, вышел на палубу глотнуть свежего воздуха, чтобы активизировать мозг. И еще раз все обдумать.

Май писала прощальное письмо по-норвежски. В парижской гостинице. Под угрозой. Эвен до сих пор считал, что все было организовано иностранцами, его предрассудки привели к такой мысли. Он думал, что так цинично использовать шантаж детьми было совершенно не по-норвежски. К тому же самоубийство произошло во Франции. Но ведь Май писала письмо о предстоящем самоубийстве, не упоминая того, кто ей угрожал, не рассказывая, что скрывалось за самоубийством. Это было очень важно, и ему давным-давно надо было понять: кто-то контролировал то, что она пишет, чтобы убедиться, что она не дает сведений полиции... или кому-то еще. А это значит, что должен присутствовать какой-то норвежец или человек, владеющий норвежским языком.

Паром причалил. Он подошел к ратуше, нашел уже отрывшееся кафе. Сел и стал завтракать, выпил три

чашки кофе. За окном проехала пожарная машина. Он поймал себя на том, что вспомнил констебля — женщину, служившую в полиции, которая упала с лошади, разбила голову, а потом вышла замуж за пожарника. Фатализм был не самым любимым увлечением Эвена, но все-таки ему нравился этот брак как некий положительный результат исходно отрицательных условий.

Перед девятью часами он заплатил за завтрак и по центру города добрался до издательства «Феникс».

— Йелм сейчас придет, — сказала секретарша. Положила трубку, кивнула в сторону коридора, где тут же распахнулась одна из дверей.

Один Йелм шел ему навстречу. Эвен, как парализованный, смотрел на человека, который был двигающимся опровержением закона Ньютона о всемирном тяготении. Каждый шаг, который делал этот солидный издательский работник, впечатывал в мозг наблюдающих за ним людей, что научная деятельность Ньютона была чистой фикцией. И, во всяком случае, в том мире, где жил Йелм, царили совершенно другие законы. Эвен вспомнил, что эта мысль пришла ему в голову, когда он увидел Йелма по телевидению. Теперь, встретив его в жизни, он понял, что это правда. Этот человек не ходил — он передвигался, падая вперед под таким углом, что это нарушало все законы физики и логики. При каждом шаге казалось, что он сейчас рухнет, и только в последнюю секунду вынесенная вперед нога спасала его голову от хорошей шишки. Совершенно ясно, что он протянул Эвену руку, не осознавая опасности, которая постоянно угрожала ему. Этот жест неминуемо должен был привести к нарушению равновесия и грядущей катастрофе. Эвен поторопился схватить руку.

Что-то должно было объяснять, как этот человек умудрялся выживать на краю пропасти. «Огромные ноги, низко расположенный центр тяжести, голова вдвое меньше моей,— подвел про себя итог Эвен.— И, видимо, свинцовые носки».

Йелм принес свои соболезнования, изобразил улыбку, которая обычно показывает, что человек разделяет скорбь своего собеседника, но в тоже время не поддается переживаниям.

— Хорошо, что ты уже оправился. Я пытался тебя найти.

Они вошли в кабинет, большую просторную угловую комнату с видом на две улицы Осло с их интенсивным движением. По краям большого письменного стола, стоявшего в самом углу между окнами, лежали горой рукописи, а в середине — ежедневник из коричневой кожи, похожий на нетронутый остров в окружении зелени письменного стола. Античный бокал для вина из Эллады, заполненный ручками и карандашами, стоял рядом с плоской серебряной шкатулкой.

— Зачем ты меня искал? — спросил Эвен, когда секретарша поставила им кофе на продолговатый стол для заседаний.

Йелм подтянул к себе синюю картонную папку, перетянутую резинкой, но не стал ее открывать.

— Возможно, ты меня будешь считать циником и бесчувственным человеком. Но я сразу скажу тебе: предложение, которое сейчас прозвучит, очень хорошо обдумано. Я даже считаю, что Май-Бритт скорее всего тоже хотела этого.

Эвен собирался сделать глоток, но вместо этого поставил чашку, так и не отпив кофе. С трудом преодолев желание встать и тут же уйти, он наклонился вперед.

— Причина, по которой я пришел сюда, очень проста. Я хочу узнать, над чем работала Май и зачем она поехала в Париж. Я не желаю слушать, о чем ты думаешь, что предполагаешь. Я сожалею, если это звучит невежливо, но именно этого я и хочу, я наложу большую кучу на твоё предложение.

На щеках Йелма появился слабый румянец, но улыбка еще не сошла с грубого лица. Он погладил рукой галстук.

— Конечно. Я отвечу на все твои вопросы. Насколько я понимаю, когда-то раньше ты был женат на Май-Бритт Фоссен...

— Над чем она работала?

Издатель с обезоруживающей улыбкой открыл папку.

— Когда мы два с половиной года назад взяли Май-Бритт на работу, это было частью большого стратегического плана нашего издательства. У нас возникла идея, и мы поставили ее руководителем нового отдела. Его особенностью должны были стать исторические публикации, написанные в разных жанрах и формах. Таким образом, нас привлекало не только ее знание истории, но и свежие идеи, ее литературные способности, чутье ко всему новому, способность к созиданию. Одним словом, все те положительные свойства, которыми обладала Май-Бритт Фоссен.— Один Йелм надолго замолчал. Потом положил руку на синюю папку.— Эти ее качества позволили выпустить несколько интересных публикаций. В последние годы внимание прессы к нам было таким, что этот отдел уже дает хорошую прибыль — раньше, чем мы планировали ее получить. И все-таки последняя идея Май-Бритт, над которой она трудилась вплоть до самой

смерти, была тем, во что мы особенно верили. Поэтому мы выделили значительные средства для ее осуществления. Прошлым летом я разрешил Май-Бритт потратить несколько недель на сбор материала, в частности, в Лондоне и Париже. Это должно было стать книгой об Исааке Ньютоне, великом физике и математике, человеке, которого ты, как я понял, не просто знаешь, а, по которому являешься настоящим экспертом.

Он остановился, чтобы дать возможность Эвену что-то сказать, но тот молчал и ждал продолжения. Один Йелм повернулся к столу и взял серебряную коробку. Открыл ее и предложил сигару, но Эвен покачал головой и невольно представил себе упитанного буржуа. Йелм вопросительно посмотрел, можно ли закурить.

— Ради бога,— буркнул Эвен — еще бы, человек сидел в собственном кабинете. Издатель раскурил сигару и послал облако дыма в сторону окна. Аромат был недурен. Может быть, имеет все-таки смысл согласиться, если ему еще раз предложат.

— Книга должна осветить менее известные стороны жизни Ньютона. Построенная на фактическом материале, она должна содержать элементы беллетристики, описания бытовых сцен из жизни Ньютона. Читатель должен увидеть его сидящим у своих пробирок и, так сказать, создающим философский камень.

Йелм хихикнул, глядя на Эвена, как будто они двое только что договорились, что алхимия все равно вздор и сусерие. Пожалуй, так оно и было, но Эвен не стал смеяться и перевел взгляд на папку.

Йелм стряхнул пепел в кофейную чашку.

— Май-Бритт многое уже написала к моменту смерти. Она... Да?

Секретарша постучала и заглянула в комнату. Йелм бросился к двери, они тихо о чем-то поговорили.

— Мне нужно на минутку выйти в приемную и поговорить с поставщиком. Можешь подождать, это займет не больше двух минут? — Эвен кивнул, и Йелм исчез.

Он услышал, как шаги удалялись по коридору. Он встал, походил по кабинету, разглядывая висевшие на стенах картину Рейдуна Ангеля, полную ярких красок и, тем не менее, очень изысканную; несколько фотографий Йелма в окружении известных и неизвестных лиц, на одной из них он обнимал министра культуры. Он повернулся к письменному столу, посмотрел на рукописи, заголовки, имена авторов. «Юморист в шкафу» Шюрре Эрландсена, «Фокус-покус — город в Германии» Каролины Рислинг. Как хорошо, что он не редактор. Одни названия нагоняют непреодолимую зевоту. Прошли бы месяцы, прежде чем он послал ответ многообещающим авторам. Или, вернее, так: он, конечно, послал бы все назад, не читая, с сопроводительной запиской: «Заголовок — неудачный».

За горой рукописей пряталось фото в серебряной рамке — женщина щурилась, глядя прямо на зрителя, и улыбалась. Эвен посмотрел на Китти и подумал, что зеленый вязаный свитер ей очень идет.

Его взгляд упал на раскрытый ежедневник. Много имен было записано на этот понедельник, среди других его, Эвена, с припиской: *Позвонить!* Значит, Йелм не просто трепался, он действительно собирался ему позвонить. Эвен перелистал странички на предыдущую неделю. Там он увидел «Похороны — 14.00» в среду, и имя Эвена несколько раз вверх надо всей недели. В пятницу Йелм работал до перерыва на завтрак и потом отды-

хал, договоренностей, во всяком случае, не было. Эвен полистал странички вперед до завтрашнего дня. Только одно имя было записано на вторник: *Симон Латур*.

Эвен услышал в коридоре шаги и бросился к стулу, сел и стал прихлебывать чуть теплый кофе. Вошел Один Йелм.

— Извини, что заставил тебя ждать, но одна зарубежная типография прислала нам такую мазню... Приходится иногда заниматься и такими вещами.— Один заулыбался, довольный.

А ведь тебе нравится быть шефом, подумал Эвен и покосился на письменный стол. Интересно, он перевернул странички обратно к понедельнику?

— Как я только что сказал...— Йелм взял еще одну сигару, не предложив больше Эвену, закурил и пропал в серо-голубом дыму.— Май-Бритт многое успела. Она написала в черновом варианте литературные фрагменты. Сделала довольно много записей и зафиксировала фактический материал.

Один Йелм открыл папку, вынул несколько листков и положил их перед Эвеном. Тот полистал «Тайну Первую» Ньютона и констатировал, что это слово в слово то, что Май передала ему через Китти.

— Есть что-нибудь еще?

— Да-да. Еще несколько записей...

Эвен взял их, пробежал глазами, словно никогда не видел раньше. Он попросил сигару, раскурил ее и стал листать страницы еще раз. Совершенно ничего нового.

— Когда Май начала работать над этим проектом, ты говоришь?

Йелм моргнул, посмотрел в окно.

— Ты затрагиваешь большое место,— сказал он и безо всякой нужды стал двигать папку.— Она начала в

марте прошлого года. Сначала у нее было несколько проектов, которые следовало завершить, но с августа-сентября она восемьдесят-девяносто процентов своего времени уделяла «Проекту Ньютон».

Эвен посчитал — восемнадцать листков.

— И это все, что сделано за десять месяцев?

— Да,— Йелм отодвинул папку, словно она была навязчивым ребенком.— Я знаю, что Май-Бритт написала черновики того, что она называла «Тайной Второй» Ньютона, и еще «Тайну Третью», потому что она упоминала о них месяц назад. И я знаю, что она собрала много фактического материала во время своих поездок, но...— Он провел рукой по галстуку, посмотрел на Эвена, потом перевел взгляд на окно. В движениях было что-то нервное.— Но ничего этого я не нашел в оставшихся после нее бумагах.

— Совсем ничего на дискетах, на винчестере компьютера или в ноутбуке?

— Ничего, и дома тоже. Я разговаривал с мужем. Нет ничего, кроме этого, все, что имеет отношение к «Проекту Ньютон», исчезло. Как сквозь землю провалилось.

ГЛАВА 33

Осло

ужчина так неожиданно возник в дверях, что Май-Бритт вздрогнула.

— Я тебя нашел,— сказал он по-английски и улыбнулся, обнажив желтые зубы.

— Да,— сказал мужчина, сидевший на стуле. На коленях его лежал плед, хотя они были в южных штатах, и ночью было жарко, как в джунглях.

— У него пистолет под пледом,— Май-Бритт зевнула и положила голову мужу на плечо.— Пора ложиться? — Это был последний вечер, который они проводили вместе перед расставанием.

— Мм...— сказал Финн-Эрик, не отрываясь от телевизора,— надо посмотреть, чем дело кончится.

— Мужчина с пледом сейчас выстрелит,— сказала Май-Бритт и встала. В тот же момент раздался выстрел, мужчину с желтыми зубами отбросило на три метра назад прямо в открытую дверь. Май-Бритт громко рассмеялась, но перед этим все-таки вздрогнула.

Финн-Эрик раздраженно посмотрел на нее.

— Зачем ты всегда смотришь фильм, а потом мне говоришь, что будет дальше?

— Вот уж не смотрела это барахло.— Такое обвинение ее явно разозлило.— Да все заранее видно. У него желтые зубы, значит, он противный, а у второго белые зубы, значит, он хороший. Это ведь американский фильм, черт возьми.

Она взяла себя в руки и сказала назло Финн-Эрику, пока он выключал свет в комнате, а они шли в ванную:

— Вам в страховой сфере надо ввести новые правила. Желтые зубы означают высокую сумму страховки и низкий процент выплат, так как такие люди умирают в течение двух часов. С белыми зубами — все наоборот.

У Финн-Эрика на губах зубная паста, он засмеялся и брызнул на нее щеткой.

— Ты несправедлива,— он обнял ее и похлопал по спине.— Но все равно замечательная — и моя жена.

Когда они уже лежали в постели, он спросил:

— Почему ты смеялась над фильмом, сцена со стрельбой — гротеск?

— Ах, эта. Такое абсолютно невозможно. Ты видел, как этот гад пролетел по воздуху несколько метров, когда в него попала пуля, а мужчина сидел в кресле-качалке и даже не шелохнулся, — она улыбнулась в темноте. — Третий закон Ньютона о равновесии и закон сохранения количества движения говорят, что такое невозможно. Я совсем недавно прочитала: «После выстрела из оружия движение пули должно быть таким же, что и движение оружия, но в противоположном направлении». Это значит, что если человек с желтыми зубами летит на три метра назад, то и человек с белыми зубами должен пролететь на три метра назад. Или же обратный случай: они должны остаться в покое. Оба. Так говорят законы физики.

Финн-Эрик выключил свет и посмотрел на нее.

— Бог ты мой, чего ты только не знаешь!

Она довольно улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Вообще-то меня с этим познакомил Эвен. Как-то раз мы были в кино, и вдруг он засмеялся так, что все обернулись и посмотрели на него. Представь себе, в середине фильма о Дорти Гарри, когда Клинт Иствуд стоит, держа дымящийся кольт с мрачным угрожающим видом, твой спутник вдруг начинается громко смеяться и разглагольствовать о Ньютоне. Я была готова провалиться сквозь землю.

Финн-Эрик выключил свет, она почувствовала, как он ложится на бок к ней спиной.

Май-Бритт беззвучно вздохнула и прильнула к нему.

— Я *твоя* жена, помни. У нас с *тобой* есть двое прекрасных детей. Не осложняй мне отъезд завтра, — она поцеловала его в затылок и что-то шепнула.

Он медленно повернулся в темноте и обнял руками ее лицо.

— И я люблю тебя, — прошептал он.

ГЛАВА 34

Эвен отдал посадочный талон стюардессе, которая ввела его в контрольный аппарат. По дороге через металлический туннель в самолет он посмотрел, в каком ряду будет сидеть. В девятнадцатом. Он тихо рассмеялся — простое число. Одно из «его» чисел. Случайность? Вряд ли. Это происходило постоянно, и ни при каких обстоятельствах не было проявлением иронии судьбы или какой-то формой чудес. А понятие «повторяющаяся случайность» вряд ли могло возникнуть в голове математика.

«Математика является не *одной* из точных наук, а *единственной* точной наукой».

Это заключение сделал один американский лектор, когда Эвен был юным студентом. Аргумент — математика не признавала решения, включавшее слово «почти». Биология могла делать наблюдения, а потом считать, что так и должно быть, и работать дальше с такой мотивировкой; физика могла сделать десять экспериментов с одним и тем же результатом и прийти к выводам на этом основании, хотя, по сути дела, неизвестно, а не приведет ли одиннадцатый эксперимент к чему-то другому... А вот математика никогда не принимала такие отклонения от доказательств. Ни одно доказательство не было убедительным, если оно га-

рантировало только 99,99%. Оставшиеся 0,01% тоже нужно было обосновать, чтобы какое-то утверждение могло считаться принятым для всеобщего использования, и математическая система могла развиваться дальше, базируясь на нем.

Лектор привел им тогда один пример.

Уже в семнадцатом веке математики выяснили, что есть явная закономерность в некоторых группах простых чисел. Эвен любил, когда лектор давал примеры, связанные с простыми числами. Дело в том, что не только 31, но и 331, 3331, 33 331 и 333 331 были простыми числами. Когда много лет спустя, проводя необходимые и очень трудоемкие по тем временам исчисления, обнаружили, что 3 333 331 и 33 333 331 тоже были простыми числами, показалось заманчивым предположить, что все числа с такой формулой были простыми, то есть сделать это утверждение догмой. Но этого не сделали, потому что не было бесспорного доказательства. И хорошо, что не сделали, потому что несколько сот лет спустя проверили следующее число в этом ряду: 333 333 331 и, к своему великому изумлению, обнаружили, что оно *не было* простым числом. Если 17 умножить на 19 607 843, получится 333 333 331.

У входа в самолет стюардесса приветствовала Эвена: «Добро пожаловать!» В проходе, как это всегда бывает, толпились пассажиры, спешившие забросить куртки и сумки на полку и поэтому мешавшие другим людям пройти. Эвен стал спокойно ждать. Он обнаружил, к собственному удивлению, что больше не вспоминал, что такое нетерпение или раздражение. Он думал теперь, что время принадлежит ему независимо от того, как он его использует. Никто не отнимет у него время, даже если закроется проход. А совсем недавно

по пути в Париж он обругал пожилого мужчину, который стоял в проходе и не удосужился сесть на кресло. По-видимому, что-то изменилось за последние дни.

Китти? Из-за нее? Неужели она стала вытеснять Май и теперь займет ее место?

Май была подобна фильтру между ним и внешним миром. Отсортировывала существенное от несущественного, помогала ему удерживать равновесие. Одним только фактом своего существования. Казалось, она приводила в действие нечто внутри него самого, что делало неважное действительно неважным. Если ее не было рядом неделю или две, все шло наперекосяк. Так было, например, в случае с Энгельсрюдом. Май в это время на месяц уехала в Нью-Йорк, и Эвен обнаружил, что вокруг него образовалось очень много дураков, которым непременно нужно сказать, что они дураки. И еще есть всякие мелочи, на которые необходимо постоянно указывать, а не отбрасывать в сторону, как что-то несущественное. Сразу же, как только Май оказалась дома, он успокоился, и мир стал терпимым, а IQ¹ человечества вырос процентов на тридцать.

Он дошел, наконец, до своего ряда. С краю сидела женщина, которая встала, чтобы пропустить его. Он извинился, рукой задев ее грудь, и сел на место у окна.

Хорошо, что несколько дней можно будет провести в Лондоне. Он покосился на женщину, застегивая ремень на поясе. Блондинка, но с темными бровями, что ему всегда нравилось. Подобное сочетание у женщин придавало им загадочность — известно, что такую загадку можно разрешить, но никто не знает, каким об-

---

¹ Intelligence Quotient (англ.) — коэффициент умственного развития.

разом. Одета она была по-деловому: серая клетчатая юбка и такой же жакет. На коленях лежала книга.

Эвен был последним пассажиром, дверь закрылась, и, пока стюардесса проводила инструктаж по безопасности, самолет начал выруливать от здания аэропорта.

Мысли вернулись к понятию «случайность», и Эвен бросил взгляд на пассажиров. Случайности случайностями, но, если взглянуть с точки зрения чисел, есть в них и что-то логичное. Сто, а возможно, сто тридцать людей собрались здесь вместе с одной целью, а именно прилететь в Англию. Но некоторые из них имели еще что-то общее. Что-то весьма обыденное: один и тот же день рождения или одинаковое имя. А может быть, более редкое: кровь, перелитая несколькими людям от одного и того же донора, или эти люди жили в одной гостинице где-нибудь в Иркутске. Женщина, сидящая рядом, могла делать покупки в том же магазине, что и он, и ощупывать одну и ту же капусту брокколи. Они могли родиться в один год. Но нет, если подумать, она выглядела лет на десять моложе.

Самолет набрал скорость на взлетной полосе, поднялся в воздух и оказался внутри облака; окружающий мир исчез. Эвен наклонился, вынул из сумки «Маятник Фуко» Умберто Эко. Он еще не начал ее читать.

Какой-то мобильный телефон подал сигнал, и прошло время, пока он не сообразил, что звук шел из его собственного кармана. Он забыл отключить его, когда входил в самолет.

— Да?

— Это у тебя такая черта, к которой мне надо привыкать,— сказала Китти,— ты всегда исчезаешь рано утром, не попрощавшись?

— Возможно,— ответил Эвен и посмотрел в окно.

В ту же секунду самолет вынырнул из облаков, оказался над ними в мире ангелов, мире, который купался в безбрежном море солнечного света.

— Вечером придешь?

— Э-э, я лечу в Лондон, несколько дней меня не будет.

— О...

— Да, получилось немножко неожиданно. — Он почувствовал угрызения совести, что ничего не сказал об этом вчера, и в то же время раздражение — ну ведь, черт побери, они не были супругами. Не подумав, он решил загладить вину и сказал, что Один Йелм предложил ему закончить книгу Май. Потом вдруг вспомнил, что этого человека называть Китти было нельзя.

— Вот как, а ты что-то понимаешь в этой истории?

— Книга о Ньютоне, — сказал Эвен, не упомянув, что сначала он ответил твердым «нет». И, тем не менее, Йелм в разговоре продолжал рассуждать о великом гении прошлого, и тогда интерес, нет, больше, *страстное желание* заняться опять Ньютоном нахлынуло на Эвена и заставило его протянуть Йелму мизинец в надежде, что тот, черт побери, ухватится за всю руку. — Я написал о Ньютоне докторскую диссертацию и считаюсь экспертом в этой области. Поэтому Йелм самым первым вспомнил меня.

Наступила тишина, оба не знали, что сказать.

— В таком случае, увидимся, возможно, когда вернешься домой, — сказала Китти очень тихо.

Подошла стюардесса и властно потрепала его по плечу.

— В самолете нельзя разговаривать. Позвоню, когда вернусь, — сказал он, разговор прервался.

Он положил телефон в карман, постучал пальцами по книге, почувствовал себя попавшимся, растерян-

ным, вдруг очень захотелось курить. Самолет сделал правый поворот, в промежутке между облаками он увидел бесконечный белый лес и замерзшие маленькие озера. Самолет выправился, Эвен открыл книгу.

— Хороший писатель,— сказала соседка и кивнула в сторону его книги. Засмеялась и показала свою. «Имя розы», автор тот же: Умберто Эко.

«Ну вот, что я говорил»,— подумал Эвен. Вероятно, это случайность, но с очень большой степенью вероятности. Эвен улыбнулся ей в ответ. Капитан сказал по радио, что его зовут Раймонд Вик, поприветствовал гостей на борту, заверил, что погода в Лондоне прекрасная, и пожелал приятного полета.

ГЛАВА 35

Китти посмотрела вниз на свою огромную машину.

Утренняя поездка на мотоцикле, ее первая в этом году, была именно такой великолепной, как она и ожидала. Сначала она стояла перед зеркалом и заключала себя в кожаную одежду, натягивала ее на себя, как натягивают презерватив. Потом она вывела «Кавасаки» во двор и под лучами утреннего солнца проверила наличие масла и бензина, смазала подвижные части, неспешно подготовилась, ощущая радость предвкушения. Когда она села, нажала на педаль и сразу почувствовала реакцию машины, ее охватил восторг. Мотор, сразу все его лошадиные силы заржали и стали пульсировать между ног, стоило ей повернуть ручку. Она включила передачу и отпустила педаль сцепления. Выехала из двора, прибавила газ, скорость

возросла, и ветер ударил в лицо. Мир вокруг замер, время остановилось. Двигалась только она, она ожила после долгой и холодной зимы.

«Кавасаки» был единственным мотоциклом на шоссе.

А ближе к вечеру, когда пришла пора возвращаться, она задумалась, почему так медленно просыпаются от зимней спячки ее собраты мотоциклисты. Она привыкла к тому, что первой приветствует весну. Сразу после Нового года она начинала мечтать о том, как оседлает своего коня, почувствует его силу и мощь, проникнется ощущением вечности, спрятавшейся за горизонтом.

Дневное солнце светило над головой, когда она уже сидела на мотоцикле, но еще не завела мотор. Мобильный телефон лежал в руке после разговора с Эвеном Виком. Экий хам. Сбежать в Лондон. Все понятно, но все же ей это не понравилось. Отношения между ними складывались хорошо, стали слишком теплыми.

В кожаной куртке ей стало жарко, она расстегнула молнию, чтобы выпустить часть тепла. Подумала, не следует ли сделать еще один звонок. Придется, хотя не очень хочется. Номер она все еще знала наизусть.

— Алло, это Один Йелм. Меня, к сожалению, нет в кабинете, но оставьте ваше сообщение, я свяжусь с вами незамедлительно, как только смогу. Прошло несколько секунд, прозвучал долгий гудок.

— Алло. Это Китти,— она попыталась сделать голос твердым.— Я только хочу сказать, чтобы ты перестал звонить мне, посылать электронные сообщения, прекратил всю эту херню. Мы уже расстались, Один. Примиришься с этим.— Она несколько раз глубоко вздохнула и добавила: — Пожалуйста!

Потом отключилась, положила мобильный телефон в сумку мотоцикла и завела «Кавасаки».

Она посидела немного, подумала, пока машина мурлыкала между ног, как огромный кот. Потом снова вынула мобильный, написала эсэмэску. Текст был тот же самый, который она произнесла, адресат тот же, Один Йелм. Что-то должно дойти, подумала она, застегнула молнию до самого верха и включила скорость.

ГЛАВА 36

Где-то за пальмой сидел пианист и беспощадно измывался над *Stairway to Heaven*¹. В ресторане негромко звучали голоса, посетители разговаривали приглушенно и пристойно. Так, как всегда делают в самых благородных ресторанах Сохо. Эвен чувствовал себя не в своей тарелке. Он предпочел бы закопченный паб в Саутуорке.

— Вы женаты? — спросила Сусанн и приподняла темную бровь.

Ее звали Сусанн, соседку по самолету. Они вместе ехали от аэропорта в Лондон. Сусанн Стенли. Она была наполовину англичанка, наполовину норвежка.

— Нет, — сказал Эвен и поднял руки с растопыренными пальцами. Он никогда не носил кольцо, даже когда был женат. Сразу запахло потом, он подумал, что ему, собственно говоря, полагалось принять душ перед ужином. Сусанн рассказала, что папа Стенли был совладельцем фармацевтической фирмы с базой

---

¹ Звездный путь на небеса (англ.).

в Лондоне, а она представителем фирмы в Скандинавии. Проживала в Осло в районе Фрогнер, поблизости от матери. Но имела квартиру и в Лондоне, на Хилл-Стрит, недалеко от Сохо. Поэтому они и оказались в этом ресторане.

— Какие лекарства вы продаете? — спросил Эвен, скорее для того, чтобы самому говорить поменьше.

— Скандинавское подразделение сравнительно молодо и специализируется на исследовании стволовых клеток, по которым у нас собран колоссальный материал.

— Исследование стволовых клеток? Это когда припрятывают пуповину, чтобы использовать ее в случае болезни?

Сусанн улыбнулась.

— Кровь пуповины, или точнее сказать — стволовые клетки крови. Это уникальная страховка от лейкемии и анемии, а также болезни мышц и костей...

— И если я подпишусь на такую страховку, то смогу жить вечно, — прервал ее Эвен.

— Вечно — нет. Кроме того, вы немножко опоздали. Я не думаю, что вы припрятали свою пуповину?

Эвен рассмеялся.

— Нет. Я думаю, мой папа съел ее на завтрак в день моего рождения.

Улыбка на лице Сусанн застыла. Ей пришлось пригубить вина, чтобы улыбка появилась опять.

— Но твоим детям, которые родятся позже, это может пригодиться.

Карман Эвена завибрировал, он извинился и извлек свой мобильный. Сусанн сказала, что все в порядке, улыбнулась и протянула руку через стол, чтобы подтвердить это. В тот же момент поблизости

что-то сверкнуло, как будто сделали снимок со вспышкой. Эвен посмотрел вокруг, но не увидел никого с фотоаппаратом. За соседним столом сидел только один мужчина, он ел и одновременно говорил по мобильному телефону. Казалось, что Сусанн не заметила вспышки, она взяла нож и вилку и стала есть. Эвен увидел новое сообщение на мобильном телефоне, не узнал номера отправителя и прочитал: *Han vil prata med dig — sista chans*¹. За сообщением следовал номер телефона.

— Что-то случилось? — Она заботливо дотронулась пальцами до его руки. Он посмотрел на маленький экран, к горлу поднималась тошнота.

— Э-э, нет,— сказал он, отнял руку и отключил мобильный.— Нет. Решительно ничего.

ГЛАВА 37

— Идешь?

— Да. Подожди пару минут, я сейчас!

Финн-Эрик соединил мобильный телефон с компьютером и нажал на клавиши. На мониторе появилось лицо маленькой Лине. Он улыбнулся, ее лицо было, по-видимому, в десяти сантиметрах от аппарата, когда Май снимала. Следующее фото было снято на горке около школы, он вспомнил, что они ходили туда в субботу с месяц назад. Стиг мчался с огромной скоростью на санках, его светлые волосы развевались.

---

¹ Он хочет поговорить с тобой — последний шанс (швед.).

Шапочку он потерял, когда ехал в первый раз и упал. Ее нашли через час, когда какие-то другие дети свалились с санок-ледеянок и разрыли снег. Он задумался. Почему Май послала ему эти фото? Дата говорила, что это случилось в день ее смерти. Время 02.34.

Он смотрел на время. 02.34. Среди ночи! Неужели она *уже тогда* знала, что умрет? Подводила итоги? Или понимать надо так, что она пыталась сказать, что у нее что-то случилось? Ответа не было. Он снова взялся за телефон.

Следующие фотографии были посланы спустя двенадцать часов. Он нажал на клавиши. Наморщил лоб, когда появилось первое фото. Попробовал сделать более резким.

— Ну, неужели же... — пробормотал и перевел на следующее. — Но... — сказал он, устремив взгляд на монитор.

В двери появилась Будиль Мюнте, хотела что-то сказать, но передумала, увидев застывшую на стуле фигуру. Она медленно подошла, заглянула через плечо и увидела на мониторе фотографию колоды карт, листок бумаги и телефон. Она узнала листок бумаги и покосилась на затылок Финн-Эрика.

Его рука внезапно сделала движение, принтер заработал. Он выбирал размер. Будиль Мюнте вышла, он этого даже не заметил. Она надела пальто, шарф, громко кашлянула в коридоре. Войдя в его кабинет, громко сказала:

— Сегодня вечером будет холодно.

Он стоял с отсутствующим взглядом. Потом кивнул и что-то положил в портфель.

— Да, — сказал он. — Я готов. Пошли.

ГЛАВА 38

Она улыбнулась улыбкой Моны Лизы. У Эвена была теория, что такая улыбка могла появляться только у некоторых женщин в известной ситуации. Далекая и чуточку восторженная. Красивая улыбка. Чувственная.

— Увидимся вечером! — крикнула Сусанн, послала воздушный поцелуй и помахала.

Эвен помахал в ответ, и они пошли каждый к своему автобусу. Эвен нашел место на втором этаже впереди, грузно опустился и прислонил голову к стеклу. Заметил, что какой-то усатый турист поднял аппарат и сфотографировал его автобус.

Когда они с Май впервые были в Лувре и стояли перед Моной Лизой, он сказал, что знает, почему она так улыбается.

— О! — сказала Май. — И почему же?

— У тебя такой же взгляд, такое же мягкое движение губ, когда мы занимаемся любовью.

Май покраснела и отодвинулась от него. Она шла в отдалении, пока они не приблизились к картине Ингреса «Турецкая баня». Здесь она остановилась. Удивленный ее реакцией, а может быть, сконфуженный обилием обнаженных женщин, некоторые из которых к тому же трогали друг друга за груди, Эвен начал говорить, что художник, конечно же, использовал принцип золотого сечения, который выражен иррациональным числом «пи», что число «пи» уже исчислили с точностью до миллионных долей, а теперь делается попытка установить, есть ли закономерность в том, как повторяются эти доли...

— Тсс,— шепнула Май и прижала палец к его губам,— не надо все превращать в числа. Кое-что прекрасно живет и без них.

Он помолчал и посмотрел на картину, покосился на Май и понял, что любит ее еще больше, чем раньше.

Автобус приехал в Вестборн-Гроув. Эвен встал с места и на следующей остановке вышел. Он увидел, как двухэтажный автобус замигал, отплыл от тротуара, огромный красный динозавр, который смешался с другими четырехколесными творениями и медленно двинулся по забитой транспортом улице.

Эвен перешел дорогу, вернулся немного назад, посмотрел на название улицы на табличке высоко на углу и почувствовал, как сердце забилося в груди: «Ньютон-Роуд». Улица имела форму буквы «Е», только без средней перекладины — это он обнаружил еще на карте города.

Он прошел по короткому отрезку и остановился в изумлении. Эвен представлял себе Ньютон-Роуд еще одной торговой улицей, вроде тех, какие были в Бейсуотере и Ноттинг-Хилле. Или же деловой ремесленной улицей со складами, автомастерскими, может быть, со столярной мастерской. Чем-то вроде этого. Но улица оказалась ни тем ни другим. Можно сказать, их полной противоположностью. Довольно изысканные виллы отстояли от красной линии улицы, входные двери некоторых с двух сторон украшали римские колонны. Это напомнило Эвену тайные братства, которые часто украшали фасады подобным образом. На другой стороне улицы часть четырехэтажного жилого дома была превращена в церковь. Так было написано на наружной стене, иначе никто не сумел бы определить ее назначение.

Эвен свернул на длинную сторону буквы «Е» и пошел вдоль вилл. Между тротуаром и проезжей частью росли деревья, деревья были и в садиках перед домами. Все так и дышало покоем, легко можно было забыть, что ты находишься в центре города с миллионным населением. Из садика вышла женщина лет пятидесяти, бросила взгляд на Эвена, подобрала меха, обтягивающие бедра, и, извиваясь всем телом, забралась в «Порше». Когда машина исчезла за углом, Эвен остановился и вздохнул. Ошибка. Бьярне Энгельсрюд явно имел в виду Ньютон-Плейс, Ньютон-Стрит или Ньютон-Сквер или что-то еще такое же. Он в отчаянии осмотрелся вокруг, уже приготовился уходить, как вдруг что-то увидел в пыльном окне над дверью. Он вошел в ворота и заморгал, читая буквы, выцветшие от давности и непогоды. Они соединялись в слова: *Hermes Tris Bookshop*.

Окно над дверью было таким пыльным и загаженным, что Эвен скорее догадывался, чем читал буквы под стеклом. Он поднялся по лестнице, открыл дверь и невольно посмотрел вверх, когда над его головой колокольчик издал сиплый звук. Латунный стержень на двери, сделанный в форме руки, державшей стеклянный шарик, коснулся колокольчика. Этот звук почему-то напомнил Эвену рыночную площадь в деревне.

С неохотой он закрыл за собой дверь, тем самым отрезая себя от солнечного света, и остановился, чтобы глаза привыкли к полумраку. Начали проступать контуры полок, стоявших вдоль всех стен и заполненных книгами от пола до потолка. Кроме этого в продолговатом помещении находились стеллажи, создававшие закоулки и тупички, куда можно было войти, присесть на табуреточку и полистать книгу.

Эвен взял с ближайшей полки первую попавшуюся. Как и все ее соседки, она была старой, в плотном переплете, без названия на корешке, словно хотела спрятаться от всего мира, как и сам этот магазин. Эвен открыл книгу, добрался до титульного листа: *De arte cabalistica*¹ Йоганнеса Рейхлина. Внизу римскими цифрами был написан год издания: 1517. Эвен с испугом поставил книгу на место, чтобы избежать порчи такого антикварного сокровища и выплаты огромных денег за компенсации ущерба. Когда он отступил на шаг, ему вдруг пришло в голову, что это, несомненно, перепечатка. В шестнадцатом веке не издавали книг шрифтом *Garamond Oldstyle*. И все же.

Он посмотрел по сторонам. Здесь не было ни одного роскошного переплета, никаких сверкающих красок на корешках книг, которые зывали к тебе: «Возьми именно меня!», ни одного захватывающего заголовка, написанного большими буквами, которые привлекали твое внимание. Ни одного — пожалуй, преувеличение, но таких было немного.

Металлическая табличка с витиеватыми готическими буквами была привинчена к краю одной полки: *Kabbalah/Qabala*². Он увидел и другие таблички. Слева от входа на уровне глаз было написано: *Astrologia*³. На полках ближе к потолку надписи: *Aura* и *Aurarius*⁴. У ближайшего закутка виднелась табличка: *Clairvoyance, Concularia Clandestino* и *Occultioria verbis*⁵. Медленно шел он по магазину между полка-

---

¹ Искусство кабалистики (лат.).

² Каббала (лат.).

³ Астрология (лат.).

⁴ Воздух, Золотой (лат.).

⁵ Ясновидение (фр.), Тайные посольства, Тайные слова (лат.).

ми. Казалось, что это склеп, где пахло кожей и плесенью, а кругом висела пыль, которая хотела прикрыть доступ свежего воздуха к нему и умертвить. Кое-где он останавливался и с любопытством читал: *Fysiognosis, Nekromantia...*¹.

— Некромантия? — пробормотал он. Что это такое? «Некро» — это нечто, связанное со смертью, так в словах «некролог» и «некрофил», а «мантия» — это, кажется, происходит от латинского слова *manus* «рука»? «Мертвые руки»? Или же это связано с латинским словом *manti* «мертвые»?

В этом магазине ничего исключить нельзя, казалось ему, и он посмотрел в конец темного помещения. Там, над высокой стойкой, появилась седая голова старика. Черная шапка (или чепчик?) покрывала ее. Не совсем еврейская ермолка, но Эвен все же вспомнил портрет аптекаря восемнадцатого века, который Май показывала ему однажды. Похоже, что человек не особенно взволновался от того, что в магазине появился покупатель. На стене у него за спиной висел большой плакат с нарисованным кругом, в который был вписан треугольник и какие-то слова вдоль и поперек, казалось, что они являются частью некоего ритуала. Остальная часть стены, как и все в магазине, была занята книгами.

Эвен прошелся между полок со странным ощущением, что он изменил своему призванию, что он предатель, подобно священнику, которого без предупреждения вовлекли в церемонию в честь Сатаны. *Numerologi*² было написано на одной полке. Ниже: *Babylonii*³. А выше: *Maleficium*

¹ Физиогномика, некромантия (лат.).

² Нумерология (лат.).

³ Вавилония (лат.).

*Numero*¹. Причиняющие вред числа, колдовские числа, если угодно. Безбрежное море всяческой чепухи.

*Morfeus, Excorsismus, Thot*².с Эвен остановился в растерянности и оглянулся. Сначала он думал, что таблички развешены по алфавиту, но тут до него дошло, что в действительности здесь была какая-то тематическая систематизация, логики которой он не мог понять при отсутствии подготовки по оккультным и магическим наукам, или как они там, черт бы их подрал, называются.

*Nostradamus*³. А, это тот, который увлекался предсказаниями. Эвен прочитал несколько названий на корешках книг. *Pierre Marteau: Entretiens de Rabelais et de Nostradamus; Joëlle de Gravelaine: Prédications et Prophéties*⁴. Тот факт, что существовали люди, покупавшие такие книги, для Эвена всегда был загадкой. Копаться в прошлом, чтобы понять настоящее, как это делала Май, это он понять еще мог. Заниматься математикой, чтобы увидеть взаимосвязь явлений в мире, увидеть мир с изнанки, казалось ему логичным, столь же логичным, как и откусить яблоко, чтобы узнать его вкус, или открыть капот машины, чтобы осмотреть двигатель. Но писать стихи, в которых содержалось предсказание будущего, при этом не на день, не на месяц, а на сотни лет вперед, было безнадежной наивностью или жульничеством в чистом виде.

Из одной книги торчал листок бумаги. Эвен вынул ее, чтобы посмотреть, не забыл ли кто-нибудь что-то

¹ Вредные числа (лат.).

² Морфей, Экзорцизм, Тот (лат.).

³ Нострадамус (лат.).

⁴ Пьер Марто «Беседы о Рабле и Нострадамусе», Жоэль де Гравелен «Предсказания и пророчества» (фр.).

интересное, что-то, что могло рассказать ему о людях, посещавших это место. Автор — некий Ауст, название — *Das Jüngste Gericht*¹. На листочке тоненько тушью написано: «Содержит исчезнувший седьмой стих одиннадцатого века (страницы 86 и 142—143)».

Эвен поставил книгу на место и пошел дальше. От пыльного воздуха в горле запершило. Его охватило паническое чувство клаустрофобии, чего раньше никогда не случалось. Раздраженный, он сделал вид, что ничего не произошло, и резким движением выхватил первую попавшуюся книгу. Раскрыл ее наугад и начал читать:

«Я — тот, кто живет во тьме. Стою в тени, вне круга света. Ты меня не видишь, но догадываешься, что я есть. Ты знаешь, что я существую, потому что ты видел меня в своих худших кошмарах, видел меня в самой глубокой грязи, видел мою вероломную руку в своих действиях, слышал мой злобный голос в своем голосе.

Я вижу, как ты стоишь в дверях, за тобой свет, твой взгляд блуждает в ночи. Ужас делает тебя слабым, и ты боишься повернуться. Ты не осмеливаешься встретить меня — ты не осмеливаешься уйти от меня. Ты участвуешь в любой дилемме жизни — выбирая между мной и моим братом. Я прячусь там, где ты ждешь меня меньше всего — в твоём рождении, в твоей любви, в твоём будущем. Я — в твоей неуверенности, в твоём страхе, вне пределов твоего понимания, я столь отвратителен,

---

¹ Самый молодой суд (нем.).

подл и жалок, что ты даже не можешь подобрать слов.

Я — сама злоба. Я — Сатана. Я — это ты сам».

— Фу ты, дьявол! — Эвен захлопнул книгу, словно она ожила у него в руках, почти швырнул ее назад на полку. Согнувшись, дошел до табуретки, сел, прижав голову к коленям, и попробовал вернуть контроль над телом и дыханием, избавиться от чувства паники. Потом медленно встал, сделал несколько глубоких вдохов и почувствовал, что самообладание вернулось. Взглядом поискал полку, чертыхнулся и задумался о тексте, на который отреагировал так бурно. Что за книга? С досадой встал и вынул ее снова, посмотрел на титульный лист. «Рай Зла», автор — Трук де Вест. Ни название, ни автор Эвену ни о чем не говорили.

Он решил покончить здесь с делами как можно скорее. Быстро пошел к старику за стойкой и вдруг увидел табличку, которая его остановила. «Ньютон, Исаак». Эвен посмотрел выше и ниже. На одной полке табличка с надписью: *Alcymia*, ниже: *Arianer*¹. Далеко вверху написано: *Deorum Nemen, Apocalypse* и *Ancient Kingdoms*². Что-то было написано и на самой верхней полке, но в помещении было слишком темно, чтобы это прочитать. Эвен с изумлением смотрел на эти многочисленные книги, их было несколько сот. Целый стеллаж отведен для книг, написанных о Ньютоне, или самим Ньютоном, или на темы, которые интересовали Ньютона.

Может быть, здесь, где-то на полке стояла книга, которую он, по мнению Май, должен был найти?

---

¹ Алхимия. Ареанс (лат.).

² Имена бога, Апокалипсис, Древние королевства (англ.).

Эвен стал изучать названия. Его удивило, что здесь стояло также много и не-оккультных произведений, научных книг по математике, астрономии и физике, в основном старых, но были и новые книги о трудах Ньютона. Многие из них были ему известны, он читал их, когда работал над своей докторской диссертацией. Он уставился на полку, вынул одну довольно толстую, не очень высокую, с пожелтевшим корешком, что свидетельствовало о возрасте. Имя автора на корешке почти исчезло. Он раскрыл титульный лист.

— Черт побери! — громко воскликнул он. Старик за стойкой поднял ненадолго голову, стало видно его жидкую седую бороду.

*Even Vik: Calculus and fluxions — Isaac Newton's differential and integral calculus methods seen in perspective of modern science*¹. Эвен с широко раскрытыми глазами листал свою собственную докторскую диссертацию. Какому дьяволу потребовалось верстать ее и выпускать в свет в таком псевдоантикварном виде? Ему никто никогда не сообщал, что какое-то иностранное издательство заинтересовалось ею. В этом не было необходимости, потому что диссертация изначально была написана по-английски и в любой момент могла быть заказана в Осло через университетское издательство. Он просмотрел книгу. Работа неизвестного издательства была очень дилетантской, все делалось как можно дешевле, и только в переплете было что-то благородное. Совершенно случайно он раскрыл книгу на странице с письмом Исаака Ньютона немецкому

---

¹ Эвен Вик. «Исчисление и дифференциальное исчисление — Методы дифференциального и интегрального исчисления Исаака Ньютона с точки зрения перспектив современной науки». (англ.)

философу и математику Лейбницу. В этом письме Ньютон начинает рассказывать о своих открытиях и вдруг останавливается.

«Я не могу продолжать рассказ об исчислениях, я принял решение скрыть его таким образом: 6accdae13eff7i319n404qrr4s8t12vx».

Это было очень типично для параноидного, недоверчивого и в то же время высокомерного Ньютона: он указывал на то, что у него было еще кое-что, но в то же время он прятал свое открытие под кодом. Готфрид Вильгельм Лейбниц был конкурентом и, в таком случае, в глазах Ньютона потенциальным вором и плагиатором. Во время работы над этой частью диссертации Эвену особенно пригодился его интерес к кодам и дешифрованию. Ушло очень много времени на освоение техники кодирования и обретение уверенности, что он понял текст правильно. В результате его выводы были отличными от тех, к которым привыкли ученые в известных кругах, что и было отмечено теми, кому это было интересно.

Ему вдруг пришло в голову, что Май хотела, чтобы он нашел именно ее, эту диссертацию. Возможно, в ней лежала какая-то записка, а может быть, где-то на полях была запись. Он решил купить книгу. Независимо от того, было там сообщение или нет, интересно привезти такую ценность в Норвегию и показать коллегам в институте.

Он подошел к стойке и положил туда книгу. То, что книжный магазин не был представлен в Интернете, он понял сразу же при входе. То, что он не нашел его в телефонной книге, когда утром собирался поехать сюда на автобусе, тоже не было сюрпризом. Теперь он

смотрел на стойку в ожидании увидеть там гусиное перо, промокательную бумагу и чернильницу. К его удивлению, старик шариковой ручкой заполнял карту спортлото. Старик поднял голову и стал смотреть на него через круглые толстые стекла очков, такие грязные, что казалось странным, что он вообще что-то видит в них. Прежде чем старик успел спросить Эвена о наиболее вероятном исходе матча между «Тоттенхэмом» и «Эвертоном», Эвен улыбнулся самой приятной из своих улыбок и сказал, что хочет купить эту книгу. Старик поморгал, глядя на книгу, и назвал совершенно невероятную цену.

— Извините,— удивился Эвен.— Пятьдесят фунтов?

— Да,— спокойно ответил старик.— Это единственный существующий на сегодняшний день экземпляр.

Эвен так и застыл от изумления. Потом усмехнулся, вынул деньги и заплатил. Когда он выходил, колокольчик издал звук, и дверь со скрипом закрылась. Он стоял на крыльце и смотрел, как мимо проехала машина и тут же следом за ней мопед. Эвен почувствовал себя вернувшимся из путешествия в восемнадцатый век. Солнечный луч осветил поребрик на противоположной стороне улицы. Он пошел туда, уселся под солнцем и стал систематически перелистывать книгу. На это ушло время. Отчасти потому, что книга была толстой, отчасти потому, что он вчитывался в то, что сам когда-то писал и закончил лет десять-двенадцать назад.

Перевернув последнюю страницу и рассмотрев блестящий переплет, он вздохнул и поднял глаза. Разгадка была не здесь. Надо было снова отправляться в путешествие во времени.

ГЛАВА 39

Кембридж

Май-Бритт чувствовала себя как дома, все-таки провела в Кембридже почти неделю. Она привычно пересекла Куинс-роуд и пошла между деревьями к реке Кем. Дул ветер, но было приятно, и она пошла к северу, пока не увидела Тринити-колледж на другом берегу реки. Группы студентов лежали на траве, читали или просто разговаривали и отдыхали. Это было ее любимое место завтрака, с видом на расположенное на берегу роскошное здание библиотеки, построенное Кристофером Реном. Оно было возведено как часть Тринити-колледжа в конце семнадцатого века, когда здесь еще жил Ньютон.

Трава была мокрой после утреннего дождя, поэтому она вынула из сумки шерстяной свитер и села на него. По учебным, научным и издательским делам Май-Бритт посетила много библиотек западного мира. Из них очень немногие производили такое цельное впечатление с точки зрения пропорций, как библиотека Рена. В ней было реализовано ясное понимание того, что прибывшие в мир книг испытывают нужду в свете, в огромном количестве света, чтобы сосредоточиться на содержании творений. Кроме того, была учтена близость библиотеки к реке, сильно разливавшейся при обильных дождях: нижний этаж представлял собой балюстраду, по которой вода могла плескаться сколько угодно, если этого желали боги погоды, но не достигала книг, расположенных этажом выше.

Поблизости громко кричали юноши и девушки, их резкий смех нарушил покой Май-Бритт, ворвался в ее размышления. Очень некрасивый смех, вроде скрипа ногтя по доске. Она попила воды из бутылки, чтобы смыть неприятный звук. Ей не хотелось бы, чтобы у нее был такой же скрежещающий смех. Свой смех оценить трудно. Так же трудно, как оценить наличие у себя шарма — или его отсутствие.

Еще раз смех резанул ее прямо до мозга костей. Май-Бритт обернулась, чтобы посмотреть, кто издавал такой кошмарный звук. Перед тремя парнями сидела девушка немного старше двадцати лет и громко разговаривала. Она была красива той красотой, которая достигается упорным трудом, длинные темные волосы спускались на плечи, казалось, что она посмотрела слишком много американских фильмов.

А вообще-то смех — приятный, чарующий, всеми признаваемый смех — изменялся ли на протяжении истории? Как смеялись люди в каменном веке — если им вообще приходилось смеяться? Бытовало общепринятое мнение, что у викингов был грубый резкий смех, наложенный на злобное рычание. Но может быть, это всего лишь предположение, построенное на предрассудках? Можно ли представить себе, что такой влиятельный человек, как Людовик XIV, мог внести изменения в норму восприятия смеха только потому, что сам в веселые минуты ржал как жеребец? Может быть, стоит когда-нибудь написать об этом книгу? Если только ее *уже* кто-нибудь не написал.

Май-Бритт улыбнулась, глядя вниз на реку, и почувствовала истинное наслаждение, охватывающее ее целиком при мыслях о работе. Иметь возможность высказывать безумные идеи и зарабатывать этим на

жизнь, а может быть, даже успеть их реализовывать — не многие люди в этом мире получают ее.

Она облизала пальцы, чтобы не осталось крошек, свернула бумагу от бутербродов, надела очки, вынула из сумки дневник и ручку. Авторучка была дорогая — от «Фабер-Кастелл», купила этим утром. Она, как маленький ребенок, радовалась, что будет ею писать. Ей показалось, что Ньютон заслуживает того, чтобы о нем писали настоящим пером, и она сделала сама себе подарок как награду за хорошую работу.

По уже сложившейся привычке она начала с перечитывания записей последних дней.

10 августа, кафе у рынка (не успела прочитать названия, когда вошла), Кембридж

Как приятно вернуться в Англию! Приятно быть в Кембридже.

Читала про Ньютона все лето. Теперь я чувствую себя так, как будто встречаю его лично, когда иду в Тринити-колледж, сижу в часовне или бываю в комнате, где он жил, сижу над бумагами, которые он читал, и рукописями, на которых остались отпечатки его пальцев. (Ради справедливости, надо признаться, что я сижу над ксерокопиями и микрофильмами. Но я подала прошение разрешить мне посмотреть одну из рабочих тетрадей того времени, когда Ньютон работал над «Принципами». Правда, ответственный за рукописные оригиналы научных трудов мистер Перкинс уже ответил мне отказом. Он сказал, что для сохранения старых документов в 99 случаях из 100 на прошения отвечают отказом. Но... надежда не умирает, и кто-то бывает сотым.) Я прорабатываю ранние записи Ньютона, его дневники и путаные рабочие тетради первых лет пре-

бывания в колледже. Много написано на латинском языке, а я замечаю, что этот язык я подзабыла. Пытаюсь вечером освежить латинскую грамматику, читаю, в частности, книжку про слова и синонимы.

Разобрать написанное Ньютоном сложно, особенно его сделанные от руки записи, содержащие много загадок. Если что-то кажется ему важным, то он тут же пытается скрыть это кодом. Я часто думаю об Эвене, обо всем том, чему я научилась у него за первые годы во время наших шифровальных развлечений. Сейчас это очень пригодилось.

Уф! Даже думать не смею, что Эвен скажет, когда услышит про эту книгу. Было бы естественно пригласить его, учитывая его знания о Ньюtone. Но я не хочу этого. Он отнимет ее у меня. Признание границ никогда не было его сильной стороной. Чем больше я работаю с этим материалом, чем больше он меня увлекает, тем больше мне хочется, чтобы книга осталась навсегда «моим трудом» и ничьим больше. У меня такое ощущение впервые. Можете называть это детством, проявлением профессионального тщеславия — наверное, так оно и есть. А может быть, мне хочется окончательного разрыва с моим бывшим.

Раздался еще один взрыв смеха, Май-Бритт резко повернулась, хотела сделать язвительное замечание. Девушка сидела, наполовину повернувшись к ней спиной, и не видела ее. Это было к счастью. Смутившись такой своей реакцией, Май-Бритт подняла дневник и обратила внимание, что в груди у нее кипит необыкновенное раздражение. Она попробовала еще почитать, но мысли уже гуляли где-то далеко. Неужели это...

Осторожно, словно она только хотела поднять бутылку воды, она чуть-чуть повернулась и взглянула через плечо на деревья. Ветер шевелил траву, заставляя тени двигаться. По дорожке ехали студентки, шла пожилая дама с собачкой. Ничего другого не было.

Май-Бритт выпила воды и стала читать следующую страницу дневника.

11 августа, библиотека Кембриджского университета

И все-таки я стала сотой! Прошла через игольное ушко и получила разрешение посидеть над рукописью, рабочей тетрадью — прямо перед окном в конторку мистера Перкинса. Это грандиозное, почти священное событие — сидеть над бумагами, до которых дотрагивался сам Ньютон. Видеть кляксы, которые он оставлял, на одной из них есть что-то похожее на отпечаток его пальца, ощущать ритм письма того времени, когда еще не было шариковых ручек. Мне кажется, что он сидит рядом со мной — холодный дух, невидимый, но ощущаемый.

Мистер Перкинс улыбается за стеклом, видя мое воодушевление, смотрит, как я нюхаю бумагу, восторженно трогаю ее кончиками пальцев, определяю на ощупь структуру. Я думаю, что добрый Перкинс из кожи вон вылез, чтобы включить меня в список избранных лиц, которые сидели, держа бумаги гения в своих руках. Надо не забыть поблагодарить его в книге.

А теперь от свержвосторженного к мистике: я нашла листок бумаги в самом конце, очевидно положенный последним из тех, кто имел доступ к этой тетради. На нем нацарапано несколько слов — красной пастой. Текст довольно странный: «Я думаю, что Мануэл П. прав, потому что это несомненный намек на...»

Дальше прерывается. Ничего нет.

Я спросила библиотекаря, кто последний брал эту рукопись, но он не захотел помочь мне. Некий господин, похожий на француза, который сидит за мной (и потеет так, что вонь стоит в воздухе), принес заказ на книгу, которая, как я поняла, стоит в отделе, находящемся в подвале. Пока библиотекарь ходил за книгой, а француз был в туалете или еще где-то, я зашла в компьютерную базу данных библиотеки (мой стол стоит так, что это не видно из комнатки мистера Перкинса) и нашла список лиц, бравших рукопись.

Май-Бритт улыбнулась своей смелости. Она как будто принимала участие в одном из детективных фильмов про инспектора Морзе, с той лишь разницей, что в них события всегда происходили в Оксфорде.

Она поправила очки и стала читать дальше.

Имена Фрэнк Лампард и Вивиан Коллар были записаны 26 февраля, то есть полгода назад. После этого рукопись никому не выдавалась. А за шесть лет до того ее получил... я впила глазами... Мануэлл Пазкар! Тот самый, что упомянут на вложенном листочке. Бесспорно.

Значит, это писал кто-то из них: или Лампард, или Коллар, возможно, желавший привлечь внимание второго.

Я заглянула в несколько справочников и обнаружила, что Мануэлл Пазкар — аргентинский исследователь, занимающийся наследием Ньютона. Пишет по-испански, работы не переведены. Надо выяснить, не упоминается ли здесь какое-то известное его высказывание. Но что значит «намеки на...»? На что? Может быть, попробовать связаться с Пазкаром?

Она перевернула страницу, уже зная, что там будет. Но тело ее было, тем не менее, напряжено, как будто она читала детективный роман. Внезапно она подняла голову и посмотрела через плечо. Стала смотреть поверх очков на одну точку среди деревьев. Там что-то замерло, когда она повернулась. Она смотрела, пока из глаз не потекли слезы. Потом моргнула. От ствола дерева отделилась тень, это отошел мужчина, постоял боком, держа руки ниже пояса, потряс телом, выпрямился. Май-Бритт хихикнула и отвела взгляд. О, Боже, эти мужики! Только и занятий у них, что ходить и отмечаться на лесных деревьях! Ничего не поделаешь. Реликты того времени, когда все мы ходили на четвереньках, буркнула она под нос себе.

Мужчина пересек лужайку, спустился к реке, помыл руки, потом пошел дальше. Вскоре он исчез за кустами.

*13 августа, гостиница «Эрандел-Хаус», Кембридж
Мануэлл Пазкар умер... в 1999 году.*

1999. Май-Бритт засмеялась. Этот год вдруг напомнил ей Эвена и татуировку на его руке. Сначала она думала, что там написано 999. М-да, добиться, чтобы он удалил татуировку, было нетрудно, когда она сочла, что он стал к этому готов.

Взгляд перешел на грязную воду реки. Собственно говоря, было странно... Ей иногда казалось, что Эвен в первые годы их совместной жизни как будто ждал, что она ему что-то запретит или в чем-то откажет. Он тотчас же это принимал и проходил через всяческие страдания и кошмары, чтобы удовлетворить ее требования — расстаться с наркотиками, курением, сатанизмом, — хотя

последнее было скорее маской, под которой он прятался, чем врожденной страстью. Она чувствовала себя спасителем, воспринимала себя как нечто доброе и важное. Позже он стал менее сговорчивым, настаивал на своих экспериментах, своем особом мнении по разным вопросам, на своих тайнах, и...

И она от него ушла.

Предала ли она его, когда он перестал поклоняться ей как святой? Она приподняла дневник и впиалась взглядом в буквы, чтобы не отвечать на этот вопрос. Времени на обдумывание таких вопросов у нее не было.

Итак, Мануэлл Пазкар умер в 1999 году.

Я нашла оценку его работ в нескольких английских книгах. Он один из экспертов по Ньютону, но не совершил эпохальных открытий. И все же две английские книги приводят одну и ту же цитату из его работ.

«В заметках Ньютона встречается много намеков на то, что он совершил открытие или же дошел до такой истины, которые никогда не были опубликованы. Естественно предположить, что это открытие имеет отношение к его работам в области алхимии, что масштаб этого открытия настолько велик, что Ньютон решил уничтожить свою формулу, и это является наиболее вероятным, или же запрягал ее так хорошо, что вряд ли будет возможно найти ее, когда бы то ни было».

Обе книги сопровождают эту цитату комментарием, что по поводу значения этих «намеков», которые Пазкар будто бы нашел в текстах Ньютона, исследователи последних 300 лет высказывают разные

мнения. Намеки, пишут они, всегда появляются в связи с размышлениями в области алхимии и часто зашифрованы. Поэтому языковое понимание и нюансы часто зависят от человека, который дешифрует код, и значение намек, таким образом, зависит от этого переводчика с языка кода.

Оба автора считают, что записи из области алхимии весьма интересны, но, тем не менее, один из них пишет:

«Полагать, что Исаак Ньютон сделал открытие или пришел к истине чрезвычайного значения и не опубликовал этого или, по меньшей мере, не переслал одному из своих друзей-алхимиков, например Роберту Бойлю или Джону Локку, значит, недооценивать его научную целостность и рвение поднять науку на новые высоты. Исаак Ньютон был без сомнения тем, кто во всем научном мире того времени лучше всех понимал, что каждое научное открытие есть только ступень на пути к следующему. Никакая истина не является последней, конечной целью».

Запись Лампарда и Коллара свидетельствует, что эти двое нашли что-то, что, с их точки зрения, является еще одним намеком на неизвестное открытие Ньютона, — совершенно очевидно, и при этом нашли в одной из научных рукописей Ньютона!! Не из области алхимии. Эта новость говорит, что разрыв между работами Ньютона в области алхимии и точных наук не так велик, как мы обычно думаем. Возможно, что для него это были две стороны одной медали.

Вздыхая. Они нашли что-то в рукописи Ньютона, которую я уже вернула мистеру Перкинсу (договорен-

ность была о работе с рукописью в течение одного дня). А подавать новое прошение в надежде получить положительный ответ — это не просто верить в то, что рождественский гном существует, но и полагать, что он положит тебе под елку посылку с вечной жизнью!!! Я не буду даже пытаться. Не надо без нужды растягивать резинку счастья.

Она нашла чистую страницу, заняла позицию, чтобы лучи солнца освещали тетрадь слева, и начала писать то, что всегда называла «сегодняшний текст».

16 августа, завтрак на траве у реки Кем, Кембридж

Пробовала расспрашивать, но никто не знает Лампарда и Коллара (если не считать студента, который сказал, что Фрэнк Лампард играет в полузащите «Челси», то есть футболист). Поскольку эти двое получили разрешение работать с «недоступной» тетрадью, они не могут быть случайными людьми. (С другой стороны, я тоже получила такое разрешение! Никто не узнает моего имени, если увидит его в списке.) Хочется спросить мистера Перкинса, но он уехал на семинар в США и вернется только через неделю.

Завтра я пойду в библиотеку Королевского колледжа, где находятся рукописи по алхимии, и попрошу мне их показать. Я позвонила профессору Томпсону, он говорит, что попробует помочь мне получить к ним доступ. Но он знает, что сотрудники библиотеки колледжа не очень щедры на выдачу таких разрешений. Я подам прошение сегодня и, может быть, получу ответ до своего отъезда.

Очень рада, что скоро приеду домой к Стигу и Лине.

Она перечитала последнее предложение, вздохнула и опустила на колени тетрадь и ручку. До чего же она любила своих детей! Они были самым лучшим из всего, что выпало ей на долю. Они составляли совершенно отдельную шкалу ценностей. Как-то раз она поймала себя на мысли, что если бы ей пришлось выбирать между своими детьми и Богом, то она стала бы язычницей.

Финн-Эрик считал, что двоих детей достаточно. Вообще-то, она была согласна, но мысль о новой беременности, еще одном ребенке, новых родах совсем не пугала ее. Она могла вызвать в памяти ощущение боли и одновременно святости, когда после долгих часов схваток она осознавала, что ребенок начинал двигаться и затем покидал ее тело. Это было облегчением для тела, но в то же время имелось и что-то священное в таком деянии, самом близком к Богу из всего, что она когда-то испытала и когда-нибудь испытает еще за свою жизнь.

Она посмотрела на часы, положила в сумку тетрадь и ручку — пора возвращаться в университетскую библиотеку.

Она посидела еще немного, посмотрела на деревья вокруг себя. Взглянула на реку и на здание библиотеки Рена, возвышавшееся, как огромный недвижимый монолит, непоколебимо стоявший на страже бесценных знаний. Вынула дневник, полистала до последней исписанной страницы, опустила перо ниже и медленно приписала:

Я не уверена... Но иногда мне кажется, что меня кто-то преследует.

ГЛАВА 40

Старик все так же сидел над своей картой спортлото, когда Эвен во второй раз подошел к нему. Заполнена была только одна строка, оставалось пять. Работа на целый день, язвительно подумал Эвен и стал сообщать, как ему лучше обратиться к старику.

— Гм,— откашлялся он, старик посмотрел на него через грязные очки.— Я подумал, не оставила ли мне сообщение или что-нибудь еще... э-э... Май-Бритт Фоссен.

Старик взял белый листок бумаги и положил его перед Эвеном. Потом дал ручку и попросил написать это имя. И свое имя тоже. Когда это было сделано, старик ушел в дальний угол, где стояли картонные коробки. Что в них было, Эвен из-за темноты не мог рассмотреть. Старик что-то бурчал, копался в коробках, потом вернулся и покачал головой. Эвен хотел предложить старику купить карманный фонарь, чтобы видеть лучше, но передумал. Наверняка тот уже привык к полумраку и все видел. Было в нем что-то от совы. От ушастой совы.

Эвен растерянно пошел к двери и остановился перед плакатом с египетскими иероглифами, приколотым к боковой стороне стеллажа. Это была реклама выставки египетских древностей в Британском музее — год 1934. Эвен посмотрел на иероглифы, значки, которые скрывали свое значение на протяжении тысяч лет, пока, наконец, не удалось их расшифровать. Май тоже шифровала свои сообщения, правда, не настоящим кодом, но делала их непонятными для всех, кроме Эвена, который понимал, что она пишет. Предсмертное письмо, колода карт, желтая записка в конверте — все это было личной весточкой, невидимой или непонятной для

других. Ведь могло же быть, что, оставляя для него какое-то сообщение или предмет, она использовала тот же прием кодирования в качестве гарантии, что никто другой не сможет этого получить?

Да, вполне вероятно. И как же она это сделала?

Когда Май и Эвен стали возлюбленными, они развлекались тем, что писали друг другу записки, которых не могли прочитать другие. Начиналось с прежней любви Эвена к подобным тайнам, но Май очень быстро подхватила ее, они создали код для своих собственных имен — например, что-то противоположное тому, как их на самом деле звали. Май стала зваться Ноябрь, а фамилия Фоссен¹ превратилось в... Во что же она, черт побери, превратилось, в Лагуну, что ли? Нет, не так... Ну хорошо, имя Эвен, если его прочитать наоборот, превращается в Невэ², а по-английски это же самое *Fist*. Его фамилия Вик³ была превращена в свою противоположность... Да, черт возьми, в то же самое слово, что и противоположное Фоссен! Ха! Вот как обстоит дело. Он засмеялся, вспомнив эти детские развлечения, но больше не сомневался...

Старик раздраженно сморщил лоб, когда Эвен снова оказался у стойки. В третий раз за один час. Эвен подумал, что если магазин в среднем посещало два покупателя в течение недели, то все происходящее сейчас было на грани беспардонного поведения.

— А нельзя ли допустить, что есть сообщение, или пакет, или что-то еще для человека, которого зовут *Fist Ocean*⁴?

---

¹ *Fossen* по-норвежски «водопад».

² *Neve* по-норвежски «кулак».

³ *Vik* по-норвежски «залив».

⁴ Кулак Океан (англ.).

— От кого? — спросил старик и положил перед Эвеном новый листок бумаги.

— От *November Ocean*¹, — ответил Эвен и записал.

Старик зашлепал в свой угол. Немного спустя он вернулся с маленьким коричневым конвертом в руке. Эвен протянул руку, чтобы взять его, но старик покачал головой.

— He *Fist*, — сказал он. — Имя другое.

He *Fist*? Но ведь именно такое имя всегда использовала Май. *November u Ocean*, похоже, попали в цель. Эвен жадно посмотрел на конверт. Он был такого же размера, что и конверт, полученный от Китти, только заметно тоньше. Может быть, перемахнуть через стойку и отнять у него конверт?

— Э-э, а что если... — Ну как, черт побери, по-другому называла его Май? — А что если *Rekil Ocean*?

Старик посмотрел через толстые стекла очков на конверт, кивнул и подал его Эвену.

— Спасибо, большое спасибо. — Эвен прижал тонкий конверт к груди и лихорадочно спросил, сколько надо заплатить. Нет, не надо, уже заплачено. Здесь всегда требуют предоплату, объяснил старик так, как будто нет ничего более нормального, чем использовать книжный магазин в качестве почтовой конторы. Эвен еще раз поблагодарил и спешно направился к двери.

Солнечные лучи ушли с проезжей части, перебрались к верху домов и деревьев. Эвен посмотрел по сторонам, потом уселся прямо на ступеньку книжного магазина, прижавшись в уголке у двери. Открыть? На улице никого не было. Он сделал глубокий вдох и

---

¹ Ноябрь Оксан (англ.).

положил конверт на колени так, как будто в нем прятался витраж, пролежавший тысячу лет. Потом медленно стал открывать.

ГЛАВА 41

Она не знала, почему сделала это. Никакой парапсихологии или подобной ерунды, во всяком случае, не было, потому что Сусанн Стенли всегда была существом разумным и рациональным — так она оценивала себя сама.

Но перед завтраком ей вдруг сильно захотелось отправиться домой на Хилл-стрит, и она не понимала, почему. Не потому, что устала, и не потому, что были месячные. Не потому, что на нее напала смертельная тоска, или ей захотелось в тишине и покое обдумать важное дело. Подобные вещи случались с ней, как и со многими другими, она это осознавала. Но по этим причинам она никогда не уходила с работы. Она поворачивала в таких случаях ключ в дверях и десять минут лежала на полу, положив под голову свернутый жакет.

Самое отвратительное было то, что она не понимала, почему делала это сейчас. И желание было таким сильным, что общее состояние стало еще хуже.

Сначала она позвонила домой, чтобы проверить, не вернулся ли Эвен, сделав свои дела, — возможно, он и был причиной, хотя это пахло метафизикой и глупостью. Но никто не ответил. Она набрала номер мобильного телефона Эвена, но он был отключен.

Она взяла такси. Пока оно кружило по Ковентри-стрит, затем пересекало площадь Пикадилли, она чувст-

вовала нервную дрожь в груди, словно ей предстояло произнести речь на ежегодном собрании фирмы, а она не подготовилась. Она открыла сумку, лежавшую на коленях, и тут же закрыла ее снова, прочитав надпись на двери: «Курить запрещается». Ей вдруг стало жаль «добротного старого времени», когда можно было курить когда угодно и где угодно. Не очень политкорректные размышления для человека, который работал в фармацевтической фирме, — а может быть, именно таковыми они и были, цинично подумала она. С точки зрения финансовой политики. Чем больше больных, тем больше денег в кассе.

Проходя по тротуару к главному входу, она обратила внимание на стоявшую на противоположной стороне машину, в которой сидел мужчина. Он держал около уха мобильный телефон. Она хотела с ним поздороваться, потому что в нем было что-то знакомое, но он отвел взгляд, словно не заметив ее, и продолжал разговор. Она отперла дверь, увидела, что лифт был на третьем этаже, и решила подниматься пешком, поскольку жила на втором.

Дверь квартиры была приоткрыта. Она увидела это сразу, когда еще только подходила к своей площадке, и на секунду задержалась. Наверное, только что пришел Эвен, подумала она и поднялась.

— Хэлло. Эвен, это ты? — Она вошла в коридор, оставила дверь позади себя открытой, остановилась на миг перед зеркалом, чтобы быстрым опытным взглядом проверить прическу и губную помаду, потом вошла в комнату. Там никого не было.

Какой-то звук раздался из спальни. Она прошла через комнату и остановилась в дверях. Около кровати стоял человек.

— Собираешься?

Эвен вздрогнул.

— Привет. Я не слышал, как ты вошла. Э-э, да, собираюсь. Пора домой.

— Вот как,— сказала она и вынула сигарету.— Есть какая-то важная причина?

— Только та, что я уже сделал то, за чем приехал.

Она бросила взгляд на сумку, стоявшую на постели, увидела торчавшие из сумки конверт с билетами и мятую футболку. В Эвене было что-то сухое и чужое, гораздо больше всего этого, чем накануне.

— И уже нет времени, чтобы провести вместе еще один день и одну ночь? — Она взяла со стола зажигалку и закурила сигарету, выпустила к потолку длинную тонкую струю дыма и отбросила через плечо светлые волосы.

Эвен закрыл до конца молнию на своей сумке и повесил ее на плечо.

— Нет. Я очень сожалею.— Он сделал попытку изобразить на лице извиняющуюся улыбку, но вместо этого получилась гримаса, которая ей не понравилась.— В другой раз.

— Хочешь, довезу тебя куда-нибудь? — Она сказала это, не успев подумать. Вообще-то она была зла на этого мужика, который уже захотел смыться, хотя раньше она это приключение задумала как раз как *one-night-stand*¹, когда приглашала его к себе вчера. Но...

— Я заказал такси,— сказал Эвен. Он отодвинул штору и посмотрел на улицу.— Уже прибыло.

— Я тебя провожу,— сказала она и хлопнула его ладонью по задку. Он улыбнулся, не взглянув на нее, словно его мысли гуляли где-то совсем в другом месте.

---

¹ Развлечение на одну ночь (англ.).

Вот это да! Она ему это припомнит!

Эвен вышел в коридор, она раздраженно раздавила сигарету в пепельнице. Когда она вышла на лестницу, звуки его шагов доносились уже с нижней площадки. Она прибавила скорость. Она не будет просить его вернуть ключи от квартиры. Пусть вернет их в следующий раз.

Он прошел по коридору первого этажа. Она догнала его, когда он выходил из дверей, схватила за руку и притянула к себе. Стоя на цыпочках, поцеловала его сначала легко. Потом прижала рукой его затылок и воткнула язык между его губами.

Он улыбнулся и прямо посмотрел на нее, когда сел в такси.

— Увидимся в Норвегии! — крикнула она. — Я позвоню.

Он помахал с заднего сиденья.

Первое, что она увидела, вернувшись в квартиру, были ключи — этот негодяй засунул их в ее домашние тапочки.

ГЛАВА 42

Еще мальчиком, когда Эвена окружал самый хаотичный мир из всех возможных, он открыл для себя три закона сохранения энергии Ньютона. В упрощенном виде они сводились к следующему:

1. Тело в состоянии равномерного движения продолжает двигаться по прямой линии, пока не встретит какую-то силу.

2. Ускорение движения тела пропорционально силе, которая на него воздействует.

3. На каждое действие всегда имеется такой же силы противодействие.

Каким-то странным образом эти законы объяснили Эвену его жизнь и заставили если не принять, то, во всяком случае, понять механизмы, управлявшие ею. По крайней мере, он в это поверил, — а через тридцать лет предпочел так считать и дальше. Психология — двусмысленная, дилетантская и истерическая наука — наименее точная из всех наук, какие только есть. Эвен однажды сказал Май: «Наука, которая считает своим главным пророком человека, который видит секс в каждом сне, не более осмысленна, чем квадратный корень из двух».

Эвен себя рассматривал, грубо говоря, в качестве шарика в настольном теннисе. При рождении он был выпущен из тела матери с известной скоростью, продолжал двигаться по прямой линии (1-й закон Ньютона), пока не встретил отца. Отец принял его и отправил в другом направлении. И это не все. Отец ударил с такой силой (2-й закон), что Эвен ускорил движение и стал перемещаться со скоростью, большей, чем раньше. Это была скорость, с которой он не мог справиться, она создавала противодействие каждый раз, когда (3-й закон) Эвен наталкивался на других.

Все это могло восприниматься как невинная игра словами и физическими законами. Но юному Эвену нужны были принципы, по которым он мог строить свою жизнь. И только в математике он нашел истины такие точные и бесспорные, что смог использовать ее законы в качестве направляющего компаса. Поэтому, когда Эвен после своей первой встречи с Май глубже

познакомился со вторым и третьим законами и принял сложности, которые они обозначили, то зародились последствия, обнаружившиеся лишь много лет спустя.

Дело в том, что эти законы означают нечто, называемое физиками «законом сохранения энергии», — то есть не изменяется все, что подпадает по воздействию этого закона, оно сохраняет в себе одно и то же количество независимо от происходящего — будь то общее количество энергии (2-й закон) или общее количество движения (3-й закон). Если проецировать эти законы на жизнь Эвена, это значило, что когда отец был с ним «в конфронтации», как он называл порку, то количество злобы было постоянным. Другими словами, конфронтация, исходящая от отца, переходила на сына. Таким образом, Эвен сделал вывод, что количество злобы в мире было постоянной величиной, но оно сосредоточено у некоторых людей в большей степени, чем у других. У Май злобы не было ни на гран. Он был носителем злобы, которую передал ему отец. Хотя масса злобы в нем в последние годы сократилась, значительная часть была запрятана в самых глубоких и недоступных уголках, местах, где циркуляция крови и электрические импульсы почти не ощущались.

Поэтому Эвен уже очень рано в отношениях с Май принял некое решение, причем принял его в одиночку. Решение было трудным, поскольку он знал, что оно означает разрыв с Май. И все же оно было простым — оттого что было необходимым и единственно правильным. *Он принял решение никогда не заводить детей*, сделал вывод из такого решения и распорядился себя стерилизовать. Он не хотел рисковать; боялся, что из него польется скрытая злоба, которая, как он знал, была в нем. Он хотел исключить передачу этой

злости своим детям, избавить их от разрушения собственной жизни, как случилось в отношениях Эвена и его отца. Букву закона о количестве злобы нужно было разрушить, он хотел опровергнуть Ньютона, забрав отцовское наследство с собой в могилу.

Эвен знал, что если этому плану суждено осуществиться, то будет опровергнута свойственная ему всю жизнь вера в непреложность физических законов, вера, которая перешла в разряд философской путеводной звезды и, собственно говоря, подорвет «ложь всей его жизни». Но, с другой стороны, он к тому времени уже будет лежать под семью футами земли, выполнять функцию чернозема и посылать всех и вся очень далеко.

Когда Май поняла, что ее биологические часы неотвратимо тикают и приближают время, с ее точки зрения, последнего шанса для рождения детей, она еще раз задала Эвену свой вопрос. Попросила его сделать операцию и открыть канал для прохождения сперматозоидов. Она четко заявила, что просит его в последний раз. Хотя Эвен услышал предостережение и оценил риск, он был вынужден сказать «нет». Собственно, он чувствовал, что выбор делал не он. Просто так сложилось, такова судьба, история, его жребий и тому подобное. Он не знал, как и почему. Он знал только, что было вот так.

Его последнее «нет» переполнило чашу терпения Май. Теперь не хватало только одной маленькой капли. Эта капля появилась, капля с примесью спирта и бензина.

Да, она ушла. Он ощущал твердый конверт в кармане кожаной куртки. Но теперь она вернулась, после смерти. Она и еще Ньютон.

Он боролся с желанием вынуть конверт и посмотреть на его содержимое при слабом свете уличных фонарей, противостоял этому желанию с ощущением самодисциплины, как делал весь день, на протяжении пути из Лондона домой. Ни тогда, когда собирал свой багаж, ни тогда, когда ехал на автобусе в аэропорт Хитроу, ни в самолете он не поддавался искушению еще раз посмотреть на бумаги. Быстрого взгляда на лестнице на Ньютон-роуд было достаточно, чтобы понять, что изучение содержимого требовало покоя и полной концентрации. Поскольку Май передала ему конверт таким изощренным и таинственным образом, было ясно, что никто не должен получить возможность увидеть хоть строчку его содержимого.

Он повернулся и посмотрел в заднее стекло такси. Непохоже, чтобы кто-нибудь за ним ехал. Фактически все время пребывания в Лондоне, даже в ресторане с Сусанн, он испытывал странное чувство, что на него смотрят, что за ним следят. Он много раз оборачивался в ожидании увидеть красную вспышку, словно какой-то снайпер держал его под прицелом. Но подтверждений никаких не было, кроме того, что это проявление паранойи.

Шофер такси болтал по мобильному телефону с приятелем, который, очевидно, должен был ему какую-то сумму денег. Эвен постучал по плечу и указал на дом.
— Номер 13F,— сказал он.

Расплатившись и подойдя к дому, он проверил почтовый ящик, где были только рекламы, и вошел. Половина девятого, вечер. Он вынул из морозильника пиццу. Поставил печь на температуру в 200 градусов и направился в комнату, подошел к столу. Осторожно открыл конверт и вынул содержимое. Локтем отодвинул

в сторону бумаги и книги, освободил место для четырех листков, положил их рядом друг с другом, аккуратно поправил и откинулся на стуле.

— Ньютон, нет никаких сомнений,— пробормотал он и посмотрел на почерк.— Буквы уже не совсем микроскопические. Более круглые и твердые, чем в предыдущие годы. Прямостоящие. Прописные буквы имеют завитушки. Чернила качественные, не выцвели, значит, написано после 1681 года. Почерк напоминает рукописи «Принципов», значит, вторая половина 1680-х годов. Хм. Но не позже 1692, когда у него был срыв.

Звонок из кухни поднял его, он засунул пиццу в печь. Потом поставил новый компакт-диск, купленный в аэропорту Хитроу. Джага Джазист *What We Must*¹. Нечто норвежское, молодое и чертовски привлекательное. Анархистская музыка, которая не прилипала как банный лист, в отличие от поп-музыки наших дней. Напротив, она открывала путь для ассоциаций и впускала в мир концентрации и идеальной рабочей атмосферы. Он прибавил звук и посмотрел на часы: через девять минут пицца будет готова.

Четыре рукописные страницы. Страницы не нумерованы, и он не был уверен, что Май положила их в правильном порядке, собираясь передавать. Что-то подсказало ему, что порядок не был правильным. Но точно сказать было трудно, поскольку текст представлял собой смесь английского и латинского языков, значков алхимиков, некоторые куски зашифрованы — ряды цифр и букв, с первого взгляда в беспорядке.

Первая задача: пронумеровать страницы. Это он должен сделать, прежде чем лечь спать.

---

¹ Что мы должны (англ.).

Он вытащил пиццу, обернул кусок полуметровой полосой туалетной бумаги, уселся перед первым листком и, откусывая горячую пиццу, стал читать:

«Martis is made by casting two pts of *** upon one of ♂ heated □ in a Crucible & melting them ↗ well ↘ together with a little Σ to promote fusion (здесь что-то зачеркнуто несколько раз)... Flam-mis et Ferro miutigat Regulus Martis Stellatus...»¹.

Эвен облилизал пальцы, нашел в холодильнике банку пива и стал читать то, что было внизу страницы.

«...the king of metals will shine and cor leonis bow to...»².

У Эвена вырвался вздох. Пока что это абсолютный бред. Но последнее предложение было не закончено, значит, эта страница не последняя. Он взял еще кусок пиццы, успевшей уже остыть, сдвинул стул на десять сантиметров вправо и приступил к изучению следующей страницы.

ГЛАВА 43

Сусанн Стенли въехала на «MG» в гараж, сняла дворники и фары, потом вынула ключ и заглушила двигатель. Она спокойно сидела в темноте и слушала,

¹ «Мартис» делается из сплава двух частей *** с добавлением одной части ♂ нагретого □ в тигле и расплавленного ↗ хорошо ↘ вместе с добавлением небольшого количества Σ для получения смеси (...) Огнем и железом смешиваются в металл блестящий «Мартис» (англ. и лат.).

² Король металлов засверкает и сердце льва... (англ. и лат.).

как по крыше стучит дождь. Тело жаждало горячей ванны с эвкалиптовым маслом и мартини на бортике ванны. Но начинались выходные, и времени у нее было много.

День выдался долгим и тяжелым. Она прилетела из Лондона утренним самолетом, приняла участие в первом заседании в аэропорту Гардемуен, потом поехала в Осло и весь день присутствовала на различных заседаниях, почти до шести часов, едва выбрав время для завтрака.

Она решила позвонить Эвену Вику, пока ванна будет наполняться. Фактически она звонила ему много раз на протяжении последних дней, но он не отвечал. Трубку не снимали, хотя он говорил, что будет дома, а мобильный и вовсе был отключен. Она отметила смешанное чувство страха и ревности, нехарактерное для себя. Она ведь себя считала принципиальной холостячкой и не планировала поменять этот статус при появлении первого попавшегося мужика. И все же недотепистый увалень с умными, немного печальными глазами запал в душу за короткое время, и прочнее, чем она могла себе это представить. Он не был особенно красив, забавен или остроумен. Да и староват, не меньше сорока. Пожалуй, притягивала его неприступность, некая раздражающая загадочность. Как будто за взглядом он прятал черную тайну, нечто такое, чего лучше было бы опасаться и избегать.

Сусанн вздохнула, вообще-то она ждала, что первым позвонит *он*. Она привыкла сама регулировать развитие отношений и принимать решения.

Девушка вышла из машины, заперла дверь, бросила связку ключей в сумку, прошла три шага к задней

двери гаража. Дверь пискнула, как шаловливая дворовая кошка. Сусанн нажала на кнопку выключателя у двери. Раздраженно повторила несколько раз, но свет на тропинке к дому не зажигался. Она стала передвигаться на ощупь. Дождь бешено стучал по пластиковой крыше, бил по земле и делал это, судя по всему, целый день. Лишь бы не было этого ужаса на выходных.

Она внезапно остановилась и с удивлением посмотрела на дом. Лампа над входной дверью почему-то тоже не горела. Странно, что одновременно перегорели две лампы. Синеватый свет телеэкрана в окне госпожи Сивертсен на втором этаже означал, что электричество в доме функционировало. Она посмотрела по сторонам. Сад стоял темной стеной огромных шепчущихся мокрых теней. Темнота между деревьев была неровной, она пульсировала, словно в ней пряталось что-то живое.

Сусанн показалось, что кто-то приближался к ней, кто-то, кого она не видела, но о ком догадывалась. Блестящие капли дождя то тут то там напоминали взгляд человеческих глаз. Она пошла боком, прижав сумку к груди. Разумом девушка понимала, что это только фантазии. Но в то же время она слышала, как кто-то пыхтит, тяжело и со свистом. В приступе страха она побежала и вскрикнула, наткнувшись плечом на один из столбов пешеходной дорожки. Последние метры перед дверью она преодолела с громким рыданием. Пальцы ощутили холодное стекло двери, она прислонилась лбом к стеклу и стала лихорадочно искать в сумке ключи. Кончиком пальца она нащупала замочную скважину, вставила туда ключ, но ключ не хотел поворачиваться.

— Вот дерьмо, он же от рабочего кабинета. Без паники,— шептала она, повернувшись лицом к саду.

Чувствуя, как по спине бежит пот, она нашла другой ключ, поняла, что он подошел, повернула его легко. Ключ щелкнул, замок открылся. С облегчением она открыла дверь, нашла рукой выключатель и зажгла свет в вестибюле. При свете паника исчезла. Она усмехнулась своему страху и вошла. Завтра она позвонит электрику и попросит все исправить. «Если, конечно, тот работает по субботам»,— подумала она и закрыла дверь за собой. Больше ни за что не пойдет по этой дорожке в темноте.

Хорошо знакомого щелчка двери не последовало, и она застыла. Медленно повернулась, и ужас перехватил горло. По полу, словно толстый черный жук, в незакрытую дверь вползал носок мужского сапога.

ГЛАВА 44

Он прочитал электронное письмо в середине ночи — во всяком случае, за пределами конуса света над столом было темно. Он как раз хотел послать запрос одному знакомому, американскому химику, чтобы узнать, что это за штука *invisible sulphur*¹. Письмо было в электронном почтовом ящике среди вновь поступивших и выделялось черной полосой, так что глаз ухватил его сразу.

В том, что письмо от Юхана, старшего преподавателя, с которым он делил кабинет, не было ничего уди-

---

¹ Невидимая сера (англ.).

вительного — по сути дела, только коллеги знали его электронный адрес. Удивительным было содержание.

*OBS!*¹ — было написано перед текстом.

Привет, Эвен!

Я только хочу сказать, что к нам сегодня приходил полицейский. Он ни разу прямо не сказал, по какому поводу пришел сюда, но ясно, что он интересовался тобой. Спросил, почему ты взял отпуск за свой счет, каков ты в обращении с коллегами, часто ли отсутствуешь на работе. Не увиваешься ли за студентками. Вел себя крайне неприятно. Молвик — так, кажется, его зовут. Старший полицейский.

Я ничего особенного не сказал, другие, мне кажется, тоже.

Но теперь ты это знаешь. Надеюсь, что у тебя все хорошо.

С самым дружеским приветом

Юхан

Эвен зарычал и стукнул кулаком по клавиатуре, вскочил, так что стул опрокинулся, и выбежал из дверей. Не обращая внимания на продолжающийся проливной дождь, он бросился бежать по улице в сторону центра города.

Он не знал, как долго и где он бродил. Все еще было темно, когда вернулся, насквозь мокрый, измученный, с тяжелой головой. Эвен лег спать, а всего через несколько часов опять сел за стол и приступил к работе.

---

¹ Сокр. от *Observe!* Обрати внимание! (англ.)

ГЛАВА 45

Дождь кончился только через двое суток. Область низкого давления перешла в Швецию, а в Норвегии осталось огромное синее небо и воздух, вкусный как свежеспеченный хлеб. Частички резины от изношенных, часто тормозящих шин, выхлопные газы тысяч машин города, соль, оставшаяся после попыток муниципалитета побороть морозные атаки зимы, да еще испарения от городских труб — все это, висевшее коричневым туманом над котловиной Осло, было смыто в канализацию, принято подземными водами, чтобы при последующем употреблении пищи перейти опять во внутренние органы животных и, возможно, людей. Запах земли и появляющейся зелени расплылся над асфальтом, распространился над плитками тротуаров в городских районах и заставил людей на две секунды замереть, прежде чем завести машины. Может быть, до ближайшего магазина следует все же дойти пешком или доехать на велосипеде? Но такая мысль мелькает лишь мгновение, это очевидная глупость, у кого есть время для такой роскоши?

Красная «мыльница» с жужжанием крутилась между машинами и людьми; хорошо вымытая и блестящая, она мелькала ярким пятном среди высоких домов в центре города, подавала сигналы то правого, то левого поворота и двигалась в сторону Уллеволя. Дома становились все ниже, и вскоре она подъехала по боковой улочке к одноэтажному дому с номером 13F.

Женщина, волосы которой по цвету очень гармонировали с блестящим лаком «Фольксвагена», вышла из машины, вдохнула изумительный воздух, осмотрелась по сторонам и только потом захлопнула дверь. Подняв-

шись по плиткам дорожки, она остановилась, изучила почтовый ящик, увидела на нем то имя, которое, судя по всему, искала, потому что кивнула себе, подошла к двери и нажала кнопку. Было отчетливо слышно, как прозвучал звонок, напомнивший ей скорее шипение змеи. Пора бы сменить батарейку, подумала она. Никто не открывал, ни один звук внутри дома не говорил, что кто-то услышал это змеиное шипение. Она подошла к окну, наклонилась, прикрыла ладонью лицо от света и стала всматриваться. В кухне пусто, на столе две горы грязных тарелок. Она подошла к следующему окну, заглянула в комнату, такую темную, что было трудно разглядеть что-либо, кроме контуров разных предметов мебели, беспорядочно стоявших вдоль стен. Ей показалось, что около стола что-то зашевелилось, она постучала. Реакции никакой. Она еще раз постучала, громко. От стола поднялась взъерошенная голова и сонно посмотрела по сторонам. Она заулыбалась, постучала еще раз, помахала и пошла к двери. Потом подошла к почтовому ящику и вытащила кипу реклам.

— Привет,— сказала Китти, когда Эвен открыл дверь.— Почтальон. Почтальон, который всегда звонит дважды.

— Привет,— буркнул Эвен, взял у нее рекламу и, тяжело ступая, отправился на кухню. Китти закрыла дверь и пошла вслед за ним.

— Я хотела узнать, как твои дела. Пыталась дозвонить, но ты не берешь трубку. Мобильный твой тоже отключен.

— Я выдернул телефонную вилку,— Эвен положил почту на кухонный стол, взял кружку и прихлебнул кофе.— Фу! — Он скривил губы и сплюнул в раковину.— Ненавижу холодный кофе.

— Почему ты выдернул вилку?

Эвен не ответил, наполнил кофейник водой, нашел пакет с кофе.

— Будешь? — спросил он через плечо.

Китти посидела немножко, потом встала и пошла к двери.

— Нет. Думаю, лучше я поеду. Пожалуй, глупо было приезжать.

Эвен схватил ее за руку.

— *Sorry*¹, Китти. Я еще не проснулся, мало спал в последние дни... Дерьмом стал.— Он почесал шею и поморгал, глядя в окно.— Э-э, а время?..

— Время? В смысле, который сейчас час?..— Китти посмотрела на наручные часы.— Чуть больше половины третьего. Дня,— добавила она с иронической улыбкой.

— Да, да, это я понимаю...— Эвен смущенно поднял глаза на кухонные часы, висевшие на стене.— Я хотел спросить, какой день?

— Какой?..— Китти оторопела.— Уж не хочешь ли ты сказать...— Она замолкла, посмотрела на грудку коробок из-под пиццы на кухонном столе.— Суббота.

— Суббота?! Боже! — Эвен продолжал почесывать шею, криво усмехаясь.— Я слышал, как однажды коллега сравнил нас, я имею в виду математиков, с поэтами и художниками. Он считал, что мы все создаем красоту, пытаемся выразить совершенство и гармонию, найти ответ на загадки жизни. Я не уверен, что во всем с ним согласен, это для меня слишком лестно. Но в одном пункте сравнение корректное. Мы целиком погружаемся в то, чем занимаемся. В некоторые моменты мы отдаемся на волю волн, время идет, как ему заблагорассудится, и мы забываем окружающий мир.

---

¹ Извини (англ.).

— Ты работал? Мне казалось, что ты в отпуске.

— Да, я взял отпуск. Но только... Несколько дней назад мне пришла в голову одна мысль и... Время пролетело.

— И все эти дни ты живешь за счет кофе и пиццы. Неудивительно, что ты похож на ходячий труп.

— Спасибо, спасибо,— пробормотал Эвен и прошел в комнату. Отодвинул в сторону несколько кучек бумаг и сел на диван.— Иди садись,— пригласил он Китти и переложил книги на пол.

Китти опустилась на диван рядом, потом приподнялась и взяла в руки журнал.— *Monatshefte für Mathematik und Physik*¹,— сказала она с немецким акцентом.— Непостижимо интересно.— Она бросила журнал на пол и повернулась к нему: — Я приехала, чтобы пригласить тебя в кино. Сначала где-нибудь пообедать, потом сходить в кино. Что скажешь?

— Я скажу...— Эвен продолжал сидеть, уставившись в пространство, потом почесал коленку и, наконец, повернулся к ней с виноватым видом.— Я благодарю за предложение, но думаю, будет лучше, если мы отложим. У меня есть одно...— Он махнул рукой в сторону стола.

— Одно дело, которое надо закончить?

— Да.

Китти посмотрела на него и погладила пальцами его небритые щеки.

— Ты себя не любишь, Эвен. Это меня огорчает.— Она предупредила его возражения, подняв руку: — Нет, я не имею к этому отношения и не собираюсь говорить, что тебе делать или не делать.

---

¹ Ежемесячный журнал математики и физики (нем.).

Эвен усмехнулся.

— Прямо по существу. У тебя есть какое-то предложение, как я понимаю.

— Давай договоримся, что я тебя оставляю в покое до шести часов, шесть — хорошее число. Значит, у тебя есть три часа. Я принесу тебе обед, знаешь, из тех: «Возьми с собой обед домой». Будет вечер, мы открываем бутылку красного вина, едим и пьем, потом идем в постель, занимаемся до посинения любовью и, как дети, спим до утра. Да?

Эвен посмотрел на свой стол.

— Осталось три часа. Хорошо. Я попытаюсь закончить все за три часа. Но сомневаюсь...

— Тебе надо отдохнуть. Судя по твоему виду, все равно ничего полезного не сделаешь. Ты уверен, что не пропьянствовал в Лондоне целую неделю?

— Ровно в шесть, договорились, — сказал Эвен и встал. — Я в туалет. — Он подошел к столу и, стоя к ней спиной, собрал какие-то бумаги и положил их под книги. Потом вышел.

Китти пожала плечами: на это, судя по всему, ей не полагалось смотреть. Ну ладно. Она вышла на кухню и стала прибирать. Услышав, что он вернулся, она высунула голову в коридор.

— Тебе что-нибудь нужно, еще несколько порций пиццы? Я могу купить, тогда ты сможешь не высовывать носа и на следующей неделе.

— Пять порций пиццы, — сказал Эвен, словно не услышав насмешки в ее голосе. — Такой же, как эта. Зерновой хлеб и желтый сыр.

— Зерновой хлеб и желтый сыр. Боже, какой прогресс, — Китти посмотрела на одну из коробок и кивнула. — Прекрасно, убегаю.

— Да, хорошо. Увидимся,— крикнул из комнаты Эвен. Она постояла немного, чтобы посмотреть, не придет ли он попрощаться по-хорошему, потом повернулась на каблуках и вышла.

Эвен стоял у обеденного стола и слушал, как закрывается дверь за Китти, потом опустился на стул и подпер голову руками. Пять дней работы, пять дней он был занят только этим. Ел, ходил в туалет, засыпал на несколько часов, когда глаза сами слипались, а все остальное время работал — и что выяснил? Он разжал пальцы и посмотрел на стол, где из-под книг выглядывали краешки листков. За окном раздался звук заводимого «Фольксвагена», несколько раз истерично взвизгнула педаль газа — неужели он ее обидел? — потом машина уехала, звук растворился в других субботних звуках.

Эвен вздохнул, снял книги и положил перед собой четыре листка. Посмотрел на них свирепо. Пришло время подвести итог.

Он подтянул к себе ручку и белый лист бумаги и написал:

Я знаю, что

1) Эти четыре листка относятся к концу семнадцатого века, вероятнее всего, к 1688—1689 годам, и что текст написан Исааком Ньютоном. Это абсолютно точно его почерк — или же невероятно качественная подделка — и это не ксерокопии.

2) Листки имеют в высоту семнадцать-восемнадцать сантиметров и в ширину четырнадцать-пятнадцать. Колебания в размерах объясняются эпохой. В те времена нарезали бумагу не с такой точностью,

как сейчас. Поверхность бумаги более грубая и неровная по сравнению с современной.

3) Три листка составляют единый комплекс, но четвертый может быть помещен как перед ними, так и после них. Это, возможно, связано с тем, что текст начинается и кончается кодом (который я еще не расшифровал), и четвертый листок может быть как началом, так и концовкой тех положений, которые изложены на трех других, и они тоже записаны кодом (который я не расшифровал).

4) Текст является в целом алхимической формулой, которую я понял в очень небольшой степени и потому оценить в целом не могу (алхимия все-таки не моя сфера). Но совершенно ясно, что эта формула имела для Ньютона большое значение, если он ее изложил в виде кода.

5) В двух местах добавлен текст, написанный другим почерком.

В одном месте предложение выглядит так:

$$\begin{array}{c} \text{«actuated» } \text{♀} \rightarrow \text{«philosophical» } \text{♀} \leftarrow \text{common } \text{⊙} \\ \uparrow \\ \text{♂ } \textit{Regulus} \end{array}$$

— это означает что-то вроде того, что надо активизировать/привести в движение ртуть, с одной стороны, и что-то сделать с обычным золотом, с другой стороны, а с третьей стороны, добавить этот Регулус железа (идеально чистое железо), но что это такое, я не совсем понимаю. Все это в совокупности даст философскую ртуть, которую они называли Философским камнем — то, что и является конечной целью для всех алхимиков.

Второе предложение — добавление на полях, которое выглядит так:

†yt ☉ s mother ← vivifs ξ

Что это значит, я не знаю.

Эвен откинулся на стуле, зевнул и перечитал все пункты. Что-то не так. Он сходил в ванную, плеснул себе в лицо холодной водой, вернулся к письменному столу. Медленно перечитал все еще раз. Третий пункт. Здесь он что-то упустил. Он громко прочитал этот пункт еще раз. Вдруг он со стоном вскочил на ноги.

— Черт побери, Китти была права! Пора делать перерыв.— Он схватил ручку и добавил еще один пункт:

6) Исходя из пункта 3, можно установить, что в тексте/формуле отсутствует начало и конец. Другими словами: минимум две страницы, вероятнее всего, были изъяты!!!

Он посидел немного, туло уставившись в бумаги, потом добавил внизу своего листка:

И вот по этой причине Май умерла?

ГЛАВА 46

Кембридж

О

фициант поставил капучино на стол, Май-Бритт поблагодарила его улыбкой, потом открыла сумку, вынула очки, ручку и дневник. Писать этим пером было необыкновенно приятно,

ощущение блаженства было близким к тому, какое бывает при обмакивании пальца в только что приготовленную шоколадную пасту для торта. Она писала этим пером только в дневнике и в ожидании соответствующего момента испытывала дополнительное удовольствие.

За окнами кафе бежали люди, склонившись под зонтами, автомобили брызгали во все стороны, и люди с зонтами отбивали чечетку на узких тротуарах, чтобы не замочить ноги. Май-Бритт открыла дневник и прочитала.

17 августа, библиотека Королевского колледжа, Кембридж

Сижу и изучаю копии рукописей Ньютона, связанных с алхимией, его переписку и разного рода заметки (нашла, в частности, несколько страниц об универсальном языке, который Ньютон, совершенно очевидно, собирался создать. До чего же многообразны были его интересы!).

Попытаюсь сосредоточиться на поисках тех «намеков», о которых говорит Пазкар, но пока безуспешно.

Приступила к написанию «Тайны Второй» Ньютона. Во сне ко мне пришла идея, как можно хорошо изобразить «первую сцену», что сразу же, как только настоящему проснулась, записала. Нужно, конечно, немножко обработать ее, но мне кажется, она уже в основном готова.

Кое-что из того, что Ньютон пишет, заставляет меня... Не знаю, как сказать... Не могу отделаться от мысли: стал бы Ньютон фашистом, если бы жил в Европе 1930-х годов? Мысль кажется абсурдной и, тем

не менее... Он явно ненавидит тех, кого считает непохожими на себя (например, католиков), и беспощаден к тем, кто противодействует ему (среди прочих, к Роберту Хуку). Кроме того, он искренне верит в свое собственное огромное значение — в то, что он своего рода супермен, хотя и не знал такого слова. Мне кажется, что он мне не понравился бы, если бы я его встретила. Немножко напоминает Эвена (хи-хи)? Нет, я стала злой.

Май-Бритт прочитала последнее предложение, открутила колпачок ручки и, закусив губу, добавила:

(Сижу в кафе Copper Kettle¹). Я так не думаю об Эвене. У него есть разные стороны, но он все же слишком хороший человек, чтобы я могла прибегать к такого рода сравнениям. Однако как исследователи, отшельники и гении они, пожалуй, похожи. Упрямство, целенаправленность, которые делают их периодически невосприимчивыми к окружающему (на первый взгляд, во всяком случае), — их мозг одновременно насыщен фантазией, интуицией и логикой. Я бы хотела, чтобы мой мозг был таким — не теряя способности к сопереживанию, конечно.

Она взяла губную помаду и быстрым движением провела по нижней губе, потом двумя движениями по верхней, вынула зеркало и изучила результат. Иногда она ловила себя на том, что ей не хватает Эвена. Так бывало в последнее время. Финн-Эрик был добрым человеком, надежным и верным, на него всегда можно было положиться. Но... он был слишком предсказуемым.

---

¹ Медный котел (англ.).

В нем не оставалось больше тайн, все лежало на виду и было известным. Подобное было абсолютно невозможно с Эвеном, даже после ста лет совместной жизни — это, в каком-то смысле, привлекало к нему. Но одновременно ей пришлось признаться, что как раз от этого она и сбежала, от его прошлого, о котором он никогда не говорил, от его ночных кошмаров, диких криков, сводивших ее с ума, от сумасшедших идей, инфантильных экспериментов, когда она не знала, то ли ей смеяться, то ли плакать. В конце концов все рухнуло.

Но эксцентрическое поведение, пожалуй, надо принимать, если ты живешь с ученым. Недавно она прочитала о Джоне Халдейне, биологе, который в начале двадцатого века проявил интерес к реакции тела на погружение на глубину. Во время одного эксперимента у него выскочили все пломбы из зубов, во время другого повредился позвоночник, периодически страдали легкие, а барабанные перепонки и вовсе лопнули. Но ученый невозмутимо продолжал свои опыты, считая, что перепонки как-нибудь сами восстановятся, а если длительное время в них будет дыра, то это, несмотря на снижение слуха, даже забавно: можно в веселой компании пускать дым из ушей.

По сравнению с Халдейном — и Ньютоном — Эвен был безобидным чудачком. Она засмеялась при этой мысли. Однажды ей после длительных приставаний удалось затащить его на пляж; где он лежал, белый, как рыбный пудинг, и наблюдал за суетливым бегом жучков по своему телу. Он пытался найти систему в их движениях. На ее вопрос он рассеянно ответил, что создает формулу, исходящую из того, что все насекомые начинают движение в какой-то заданной точке,

например, на его пупке или еще на чем-нибудь. Смутившись от взглядов соседей, она набросила на него и его жучков одеяло. В ответ он сбросил в воду ее вместе с книгой, темными очками и всем остальным.

...we'll have the time of our lives
in our Wonderland
Time of our lives
Theres a boy for every girl... ¹

Ручка стучала по зубам в такт музыке, лившейся из динамиков. Пошлая музыка джаз-бандов для подростков. Такую слушаешь и не слышишь. Она просто звучит. Чем-то такая музыка похожа на Финн-Эрика, подумала она и тут же испытала чувство раскаяния. Фи! Так нельзя думать об отце своих детей. Но сходство, тем не менее, было. Раньше, уезжая на время, она с удовольствием думала о возвращении к Эвену, знала, что он может передвинуть половину мебели в доме или придумать оригинальный обед, чтобы отметить приезд — хотя повар он был жалкий, — или же совершенно забудет, что именно в этот день она должна вернуться. Никогда не было известно, чего от него ожидать. А с Финн-Эриком было всегда одно и то же независимо от того, виделись они вчера или три недели назад; все равно, что пить воду, — один и тот же вкус каждый раз.

Но для детей это, конечно же, было хорошо. Все стабильно и надежно.

Просто дело в том, что Эвен не хотел заводить детей, думала она, глядя на льющийся дождь.

---

¹ ...наступит время в нашей жизни в нашем волшебном мире, такое время, когда у каждой девушки будет по парню...(англ.)

ГЛАВА 47

— Почему ты не взял машину? — спросила Китти, еще раз наливая красное вино в бокалы. После того как Эвен прибрался на кухне, вымыл горы тарелок и бокалов, побрился и умылся, появилась Китти — после шести часов, скорее в половине седьмого. Эвен подозревал, что она опоздала преднамеренно, чтобы дать ему дополнительное время поработать. Ну да, он успел даже сменить постельное белье.

— Мне нельзя, — признался он и выпил до дна.

— Нельзя?.. Кто это говорит... — На лбу Китти возникли морщины. — Ты хочешь сказать, что у тебя нет водительских прав?

— Да.

Китти замолчала и посмотрела в тарелку.

— В тот день, когда ты пришел ко мне... — сказала она и остановилась.

— Да. Я ехал на машине Финн-Эрика. Плевать я хотел на Финн-Эрика, плевать мне на проблемы, которые могли возникнуть у него в связи с тем, что он одолжил мне машину, — Эвен пожал плечами, как это делают молодые парни. — Он украл у меня даму сердца. Но не на тебя...

— А на меня, значит, нет, — ее серьезный взгляд внезапно сменился роскошной улыбкой. Она встала, обошла стол и поцеловала его в щеку, потом села. — Какой ты милый.

Эвен молча ел. Хорошо есть что-нибудь еще, кроме пищи.

— Как ты лишился прав? Потому что у тебя были права, когда ты приезжал к нам на нашу усадьбу, правда?

— Да, были,— Эвен посидел, потом отложил нож и вилку.— Ты уверена, что хочешь слушать? Идиотская история. О глупости и о том, как вышло, что Май ушла от меня.

— В таком случае я, несомненно, хочу услышать ее. Потому что, если есть что-то, чего я никогда не могла понять, так это то, почему она от тебя ушла.— Китти снова наполнила бокалы.

— Да-да,— сказал Эвен, немного волнуясь.— Конечно, не только поэтому. Но это стало последней каплей. Видишь ли...— Он отпил из бокала, помедлил, словно ожидая, что сейчас грянет гром и необходимость в продолжении отпадет, но ничего не произошло.— Я тогда был готов делать любые эксперименты,— сказал он наконец.— Все что угодно. Все, что можно было сосчитать, я предварительно просчитывал и определял вероятность. Чем глупее, тем больше у меня было желание проверить на практике. Однажды вечером мы были в гостях у наших друзей, одного биолога и его жены. Он был настоящим фанатом всего нового. Если что-то появлялось где-нибудь в мире, то можно было быть уверенным, что он это раздобудет. Он первым доставал электрическую машинку для тасования игральных карт или термометр, показывающий наружную температуру, когда ты сам сидишь в помещении. Даже плеер MP3 он достал в числе самых первых, хотя музыку вообще не признавал. Ты, конечно, знаешь людей такого рода. А в тот вечер он показал нам машинку, в которую надо дыхнуть, и на счетчике сразу появляется процент содержания алкоголя в крови. Видимо, такие счетчики теперь есть на вооружении полиции. В течение вечера биолог много раз измерял мою мускульную массу и слой жира. Он хотел

определить, какое количество алкоголя я мог выпить так, чтобы не превысить норму, разрешенную законом. После этого мы подошли к вопросу о том, как быстро я сожгу алкоголь у себя в крови. А потом — и тут я подхожу к глупейшей части повествования — я начал пить, чтобы провести эксперимент, — Эвен поднял голову, и Китти увидела, что над этой историей он смеяться не мог. — Ни Май, ни наш друг биолог, ни его жена не знали, что я провожу эксперимент. Но я на основании того, что мы только что вычислили, стал пить, постоянно контролируя, чтобы оставаться в пределах допустимого. Такая у меня была цель. *Practical joke*¹, направленный против полицейских, если угодно. Когда мы поехали домой, я, само собой, сел за руль, у меня была такая договоренность с Май. Она не знала, как много я выпил, ничего мне не сказала и, как обычно, заснула, прислонившись головой к стеклу. А я бодрствовал и осуществлял свою лихую идею. Стал ездить по городу. Для того чтобы этот фокус был реализован, нужно было попасть под контроль. Дело было в начале декабря, поэтому через короткое время я нашел место, где полиция проверяла проезжающих. Сезон рождественских застолий, сама знаешь.

— Господи, — сказала Китти и, открыв рот, посмотрела на него. — Ты хочешь сказать, что попал в лапы закона по доброй воле?

— Мм, ну, ведь я был не совсем трезвым, можно объяснить этим. Так или иначе, я прошел тест, который показал, что я существенно превысил допустимую норму. Они тут же отобрали у меня права, и домой мы ехали на такси. Еще хорошо, что заодно права у Май не отобрали, говорили мне потом. Май забрала

---

¹ Розыгрыш, шутка (англ.).

машину на следующий день. После этого она собрала свои вещи, прочитала мне лекцию и отбыла.

Китти сидела, глядя в бокал, еще некоторое время, потом вздохнула и стала есть. Эвен встал и принес соль, кисло-сладкий соус был безвкусным.

— А ты можешь рассказать, как ты *встретился* с Май, это наверняка более солнечная история?

«Ты так полагаешь», — подумал он. Но раз уж он занят демонстрацией своих недостатков, то, быть может, есть смысл вытащить на свет еще несколько штук. Пусть он станет ей противен, и она его бросит сейчас, а не потом, когда он к ней привыкнет.

Эвен молчал, задумавшись, Господи; уже двадцать лет прошло. Сделал глоток, чтобы подкрепиться, и начал говорить:

— Это было во время демонстрации перед американским посольством. В восемьдесят пятом. Демонстрация была против какой-то войны, или какой-то акции, или еще чего-то, что они натворили, точно не помню... Кстати говоря, похоже, что-то тогда произошло с каким-то авианосцем... Неважно, но я в этом деле, как всегда, участвовал.

— О-ой!

— Ну так вот, я был в группе «Блитц», во всяком случае, на периферии, в той ее части, которая любит демонстрации, когда появляется шанс вступить в конфронтацию с полицией, в той части, которая ловит всякий повод поколотить полицейских, — Эвен невольно заулыбался, увидев выражение лица Китти. — Ты сама хотела услышать эту историю... И ты сказала, что я похож на члена «Блитц», когда увидела меня в самый первый раз. А ведь так оно и было. Группа была веселая. Нас не так уж и много было таких, кто любил

подраться, всего несколько человек. И тогда же я взял себе имя Рекил.

Китти вопросительно подняла брови.

— Прочитай Эвен справа налево,— сказал Эвен.

— Невэ,— сказала Китти.

— А Рекил?

— Ликер¹.

— А мою фамилию Вик?

— Э-э... Кив. Невэ любит Кив.

— Да. А ты знаешь, что значит слово «кив»? Это старое норвежское слово, обозначающее драку, войну, неприязнь. Я любил пускать в ход кулаки, любил, чтобы меня считали суперменом в обратном смысле. Я был добропорядочным человеком днем, когда приходил в университет под именем Эвен «Рекил» Вик. Но когда полиция выходила на улицы и собиралась захватить мирных демонстрантов, я менял свой облик, я был тогда Нэве Ликер Кив².

— О, Боже, какое ребячество,— нервно хихикнула Китти и подняла бокал. Она на самом деле была потрясена.

— Не я сказал, что история будет солнечной. Это ты сказала.

Китти выпила и выжидающе посмотрела на него. Она хотела продолжения.

— Демонстрация была мирной, люди шли и выкрикивали лозунги, размахивали плакатами, ничего похожего на беспорядки. Мы дошли до американского посольства, спокойно постояли у здания, кто-то начал говорить в мегафон — и тут появились они. С двух

---

¹ Любит (норв.).

² Кулак Любит Драку (норв.).

сторон приблизилась конная полиция, за ней шли полицейские со щитами и дубинками в руках. Мы сразу увидели, что полицейские хотят драки, что они пришли не для того, чтобы просто смотреть. Началась суматоха, люди побежали во все стороны, и казалось, что полиция нападает отовсюду. Естественно, все это вылилось в грандиозное побоище. Все пинались, дрались, кричали и вопили, а лошади надвигались на нас, как живые танки. Тут я заметил девушку, которая стояла в уголке, ее прижал к стене полицейский верхом на лошади, а пеший полицейский бил резиновой дубинкой. Она кричала, пытаясь вырваться, но лошадь загораживала дорогу. Я подскочил к ним и выхватил у конника дубинку, дернул за сапог и стащил с лошади, так что он грохнулся об землю и потерял шлем. Потом я ударил лошадь по морде, она отскочила и...

— Ты бил лошадь? — с презрением сказала Китти. Эвен удивленно посмотрел на нее.

— Да. Мне надо было убрать ее. Оба полицейских нападали на меня, я отбивался, попал одному по голове, второй отскочил. Я озверел, мне кажется, и бил их, как сумасшедший. Тут мы двое, девушка и я, обнаружили, что есть шанс убежать в один переулочек и дальше еще в один. Мы бежали, как безумные, попали, наконец, в какой-то двор и спрятались в подвале. Лежали на мешках из-под картофеля, а потом стали приходить в себя. Девушка — как ты поняла, это была Май — получила повреждение руки и рану на голове. Я ее перевязал моим шарфом. Лежа, мы несколько часов обсуждали происшедшее и всю нашу жизнь. И только когда стемнело, мы осмелились покинуть наше убежище. Май попросила, чтобы я никогда никому не рассказывал, что с нами произошло. Мне кажется, она испугалась, что отец

запретит ей жить у тебя в доме и потребует, чтобы она переехала домой, и тогда он ее будет защищать. На следующий день мы прочитали в газете о столкновении с полицией. Всю вину, возложили, конечно, на демонстрантов. Как всегда.

Эвен замолчал. Китти отложила нож и вилку и рассматривала отсутствующим взглядом чашку с соусом. Эвен посмотрел на стол. Желание есть пропало. Больше всего ему хотелось лечь спать. Он чувствовал себя истощенным до предела. Так мучительно было обнажаться — хотя он рассказал только половину истории. Так больно освежать в памяти то, что больше всего хочется забыть.

— Где у тебя туалет? — Китти встала и вопросительно посмотрела на него.

— Первая дверь направо, — показал Эвен. Он проводил ее взглядом, когда она выходила в коридор, потом вошла в дверь и заперлась. Наверное, потом поедет домой. Он явно напугал ее своими историями, а ведь он только слегка приоткрыл свой кулек со сладостями.

Оставалось еще много всяких угощений на столе, но он все выбросил, не моргнув глазом, помыл тарелки и приборы и, убирая со стола, обнаружил под кухонным полотенцем свой мобильный телефон. Он включил его, и тот сразу издал сигнал, что пришли сообщения. Три сообщения, как было написано на дисплее.

Сусанн (черт, он совершенно забыл про Сусанн): *«Привет, хочу только поблагодарить тебя за все. Будет хорошо, если ты позвонишь»*. Пришло в четверг.

Китти: *«Предупреждаю! Завтра загляну к тебе проверить, дома ли ты»*. Послано вчера вечером.

Третье сообщение было от телефонной компании, что автоответчик записал для него сообщения. Он на-

брал номер. С мобильным телефоном, зажатым между плечом и ухом, он попытался открыть холодильник и вынуть пиво. Женский голос сказал, что для него есть четыре голосовых сообщения.

— *Говорит Финн-Эрик. Мне вернули мобильный телефон. Позвони мне. Это важно. Если ты этого еще не сделал...* Сообщение прервано в середине. Записано в четверг в четырнадцать часов тридцать две минуты.

Эвен нашел в ящике открывалку. Четырнадцать тридцать две. Финн-Эрик был еще на работе?

Он открыл пиво и выпил. Следующее сообщение прозвучало, когда он взвешивал, не поздно ли звонить Финн-Эрику в половине двенадцатого ночи.

— *Привет, говорит Сусанн. Не хочу навязываться, скажу только, что было бы хорошо, если бы ты мне позвонил. Сегодня вечером я дома и хотела бы принять гостя.* Записано в пятницу в четырнадцать пятьдесят три.

Эвен почувствовал себя в растерянности. Не более половины суток они провели вместе в Лондоне. Все было прекрасно, но он даже представить себе не мог, что она захочет его видеть еще раз. Черт, такого старого хрена!

Следующее сообщение прервало поток его размышлений, он резко отставил бутылку пива.

— *Господин Вик, мне казалось, мы договорились пообедать вместе сегодня вечером в девятнадцать часов. Позвоните, когда получите это сообщение.*

Голос Одина Йелма звучал обиженно, в нем чувствовалось некоторое раздражение. Черт, черт, черт побери! Эвен совершенно забыл. Они должны поговорить о книге про Ньютона, о том, будет ли Эвен продолжать это дело. Он позвонит ему завтра.

Эвен услышал шаги Китти в коридоре.

— Извини, я хотел только послушать, нет ли важных сообщений,— говорил он, а в это время уже шло четвертое сообщение:

— *Even Vik. Inte lägg på! Du måste förstå at...*¹. Шведский голос исчез, когда Эвен с громким проклятием прервал связь и бросил мобильный телефон на стол.

— Вот как. Не только хорошие новости, насколько я понимаю.— Китти обняла его сзади. Он почувствовал прикосновение ее острых грудей и обернулся. Она подняла руки, положила ему на плечи и прижалась к нему обнаженным телом.

Очень медленно напряжение в теле, возникшее при последнем сообщении, исчезло, он наклонил голову. И осторожно куснул Китти в нижнюю губу.

— Я думал, ты хочешь уехать.

— Так легко ты от меня не отделаешься,— сказала она и куснула его тоже.

ГЛАВА 48

Звук прокатился по всему дому и вломился в уши Эвена слабым ритмическим звоном. Наступила тишина, потом до постели докатилась следующая волна. Эвен поморгал и посмотрел на часы. 02.37. Какого дьявола, ну кто может звонить людям в такое время суток? Китти спала на спине, ее голая грудь была заманчиво близко от его руки, и он подумал, не прижаться ли к ней, сделать вид, что телефон еще не изобрели.

---

¹ Эвен Вик. Не клади трубку! Ты должен понять... (швед.)

Следующий звонок был очень сильным, и он испугался, что это разбудит Китти. Поэтому он встал, побрел голый на кухню и нашел мобильный телефон.

— Да, Эвен слушает.

— *Din far ar död, Even Vik. Vennligst inte lägg på. Det är doktor Hellström. Din far døde i natt, for en time siden. Han har vart sjuk en tid, det ar därför jag har försökt å få tak i deg...¹.*

— Похороните его, кремируйте его,— сказал Эвен.— Делайте с ним, что хотите, но мне больше не звоните. Пришлите счет, если нужно что-то оплатить, но больше мне не звоните. Понятно?

— Но...

— Не звоните,— сказал Эвен и прервал разговор. Он долго стоял и смотрел на мобильный телефон, потом отключил его и положил на стол. Какое-то движение привлекло его внимание, он обернулся. Китти стояла, завернувшись в одеяло, и имела вид весьма потрепанного мишки.

— Это был... Мой отец умер.

Китти подошла к нему, молча закутала их обоих в перину. Они стояли, прижавшись, ощущая тепло друг друга. Он заметил, что у него появилось желание любить. В теле только чувство облегчения. Не скорбь, не горечь или ненависть, не страх, не страшные воспоминания. Только облегчение и желание любить. Дьявол умер. Эта глава закончилась. Он мог двигаться по жизни дальше.

— Идем,— сказал он.

---

¹ Твой отец умер, Эвен Вик. Пожалуйста, не клади трубку. Это доктор Хельстрём. Твой отец умер этой ночью, час назад. Он был болен какое-то время, поэтому я пытался тебя найти... (швед.)

ГЛАВА 49

Они проснулись одновременно, как будто оба были подключены к общему будильнику. Лежали друг к другу лицом и вдруг, словно им пришла в голову одна и та же мысль, посмотрели друг на друга, прямо в еще непроснувшиеся глаза и улыбнулись. Солнце светило сквозь жалюзи, как и положено в воскресное утро. Воробьи мельтешили в кустах за окном, жизнь для них была прекраснее прекрасного. Эвен чувствовал себя отдохнувшим и легким, чего не было уже очень давно. И голова была легкая. Повернулся к Китти и воскликнул:

— Ой!

— Что случилось?

— Да всего лишь... Знаешь, у нас с ним нет привычки к любовным играм в таких количествах. Маленькая ссадина.

Китти улыбнулась и поднялась на подушку. Лежа на спине, стала разглядывать спальню, кивнула, увидев плакат группы *The Clash*.

— Немножко не по возрасту вешать на стену поп-идолов?

— Альтернативой был бы Эндрю Уайлс.

— Это группа панков?

Эвен засмеялся.

— Это мой идол в области математики. Он подарил мне самые лучшие минуты моей жизни — или, точнее будет сказать, второй номер после знакомства с Май. Я присутствовал, когда он доказывал, что великая теорема Ферма — истинная. У него на это ушло три лекции на протяжении трех дней. И, несомненно, это бы-

ло самым интересным изо всего, при чем я присутствовал за свою жизнь.

— Он писал на доске уравнения и прочие штуки и болтал об иксе и игреке целых три дня, и это было самым интересным изо всего, при чем?.. — Китти безнадежно покачала головой и заглянула под перину. — Если бы Эвен-младший не стушевался и не раскраснелся, я могла бы придумать что-нибудь более интересное, — она показала на его руку. — Что это за шрам?

Он посмотрел на розовую полоску на левом предплечье.

— Осталось от татуировки, которую я удалил.

— Было написано: «Мать родная»? — Китти засмеялась, но, увидев его взгляд, остановилась.

— Имя девушки, — соврал он. — Я был с друзьями в Дании на Роскиллском фестивале, надрался, окосел и вернулся домой с двумя деревянными ящиками из-под пива и татуировкой. Откуда все это, знать не знаю. После встречи с Май я татуировку свел.

Китти кивнула, словно обещая никогда больше об этом не говорить, показала на маленькую красную пластиковую корзинку, которая стояла на полке.

— «Вот кто мне подходит», — громко прочитала она. — Что это?

— Я вырезал из газеты «Дагбладе», там есть такая рубрика для желающих познакомиться...

— Вот дурачок, это я знаю, но что в корзинке? Письма от женщин, которые ответили на твои объявления...

— Носки, — прервал ее он.

— Носки?

— Носки-одиночки. Знаешь, когда из пары носков один пропадает неизвестно куда, то остается второй. Сюда я вторые и складываю.

— А я выбрасываю их,— сказала Китти.

— И что потом? Нет, не надо говорить. Я открыл закон, который все объясняет. Хочешь послушать?

Китти повернулась на бок и внимательно посмотрела на него.

— Рассказывай.

— В законе три статьи. Статья первая говорит: «Вероятность того, что один носок из пары исчезнет, зависит от интенсивности использования в пропорции 1 : 3».

— И это значит?..

— Это значит, исходя из моих статистических выкладок, что каждая третья пара, которая используется регулярно, за обычный срок жизни носков превращается в носок-одиночку.

— Понятно,— серьезно сказала Китти и стала ждать продолжения.

Он поднял два пальца.

— Статья вторая: «Вероятность того, что исчезнувший носок снова появится, обратно пропорциональна интенсивности поисков».

По гримасе на лице Китти он понял, что она ждет объяснения.

— Ну так вот. Вопреки тем, кто думает, что исчезнувший носок можно найти, достаточно только его долго искать, мои исследования показывают другой результат. Скорее обратный. Если ты не ищешь, есть значительные шансы, что он «объявится» в следующий раз, когда ты пылесосишь за телевизором или передвигаешь банки в кладовке. Шансов больше, чем если ты перевернешь дом вверх дном.

Эвен поднял третий палец.

— Статья последняя: «Вероятность того, что исчезнувший носок объявится снова, прямо пропорциональна желанию выбросить оставшийся носок».

— Вот это, по-моему, я поняла,— сказала Китти.— Это значит, что если спрятать то, что ты называешь носок-одиночка, то второй не объявится. Но если ты выбросишь, то второй вскоре найдется под подушкой или в сапоге. Правильно?

— Да,— Эвен поднялся повыше и сел рядом с ней.— Но проходит, как правило, неделя или чуть больше с момента, когда ты выбросишь один носок, и до момента, когда найдется второй. И знаешь почему?

— Нет.

— Потому что за это время приехал мусорщик и увез предыдущий носок вместе со всем мусором, и, значит, воссоединить их никак нельзя.

Китти схватила подушку и стукнула его по голове. Он хотел ответить тем же, когда ее глаза широко открылись.

— Ой, пора вставать.

— О,— сказал Эвен.— Всего лишь половина девятого.

— Сегодня воскресенье. Разве ты не пойдешь в церковь? — Китти свесила ноги и уселась на краю кровати.

Эвен посмотрел на нее, подождал ее смеха, но она встала и пошла в ванную комнату.

— Ты серьезно? — крикнул он вслед, но она уже не слышала из-за плеска душа.

Он встал, нашел в шкафу боксерские шорты и футболку, оделся и вышел на кухню, чтобы включить кофейник.

— Церковь,— бормотал он.— Я там не был сто лет. Тридцать, по крайней мере. Зачем же нарушать хорошую традицию? — За окном был виден сосед, который подметал плитки своей дорожки, каждую плитку по отдельности, медленно и основательно.

— У каждого свой психоз,— Эвен отвернулся и подумал о четырех листках в комнате, о формуле Ньютона. Он хотел потратить день на изучение этих листков, посмотреть, сможет ли он разобраться, о чем там речь. Возможно, что это получится, хотя, как минимум, двух листков не хватает.

— Черт, Финн-Эрик! — Он бросил взгляд на часы. Они наверняка уже встали, хотя сегодня воскресенье. Он набрал номер, и ответ последовал сразу, как будто рука уже висела над трубкой.

— Привет, это Эвен. Ты хотел поговорить со мной.

— Да-да, хорошо, что ты позвонил,— голос Финн-Эрика был громче, чем всегда, он стал быстро говорить, словно хотел кончить, прежде чем его прервут.— Я нашел на мобильном телефоне кое-что, что тебе надо посмотреть, то, что она послала в тот день, когда она... Прямо перед тем, как...— Голос стал тише, как будто кто-то убавил громкость.

— Перед смертью?

— Да. Извини. Э-э... Я не понимаю, что она хотела сказать, но...— Он снова замолк.

— Перешли мне, Финн-Эрик, и я посмотрю.

— Да, хорошо. Конечно. Э-э... Я собираюсь в церковь, перешлю, когда мы вернемся.

— Ну нет, Финн-Эрик, сделай это сейчас. Немедленно.

— Да-да, конечно...

Через минуту мобильный телефон дал сигнал, пришло сообщение с двумя прикрепленными фотографиями.

— Боже,— пробормотал Эвен, увидев их на маленьком дисплее, и прыгнул к компьютеру. Включил его и присоединил мобильный. Нажав пару клавиш, он пе-

ревел одно изображение на монитор размером в 21 дюйм: силуэт стоящего у окна мужчины, он говорит по мобильному телефону. Эвен посмотрел секунду на картинку, потом перекачал второе фото. Оно показывало то, что было на столе: телефон, письмо и колоду карт, разложенных, по-видимому, для пасьянса.

— Что это? — В комнату вошла Китти. Она стояла с полотенцем на волосах и с другим полотенцем вокруг тела, на пол падали капли.

— Это... — Эвен сделал глоток, он, как парализованный, смотрел на экран. — Май сделала эти снимки незадолго до того, как выстрелила в себя.

ГЛАВА 50

Китти отправилась в церковь. Они договорились, что она вернется около восьми часов, и они пойдут в кино.

— Что будем смотреть?

— Сюрприз, — сказала Китти и помахала на прощание.

Эвен распечатал фотографии, выключил компьютер и сел за письменный стол. Он сделал увеличение до размера А4, прислонил к куче книг и откинулся.

— Это ты, свинья, был тем посредником, — пробормотал Эвен силуэту. Совершенно явно, человек стоял в номере гостиницы в Париже, на переднем плане было видно часть сумки Май. — Ты читал письмо Май или... — Эвен посмотрел на фото с письмом. Конечно. Если Май могла сфотографировать письмо, то другие тоже могли это сделать. Мужчина-силуэт, конечно, послал фотографию текста в Норвегию кому-то, кто

понял, что Май не написала ничего, что могло их разоблачить. Тому, кто имел еще одно задание — наблюдать за маленьким Стигом, сообщить, в чем он одет, и убедить Май, что их намерения были серьезными.

Получить представление о мужчине было нелегко, потому что он был виден наполовину сбоку, наполовину сзади. Он стоял темной, крепко сбитой фигурой прямо против света, падавшего из окна. Не жирный, а мощный, мускулистый? У него усы или просто падала тень от носа? Немолод, где-то от тридцати пяти до сорока пяти лет. Максимум пятьдесят. В углу фотографии обозначены дата и время белыми цифрами: 22.03—15.45.

1545 — год, когда Кардано ввел понятие отрицательных чисел... Эвен дал сам себе пощечину, потом взял в холодильнике пиво. Затем повернулся ко второй фотографии.

На фото три части. Вверху в левом углу видна половинка телефона молочного цвета, модель, которую Эвен запомнил по гостинице на Монмартре. Другими словами, не было никаких сомнений, где именно фотография сделана. На правой половине исписанный белый лист, на котором лежала ручка. Это прощальное письмо Май. Фотография сделана, когда письмо еще не было закончено. Эвен увидел, что последней части там еще нет. Между письмом и телефоном находилась самая большая часть фотографии, которую Май, очевидно, и хотела переслать. Карты расположены так, что можно было подумать, что это один из пасьянсов.

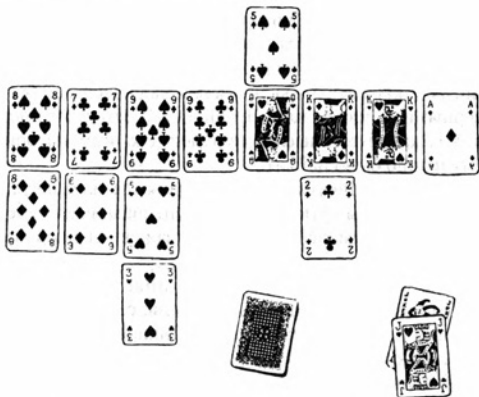
Эвен схватил лист в руки и стал всматриваться.

— Что-то здесь не так, — воскликнул он и встал. У себя в сумке он нашел колоду карт, отодвинул пивную бутылку и начал раскладывать карты так, как они лежали у Май на фото. — Что это за пасьянс?

Он выбирал из колоды нужные карты. Пасьянс, похоже, был старинным, под названием «40 разбойников», в таком случае он приближался к концу и явно не сходиллся, но где же основные карты? А возможно, это вариант «Паука», но выложено только восемь карт, в таком случае не хватало карт рубашкой вверх.

Внизу кучкой лежали нераскрытые карты.

Совсем внизу, почти рядом с письмом Май, находились еще две карты. Сверху валет червей, из-под него выглядывал ухмыляющийся джокер.

— Она что-то хочет мне сказать. — Он уставился на карты, словно пристальный взгляд мог пронзить их, прочитать сообщение, отправленное из могилы. Валет червей и джокер лежали в стороне, как бы вне пасьянса. — Она хочет мне что-то сказать, но что?

Однажды, когда Эвен поставил играть «*Lily Rosemary and the Jack of Hearts*»¹ Боба Дилана, Май прижалась к нему и сказала, что он ее Валет Червей и всегда будет им. Позже она некоторое время, чтобы подзадорить, называла его *Jack Heart* каждый раз, когда они занимались любовью. Он подумал, был ли какой-то смысл в том, что валет червей лежал сверху джокера. Она хотела сказать, что что-то важное есть в расположении карт, какой-то намек, история или что-то в этом роде.

Он перешел к рассмотрению других карт. Сначала четыре с цифрами, потом три с картинками и, наконец, один туз в ряду, который, видимо, был основным. Первые четыре карты были черными, последние четыре красными. Карты ниже черных были все красными, а все карты под красными или над красными были черными. Система или случайность? Это своего рода ребус, какой-то смысл в отдельных картах, который ему нужно было найти?

Он выпил пиво, сходил в туалет и захватил чашку кофе на обратном пути. Например, что значили дама червей и два короля? Май — дама, а два короля сражались за нее? Туз — причина, почему они сражались за нее, а первые карты показывали путь к этой цели? Первые карты были цифрами: восьмерка пик, семерка бубен и так далее. Они означали слова? Пикировать... пикантный... пиктограмма?.. Нет, чепуха, разгадка не здесь.

Пятерка пик. Она раздражала его. Лежала сверху, одна-единственная над основным рядом.

Он попытался сложить числа, сначала все, потом по группам, горизонтально и вертикально, обдумывал результат и каждый раз приходил к выводу, что числа

---

¹ «Лили Розмари и Валет Червей» (англ.).

ничего ему не говорили. Неинтересные числа без единой линии.

Он был на ложном пути, это чувствовалось. Если Май хотела что-то сказать ему, то это трудно было сделать числами, во всяком случае, *только* числами. Но если нужно превратить числа в буквы, то как это можно сделать? У него родилась мысль: числа могли представлять буквы алфавита.

На листке бумаги он записал алфавит и под каждой буквой числа от 1 до 29¹. Это значит, что восьмерка пик равна *H*, семерка трэф *G* и так далее.

Когда он кончил, у него на листке получилось *HGILMMN* (или *A*, если туз означал 1) *HFEBC E*.

Бред.

А если перетасовать порядок букв, прочесть карты вниз. Он написал *HHGF...* и остановился. Тоже бред.

Эвен взял кофе и подошел к окну, стал смотреть на мальчишек, игравших на улице в футбол. Верный признак весны. Почему пятерка пик была вверху, а все другие карты *ниже* основной линии? Это мешало ему найти логику в расположении. Если он поймет, почему так, он поймет все — подумал он и пошел к столу. Нужно было искать другую закономерность.

Вверх — больше, вниз — меньше, вдруг подумал он. Вверх — плюс, вниз — минус. Логика. Получилось 0 1 1 9 17 11 13 14 (или 1) в вертикальных рядах. Многие числа — простые, 9 — квадрат, а 14 — так называемое пирамидальное число... И все это не говорило ему ни хрена! Тоже ошибка.

Эвену не хватало словесного выражения. Чего-то, что могло дать какой-то максимум, что-то осязаемое.

---

¹ В норвежском алфавите 29 букв.

Взгляд упал на даму червей. Вверху на карте написана буква Q, что значит *Queen*, и это не число. У двух королей написана буква K, а на тузе буква A. Ха, да вот же буквы, прямо у него под носом! Он быстро начал пересчитывать буквы в алфавите.

Q плюс пять букв (потому что пятерка пик лежала над дамой) — это давало букву V.

K минус две буквы (двойка трэф под королем) — буква I.

Наконец, K и A, где ничего не надо было прибавлять или вычитать.

Вместе получилось слово VIKI. Он сияющими глазами смотрел на это слово. Yes, что-то произошло. От возбуждения он покрылся потом, ручка заскользила между пальцами, когда он начал писать числа, получившиеся из четырех первых карт: 0119.

0119 VIKI

Почтовый индекс?

Он повернулся, чтобы засунуть руку в брючный карман, вынул оттуда маленький ключ, который Финн-Эрик нашел в ящике Май. Кое-что начинает проясняться.

Он наклонился и включил компьютер, чтобы выйти в Интернет, но ему ответили, что контакт с сервером невозможен. Он выругался и подключил телефон, набрал номер.

— Да, это Финн-Эрик Торсен.

— Привет, это Эвен. Я видел...

— Ты получил фотографии?

— Да-да, слушай меня. Я видел фотографии. Думаю, что Май послала нам сообщение. Но мне нужна помощь.

— М-да,— сказал Финн-Эрик.— Чем помочь? Но можно быстро? Видишь ли, у меня гости.

— Это очень быстро. У тебя есть почтовая книга Норвегии?

— Ты имеешь в виду книгу с индексами городов?

— Да.

— Мм, кажется, есть. Но она довольно старая, поэтому...

— Все хорошо. Посмотри почтовый индекс Вики.

— Подожди минуточку.

Трубку положили, слышались шаги по полу. Что-то сказал вдали Стиг, незнакомый голос ответил. Женский голос. Страховая дама в зеленых чулках? Финн-Эрик вернулся.

— Вигра?

— Нет, не Виг через г, а Вик-к-к через к.

— А, вот. Номер 6891 для абонетских ящиков и 6893 для всех остальных адресатов. Ты этого хотел, не так ли?

Эвен вздохнул и уставился на написанные цифры.

— Да,— сказал он.— Я этого хотел.— Он уже почти положил трубку, когда вдруг нечто помешало ему сделать это.— Нет же, части Осло не имеют шестерки вначале.

— Конечно, но это Согн. Вик расположен в Согне,— сказал Финн-Эрик.

— Вик в Согне! Черт, я сказал «Вик-а» — с «а» на конце. И это в Осло, дьявол тебя поberi.

— Спокойно, незачем кричать,— Эвен услышал, как он листает книгу.— В Осло, говоришь, вот... минутку... нет, нет ни улицы Вика, ни шоссе Вика.

— Я ничего не говорил о названиях улиц,— Эвену пришлось взять себя в руки, чтобы говорить спокойно.— Мне нужен индекс почтового отделения Вика. Я не помню структуру книги, но, может быть, это в начале отдела Осло, а может быть, в конце.— Он слышал,

как Финн-Эрик положил трубку, заговорил с кем-то, объяснил проблему, тот, другой, ответил. Голос Финн-Эрика появился снова:

— Вот: почтовое отделение Вика, номер 0110.

0110. Уже близко.

— Нет ли там 0119? — спросил Эвен.

— Нет,— ответил Финн-Эрик.— Хотя... Подожди, вот тут есть другие индексы для абонентских ящиков.

Эвен вздрогнул.

— Абонентские ящики, да. Это то, что мне нужно. Посмотри индексы группы абонентских ящиков с номером примерно 1640.

— 1640... Э-э, вот, для номеров ящиков от 1640 до 1649 почтовый индекс 0119.

Эвен сделал глубокий вдох.

— Финн-Эрик, ты — ангел,— сказал он и положил трубку.

ГЛАВА 51

Кембридж

М

ай-Бритт постучала пальцами по столу и посмотрела на часы. Прошло почти полчаса. Почему так долго? Она произвольно передвинула книгу и свою тетрадь с записями. Сверху положила ручку и карандаш, как будто было важно, как они лежат. Поверхность стола темно-коричневая и гладкая, напоминающая пластик, чисто вымытая, словно ее сделали стерильной специально к ее приходу. Широкая полоса по краям стола из дерева, светлая

и приятная на взгляд. Май-Бритт стала гладить блестящую, слегка мягкую поверхность, наклонила голову и принялась — ей показалось, что пахнет старым добрым льняным маслом. Она взглянула в сторону двери, молодая секретарша изумленно смотрела на нее, и она выпрямилась. Глазок камеры над дверью тоже смотрел на нее, в поле зрения, несомненно, весь маленький читальный зал. Очень неприятное ощущение, когда знаешь, что кто-то, кого она не видит, как раз в этот момент смотрит на нее и, может быть, в последний раз оценивает, чтобы принять окончательное решение. Она попыталась принять расслабленный вид, улыбнулась в сторону двери, но заметила сама, что улыбка получилась неподвижной и фальшивой. Вот черт, подумала она, в ней разыгрался дьяволенок, она подняла голову и посмотрела камере прямо в ее единственный глаз. Камера, пристроившаяся в углу над дверью подобно большому мерзкому пауку, ответила Май-Бритт своим немигающим взглядом. Секретарша продолжала стучать по клавишам, поддерживая тот ритм, который был у пожилой дамы, сидевшей сзади Май-Бритт.

Они не верили людям? Неужели была необходимость в таких предосторожностях? Она встала и подошла к ближнему окну. Вид из окна был изумительный. Самый замечательный вид из окон библиотек во всем мире, подумала она. Ее взгляд перешел на величественную часовню на противоположной стороне библиотечного двора. Готическая, почти гротескная в своем монументальном величии. *Immense and glorious work of fine intelligence*¹ — так сказал Вордсворт об этой часовне, а он ведь учился не в Королевском

¹ Грандиозное и великолепное творение изысканного ума (англ.).

колледже, а, насколько она помнила, в Колледже Святого Джона.

Здесь, в Кембридже, существовала особая странная вселенная, мир колледжей в рамках университета — наверняка так же было и в Оксфорде. Центр интеллектуальной и политической власти, который, как на конвейере, производил лауреатов Нобелевской премии и политических деятелей, причем только мужчин.

И еще паршивых овец, которыми здесь не гордились.

Несколько вечеров она сидела у себя в гостиничном номере и изучала список знаменитостей, которые проживали там же, где и Ньютон, в Тринити-колледже. К своему изумлению и — в этом ей пришлось признаться — к плохо скрытой радости, она нашла такие имена, как Гей Боргес, Ким Филби и Энтони Блант: самые известные и бесспорные советские шпионы из всех, разоблаченных в западном мире.

Она узнала, что Ньютон был не единственным алхимиком, работавшим в Тринити-колледже. Джон Ди, известный представитель оккультных наук шестнадцатого века, и его современник Фрэнсис Бэкон, политический деятель и философ, но в то же время и алхимик, последний человек в тайном братстве, называвшемся орден Розы и Креста, тоже провели здесь юность. Упоминание о тайном ордене пробудило любопытство Май-Бритт: она в нескольких письмах и заметках Ньютона нашла намек на то, что он принимал участие в чем-то подобном. Тот же орден или то же братство, что и у Бэкона? Она попытается выяснить подробности этой стороны жизни Ньютона. Возможно, найдется что-то в тех бумагах, которые есть надежда сейчас получить. *Если* ей дадут разрешение.

Дама-исследователь поднялась из-за компьютера и подошла к окну взять книгу, лежавшую на подоконнике. Май-Бритт пробормотала: «Извините» и отошла в сторону. Заметила взгляд секретарши и пошла к своему месту.

Ей здесь не доверяли. Ее преследовали. Пусть, наверное, точно так же они не доверяли другим, кто находился здесь сейчас или раньше. Все-таки посетителям давали в руки невосполнимые ценности. Она обернулась и осмотрела зал. Он был невелик. Размер читального зала не более чем десять на десять метров. Два длинных стола с шестью стульями вокруг каждого. Между окон и вдоль одной стены книжные шкафы, кроме этого несколько картин, три двери и стол секретарши. Он стоял в центре, и молодая женщина все время могла наблюдать за посетителями и их занятиями. И еще была камера наблюдения.

Во всем этом было нечто унижительное. Ей захотелось уйти, встать и просто исчезнуть за дверью, чтобы избавиться от чувства, что сейчас ее будут подвергать допросу третьей степени.

Она пододвинула к себе дневник, раскрыла на чистой странице, взяла ручку и написала:

23 августа, библиотека Королевского колледжа, Кембридж

Мне разрешили изучать рукописи Ньютона, связанные с алхимией. Вообще-то глава архива сказал, что некий «curator of ancient manuscripts»¹ в любой момент мог отказать. Теперь я сижу здесь в надежде, что мне их выдадут.

---

¹ Хранитель старинных манускриптов (англ.).

Это моя последняя неделя в Англии (Финн-Эрик рассердился, когда я позвонила ему вчера, он хотел, чтобы я немедленно возвращалась). Может быть, и на самом деле лучше было бы сделать так, а не сидеть здесь (и таращить глаза на стенку). Я не уверена, что делаю сейчас правильный выбор.

Перо замерло в руке, она посмотрела перед собой. Это был очень неприятный разговор. Финн-Эрик был мрачен, почти зол, когда они разговаривали, вел себя так, как никогда до того. Можно было подумать, что подозревает ее в неверности, но не осмеливается прямо выдвинуть обвинение. Использовал детей как средство шантажа, сказал, что жу-утко скучал по ней! Она поговорила со Стигом, он рассказал, что высоко взобрался на сливовое дерево тети Моны. Лине тоже подошла к телефону, но с большой неохотой, сказала: «Привет, мама» и убежала. К ней в гости пришла дочь соседей, на год старше, ее идол в данный момент, поэтому у нее не было времени болтать по телефону. Май вздохнула, решила на время забыть о своей нечистой совести. Перелистала дневник и вернулась ко вчерашнему дню.

22 августа, гостиница «Эрандел Хаус», Кембридж
Я пытаюсь использовать время как можно лучше. В воскресенье, когда библиотека закрыта, я сочиняю истории в жанре художественной прозы. Сегодня написала еще один эпизод из «Тайны Второй». Потом пошла в паб и отпраздновала это рюмкой хереса (двумя, если быть точной). Получаешь гораздо большее удовольствие от художественного творчества, чем от передачи фактов. Это меня удивляет, я никогда не думала о чувствах в этой связи. Но о чем я думала, так о том, что я сообщаю людям о чем-то. Возможно, слыш-

ком большое нахальство писать такое самой (с другой стороны, никто и никогда не прочитает этого, кроме меня), но мне кажется, что маленькие истории про Ньютона получились очень хорошими!

Май-Бритт улыбнулась и закрыла дневник. Бахвальство было всегда мало уважаемым видом спорта, во всяком случае, в ее глазах. Если она позволила себе написать такое предложение и при этом не испытывать чувства стыда, перечитывая его, то это означало, что она шагает вперед. Эвен часто давал ей пинка — в переносном смысле, следует подчеркнуть. Он считал, что она слишком недооценивала себя, ожидала слишком мало уважения со стороны окружающих. Если использовать его слова, у нее это было в голове, когда она несколько лет назад предъявила список требований к Одину Йелму и издательству «Феникс», предложившим ей стать редактором в новом отделе. С сердцем, бьющимся от страха, что ей откажут, что объяснят, что она зашла слишком далеко со своими требованиями, она три дня ждала ответа, слонялась взад-вперед и в беспокойстве гуляла с маленьким Стигом. Только тогда, когда поблизости появлялся Финн-Эрик, она изображала твердость и уверенность. Финн-Эрик не мог ее оценить, он считал, что ее требования переходят грани дозволенного. С его точки зрения, нужно было продемонстрировать покорность в ответ на то, что такое уважаемое издательство вообще проявило к ней интерес.

Но должность она получила. Во время приема на работу Йелм согласился со всеми ее требованиями, как будто они, сами собой, подразумевалось, были тем, что издательство, безусловно должно признать, если хотело, чтобы такой высококвалифицированный специалист

работал в их коллективе. Она получила не просто должность — эта должность была мечтой ее жизни, именно она хотела, чтобы так было, она сделала именно то, на что, как ей казалось, она никогда не осмелится.

Посмотрела на часы. Она ждала уже сорок восемь минут. Если рукописи не принесут по прошествии часа с четвертью, она уйдет. А потом пошлет в правление жалобу, потому что есть границы того, как можно обращаться с людьми.

Никто никогда и ничего не получает за смирение — ее этому научил Эвен — ни одна женщина, ни один христианин. За *чересчур* большое смирение.

Христианин, да... В этом все дело. А она христианка?.. Теперь?

Настоящая христианка, но только наполовину. Она засмеялась, вспомнив характеристику, которую ей однажды в шутку дал Эвен. Есть в этом что-нибудь?

Куда она идет? Она пробовала задавать себе этот вопрос несколько дней назад, поговорив с отцом по телефону. Он спросил, увидит ли ее в церкви на следующий день. Она ответила, что это невозможно — она в Англии. Конечно, он такой ответ принял, еще бы нет, но истинная правда состояла в том, что она не бывала в церкви уже много лет. Отец знал об этом, и она знала, что он знает. Полгода тому назад в одну из суббот к ней пришла сестра, они сидели и болтали за чашкой кофе. Она тоже спросила, пойдет ли Май-Бритт в церковь на следующий день. Когда прозвучал ответ: «Может быть», сестра вздохнула и сказала, что годы, проведенные с Эвеном, не принесли Май-Бритт пользу. К удивлению, Май-Бритт взяла бывшего мужа под защиту. Об Эвене Вике можно многое сказать, но он никогда, *никогда* не пытался принудить ее к чему бы то ни было.

Хотя он сам и не был верующим и никогда не ходил в церковь, он был свободен от предрассудков и полностью принимал тот факт, что Май-Бритт христианка. Его терпимости многие могли бы поучиться, так она сказала, а сестра посмотрела на нее странным мрачным взглядом, который Май-Бритт не могла забыть. То, что сестра развивалась явно в противоположную сторону, стала в последние годы узколобой фундаменталисткой, к сожалению, факт, на который Май-Бритт смотрела с горечью. После этого сестры не виделись, за исключением дня рождения отца месяц тому назад, и в тот момент их взаимоотношения были весьма холодными.

Взгляд упал на часовню за окном. Мальчики-хористы репетировали там каждый вечер в половине шестого. Может быть, ей стоит пойти туда сегодня вечером?

Открылась дверь в коридор, вошла хранительница, за ней катился стол на колесиках. Служитель помог ей преодолеть порожек. Они подкатали стол к окну и начали перегружать коробки на подоконник. Хранительница что-то сказала служителю, тот подошел к Май-Бритт.

— Вам следует расписаться вот здесь и после этого проверить, все ли названные предметы в наличии,— тихо сказал он и положил перед ней бумагу.

— Да,— улыбнулась Май-Бритт, рассеянно расписалась и с изумлением уставилась на гору коробок разных размеров, которые ждали ее. Забыты были неудобство и недоверие. Сейчас она могла расписаться где угодно.

Хранительница улыбнулась и поставила на стол опору с подложкой из пенопласта.

— Рукописи должны всегда лежать здесь, шепнула она.— И открывать можно не более одной коробки сразу.

— А белых перчаток не надо? — шепотом спросила Май-Бритт.

Хранительница беззвучно засмеялась, покачала головой и вошла в свою комнату.

С большим почтением, словно это был священный ритуал, Май-Бритт принесла первую коробку и поставила ее на стол. Села на самый краешек стула, потом осторожно, с бьющимся сердцем, взялась за крышку и открыла ее.

ГЛАВА 52

За окном прозвучал гудок. Эвен поднял голову и посмотрел на часы. *Shit!*¹ Это Китти.

Фотография мужчины в номере гостиницы никак не выходила у него из головы. Эвен был уверен, что видел его раньше. Он встал и подошел к окну, помахал Китти в знак того, что сейчас выйдет. Она стояла у машины, улыбаясь белозубой улыбкой, и махала в ответ.

В течение всего дня он думал о Китти. И о Сусанн. Он позвонил Сусанн. Вернее сделал попытку позвонить. Она не ответила, он оставил ей сообщение, что позвонит ей на работу на следующий день.

Сначала Китти, теперь еще и Сусанн. Было впечатление, что *обе* всерьез им заинтересовались. Вот дьявол! С ума можно сойти! Похоже на то, как если бы... если бы он вдруг нашел формулу определения, является ли простым любое число, независимо от величины.

---

¹ Дерьмо! (англ.)

И на следующий день решил проблему пограничных циклов полиноминых дифференциальных уравнений. Две самых трудных математических задачи в мире.

Обе задачи недавно были решены удовлетворительным образом, первая индийцем, вторая шведом. О Боже, а ведь это *он* должен был сделать... во всяком случае задачу о простых числах. И он был уже *на пути* к решению, совсем близко, когда его бросила Май. И тогда он остановился. Полностью... Стена. Уже пять лет. Его обставил этот чертов Эгравал. Конечно, Эгравал заслуживает похвал: умница, парень толковый. Эвен видел его несколько раз, но...

Но вот Китти и Сусанн... сразу обе проявляют интерес к нему... Даже нельзя сказать, что он к этому не очень привык, он просто никогда с таким не сталкивался.

Он всегда думал, что в тот день, когда он встретил Май, теория вероятности взяла отгул и позволила судьбе или богине счастья делать все, что той взбредет в голову. То, что он встретил самую замечательную девушку в мире, и она припала к ногам уродливого, чокнутого и вообще довольно противного парня, было совершенно непостижимо. Вот то, что тринадцать лет спустя она его бросила, куда ближе к норме.

Он по-прежнему считал тринадцать своим счастливым числом, оно естественно вписывалось в его логику и способность посылать все к черту и давать возможность разгуляться упрямству. *Ему-то* не надо было объяснять, что какое-то одно число может приносить больше несчастий, чем другие.

Что касается секса и любви, то в течение пяти лет с тех пор, как Май его бросила, он оказался участником только нескольких небольших приключений. Большей частью в пьяном виде и со студентками, которые наслы-

шались о его гениальности и, с глубоким уважением взирая на этого профессора, трахались с ним, чтобы добавить лишнее украшение к своей студенческой фуражке.

Когда к нему проявила интерес Китти, он подумал, что встретились два вполне взрослых человека, которым нужно было сбросить накопившуюся сексуальную энергию. Когда она возобновила контакт, он решил, что она любит секс и хочет позаниматься этим немного и потом расстаться. А вот то, что Китти, очевидно, воспринимала их знакомство более серьезно, чем он раньше предполагал, заставило его основательно проанализировать ситуацию. Не в последнюю очередь потому, что теперь появилась еще и Сусанн.

Цинизм больше всего проявляется в таких вещах, как война и любовь. Кто из этих двух женщин сможет вернуть его назад в математику?

Это первое, что он подумал. Приходится признать.

Нет, черт побери, ну когда же он повзрослеет? Он всегда скептически относился к тому, чтобы рассматривать дружбу с Китти как начало длительной связи. Это факт. Отчасти потому, что Китти была давняя подруга Май, но еще и потому, что он обнаружил ее столь же положительное воздействие на него, какое всегда оказывала Май. Это было чересчур. И, в известном смысле, неправильно. Он испугался, что сделает по отношению к Китти то, что когда-то сделал с Май.

Тогда Китти бросит его, и он останется уязвленным с ощущением собственной вины за все происшедшее.

Он подозревал, что именно это заставило его идти без оглядки до конца, когда на арене появилась Сусанн. Он воспринял ее со смешанным чувством изумления — ну что эта девушка могла найти в таком старом хрене, как он? — и еще вины.

Эта проклятое ощущение вины! Оно поднимало свою дьявольскую голову и тогда, когда дело касалось Май и Китти. И опять все перемешалось. Он сегодня вечером пойдет в кино с Китти или же на самом деле с Май?

Уезжая из Лондона, он сознательно ликвидировал все намеки на то, что Сусанн и он будут встречаться, — хотя она о чем-то подобном говорила, — вернул ключ от квартиры и попрощался, совершенно уверенный, что все было слишком хорошо. Он забыл ее. И когда она потом несколько раз звонила ему, это удивило его, и он почувствовал странную свежесть в своем теле.

Китти посигналила еще раз. Он сложил бумаги, посмотрел на расчеты, связанные с Викой, и сунул их в карман вместе с ключом от абонентского ящика. Постоял минуту в нерешительности, держа формулу Ньютона в руке, подумал, куда ее спрятать, потом осторожно положил конверт за подушки на диване, где уже было полно книг и бумаг. Место было далеко не идеальное, но пока пусть полежит там. Завтра он сделает копии листков и отнесет оригиналы на хранение в банковский сейф.

Он вышел в коридор, надел кожаную куртку и отпер дверь ключом. Порывистый ветер дул с запада, Эвен застегнул молнию до самого верха. Сегодня днем он уже позвонил Одину Йелму, извинился за забывчивость, сказал, что в голову пришли некие идеи, и он забыл все на свете. Идеи связаны с Ньютоном и т. д. и т. п. Йелм немедленно загорелся, перенес приглашение на вечер понедельника, значит, завтра, в восемнадцать ноль-ноль, ужин на двоих. Он повторил свой адрес во Фрогнере. Эвен вспомнил, что на той же улице живет Сусанн. Может быть, зайти к ней после ужина?

Эвен уже хотел положить трубку, как вдруг Один Йелм вспомнил, что ему надо что-то рассказать.

— Кстати, в пятницу утром ко мне приходил некий старший полицейский по фамилии Молвик. Очевидно, он расследует обстоятельства, связанные со смертью Май-Бритт Фоссен. Он спрашивал о том, над чем она работала, — наступила пауза, потом Йелм продолжил: — А еще он спрашивал, не принимал ли ты участия в ее работе... Ты его знаешь?

— Возможно, что когда-то встречался, но в данный момент мне что-то не приходит в голову, — соврал Эвен, и они попрощались.

— Ты профессор и гений, но я не уверена, что ты все-таки знаешь о существовании часов, — удрученным голосом сказала Китти. Потом засмеялась и бросила ему ключи от машины: — Ты — ведешь.

— М-но... — сказал он.

— Да-да, — Китти села на место пассажира и, подождав, сказала: — Садись. Мы ведь не хотим пропустить начало фильма?

Качая головой, Эвен сел на водительское место и завел машину.

— Куда едем?

— Сюрприз.

— Но я же должен знать?..

— Поезжай в центр до парков, дальше я покажу.

По дороге Китти рассказала, что на следующий день она отправится в Южную Африку вместе с несколькими легкоатлетами, которые месяц будут там тренироваться.

— Тебя не будет целый месяц? — Эвену самому не понравился тон обиды, который прозвучал в его голосе. Китти покосилась на него.

— Меня не будет здесь неделю. Потом я им не нужна. Я разработаю принципы тренировки, а когда все будет в порядке, дело возьмет в свои руки тренер. Я не большой специалист по бегу на 800 метров или метанию копья.

Эвен кивнул и раздумал задавать другие вопросы. Не хотелось бы, чтобы она думала, что он не может без нее обойтись.

— Поэтому можешь взять машину до конца недели,— сказала Китти.

Эвен остановился перед красным светом и посмотрел на Китти.

— Немножко глупо, ты же знаешь, что у меня нет прав. Я привык ездить на автобусе, кроме этого, давно хочу купить велосипед.

— Как врач рекомендую последнее, но предложение остается в силе. У тебя впереди целый вечер, чтобы разобраться, чего ты хочешь. А если потом поедешь со мной, то еще и целая ночь.

Эвен засмеялся и отметил, что уже сделал выбор. Будет гораздо легче и быстрее завтра утром доехать домой от почтовой конторы Вика. Придется примириться с тем, что поездка от Несодлена до центра города будет долгой. Он поедет рано утром, когда эта контора откроется.

Они оставили машину на небольшой темной улочке поблизости от здания ратуши и пошли пешком до кинотеатра «Сага». Китти купила билеты, пока Эвен ходил в туалет.

— Сюда,— сказала она и повела его по коридору.— Фильм уже начался, поэтому мы получили места поближе к дверям.

В двери появился парень, который оторвал контрольки билетов, ввел их в зал и фонариком показал два места. Эвен сел и посмотрел на экран. Трое мужчин в балахонах шли ночью по освещенному луной лесу. Кадры были красивыми и полными мистики, музыка негромкой, по типу арабской. Один из мужчин упал на колени, другой за ним сказал на каком-то гортанном языке: «Неужели ты думаешь, что один человек может принять на свои плечи грехи всего мира? — И с дьявольским смехом добавил: — Скажу тебе, ни один человек не может нести такой груз. Он слишком тяжок».

— Черт! — негромко вскрикнул Эвен и покосился на Китти, которая была поглощена фильмом. — Это же фильм Мела Гибсона об Иисусе, — прошептал он ей.

Не спуская глаз с экрана, она кивнула, как будто это само собой подразумевалось. Он заставил себя откинуться на кресле и следить за сюжетом, делать было нечего, он все равно уже пришел. В фильме произошел поворот: Иуда получил свои тридцать сребреников. История была хорошо известна и несколько не изменилась с тех пор, как он ее выучил в школе. Ему пришлось признать, что рассказана она была убедительно и даже красиво. Поначалу. Пока Иуда не привел солдат к Иисусу...

Начались сцены насилия. Из-за этих сцен, как вспомнил Эвен, фильм получил свою печальную известность. Он увидел, как жители Иерусалима и священники наперебой старались обвинить и приговорить человека, который был философом и проповедником. Не больше и не меньше, так Эвен рассматривал это. Ганди того времени, анархист, отрицавший насилие. Лжец, но безопасный лжец. Человек, рассказывавший истории, которые никому не могли причинить вреда.

Человек был приговорен к тяжкому наказанию, но не к смерти. Римские солдаты стали его истязать. «Чертов мальчишка! Запер дверь!» Иисус качался от ударов кнута, его тело превратилось в кровавое месиво, он уже не держался на ногах... «У меня будет конфронтация с тобой, проклятый...» В животе у Эвена появились позывы, он откинул голову назад и стал смотреть в темноту, тянул время, наблюдая всплески света на потолке зала, думал о начинающейся весне, о конверте, присланном Май, о коде в рукописях Ньютона и...

Это был не сон и не потеря сознания. Он пришел в себя словно после комы, посмотрел на экран, потом на Китти, потом снова на экран. Иисуса приговорили к распятию на кресте, а Варрава, которого помиловали, скалил гнилые зубы и поднимал вверх руки. Эвену захотелось уйти, этот фильм был только для садистов, для фанатиков, для людей, которые нуждались в обосновании ненависти к евреям. Впечатление такое, словно там все жители Иерусалима без ума от восторга, что могут разделаться с ужасным преступником. Иисус шел по улицам с крестом на плече, его нещадно хлестали солдаты, он шатался и падал, и Эвен удрученно застонал. По крайней мере можно было извиниться за показ сцен насилия. Мария, мать Иисуса, попросила, чтобы ее отвели к нему. Эвен застыл и, не дыша, смотрел, как она пытается каким-нибудь способом подойти поближе к процессии. «Прочь, ведьма! Он заслужил эти побои!» Ей удастся подойти, она слышит приближение процессии и орущей толпы, прячет лицо и отворачивается.

«...Он упал с велосипеда, небольшая травма». — «Все мальчишки в девять лет должны пройти через это». Иисус упал под грузом креста, лежит окровавленный, как разделанный кролик, и тяжело дышит.

«Но у меня нет велосипеда, мама». Камера медленно приближается к его глазу, который смотрит на маму, на Эвена. Мать бежит к нему, к Эвену, к Иисусу, хочет помочь. «Лицо похоже на филейную вырезку», — сказал тогда полицейский водителю машины «скорой помощи», глаза были узкими щелочками на сыром мясе, дыхание прерывалось, из-под кожи головы выглянула белая кость. И красная кровь! Иисус смотрит на него. На мать. Глаз бешено крутится. Все красное! Мясо.

Эвен встал и, шатаясь, побежал из зала. В глазах мелькало. Люди поворачивались и смотрели на него. Он остановился только тогда, когда оказался на улице, прохладный вечерний ветерок с моря шевелил его волосы.

— О, Господи! — застонал он и прислонился к мусорному баку. Тошнота подкатила к горлу, но он справился с позывами и выпрямился. Чья-то рука дотронулась до плеча.

— Боже милосердный, что происходит? — озабоченно спросила Китти.

Эвен был не в состоянии отвечать, он кивнул в сторону кафе на другой стороне улицы. Когда перед ними стояли чай и кофе, Эвен смущенно посмотрел на нее.

— Мне жаль, что ты не досмотрела до конца. — Он попытался засмеяться. — Но ты, по-видимому, знаешь, чем дело кончилось, я так думаю.

Китти серьезно кивнула.

— Да, это сильно действующий фильм. Я очень давно хотела его посмотреть. И вот появился шанс.

— Сильно действующий, да, но он вызывает отвращение, — Эвен подул на кофе и сделал глоток. — Зачем столько крови и грязи, не понимаю, — он посмотрел в свою чашку. — И зачем делать все новые и новые фильмы об Иисусе, мне тоже не понять.

— Страдания Иисуса не были сладкими и бескровными,— тихо сказала Китти.— Не все фильмы передавали это. Вина, которую он принял на себя, была велика. Наша вина, вина всего человечества. Из этого не могла получиться приятная и приукрашенная история. От того, что я увидела, какие страдания и боль он должен был испытать ради нас, моя вера стала сильнее.

Эвен выпил кофе и отставил чашку. Он старался ставить ее как можно спокойнее, и все же стук фарфора по столу получился громким.

— Извини, ты привела меня сюда посмотреть именно этот фильм, чтобы сделать меня верующим? Это форма миссионерства, поэтому ты и не хотела говорить, что мы будем смотреть?

— Я не видела этого фильма раньше,— рассердилась Китти.— Я ведь сказала.

— Но ты знала, куда меня ведешь.

— Да, но я не знала, какой он жесткий,— она помедлила: — И еще я не знала, что он произведет такое сильное впечатление на тебя.

— Такое сильное впечатление на меня! — Эвен тяжело вздохнул. Он увидел перед собой окровавленные фигуры, мать, бежавшую к сыну. Он сильно заморгал и посмотрел поверх голов сидевших в кафе людей. В зале уже становилось тесновато, официанты в белых сорочках бегали с кружками пенящегося пива и тонкими бокалами с вином. За соседним столом громко смеялась женщина; казалось, если шум увеличиться еще на один децибел, то лопнут все стеклянные предметы в зале.

Эвен стал смотреть на чашку, пытаясь собраться с мыслями. Пришло ли время посвятить Китти еще в одну тайну, или, попросту говоря, рассказать ей всю

тайну, его тайну? А кстати, какую тайну скрывала она? Он ненавидел миссионеров и опять подумал, не уйти ли ему. С другой стороны, он ведь мог рассказать только одну историю, выяснить ее реакцию... посмотреть на это как на эксперимент.

— Тебе завтра рано вставать?

Китти удивленно посмотрела на него:

— Нет, не рано. Поеду из дома перед вторым завтраком. Я уже почти собралась.

— Хочешь услышать, почему я сбежал с фильма?

Она серьезно посмотрела на него, но не ответила. Он начал рассказывать. О своем детстве, об отце, который ненавидел сына практически с первого дня. Отец пил по-черному и почти каждый день давал подзатыльники, но когда Эвен стал постарше, стал бить ремнем, а потом тем, что, как позже узнал Эвен, называется *Totenschläger*^{1*}.

— Он должен был знать, что именно мы, то есть моя мать и я, делаем в каждый момент. Я запер однажды дверь в свою комнату, потому что нашел ключ, который подошел к замку, и захотел хотя бы иногда жить своей жизнью. Когда я пришел домой из школы, дверь была взломана, отец ждал меня.— Эвен потрогал шрам у глаза.— Меня потом зашивали. Это был один из тех редких случаев, когда оставались заметные следы после того, что он сделал. В других случаях он очень ловко меня бил, так, что ничего не было видно.

Он всегда отрицал, что роется в моих вещах. Не понимаю, почему, поскольку я всегда знал, когда он копался там, хотя он старался не оставлять следов. Я очень рано научился укладывать свои вещи таким

---

¹ Резиновая дубинка, начиненная свинцом (нем.).

образом, чтобы видеть, не передвинул ли он их, не забирался ли он в мои ящики, в сумки, не сдвинул ли бумаги на столе. Дело не в том, что я что-то скрывал. Но я хотел знать, рылся ли он. Держать все под контролем. Это давало мне какое-то чувство достоинства в унижительных обстоятельствах, так мне кажется. Я чувствовал, что таким образом даю ему сдачи, хотя он этого не знает. Что я умнее его.

Китти держала чашку с чаем у губ, но не пила. Ее зеленые глаза, не мигая, смотрели на него.

— Ты придумал собственный тайный способ контроля, чтобы видеть, что никто не рылся в твоих бумагах?

— Да. Я укладывал их так, чтобы было невозможно положить бумаги назад в точности так, как они лежали. Ему пришлось бы узнать, как я это делаю. Это превратилось в привычку, я и теперь так делаю, когда оставляю свои бумаги дома или в университете.

Китти кивнула, не отводя от него взгляда. Эвен помолчал немного, потом продолжил:

— Он очень редко бил маму. Это случалось только тогда, когда я ночевал у друга или возвращался из лагеря. Когда я стал подростком, побои усилились. Шансов у него становилось меньше, потому что меня все чаще не было дома, я уходил к друзьям. Но когда он бил, то бил всерьез.

— А ты говорил об этом кому-нибудь? Твоя мать говорила кому-нибудь? — Китти произнесла эти слова с трудом, ей тяжело было дышать.

— Моя мать лгала всем, у кого могло возникнуть подозрение: врачу, учителю, родителям моих друзей, соседям, которые слышали почти все — мы жили в старых кварталах города, где звукоизоляция ужасная. Она лгала, говорила, что у нас все прекрасно. А я вообще

ничего не говорил. Мне кажется, я боялся, что ей станет плохо, если я что-то расскажу. Отец ее избьет, а остальные сочтут просто лгуней.

Эвен сделал глубокий вдох:

— Однажды я ответил на удар. Мне было семнадцать лет, я стал большим, сильным парнем. К этому времени я давно был членом шайки уличных парней. Мы собирались в подвалах по соседству, дрались с другими группами, воровали пиво и сигареты, били и колотили все подряд, учились друг у друга приемам драки. И вот однажды, когда мой отец стал меня бить, я ответил и увидел ужас в его глазах. Во мне что-то взвырвало. Я стал бить его и пинать, пока не пошла кровь, мама закричала, бросилась нас разнимать. Я ушел и больше не вернулся. Совсем ушел. Стал жить в пустом доме, который захватила молодежь на улице Пиле-стред, не очень далеко от того места, где потом появился дом Блитц и... да, я стал одним из тех, кто входил в компанию, которая стала позже называться группой Блитц.

Китти отставила чашку, очень осторожно, словно она из китайского фарфора.

— А что случилось с твоим отцом?

— Челюсть у него была сломана, он несколько месяцев провел на бюллетене, — сказал Эвен, не поднимая глаз. Желание рассказывать у него вдруг пропало. Он надеялся, что Китти достаточно и этого.

— А что с матерью?

Что стало с моей матерью, спрашивает она. Если она хочет знать все, ей придется копаться во всем этом чертовом...

— С ней... — Эвен смотрел на свой кулак, лежавший на столе. Пальцы сжаты так, что артерии посинели, кровь пульсировала под кожей. Кулак Любит Драку.

Ненависть и злоба жили в этом кулаке, отцовское наследство. Это он расколотил череп...

— Она умерла. За несколько дней до того, как отец должен был выйти на работу, он упился вусмерть, озверел и забил ее. Соседи слышали шум, который был громче, чем всегда, они вызвали полицию. Приехала полицейская машина, ее нашли на полу в луже крови, отец спал в кровати. У него была ее кровь на руках и на нижнем белье. Один из моих уличных друзей нашел меня, и мы пришли, когда там была полиция. Она была без сознания и умерла на следующий день. Слишком серьезные повреждения черепа, сказал врач. Он сказал, что лучше так, а если бы она выжила, то стала бы овощем,— Эвен поднял голову.— Врач не сказал «овощем», но смысл был такой.

Поблизости стоял официант, и Эвен заказал порцию виски. Нужно было погасить ощущение тошноты. Китти покачала головой, ей ничего не надо. Эвен подождал официанта с виски, потом продолжил:

— Судья несколько не сомневался. Этой свинье дали пятнадцать лет,— Эвен сделал глоток и посмотрел, прищурившись, на содержимое рюмки.— А надо было дать двадцать пять, или тридцать, или пожизненно... Такого нельзя возвращать к людям,— Эвен выпил до дна, откинув голову, потом посмотрел на улицу.— Я никогда не видел его после того, как вышел из зала суда, никогда не разговаривал с ним. Его врач, швед, несколько раз обращался ко мне с просьбой посетить отца, особенно в последнее время, перед смертью. Но я отказывался. Не мог найти в себе сил. Не понимал, зачем. А теперь я рад, что его нет. Умер и исчез.— Эвен помолчал, потом криво усмехнулся.— Я гарантирую, что он не сидит рядом с Иисусом за одним столом. Там, где он теперь, темпера-

тура совсем другая. — Рюмка стукнулась об стол, он посмотрел Китти прямо в глаза: — И вот еще что. Иисус не принял, черт побери, на себя его вину, это я гарантирую. Такое время было слишком тяжким.

ГЛАВА 53

Кембридж

Она пододвинула подставку с рукописью поближе и расправила плечи. С первого дня в читальном зале библиотеки Королевского колледжа Май-Бритт старалась сидеть так, чтобы спиной закрывать тетради от наблюдающей камеры. Не потому, что ей было что скрывать, но потому, что она не хотела примиряться, что за ней наблюдают, что ее снимают, и старалась выразить этим свой протест. Протест был молчаливым и мягким, она не из тех, кто устраивает шумный бунт. Секретарша сидела за столом и все видела, этого было достаточно.

Она осторожно перелистала страницы книги, лежавшей на подушках из пенопласта, до середины, положила белую ленту длиной в двадцать сантиметров с пришитыми свинцовыми шариками на край тетради, чтобы страница не закрывалась. Почерк был энергичный, чернила на верху страницы черные с синим отливом. *Notes on ye preparation of Philosophical Mercury and ye mediation of Diana's Dove*¹ — такое было начало.

---

¹ Заметки по подготовке философской ртути и размышления о голубе Дианы (англ.).

Она вспомнила, что уже читала этот текст в микрофильме, но работать с оригиналом — это совсем другое дело. «Все равно что танцевать медленный вальс», — подумала она. Сначала буквы толстые и темные, через несколько строк — тонкие и светлые, потом вдруг снова становятся четкими — это когда Ньютон макал перо в чернильницу и начинал новый тур из четырех па.

В последние дни Май-Бритт систематически прорабатывала все рукописные тексты и записи 1670 года и более поздние — сотни страниц. Большинство было посвящено алхимии, некоторые — истории церкви, астрономии, физике, математике, были также письма или отдельные записи, например рецепты лекарств от отрыжки, головокружения или мозолей. Она вскоре поняла, что придется подвергнуть весь материал сортировке и разделить на три группы. Одна включала все то, что было заключено в две обложки, тонкие или толстые, отдельные листы или сшитые тетради. Все, что могло содержать что-то скрытое, надо изучить поподробнее. В другую группу вошли рукописи, касающиеся алхимии, оккультизма или аналогичных таинственных тем. Эти две группы, конечно, частично перекрывали друг друга, но это было даже хорошо.

Все остальное составило третью группу. Другими словами, и научные труды, и всякого рода бытовые записи по хозяйству. Это она отложила. На такие вещи у нее сейчас не было времени.

Потом она принялась изучать физическое состояние источников. Рассматривала саму бумагу, нумерацию страниц, держала страницы против света в поисках водяных знаков, выясняла, нет ли непроноумерованных листов, изучала загнутые уголки, кляксы, которые могли скрыть намек на что-то, рисунки на полях, записи на

форзаце, проверяла переплеты и корешки, вообще занималась тем, что нельзя было увидеть на копиях или микрофильмах.

Поначалу она была возбуждена и находилась в эйфории усердия. Но по мере того как шли часы и дни, оптимизм исчезал. А когда она вчера взяла в руки последнюю из полученных книг и по окончании работы отложила, ничего не обнаружив, ее настроение упало. Она почувствовала усталость, вину перед детьми, желание поехать домой. Последние дни были потрачены зря. Возможность познакомиться, понюхать, подружиться с ценными материалами — бумагами, которых касалась рука Ньютона, на которых ученый, абсолютно точно, писал сам — дарили замечательное ощущение. Но потратить зря четыре дня, а теперь уже и пятый день без явного результата означало швырять на ветер деньги издательства. Не говоря уж о том, что она могла провести эту неделю со своими детьми.

Тексты, посвященные алхимии, оказались особенно трудными для чтения — она по-прежнему мало что в них понимала. Она знала об этом и раньше, но теперь выяснилось, что глупая идея, будто, увидев оригиналы текстов, она сразу все постигнет, явно не сработала. Загадочные тексты оставались зашифрованными, с глубинами, о существовании которых она подозревала, но в которые не могла проникнуть. Ей нужно было лучше учить уроки по этому предмету, поняла она.

Тем не менее она решила потратить свой последний день на то, чтобы еще раз просмотреть специально отобранные книги, а именно те, которые имели твердую обложку. Завтра, что бы ни случилось, она отправится домой, поэтому начинать любую другую работу было слишком поздно.

Она закончила просматривать записки Ньютона и положила том в коробку. Взяла с подоконника другую коробку. Открыла ее медленно; подробнейшие записи 1689 года описывали опыты из области алхимии. Там были диаграммы, показывающие поведение металлов и других веществ во время разного рода процессов, краткие выводы, а также идеи для следующих экспериментов, которые Ньютон предполагал провести. Текст был в основном на латинском языке, всё с использованием соответствующей терминологии, многих значков и символов. Символы доставляли ей особенно много хлопот. Истолковать их — например то, что кружок с точкой внутри обозначал золото, — было всего лишь вершиной айсберга. Кроме химического толкования, было еще и чисто астрономическое — кружок с точкой был также знаком солнца — и еще понятие, связанное с алхимией и астрологией, не говоря уже о том, какие последствия этот знак имел для алхимии и мифологии. И все это было чем-то таким, что она воспринимала только как неясные контуры. Она подумала, что понять реальную глубину текстов было столь же трудно, как разобраться в написанном на китайском языке источнике о таоизме.

Она беспомощно смотрела на текст из двух страниц с большим количеством таких символов, стоявших в одиночку или вместе с другими. С безнадежным вздохом она листала дальше, потом взяла книгу, как это часто делала, когда секретарша уходила к хранителю или была чем-то еще отвлечена, за обе обложки и подержала ее, как птицу за крылья, с опустившимися вниз страницами. Она внимательно изучила симметричность корешка, наклон страниц, посмотрела, не торчит ли что-нибудь, нет ли чего-нибудь необычно-

го. Так она делала с самого первого дня и все время ждала, что камера разоблачит ее и будет поднят указующий перст секретарши. Но ни хранитель, ни секретарша ничего не говорили. Так что камера, возможно, была фальшивкой, пустым ящиком, предназначенным только для того, чтобы внушить страх.

Под большим пальцем правой руки она почувствовала небольшое утолщение, находившееся на задней стороне обложки. Май-Бритт подвесила книгу в руках в направлении света, идущего от окна, наивно надеясь, что что-то вылетит. Хотя она прекрасно понимала, что эксперты, исследователи, реставраторы, переплетчики и многие другие уже перелистывали эти страницы десятки раз, также испытывая жгучее желание обнаружить какой-нибудь сюрприз. Сделать открытие. Май-Бритт неосознанно гладила большим пальцем по возвышению. Отложив книгу, она подумала, не перейти ли к следующей, как вдруг испуганно вздрогнула. Что такое под ее пальцем? Она быстро вернулась к задней обложке, провела более чувствительным указательным пальцем по бумаге и закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Есть! Там что-то есть! Она посмотрела на грубый коричневый картон. Ничего не видно. Спина скрывала Май-Бритт от исследовательницы, сидевшей за ней. Она наклонилась, стала поворачивать обложку под разными углами к свету и обнаружила тонкую, почти незаметную полоску близко от корешка. Секретарша, покашливая, говорила что-то в комнате хранителя. Май-Бритт осторожно отогнула рукав выше ладони, из-за ремешка часов вынула пинцет и вставила его в полоску, которая раздвинулась и превратилась в щель, а в ней показался край сложенной белой бумаги.

ГЛАВА 54

— Господь нас не осудит,— сказала Китти.

Эвен хмыкнул.

— В таком случае ты как христианка можешь делать все, что хочешь. Ты уже спасена.

— Нет, Господь, конечно, наблюдает за нами, оценивает нас и знает о наших грехах. Он взвешивает их на своих весах.

Они просидели в кафе почти до ночи, продолжая разговор за чашками кофе и чая, прерываясь только для того, чтобы сходить в туалет. Споров было столько, что время пролетело незаметно. Теперь они шли к машине, завернули за угол и очутились на узкой улочке, где стоял «Фольксваген».

— В последний день, когда Господь будет судить живых и мертвых, положение весов покажет, в какую сторону нам идти. Фильм совсем не был гротесковым, как ты говоришь, он показал всего лишь размер вины человека, за который Иисус должен был заплатить своими страданиями,— сказала Китти и страстно замахала рукой.— Иисус — Сын Божий, его распяли ради нашего спасения. Это и есть ядро Нового Завета. Этого ты не можешь игнорировать.

— Разве не важнее, чтобы нас судили, пока мы можем раскаяться, может быть, изменить себя к лучшему? — сказал Эвен. Они подошли к машине, он опустил руку в карман в поисках ключей.

— Да,— пылко сказала Китти,— конечно, важно, чтобы мы стали лучше, но воля и суд Господа...

— Брось трепаться, отдай ключи!

Они замерли, Эвен вставлял ключ в дверцу. Из-за машины появились два двадцатилетних парня и встали, закрыв путь к отступлению с этой стороны. Один размахивал бейсбольной битой, второй держал в левой руке нож, потом со смехом перекинул его в правую. Сзади Эвена раздался какой-то звук, он обернулся и как раз успел рукой отбить удар по лицу. Рука несколько секунд беспомощно висела, и Эвен выругался. Нападавший отскочил, попрыгал на месте и приготовился к новой атаке. Эвен увидел, что это была худенькая девушка-подросток, а рядом с ней стоял мужик, огромный, как бык, в радостном предвкушении потиравший о футболку свои лапищи. Эвен покосился. Двое впереди, двое сзади, хорошо подготовленная ловушка.

— На каждого по паре! — выкрикнула Китти и с криком бросилась на парня с битой.

Эвен этому так удивился, что пропустил удар девушки, который пришелся ему в ухо. Он отскочил, ударился о машину и решил следовать тактике Китти. Как бы обезумев от боли, он отскочил, приблизился к амбалу, чуть не споткнулся, ударил мужика головой в нос, а коленом в живот. Тот завопил, а получив еще пару ударов по почкам, бросился бежать, весь изогнувшись и прижав руки к сломанному носу, из которого текла кровь. Нисколько не расстроившись из-за того, что она осталась одна против Эвена, девушка снова напала на него и сильно пнула. Он успел обхватить ее ногу, она потеряла равновесие и брякнулась об асфальт. Некоторое время она беспомощно лежала на спине, так что он мог бы ее пинать, топтать, сесть верхом и превратить хоть в бифштекс, но он только растерянно остановился и смотрел, как она вертится, потом поднимается. Эвен услышал громкий крик сзади

и краем глаза увидел, как один из парней бросил свою битую и, закрывая пах руками, побежал, шатаясь. Этот эпизод стоил Эвену дорого: девушка лягнула его ногой, и он упал на асфальт, сильно ударив плечо. Он застонал и откатился, чтобы избавиться от ударов, которые, как он знал, сейчас последуют.

Китти, как фурия, набросилась на девушку, пнула ее в живот и ударила битой по голове. Девушка повернулась и кинулась бежать. Китти бросила в нее битую, но не попала.

— Осторожно! — крикнула Китти и показала рукой.

За спиной Эвена парень с ножом в руке пытался вытащить ключ из дверцы, Эвен подбежал и оттолкнул его. Парень стал бешено размахивать ножом, Эвен отскочил, кровь лилась прямо в глаза, он пытался стереть ее, чтобы увидеть хоть что-нибудь.

— Он — мой, — Китти прыгнула между ними, подобрала с земли камень, подняла его над головой. Взгляд парня был направлен на руку и камень, поэтому он, конечно, не заметил ноги. Удар пришелся прямо в пах и был такой силы, что почти поднял парня в воздух. Китти подошла к нему, пока он с воплями извивался на земле, спокойно поставила каблук на руку и надавила. Эвен услышал хрустящий звук костей и нарастающий вой парня.

— Ты за рулем, — просипел Эвен и сел на место пассажира. Он съезжился на сиденье, а Китти завела машину и выехала на улицу. — Смотри, — крикнул Эвен и показал на девушку, которая вдруг появилась с большой палкой в руке. Китти направила машину прямо на девушку, и та в испуге отскочила.

— Какого черта ты не прикончил эту суку, когда у тебя был шанс! — крикнула Китти и выехала на главную

улицу прямо перед носом микроавтобуса, который принялся сигналить, как безумный.

— Замолчи и поезжай,— простонал Эвен и схватился за виски.

Китти ехала по направлению к дороге Е6 и Несоддену, не спросив, не хочется ли Эвену домой. Ну и отлично, все к черту, в данный момент ему было на все наплевать.

Как-то совершенно неожиданно они оказались около ее дома, и он решил, что засыпал или терял сознание. С жуткой головной болью он выполз из машины и пошел за Китти в дом.

— Ложись на диван,— сказала она и вернулась с антисептиком и пластырем, а еще с обезболивающим. Она осторожно, профессиональными движениями подвигала его челюсть, ощупала череп.— Трещин нет,— констатировала она.— Прими обезболивающее, сразу почувствуешь облегчение. Но не засыпай, пока мы точно не будем знать, что сотрясения мозга нет.

Она очистила рану на лбу от крови и объявила, что все не так уж плохо. Рана поверхностная, но синяк под глазом гарантирован.

— Прекрасно,— пробормотал Эвен.— Чудесный вечерок. Сначала фильм с массой кетчупа, самый лучший из всех фильмов с кетчупом, а потом меня избивают, в самый первый раз с тех пор, как я убежал из дома сто двадцать лет тому назад.

— За это сегодня ночью ты будешь заниматься со мной любовью,— сказала Китти и помогла ему сесть.— И нечего изображать из себя несчастного. Я терпеть не могу плакс.

— Ой, замолчи,— пробурчал Эвен. Она ведь могла отвезти его домой, если не хотела его слушать.— А чем

это ты на самом деле, черт побери, занимаешься? — сказал он вдруг. — Ты словно с ума сошла, била и дралась, как я двадцать лет назад. Имешь черный пояс в кун-фу или в чем-то похожем?

— Лежи спокойно, — сказала Китти и наложила на рану пластырь. — Один тренер в нашей школе имеет черный пояс карате. Он дал нам несколько уроков, и я тренировалась с ним. У меня нет пояса, ни желтого, ни лилового, никакого другого из цветов радуги, но я понимаю некоторые вещи.

— Например?

— Н-ну, что мужчины часто забывают защитить самое слабое место.

— Ой, ты так думаешь?.. — с иронией сказал Эвен и дотронулся до головы.

— Нет, не голову, другое место.

Эвен почувствовал сильную тошноту и головокружение, мозг работать отказывался.

— Идем, надо прогуляться, тебе нужен воздух и движение, — Китти осторожно подняла его с дивана и вывела из дому. Она обняла его за талию, и они медленно пошли к морю. На свежем воздухе голова сразу же стала легче на пару кило.

— Я никогда не бью женщин, — сказал Эвен.

— Что это значит? — Китти остановилась и смущенно посмотрела на него.

— Ты спросила, почему я не бил девушку, которая напала на меня. Я не могу. — Китти обняла его, и они пошли, как старые супруги, в сторону лодки. — После того как моя мать умерла... — Эвен похлопал себя по карманам в надежде найти курево, хотя и знал, что искать бесполезно.

— Хочешь, поплаваем на лодке? — спросила Китти. — Весла лежат в лодке. Я живу в краях, где не воруют.

Вместо ответа Эвен подтолкнул лодку к воде. Китти отвязала лодку и сама прыгнула в нее. Эвен последовал за ней и сел на корму.

— Я не хочу, черт меня возьми, быть похожим на эту свинью,— ответил он негромко и потрогал себя за ухо. Он вдруг почувствовал, что может потерять сознание.— Мне хочется воспротивиться и закону, и Ньютону, и забрать его наследство в могилу, чертовски хочется.— Китти смотрела на него, ничего не говоря, гребла; лодка скользила по тихой воде.— Забрать наследство с собой в могилу,— повторил он, как будто это была клятва.

Китти отложила весла, проверила линь и опустила в воду якорек.

— Иди сюда,— сказала она и похлопала по носовой части.— Здесь можно полежать.

Она взяла несколько деревянных пластин, положила их в передней части лодки, получилась основа для широкой постели. Потом вытащила одеяло, разложила его, легла на спину и стала смотреть на звездное небо.

Эвен тоже лег, но очень осторожно, от резких движений голова превращалась в пневматический молот. Он смотрел в темноту.

Здесь на воде, где не мешали огни города, небо было грандиозным — бескрайний ковер звездного рисунка. Эвен снова вспомнил Май и поездки в хижину в Рендаллене. Много ночей они провели, сидя на горке около хижины и глядя на небесный свод, называли планеты и созвездия. Такие вещи больше любила Май. Он знал теорию, цифровые данные, она находила звезды, показывала, что прячется за его числами. Но он учился.

Он нашел Малую Медведицу и «Тележку Карлсберга» (он всегда представлял себе, что Тор и Один развози-

ли в своих тележках датское пиво)¹, и созвездие Дракона между ними. И еще скопление звезд на окраине Млечного Пути, его название он никогда не мог запомнить... Кассиопея? Он проследил прямую линию от Полярной звезды, мимо Мизара (он знал, что в действительности это две звезды) к Большой Медведице и вниз на восток к Спице, одной из самых жарких звезд на небе.

— Когда-то давно я хотел стать астрономом, — тихо сказал он. — Мне было семнадцать. Я лежал на крыше дома, который мы захватили, смотрел на скопление звезд и думал, что учитель прав. Верно, звезд так бесконечно много, что сосчитать их нельзя — столько же, сколько песчинок на пляже. Я не поверил, когда он сказал это. Мне показалось пустой фразой, педагогической уловкой, чтобы мы могли лучше понять непостижимое, сравнение чего-то одного нереального с другим нереальным. Но когда я лежал там, на крыше, наверняка окосевший от какой-нибудь дряни, то бесконечность вдруг дошла до меня. Всю ночь я лежал и тарашил глаза в вечность и обдумывал такое, что мне до этого обдумывать не приходилось.

— Что, например? — тихо спросила Китти.

— Н-ну, о Рёмере, который использовал солнечное затмение на одном из спутников Юпитера, чтобы вычислить скорость света. Об эллипсах Кеплера, о безумном числе 600 миллионов тонн... Именно в эту ночь я вдруг понял уравнение третьей степени. Не то чтобы я

---

¹ Созвездие Большая Медведица по-норвежски называется *Karlsvogna*, что буквально значит «тележка Карла», герой воспринимает это название как *Carlsbergvogna* «тележка Карлсберга» по названию известной датской пивоваренной фирмы. Тор и Один — древнескандинавские боги, которые ездили по небу в тележках, запряженных козлами.

не умел вычислять уравнения третьей степени до того момента, но они вдруг стали для меня чем-то само собой разумеющимся, частью Вселенной. И я почувствовал себя готовым продолжать исследования в области математики, как будто на меня сошло познание, как будто я пересек важную границу,— Эвен замолк, словно сказав какую-то глупость. Китти нащупала в темноте его руку.

— 600 миллионов тонн?..

— Э-э... Это количество водорода, которое солнце сжигает за одну секунду.

— О-о... Да, это безумие.

Они долго молчали, не шевелясь. Китти поднялась на локте и посмотрела вниз на Эвена.— Ты спишь? Я не вижу тебя в темноте.

— Я вспоминаю историю, которую мне рассказал английский коллега,— сказал Эвен.— О тебе и обо мне.

— Вот как?

— Да, об одном враче и математике. Они были в отпуске в Шотландии вместе еще с одним другом, астрономом. Пересекая границу, они выглянули в окно и увидели на пастбище черную овцу. «Как странно,— сказал астроном,— овцы в Шотландии черные».— Эвен засмеялся, эту реплику он любил больше всего.— Тогда врач фыркнул и сказал: «Какой вздор. Мы видим, что *некоторые* шотландские овцы черные». От этих слов математик закатил глаза и констатировал: «Все, что мы знаем,— это то, что в Шотландии есть по меньшей мере одно пастбище, на котором есть по меньшей мере одна овца, черная по меньшей мере с одной стороны. Ничего другого мы *не знаем*».

Китти от всего сердца рассмеялась, и Эвен подумал, что живущие на берегу в эту ночь будут засыпать под приятную музыку: плеск волн и смех.

— Твои родители еще живы? — спросил он.

— И да и нет. Мама умерла восемь лет назад от рака за неделю до того, как выйти на пенсию. У отца был удар несколько лет назад. Живет в доме для престарелых, за ним хорошо ухаживают. — Она посмотрела в ночь. — Жив.

— Чем он занимался, твой отец?

— Был армейским офицером, полковником.

Эвен хмыкнул, и Китти оскорбленно спросила:

— Что тут плохого?

— Ничего. Но такие люди почему-то думают, что униформа позволяет им манипулировать другими, что они избранные, властители. Но... — Он попытался успокоиться. — Хуже всех полицейские.

— Какого рожна тебе надо, — раздраженно воскликнула Китти. — Один полицейский скушал твою конфетку, и ты думаешь, что ты имеешь право пинать их все время?

Эвен посмотрел на Полярную звезду. Сколько раз он имел желание улететь на ракете в космическое пространство!

— Разве я не говорил, — тихо сказал он, — что мой отец был полицейским? Мне кажется, говорил. Одним из тех, кто должен защищать других людей.

Китти не ответила.

— Да, должен.

ГЛАВА 55

Эвен проснулся со страшной головной болью. Китти в большой пижаме спала, упиравшись в его живот. Они не занимались любовью, оба были и не в настроении, и не в форме. Эвен обнаружил, что Китти получила удар

битой по бедру, из-за синяка она могла лежать только на правом боку.

Он осторожно выполз из постели и на цыпочках отправился на кухню. Нашел там таблетку обезболивающего, запил водой. Потом оделся, написал на листке бумаги: «Счастливого пути!» — и вышел к «Фольксвагену».

Мелкий дождь оседал на красный лак, собирался в капельки, которые медленно стекали, миллиметр за миллиметром, по выгнутым стеклам. У заправки Эвен остановился и наполнил бак, купил школьную булочку и чашку кофе — девушка за стойкой тактично избегала смотреть на его разбитое лицо, — потом в машине поел и поехал дальше.

Десять минут десятого он вошел в почтовую контору Вика и понял, что ошибся дверью. Отдел абонентских ящиков находился за углом, первая дверь направо. Он вышел, повернул направо и прошел через зал, облицованный мрамором, как принято у них здесь, на западе; прошел мимо лифтов и лестницы, вошел в дверь, кивнул почтовому служащему, или «консультанту», судя по табличке над стойкой, и подошел к отделу абонентских ящиков. Их было много, стенка вертикальных и горизонтальных рядов растягивалась метров на пятнадцать-двадцать, а потом заворачивала за угол. Ящики были выкрашены синим, а он-то всегда думал, что почта любит красный цвет. Он медленно пошел вдоль бесконечных однообразных рядов, всматриваясь в номера. Все синее, как небо перед бурей, подумал он и вынул маленький ключ. «1277» — написано направо от него. Потом «1380» и «1498». Белые цифры над замком. Уже скоро. Остановился в дальнем углу. Числа от 1600 и дальше следовали по прямой линии, как четырехугольные облачка на том небе, о котором мечтают матема-

тики. «1649» написано на самом верху. Он замедлил шаг, держа перед собой ключ, как меч; остановился у одного из самых нижних, вот и «1642», замер. Он не был уверен, что хочет делать следующий шаг.

Может быть, он слишком любил Май, стал безумным из-за нее? Ее не было, и он не сделает ее снова живой. Он думал об этом еще раньше, перед тем как заснуть. Лежал, слушая, как ровно дышит Китти ему в затылок, ощущал ее руку на своей груди. Ему надо было жить дальше той жизнью, которая начинала приобретать смысл; двигаться вперед, а для этого нужно оставить прошлое, забыть его.

«1642». Цифры на табличке были изящной формы, большие, отчетливые. Год рождения Ньютона. Сумма цифр, входящих в число, равна 13, это его число. Вообще-то его число 4, но... Он вставил ключ — знал, что если сейчас не выяснит, что именно хотела ему сообщить Май, то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

В ящике лежал пакет коричневого цвета. Заклеен коричневой лентой, на белом листке с адресом было написано, что пакет адресован Май-Бритт Фоссен на абонентский ящик 1642, N-0119 Вика. Марки и почтовые штемпеля свидетельствовали, что пакет отправлен из Осло. Эвен взял пакет, запер ящик и ушел.

ГЛАВА 56

По дороге домой он остановился и купил упаковку с шестью банками пива и пачку шоколадного печенья — ему вдруг захотелось сладенького, как будто сладкое успокаивает. Он чувствовал большее волнение, чем в

Лондоне, хотя и не мог понять, почему. Может быть, из-за множества вопросов, которые крутились в голове. Что переправлялось раньше: пакет в Лондон или пакет в абонентский ящик? По почтовому штемпелю он определил, что пакет был отправлен в сентябре. Почему она не переправила все в одно место? Потому, что хотела свести к минимуму шансы, что что-то попадет в чужие руки? Уменьшить риск? Может быть, этот пакет содержал две недостающие страницы из формулы Ньютона?

Он остановился перед своим домом, вошел и хотел положить пакет на стол, как вдруг замер. Что-то было не так. Он медленно повернулся и осмотрел комнату, потом подошел к дивану и сдвинул подушку. Со вздохом облегчения он увидел нетронутый конверт с формулой Ньютона. Включил свет, вернулся к письменному столу и наклонился, чтобы посмотреть на край листа бумаги. Никаких сомнений — кто-то побывал в доме. Или находится в нем сейчас.

Он медленно пошел на кухню и взял в руку самый большой хлебный нож. Держа его в руках, как оружие, он прошел по всем помещениям дома и проверил каждый уголок. Никого. Задняя дверь предоставила ответ на вопрос, как посторонний проник в дом. Красивое круглое кольцо вырисовывалось на стекле рядом с защелкой. Некто использовал алмазный резец, держа стекло наверняка присоской, потом удалил вырезанное стекло, сунул руку и отодвинул защелку. Уходя, он вставил стекло на старое место и закрепил липкой лентой. Работа профессионала. Если бы Эвен не увидел, что предметы трогали, он мог бы даже не сразу заметить, что кто-то поработал над дверью.

Эвен тщательно изучил весь дом, сначала чтобы посмотреть, не исчезло ли что-нибудь, а потом — что-

бы проверить, не трогали ли электрические приборы, не поставили ли подслушивающие устройства, не сделали ли что-нибудь такое, что в будущем могло доставить ему неприятности. Он ничего не нашел. Ничего не было, или же он как дилетант в таких делах попросту не знал, на что обращать внимание?

Он беспомощно стоял с мобильным телефоном в руке, взвешивал «за» и «против».

— Сделаю,— пробормотал он наконец и набрал номер, о котором ему было сказано, что записывать нельзя его ни при каких обстоятельствах. Он открыл заднюю дверь и вышел в сад, почувствовав себя дураком, когда забрался в самый дальний угол и встал среди кустов красной смородины.

Трубку сняла женщина, Эвен спросил Яна Юхансена.

— Подполковника Юхансена?

— Да.

— Минутку.

Мужской голос сказал доброжелательно:

— Алло.

Эвен представился:

— Я — профессор университета в Осло и контактировал с военной разведкой и вашим отделением восемь-девять лет назад по поводу новой системы шифровки, которую разрабатывал. Я большей частью имел дело с Даль-Хансеном.

— Да-да, я помню,— перебил Юхансен.— Даль-Хансен вышел на пенсию. У вас есть новые идеи для нас?

— Нет,— сказал Эвен и помассировал нос между глаз.— При устройстве к вам на работу я подписал секретный документ о соблюдении тайн, был торжественно ознакомлен с параграфом об измене родине или, как там это называется, и узнал, какие обязательства

вытекают из такой секретной работы. Я, судя по всему, единственный человек вне военной системы, кто знает, какую систему шифровки вы используете, поэтому вы, естественно, заинтересованы, чтобы я понимал, насколько это серьезно. Но...— Он выдержал небольшую паузу, чтобы убедиться, что его собеседник внимательно слушает.— Вы меня проинструктировали, чтобы я обращался к вам, если почувствую, что за мной следят, или мне угрожают, или возникнет другая ситуация, в которой наши общие секреты окажутся под угрозой разоблачения.

— Где вы сейчас? — голос потерял оттенок приветливости.

— Дома. Но не торопитесь с действиями. Единственное, что я хочу,— чтобы кто-то приехал сюда и подтвердил, что мой дом не подвергся прослушиванию. Здесь был взлом, но ничто не украдено, насколько я могу судить. Поэтому я хочу узнать, не были ли здесь эти люди для того, чтобы установить подслушивающую аппаратуру.

— Хорошо. Оставайтесь дома, пока к вам не придет наш человек. Он приедет на грузовичке водопроводной фирмы и назовет себя Финн Поулсен. Через час.

Эвен поблагодарил и выключил телефон. Он стоял и смотрел в соседский огород, который был в идеальном порядке, с выложенными плиткой дорожками между посадками. Теперь он сомневался, нужно ли было звонить Юхансену. Потом вошел в дом, позвонил в банк и договорился о визите к ним.

Только проделав все это, он сел к столу и вынул из ящика письменного стола нож. Осторожно разрезал ленту и сделал широкое отверстие с одного конца пакета так, чтобы можно было высыпать содержимое.

Тетрадь, несколько дискет и много листов бумаги неохотно стали выпадать из пакета, как будто им всем было стыдно, и они боялись яркого света комнаты.

«Рабочая тетрадь „Проекта Ньютон“» — так было написано на обложке почерком Май. Он полистал и увидел, что это был дневник, начатый 5 апреля 2004 года — год назад, — который рассказывал о работе над книгой о Ньютоне, об этом он уже читал раньше. Поверх кипы бумаг лежал обзор всего написанного, более подробный, чем предыдущий, что могло означать, что он был послан позже, чем конверт, переданный через Китти. Текст, который Май назвала «Тайна Первая» был совершенно такой же, как и прочитанный Эвеном раньше. Дальше лежал текст с названием «Тайна Вторая» с подзаголовком «Бог — это всё».

Эвен хотел сразу приняться за чтение, но решил сначала посмотреть остальное содержимое пакета. Там оказалось:

- две дискеты; на одной написано «Тайная жизнь Ньютона», на другой — «Заметки»;

- двадцать три страницы рукописных заметок, те, которые он видел раньше, и новые;

- тридцать две страницы ксерокопий из тетрадей Ньютона;

- шесть страниц копий из книг о Ньютоне;

- одна страничка с зашифрованным сообщением в одну строку в середине страницы;

- пятнадцать страниц с подробными объяснениями Май о том, что она использует в исторической части книги, а что — в беллетристической;

- две страницы с латинскими словами в алфавитном порядке и их переводом на норвежский язык;

- три страницы — список слов разного рода;

— копия прошения в библиотеку Королевского колледжа в Кембридже с просьбой о выдаче оригиналов некоторых записей (прикреплен оригинал ответа с печатью и подписью, что разрешение выдано).

Эвен вскинул брови. По-видимому, Май произвела хорошее впечатление, потому что такое разрешение давалось крайне редко. Во время работы над докторской диссертацией он сам обращался в университетскую библиотеку с просьбой разрешить ему ознакомиться с оригиналами восьми тетрадей Ньютона того времени, когда он работал над «Принципами», но получил однозначный отказ. Он не мог представить себе, чтобы в библиотеке Королевского колледжа ограничений было меньше.

Бегло ознакомившись со всеми бумагами, он принес из холодильника пиво, взял текст под названием «Тайна Вторая», удобно устроился на диване и стал читать.

ГЛАВА 57

Тайна Вторая

БОГ — ЭТО ВСЁ, ИЛИ КВАДРАТУРА КРУГА

*Тринити-колледж, Кембридж, Англия
Октябрь 1666 года*

Ю

ный студент сидел, углубившись в свои записи. Дело было вечером, огоньки света бросали беспокойные тени на страницы, где он писал один ряд букв за другим. Они были повторением пяти согласных и четырех гласных, но все время в новых сочетаниях.

— Есть проблема, это проблема с W, Уиккинз,— вздохнул он.— Я не могу создать анаграмму, которая звучит красиво и что-то рассказывает о владельце, очень мешает это W.

Не получив ответа, он посмотрел через плечо на однокашника. Тот сидел на стуле с толстой книгой, прижатой к груди, рот открыт, глаза закрыты.

Студент посмотрел на свое имя: ISAAC NEWTON — и еще раз вздохнул. Несколько вариантов кодовой передачи этого имени в форме анаграммы написаны на странице, но ни один из них не мог его полностью удовлетворить. «Может быть, попробовать латынь, пробормотал он и написал: ISAAC NEUUTONUS».

В комнате стало тихо, слышно было равномерное дыхание однокашника и скрипение пера о бумагу. Периодические вздохи Ньютона продолжались, а сам он, склонившись над конторкой, пытался умерить свое пылкое воображение. Вдруг его узкие плечи напряглись, перо задвигалось быстро, послышался торжествующий шепот: «...одно, два U, затем одно V, два N, I — это все равно что J, одно лишнее S, хмм...» Наконец, он откинулся на стуле и довольно заулыбался, глядя на бумагу. Там было написано: JEOVA SANCTUS UNUS.

— Бог Святой един,— произнес он в пространство.— Такое кодовое имя иметь не стыдно.

*Тринити-колледж, Кембридж, Англия
Февраль 1675 года*

— ...И я должен напомнить господам, что прошло уже соответственно пять и шесть лет с тех пор, как вы получили степень магистра и подписались, что принимаете 39 пунктов веры в англиканскую церковь.

Эфор¹ Уортманн многозначительно посмотрел на каждого из гостей и, судя по выражению лица, приготовился начать еще одно увещевание. Ньютон немного склонился набок, чтобы планета Марс нашла на лоб эфора в качестве символа воинственного настроения чиновника. На отполированной латунной пластинке, стоявшей на столе эфора, была изображена Большая схема *Mundus Ptolemaei*². Пять красивых круглых орбит планет вокруг Земли и Солнце в особой, более крупной орбите в качестве прислужника Земли — были безвкусным позорным примером того, как наука во времена Птолемея вынужденно подчинялась заранее заданным человеческим взглядам. Но эта схема прекрасно подходила к письменному столу эфора, этого жеманного невежды, который какое-то время тому назад даже положительно высказался об Антихристе и еще сказал, что поездка в Рим, гнездо греха, должна быть частью воспитания всякого христианского интеллектуала. Гримаса боли прошла по лицу эфора, он со слабым стоном наклонился к письменному столу, потом выпрямился и вытер лоб платком. С виноватым видом он посмотрел на профессоров, которых сам вызвал, и собрался продолжить.

Профессор Эстон упредил его:

— У вас проблемы с желудком, дорогой эфор? — Он спрашивал очень дружелюбно.

Эфор слабо кивнул и скорчился, гости услышали журчание во внутренних органах эфора, затем по комнате распространился запах тухлых яиц. Эфор побледнел, вскочил с выражением испуга на вялом толстом лице и выбежал из комнаты с рукой на пояснице.

---

¹ Администратор в университете.

² Мир Птолемея (лат.) — С точки зрения античного астронома Птолемея, центром Вселенной была Земля.

— Я думаю, что дух природы снизошел на него, и внутренние силы увлекают, — заметил с улыбкой Эстон.

Ньютон избегал комментировать безвкусные афоризмы друга, это могло провоцировать его на продолжение.

Когда эфор Уортманн вернулся и сел за стол, Эстон откашлялся.

— Муж моей сестры работает ассистентом у лекаря короля, он без особого шума нашел лекарство от поноса, от *Diarea explosive*, как он это называет. Рецепт понравился лекарю и его величеству королю.

Эфор посмотрел на профессора с блеском надежды во взгляде.

— Да, берут яйцо и варят его вкрутую, это значит, от восьми до десяти минут. Затем удаляют скорлупу и направляют острым концом в сторону фундамента.

На лбу эфора появились морщины.

— Фундамента?

— Да, прямой кишки, — а если эфор предпочитает простонародное выражение, можно сказать задница. Итак, надо вставить яйцо в анус, прямую кишку, или как вы ещё желаете назвать это, господин Уортманн, у любимого дитяти много имен. Когда это яйцо остывает, берут новое и повторяют процедуру. Так надо делать, пока живот не успокоится. — Эстон с улыбкой откинулся на стуле. — Король, как я уже сказал, нашел рецепт превосходным. — Он немного помолчал. — А что касается посвящения в сан, то я должен сказать, что для меня не представляет интереса носить облачение священника или какое-то другое, но я могу прийти и сварить для эфора яйца, если он этого пожелает.

Эфор скосился на Эстона, потом перевел взгляд на Ньютона.

— Эфор Уортманн знает,— спокойно сказал Ньютон,— я христианин, как и любой другой, и этого вполне достаточно. Кроме того, я избран Господом для служения науке, должен решать загадки Жизни и показывать человеку логику и взаимосвязь всего сущего в мире.

(Последнее предложение было подчеркнуто карандашом, а на полях почерком Май написано: слишком высокопарно, надо сделать попроще, хотя, по сути дела, Ньютон о себе думает именно так. Эвен согласился.)

— Нет никаких причин для моего посвящения в сан. Я — профессор, который должен работать с более высокими вещами, с математическими истинами, физическими законами, это возвещает величие Господа в гораздо большей степени, чем может дать любая деятельность священника. — Ньютон стал говорить тише и пристально посмотрел на эфора, на лбу которого опять появилась планета Марс. — Позвольте мне сказать прямо и откровенно: если со стороны университета будут повторяться просьбы о моем посвящении в сан, я буду вынужден отказаться от должности профессора.

Эфор Уортманн изумленно поднял голову и немножко подвинулся, чтобы с лица Ньютона исчезло изображение планет.

— Вы так полагаете, господин профессор? — спросил он с недоверием.

— Да,— ответил Ньютон и встал, собираясь уйти.

— ...Вода, которая превращается в вино,— это, конечно, колдовство и жульничество, и господин Иисус Христос долго упражнялся, чтобы оно получилось,— Эстон повернулся и показал на Ньютона винной бутылкой. — Я видел одного парня в Типендейле, который

легко делал это и заставлял людей платить по 10 шиллингов за стакан воды, который он крутил, крутил и крутил. Он плясал и размахивал стаканом, потом, наконец, показывал его зрителям и давал попробовать. И я вас уверяю, все это видели и подтверждали, что вода стала вином. Никто не видел, что он подменил стакан, пока крутился, размахивая плащом, — жожик и будьте любезны. А излечение больных Иисусом — по моему мнению, комедия, о которой договорились заранее; друзья притворялись слепыми и всякими такими. — Эстон нахмурился, увидев, что вина в бутылке осталось совсем чуть-чуть на доньшке. — А уж непорочное зачатие — это на самом деле... то, что называется *pia fraus*, божественный обман. Шарлатанство гигантского размера, такое трудно... да нет — невозможно разоблачить. Как ты думаешь, можно вшить девственную плеву в Деву Марию после того, как она и какой-то мужчина... — Фрэнсис Эстон выпил, бутылка совсем опустела, он икнул. — И только Воскресение Христа — какое-то нелогичное и странное, вот с ним я еще не разобрался, но я работаю. — Он еще раз икнул и покосился на друга. — Я думаю, что на таких небылицах нельзя строить религию.

В комнате был один-единственный подсвечник, который предпринимал безуспешные попытки осветить ее.

— Я не согласен, что эти вещи нелогичны, — серьезно возразил Исаак Ньютон. — Господь велик и может передать свою силу, кому захочет, не в последнюю очередь, если речь идет о его собственном сыне. А вот учение о Троице действительно нелогично, есть ложь и обман. Его сочинили во время церковного собора в Нике в 325 году, сказали: «Три — это один, а один — это три», — так что любой человек, понимающий хотя бы элементарную математическую логику, может увидеть, что это невозможно,

что на этом нельзя строить даже религию. Учение о Троице — настоящее кощунство. Утверждать, что Бог и Иисус — одно и то же существо, — значит утверждать то, что не написано в Библии. Иисус — Сын Божий, был создан Богом, как первое создание на Земле, а это совершенно другое — Ньютон говорил горячо и глаза его блестели, когда он продолжил: — Бог создал вселенную как грандиозную загадку, в центре которой мы, люди, получили возможность жить, и наша задача состоит, конечно, в том, чтобы разрешить загадку жизни. — Печь погасла, и в комнате стало холодно. Продолжая говорить, он встал и принялся ходить, чтобы согреться. — Великое и всеобъемлющее знание, *prisca sapientia*, когда-то раньше было доступно нам, людям, оно существовало при самой первой религии в момент ее возникновения. Но нации уничтожили первую религию, которую можно было найти в землях Моисея и Иезекииля. И чтобы вернуться к ней, мы вынуждены искать знание у древнейших цивилизаций, которые произвели на свет самых знающих людей, когда-либо живших на земле. — Он остановился перед свечой, и тень от него закрыла собеседника. — Идеальное в творении Бога — то, что все сделано с великой простотой. Я избран Богом, чтобы показать всем остальным людям, каким образом созданный мир логически взаимосвязан. В последние годы я изучал Священное Писание, в особенности Откровение Иоанна Богослова, и пришел к выводу, и в этом нет никаких сомнений...

Он отступил в сторону и вдруг увидел распластанное на стуле тело профессора Фрэнсиса Эстона. Из открытого рта доносился слабый храп.

— ...пришел к выводу, что пора спать, — пробормотал Ньютон и вышел из комнаты.

Это парадокс, подумал Эвен. Ньютон был противником Троицы и при этом весь оксфордский период жил в Тринити-колледже, посвященном Троице.

Май внизу страницы написала для себя:

После этого надо изобразить сцену с Ньютоном, изучающим Библию. Он проводит подсчеты того, когда возникла жизнь, когда состоится Второе пришествие Иисуса (сначала — в конце семнадцатого века, потом изменил это на 1948). Сцена может также описывать его внушающие уважение (и наши сомнения?..) расчеты размеров и внешнего облика храма Соломона — и еще то, как он комбинирует размеры храма с высказываниями библейских пророков, в особенности Даниила, приводит их затем к точной хронологии всех цивилизаций прошлого — и идет дальше, к истолкованию событий будущего.

Проблема в том, что мне трудно понимать эти вычисления. Дело не в отсутствии логики с современной точки зрения, а в жонглировании цифрами. Он — гений математики, — а вот я — чего нет, того нет! Я вижу у некоторых авторов, писавших о Ньюtone, что эти обширные и почти до безумия подробные вычисления оказали, по-видимому, влияние на создание теории гравитации, но мои познания в этих областях слишком скромны, чтобы я могла все это оценить. Надо поговорить с Йеллом. Может быть, предложить ему воспользоваться услугами Эвена Вика как консультанта в этой области?

Эвен хмыкнул. Значит, она его вспоминала — Эвена Вика — во время работы над книгой. Он принес еще одну банку пива и сосредоточился на следующей сцене.

Лондон, 17 ноября 1675 года

Густой туман плыл над Темзой, ложился на квартал жилых домов, так что звук цокающих конских копыт и скрипящих телег тонул как в вате. Кучер дрожал от холода, щелкал хлыстом и еще плотнее закутывался в плащ. Он, моргая, смотрел в сторону господских вилл, которые были расположены на возвышении, немного на расстоянии от улицы, и на тех подонков, которые расхаживали там. Вечерняя темнота и туман делали эти дома загадочными, точно у них внутри скрывались тайны, узнать которые можно было только с опасностью для жизни. Кучер вздрогнул от этой мысли и натянул вожжи, когда между деревьями увидел, что две высоко поднятые масляные лампы осветили лестницу.

— Так что, вот, приехали, мистер, — крикнул он и выплюнул жеваный табак между задних ног лошади.

Исаак Ньютон пробурчал что-то в ответ, вышел из экипажа и протянул кучеру монеты, после чего повернулся к дому. Кучер щелкнул хлыстом, и дребезжащий звук экипажа исчез в темноте с такой скоростью, с какой на небе пропадают летящие звезды.

Ньютон глубоко вздохнул и поднялся по четырем ступенькам к двери, по бокам которой стояли две огромные колонны. Он склонился и прочитал. *IAKIN* было написано внизу на одной из них, *BOAS* — на другой. Слуга открыл дверь раньше, чем он успел дотронуться до молотка, и глубоким поклоном приветствовал его. Из глубины появился высокий худощавый господин, который весело поздоровался:

— Мистер Санктус Унус, добро пожаловать в нашу ложу. Рад вас видеть снова. Я давно ожидал этого вечера. У вас все хорошо?

— Добрый вечер, — Ньютон сделал легкий поклон.

Он передал шляпу и плащ слуге и последовал за высоким мужчиной вверх по лестнице, а затем в библиотеку, где ему предложили стул.

— Пришло время, когда мы можем сесть и поговорить за бокалом пива, — сказал мистер Ф. и кивнул слуге, который шел за ними и остановился у двери.

Ньютон хотел возразить, что пить не будет, тем более пиво, но слуга уже ушел.

— Я слышал, что король дал вам разрешение не принимать сана. — Мистер Ф. положил локти на ручки кресла, скрестил пальцы и оперся на них подбородком.

— Да, — подтвердил Ньютон. — Я рад, что этот вопрос разрешился. Я подал прошение в марте и уже в апреле получил ответ. Кроме этого, король предложил, чтобы другие могли избежать посвящения в сан, если они того пожелают.

— Да, я понял, что именно так обстоят дела, — сказал мистер Ф. и слабо улыбнулся. — Таким было предписание досточтимого великого магистра нашего ордена.

Ньютон посмотрел на него с изумлением:

— Предписание?

— У нас есть власть, это надо вам знать, дорогой Санктус Унус. — Он замолчал, потому что слуга принес два бокала пенящегося пива на серебряном подносе.

Мистер Ф. в приветствии поднял бокал, но Ньютон только осторожно пригубил. Он не любил пива, но еще меньше — терять контроль над мыслями и действиями. А в этот вечер он особенно хотел иметь ясную голову.

Мистер Ф. поставил бокал на маленький стол между ними и продолжил:

— Как вы знаете, так называемый *Invisible College*¹ — это группа людей, которые занимаются эзотерическими науками. Мы с вами участвовали во многих дебатах этого «невидимого университета» и знаем, что группа ставит превыше всего Бога Всемогущего и стремление найти *Prisca Sapientia*, Всеобъемлющее знание. Ставит выше своей жизни и собственных амбиций. На основе *Invisible College* тринадцать лет назад было создано *Royal Society*² в качестве видимого и официального центра эмпирических наук и знаний. Наш высокородный божьей милостью правитель с большим вниманием наблюдает за деятельностью Общества и прислушивается к нашим советам с уважением и интересом.

Мистер Ф. с намеком улыбнулся Ньютону и продолжил:

— Его величество по естественным причинам ничего не знает о невидимой части Общества. О нашем стремлении к истине и нашем стремлении реализовать квадратуру круга, узнать саму по себе природу золота. Подобных мыслей, а именно стремление к превращению человека в живой Философский камень, власть имущие боятся и поэтому избегают. Король запретил эзотерические науки и эксперименты алхимиков, поэтому мы можем передвигаться только ночью в тени наших мыслей и трудов.

Мистер Ф. помолчал, обдумывая собственные слова, потом наклонился в кресле и внимательно посмотрел на Ньютона:

— Проблема, тем не менее, существует. Внутри «невидимого университета» есть лица, которые не настроены на то, чтобы держать в тайне наши знания, как

---

¹ Невидимый колледж (англ.).

² Королевское общество (англ.).

это полагается. Вы, мистер Унус, выражали в ваших письмах негодование по поводу мистера Бойля и его несдержанного поведения. Есть несколько человек, которые не совсем поняли глубокий смысл слов *sub rosa*¹.

Мистер Ф. встал, подошел к небольшому столу у окна и что-то взял. Ньютон еще раз пригубил пиво; он чувствовал себя не в своей тарелке, он к этому не привык, ему казалось, что он перемещается в мир, в котором его жизнь подвергается чужому влиянию.

Хозяин вернулся и уселся в кресле. В его руках лежала коричневая ткань.

— Не привлекая ничьего внимания, мы создали ядро из братьев, которые желали абсолютной секретности. Несколько лет назад возник *Fraternitatis Invisibilis*² —

Орден Невидимого Братства. Это орден, в который нельзя обратиться с просьбой о вступлении, потому что никто не знает о его существовании. Это орден, в который приглашают вступить, и большая честь получить такое приглашение. Некоторые из нас, кто имеет высокие должности в Невидимом Братстве, общаются с другими эзотерическими обществами, имеют тесные связи с иностранными орденами.

Мистер Ф. развернул ткань. Это была ряса с большим коричневым капюшоном. На пол упала веревка, и мистер Ф. объяснил, что ею надо подпоясываться.

— Все члены нашего ордена носят такие рясы во время заседаний. Это гарантирует полную нашу анонимность даже внутри братства. Я, как ваш непосредственный начальник, единственный человек, который знает, кто вы. А я единственный человек, которого знаете вы.

---

¹ Под розой (лат.).

² Невидимое Братство (лат.).

Даже Великий Магистр, с которым вы вскоре встретитесь, не будет знать, кто вы. Он будет разговаривать с вами, расспрашивать вас, но вы останетесь невидимым для него, а его капюшон сделает его невидимым для вас.

Ньютон откашлялся и спросил:

— А кому известно, кто такой Великий Магистр?

— Нам — тем, кто находится непосредственно около Великого Магистра. Мне не разрешено рассказывать, сколько таких людей. Но я могу сказать, что мы приобретаем все больше власти, потому что лица, которые поддерживают с нами контакт, и наши члены полностью верны нашему делу, у нас много людей, имеющих должности и звания на самых высоких уровнях в обществе. — Глаза мистера Ф. засверкали, когда он добавил: — Поверьте мне, вы станете членом Братства, которое будет определять будущее Англии.

Раздалось два стука в дверь, затем еще два стука.

Мистер Ф. кивнул и протянул рясу Ньютону.

— Вам нужно надеть на себя вот это, пожалуйста.

Он вышел, а Ньютон остался беспомощно стоять с коричневой рясой в руке. Он медленно надел ее на голову и подождал, пока она опустится к ногам. Она сделала его похожим на монаха. Он взял веревку и обвязал ее вокруг пояса. Капюшон скрыл лицо, так что он видел окружающее словно из тоннеля. Он раздраженно откинул капюшон и подошел к окну. Внизу на улице от дома отъехала и скрылась в тумане карета.

Невидимое братство. В каком-то смысле ему понравилась мысль, что он станет невидимым. Можно сидеть и слушать, свободно выражать свои мысли и при этом как бы не существовать. Но вот не знать, с кем он делится своими знаниями... Ладно, он ведь всегда может уйти из братства, если оно станет ему помехой.

Сзади распахнулась дверь, и с факелом в руке вошел человек, одетый в такую же рясу с капюшоном.

— Опустите капюшон и следуйте за мной, — сказал голос мистера Ф.

Позолоченный жезл указывал направление.

Они прошли по коридору, спустились по лестнице, но не по той, по какой Ньютон поднимался в первый раз; потом был еще один коридор и еще одна лестница. В слабом свете легко можно было потерять ощущение направления и расстояния. Ньютон считал про себя шаги, ступеньки и повороты. Он не знал, как это может пригодиться, но для него это было средство контроля. Мистер Ф. остановился, наконец, перед широкой дубовой дверью, как бы случайно поднял факел, так что он осветил розу, вырезанную над дверью. Ньютон кивнул под капюшоном. *Sub rosa*. Все, что было сказано «под розой», было тайным и доверительным. Мистер Ф. поднял жезл, Ньютон увидел, что вверху на жезле вырезаны голова пеликана и роза. Глаза пеликана горели в свете факела, как маленькие сапфировые звездочки, а в середине розы сверкал большой рубин. Мистер Ф. постучал жезлом по двери и торжественно открыл ее.

Сразу за дверью стояли два факела, которые освещали синюю ковровую дорожку. Она лежала посередине большого зала, в середине по обе стороны стояли стулья с высокими спинками, по двенадцать штук в ряд, в конце дорожка подступала к почетному креслу на возвышении. В этом кресле сидел человек в таком же одеянии, что было и у Ньютона и мистера Ф., если не считать того, что веревка на поясе у него была серебристого цвета. За спиной Великого Магистра горели два факела, а у алтаря рядом с креслом лежала большая книга, освещенная двумя канделябрами. Остальная часть зала была погружена во

тму, тем более непроницаемую, чем дальше находилась она от кресла Великого Магистра. Ньютон не смог определить на глаз размер зала.

Великий Магистр сделал приглашающий жест. Ньютон приблизился с некоторым трепетом и опустился на узкую скамейку возле его ног. Дверь в зал захлопнулась с глухим стуком, как будто они находились в большом каменном мешке. Наступила тишина. Ньютон слышал свое дыхание, кровь стучала в висках. Были ли еще люди в этом зале, сидел ли кто-нибудь вне света факелов и смотрел на него из темноты? Он заставил себя не думать, не бояться, не надеяться, он просто присутствовал здесь и просто ждал.

Вот так они сидели. Молча. Ньютон заметил, что пульс пришел в норму, его дыхание стало частью тишины.

— Высшее Существо есть Всё, Всё есть Высшее Существо, — голос был низкий и приятный. — Нет никакого вечного рубежа между Светом и Тьмой, между Добром и Злом. Во Вселенной есть только одно вещество, одна Душа и один Дух. — Великий Магистр произносил слова, и они эхом отдавались в стенах зала. Ньютону показалось, что он один, что даже мистера Ф. не было, хотя его ухода Ньютон не слышал. Великий Магистр молчал. Ньютон заметил, что за ним наблюдают, оценивают, как какого-нибудь ученика на школьной скамье.

— Вас пригласили в наше Братство, — сказал Великий Магистр обычным голосом. — Если я после этой беседы приму положительное решение, то на следующем заседании вас посвятят в члены Ордена Невидимого Братства.

Ньютон склонил голову в ответ.

— Вы согласны принести клятву на верность ордену? Ньютон кивнул.

— Вы согласны принести клятву о молчании и полном доверии ордену?

Он снова кивнул.

— Вы согласны делиться своим знанием в области эзотерических наук с вашими братьями?

Ньютон помедли немного, потом склонил голову.

Великий Магистр немного помолчал.

— Ваше вступление в Братство означает вступление в вечность. Членство нельзя отозвать, и невозможно порвать с Невидимым Братством после произнесения клятвы.

Ньютон неподвижно сидел на маленькой скамейке.

Великий Магистр немного повысил голос, когда продолжил:

— Нарушить законы ордена — значит разорвать струну жизни.

Наступила тишина, потом он добавил, чтобы убедиться, что Ньютон понял, насколько это серьезно.

— Разрыв с орденом равнозначен смертному приговору.

Ньютон посмотрел через туннель капюшона на алтарь, на раскрытую освещенную книгу, которая лежала там. Он попробовал догадаться, какая это книга, подумал, не преувеличивает ли Великий Магистр. Но он понял, что это не так. Он медленно склонил голову.

ГЛАВА 58

Эвен сидел не шевелясь. Мысли мельтешили в голове, как шары при розыгрыше лотереи. Он не мог разобратся ни в мыслях, ни в ощущениях. И вдруг один шар выкатился из массы других и застыл.

Номер 7, семерка. Вечная верность братству — так сказал Великий Магистр. Это означает, что вечно нужно делиться своими знаниями с невидимыми братьями. Вечно — это очень долго. Для Ньютона, каким его успел узнать Эвен во время своей работы, такое обязательство было невыполнимым. Совсем напротив, он прятал свои открытия годами, не хотел ими делиться ни с кем, просто потому, что никому не доверял. С другой стороны, Ньютон бесспорно имел склонность к тайнам, поэтому в братстве что-то притягивало его.

Номер 2, двойка. Май подкинула ему два следа. Один след шел через пятерку червей в колоде карт к Китти и конверту, а затем приводил в Лондон и к формуле Ньютона.

Второй след шел через пасьянс и абонентский ящик и приводил к этим записям и «Тайне Второй», которую Эвен только что прочитал. Тем самым возникал вопрос, почему она считала необходимым предложить два независимых друг от друга следа?

Номер 31, тридцать один. Какая доля правды и, соответственно, фантазии была в этом тексте? Май в первую очередь являлась историком, и имела ли она основания рассказывать об этом таким образом? О тайном ордене! О том, что Ньютон фанатически относился к религиозным вопросам, его «Я», его самость почти граничила с непристойностью... Эвен вздохнул. Вероятно, так все и было. Он не раз читал о религиозных воззрениях Ньютона, но никогда не задумывался над ними. Не эта сторона личности Ньютона его интересовала.

Номер 13, тринадцать. Нет никакого вечного рубежа между Светом и Тьмой, между Добром и Злом. Зло и Добро. Зло... А это ведь две стороны одного и того же. Эвен увидел точку на полу, где сигарета прожгла

дырку, и почувствовал, как по щеке покатилась слеза. Подумал, до чего чувствительным он стал на старости лет. Быстрым движением смахнул слезу. Зло, по-прежнему Зло. Оно велико, оно по-прежнему похоже на Зло. И оно вечно.

Он принес еще банку пива и открыл ее.

Номер 26, число... Май...

Мысли спутались, он перешел к проигрывателю CD. Покопался в груде дисков, нашел *Beyond borders*¹. Левона Минассяна, который Май подарила Эвену на день рождения, когда ему исполнилось тридцать четыре года.

— Эта музыка напомнит тебе, что ты — человек, — загадочно сказала она, когда он вскрывал пакет. В комнате зазвучали низкие меланхолические звуки дудука. Спокойно и без обиняков они рассказывали о тихих столах земли, о познании жизненных истин, о том, что уже ушло и никогда не вернется, об измене и надежде, о мечте под светом луны, о потере человека, которого любишь. Эвен стал быстро моргать, чтобы не расплакаться, бухнулся на диван и несколькими жадными глотками опустошил банку пива.

Он громко, от всей души захохотал, чтобы разозлить стены и диван, потому что он все-таки нашел дневник Май — «Рабочую тетрадь „Проекта Ньютон“», открыл ее на первой странице и начал читать.

5 апреля 2004 года, Осло

На прошлой неделе имела беседу с Одином Йелмом. Он предложил мне написать книгу об Исааке Ньютоне. Не о великих достижениях ученого в области математики и физики, а о его тайнах...

---

¹ По ту сторону границы (англ.).

ГЛАВА 59

*Осло***—М**

ама будет сидеть здесь, пока ты не заснешь,— прошептала она и почувствовала руку Стига в своей руке.

Как хорошо быть дома, сидеть на краю кровати Стига и слушать доносившееся с другой кровати ровное дыхание Лине.

Лине приняла ее в пятницу с широко открытыми объятиями и тут же стала рассказывать про детский сад и про все остальное так, как будто Май-Бритт отсутствовала только день или два. Стиг же, напротив, избегал ее, то ли стеснялся, то ли сердился — она не совсем могла понять, и позволил ей подойти поближе только вечером, когда она стала укладывать его спать. Лине всегда засыпала через две минуты и не требовала особого внимания, а Стиг лежал с широко открытыми глазами и смотрел на Май-Бритт, провожал ее взглядом до двери, с обидой отворачивался, когда она хотела выключить свет. Тогда она возвращалась и садилась на край кровати. Его рука украдкой подбиралась к ее руке, потом она еще три четверти часа сидела, разговаривала и тихо пела ему, а он смотрел на нее, затем ручонка ослабевала, и он, наконец, засыпал.

Так было и во все последующие вечера: Лине уже сонела носиком, а Стиг и Май-Бритт тихо сидели в полумраке при слабом свете ночника. А когда он засыпал, она часто оставалась еще с ним посидеть, чтобы полностью успокоиться и что-то обдумать.

Сегодня вечером она прихватила свой дневник и, заметив, что Стик прижал к себе мишку и повернулся на бочок, подняла дневник с пола и перелистала до записи, сделанной в четверг на минувшей неделе. Ей надо было подвести итог последним событиям.

26 августа, гостиница «Эранд Хаус», Кембридж

Я нашла листок с секретной записью Ньютона!!! Он лежал в «кармане» обложки его тетради для записей. Я обнаружила листок случайно, почувствовав неровность бумаги. Имеет ли он отношение к «намекам» Пазкара? Немного сомневаюсь, но так даже и лучше, потому что это значит, что никто листка раньше не видел. Я списала текст и положила листок обратно, как будто и не видела. (Моя ошибка, что я так сделала? Я хочу гарантировать, что ни один человек не опередит этой новостью нашу книгу о Ньютоне. Для продажи этот факт будет золотом! Но это временно, я оставляю листок лежать здесь только до момента, когда книга будет готова к выходу...) Буду изучать текст, когда вернусь домой, — текст зашифрован.

Возвращаюсь завтра. В 14.30 встреча с Одином в издательстве по поводу проекта. Он хочет знать, далеко ли я продвинулась. Покажу ему «Тайну Первую». Он хочет выпустить книгу следующей осенью. Оказывается, он слышал, что через два года должна выйти другая книга о Ньютоне. Мне кажется, что публиковать нашу книгу через год слишком рано, в особенности если листок, обнаруженный мной, потребует новых поисков и дополнительной работы.

Она заметила, что от слабого света стали слезиться глаза, и пошла в кабинет. Финн-Эрика дома не было. Он позвонил и сказал, что будет работать допоздна.

Уже в третий раз на этой неделе. Май-Бритт была в сомнении, не намек ли это на то, что во время ее поездок у него накапливалось много работы, и он ее наказывает. Он вел себя довольно странно после ее возвращения, капризничал, как ребенок, это было совсем на него не похоже.

Май-Бритт включила проигрыватель и поставила Шестую симфонию Бетховена в исполнении Лондонского симфонического оркестра, которую купила в Кембридже в магазине подержанных вещей. Она не коллекционировала диски, но если иногда и можно было сказать, что она испытывала страсть к чему-то, так к этому произведению. Оно было позитивным и освобождающим, как детский смех и пение птиц, и ей никогда не надоедала ни сама музыка, ни поиски новых исполнителей: оркестров и дирижеров. Всякий раз она обнаруживала что-нибудь новое и интересное.

Она села в кресло и стала читать дальше.

Пятница 27 августа, дома

Была в издательстве, потом поехала домой. Отношение Одина к тому, что я изложила, самое положительное. Выскажет свое мнение о тексте «Тайны Первой» после выходных.

Выходные она посвятила детям и Финн-Эрику. Даже загадочный листок не стала доставать для изучения. Она заставила себя забыть о нем, чтобы провести время с семьей.

Понедельник 30 августа, Осло

Один считает, что «Тайну» надо подправить, она слишком суха и слишком похожа на исторические части книги. Мне надо снимать очки историка, когда я пе-

рехожу к художественной прозе, говорит он. Предлагает сделать намек на то, что Ньютон нашел философский камень. Мне кажется, что это чересчур, — но я обещала подумать. Кроме этого, он считает, что этот фрагмент надо чем-то закончить, он просто обрывается. Я думаю, что он отражает тот факт, что Ньютон никогда не порывал с алхимией. Ведь после его смерти стали вообще отрицать, что он занимался подобными делами, его биография подвергалась цензуре, часть фактов замалчивалась. Кроме этого, у меня будут еще и другие «Тайны».

Я ничего не сказал Одину о загадочном листке — не знаю, почему, думаю, что он может подождать.

Остаток дня посвятила переработке «Тайны Первой».

Следующие несколько дней она работала дома, пыталась расшифровать листок Ньютона, рано забирала детей из детского сада и проводила с ними много времени.

Май-Бритт нашла в сумке ручку и стала описывать сегодняшний день.

Четверг 2 сентября, дома

Не смогла расшифровать код. Показала Одину новый вариант «Тайны Первой», и он был очень доволен. Я — тоже. Вижу, что теперь стало гораздо живее. Выбросила старый вариант.

Она помедлила, потом добавила еще одну строчку:

*Кто-то был в моем кабинете и копался в бумагах.
Уборщица?*

ГЛАВА 60

9 сентября, дома

Все еще не могу расшифровать сообщение Ньютона на секретной записке. Думаю позвонить Эвену. Этот недотепа расшифровал бы код за пару дней. Но нет, черт побери.

Эвен улыбнулся. Взял стопку бумаг с разными записями и нашел листочек, где было всего две строчки, код Ньютона:

*silibisivnisitatinretarfmuiiguffe
ygoloehtelitnegfosnigiro evenegehpotsirhcnaej*

Взгляд сразу же выделил *guffe*¹ в конце первой строчки, это была шутка — но шутка на норвежском, а Ньютон не знал норвежского языка. Эвен хотел сразу заняться кодом, но решил сначала дочитать дневник и записи. Не исключено, что Май сама добралась до смысла.

Он взял дневник, начал было читать, но вернулся к листку с кодом. Что-то странное было в первой строчке, которая поразила его: *silibisivnisitati*. Ужасно много *i*, практически каждая вторая буква. Это значило, что можно исключить метод постоянной замены одной буквы другой, очень трудно будет найти такую букву, которая повторялась бы так часто. Даже буква *e*, наиболее частотная в английском алфавите, не могла бы употребляться так часто.

---

¹ Гадкая смесь (норв.).

Он положил листок на пол и хотел взяться за дневник, когда раздался звонок в коридоре.

— Минуточку,— крикнул он, сгреб бумаги, дискеты и дневник, закрыл все журналами. Посмотрел вокруг, чтобы удостовериться, что все убрал, и пошел открывать. В дверях стоял тридцатилетний мужчина с огромными усами, одетый в синий комбинезон; он держал в руке ящик с инструментами.

— Финн Поулсен. У вас засорился унитаз, верно? — Усы и акцент его свидетельствовали, что он, несомненно, родом из Трёнделага.

— Да-да,— кивнул Эвен и пошел впереди на кухню.— И еще надо посмотреть кран,— добавил он и почувствовал себя мальчишкой.— Вот здесь воняет и еще капает.— Он махнул в сторону раковины и смущенно засмеялся.

— Хорошо, посмотрим...— Финн Поулсен посмотрел на синяк под глазом.— Попали в драку?

— Наскочил на дверь,— ответил Эвен.

«Водопроводчик» хмыкнул, открыл ящик с инструментами, в нем оказались измерительные аппараты, провода и антенны, все закрепленное на своих местах. Эвену захотелось спросить, для чего они и как будут использоваться, но «водопроводчик» многозначительным взглядом остановил его. Вынул черную коробочку, открыл ее, достал наушники и начал крутить ручки.

— Я буду в комнате, если потребуюсь,— сказал Эвен и вышел.

Опустился на диван и стал читать дневник дальше.

13 сентября, Осло

Кто-то был в моем кабинете, бумаги сдвинуты — снова. (Паранойя от Эвена перешла ко мне, и теперь я,

не задумываясь, всегда кладу бумаги друг на друга так, что на верхней строчке видна одна буква; поэтому всегда вижу, если кто-то их трогал.) Так было две недели назад, я думала, что это уборщица, но сегодня я спросила ее, она обиделась и сказала, что она никогда... и так далее.

Копия листка Ньютона вместе с дневником у меня в сумке, поэтому никаких «тайн» обнаружить в моем рабочем кабинете нельзя. Мне только кажется странным, что Один или кто-то другой в издательстве копается в моих вещах, когда меня нет. Никогда раньше такого не было. Я ведь ничего от них не скрываю (ну, скажем, почти ничего), могли бы просто спросить.

14 сентября, дома

Пишу в настоящий момент «Тайну Вторую» и делаю записи к исторической части. Работать над вопросом об отношении Ньютона к религии очень интересно, потому что это толчок для размышлений о моем собственном отношении к христианству, которое очень изменилось с тех пор, как я переехала из дома.

Часто рассматриваю код Ньютона. Попыталась использовать различные способы разрешения этой загадки, но возвращаюсь к тому, который называется методом субституции (так его назвал Эвен). Это означает, что алфавит начинается с какого-то ключевого слова, которое содержит некоторое количество букв алфавита, а после этого слова идут все остальные буквы алфавита. То есть если ключевое слово turnips¹, то кодовый алфавит выглядит так:

TURNIPRSABCDEFGHIJKLMQVWXYZ

---

¹ Турнепс (норв.).

(Кроме этого, можно «сдвигать» весь алфавит на три или пять или сколько угодно мест направо, но я надеюсь, что Ньютон не делал этого, потому что у меня в таком случае нет никаких шансов расшифровать его код!!)

Обычный алфавит подписывается ниже этого алфавита, и в кодированном тексте каждая буква текста заменяется на букву, взятую из «турнепского» алфавита и поставленную на то же самое место.

T U R N I P S A B C D E F G H J K L M O Q V W X Y Z
A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

Слово APE¹ превращается в слово TJI.

(Норвежские буквы Æ, Ø, Å я, конечно, исключаю, поскольку текст написан англичанином. Кроме этого, я не очень уверена в том, надо ли считать I и J одной буквой?)

Метод субституции Ньютон использовал чаще всего (это сказал Эвен!!!), если хотел зашифровать важный текст. Но каким может быть ключевое слово? Я пробовала слова NEWTON и еще ISAACNEWTON и еще минимум десять разных слов, но ни один из них не дал осмысленного текста.

— Нет,— пробурчал Эвен.— Ты чертовски заблуждаешься,— он нашел листок с кодом и посмотрел на него еще раз. Стал ходить по комнате, а голова продолжала работать, проигрывая различные варианты. В какой-то момент он оказался перед окном и выглянул наружу, увидел, что листок отразился в стекле. Он вскрикнул и пошел в ванную комнату. Повернув листок к зеркалу,

---

¹ Обсэяна (норв.).

он посмотрел на его отражение, и, хотя некоторые буквы выглядели странно, в целом там появился какой-то смысл.— Вот так,— довольно хмыкнул он. Но тут же спрятал бумагу в руке. Может быть, за зеркалом спрятана фотокамера?

Когда Эвен вошел в комнату, «водопроводчик» разбирал телефонный аппарат, потом вынул инструменты и подсоединил провода, посмотрел на дисплей и кивнул, затем опять собрал телефон. Эвен сел на диван и стал за ним наблюдать, с инструментами в руке тот прошел по комнате, останавливаясь у лампы, у проигрывателя, забрался за диван к телефонному подключению. Открыл окно и выглянул, что-то буркнул и опять закрыл. Потом вышел в коридор для проверки остальной части дома.

Эвен сел за письменный стол. Медленно, большими отчетливыми буквами он написал зашифрованный текст с другого конца:

EFFUGIUMFRATERNITATISINVISIBILIS
JEANCHRISTOPHEGENEVE ORIGINSOFGEN-
TILETHEOLOGY

Он посидел немного, удивляясь тому, что второе слово оканчивалось на его имя NEVE, хотя он понимал, что это чистая случайность. С ним самим это никак не могло быть связано. Потом он стал делить строчки на слова. Сначала выделил THEOLOGY, это было самое последнее слово. Потом обнаружил, что вторая строка начиналась с имени JEAN CHRISTOPHE, потом шло название города GENEVE — если только это не была фамилия.

Некоторое время он размышлял над первой строкой, вычленил VISIBILIS или, возможно INVISIBILIS, но после этого ничего придумать не мог. Он решил сделать

перерыв и вернулся к дневнику Май — и громко засмеялся, когда прочитал:

16 сентября, Осло

Я разрешила загадку листка!!! Вот дьявол! Это было так просто, что мне стало стыдно, когда я поняла, как это написано (всё справа налево). И как же я это не увидела сразу! Но если это не пригодится иначе, то я, во всяком случае, научилась работать с кодами.

**EFFUGIUM FRATERNITATIS INVISIBILIS
JEAN CHRISTOPHE GENEVE ORIGINS OF GENTILE
THEOLOGY**

Первое предложение значит, насколько я понимаю: убегаю от невидимого братства.

Вторая строка — имя, потом город Женева или же это фамилия человека? Концовка ORIGINS OF GENTILE THEOLOGY кажется очень знакомой. Надо подумать.

Эвен кивнул, он знал этот заголовок, столкнулся с ним не так давно. *ORIGINS OF GENTILE THEOLOGY*¹. Кажется, эту книгу написал Ньютон, но вышла она только после его смерти.

Geneve. Эвен думал, что это город, а не имя. Где-то в истории была точка соприкосновения между Ньютоном и Женовой, но сразу он этого вспомнить не мог.

Его взгляд случайно упал на слово «наблюдение» в начале следующего отрывка дневника, и он с интересом прочитал дальше.

17 сентября, Осло

Возможно, я не совсем адекватно реагирую, но мне кажется, что за мной установили наблюдение. Может

---

¹ Происхождение языческой теологии (англ.).

быть, это слишком сильное слово. Но иногда меня кто-то преследует, как мне кажется. Точно такое же ощущение у меня было в Англии. Не все время, а только иногда. Но доказательств у меня нет. Поэтому может показаться, что дело в моих расстроенных нервах. Я попыталась заговорить об этом с Финн-Эриком, но он сказал, что мне надо обратиться в полицию или перестать об этом думать. Мне кажется, что он решил, будто у меня с головой не все в порядке (вообще-то я очень устала в последнее время). Но с другой стороны — что-то происходит с моими бумагами в рабочем кабинете. Их кто-то трогал несколько раз — это бесспорно! И передвигал их совсем мало, так, чтобы я этого не заметила.

Эвен полистал дневник дальше, вернулся назад, потом еще раз вперед — дневник кончился! Хотя оставалось, как минимум, 10—15 чистых страниц. Он внимательно просмотрел чистые страницы, но ничего интересного не обнаружил. Никаких таинственных записей или мистических клякс — вообще ничего.

Май пришлось внезапно расстаться со всем, что было связано с Ньютоном, и переправить это в абонентский ящик. Нет никаких сомнений, что у нее появилась реальная причина остерегаться, это доказали последующие события.

Эвен смотрел на «водопроводчика», который со своими инструментами прошел через коридор в спальню. Дневник показался вдруг очень тяжелым и лежал на коленях, как огромное драгоценное наследство, доставшееся ему после Май. Незаконченное деяние, которое, как он понимал, она втайне надумала передать ему. Он уже сделал это, он принял наследство, но не втайне, потому что кто-то знал, что это произошло, и внимательно наблюдал за ним.

Он посмотрел на последнюю страницу, потом на внутреннюю сторону первой обложки, которую Май называла форзац. В середине страницы были какие-то числа.

$$284 + 1000$$

Он смотрел на числа и ничего не мог понять. Что-то не так, подумал он и стал листать, чтобы сравнить. Передний форзац был желтым. Задний — белым. Сзади была приклеена новая бумага! Он стал щупать вдоль и поперек и вдоль краев, встал и принес перочинный нож из ящика письменного стола. Май использовала идею Ньютона и спрятала что-то в книге. Эвен осторожно разрезал маленькое утолщение и отогнул бумагу. В руку упал маленький ключ. Он был похож на ключ абонентского ящика из почтовой конторы Вика.

— А теперь мы можем поговорить, — раздался голос из двери.

ГЛАВА 61

Париж — Женева

М

ай-Бритт сказала всем, что поедет в Париж, — и она действительно поехала в Париж. Была там целых четыре часа.

Из аэропорта Шарля де Голля она на автобусе добралась до центра города, в течение дня перемещалась непредсказуемыми кругами по улицам, пересеживалась в последний момент с одной линии метро на другую, входила в магазины и выходила из них через боковые двери, прыгала в автобус и выходила через пару

остановок, делала очень много странного, все, что только приходило ей в голову. Потом на Лионском вокзале она села в сверхскоростной поезд до Лиона, где взяла автомобиль напрокат, отправилась на восток до границы и переехала в Швейцарию. Вечером она уже была в Женеве, где нашла маленький пансионат на окраине города и заплатила за свой номер наличными за неделю вперед.

Прежде чем лечь спать, она написала в новом дневнике, который только что купила:

15 ноября, Женева

«Проект Ньютон» некоторое время отдыхал, не по моей вине. Я была занята продвижением осенних книг, а также консультировала несколько исторических романов, которые выйдут на будущий год. Сейчас я выделила неделю на работу в Женеве, на выяснение того, что связано с Жан-Кристофом, имя которого упомянуто в зашифрованной записке.

Я совершенно уверена, что речь идет о Жан-Кристофе Фатио де Дюилье. То есть брате того Никола Фатио де Дюилье, о котором я сейчас пишу в «Тайне Третьей». Жан-Кристоф был инженером, это он, кажется, создал гравированную карту Женевы, которую я нашла в Интернете.

Завтра в библиотеке я начну поиск сведений о нем и его родственниках.

Она закрыла тетрадь, положила сверху ручку и выключила свет. Забралась под перину и заснула с ощущением полной анонимности, чувства абсолютного покоя. Впервые за многие месяцы она была уверена, что за ней нет слежки. Никто не знал, что она здесь. Никто.

ГЛАВА 62

— Ничего?

— Ничего. Я проверил весь дом на сигналы РФ, то есть с частотной модуляцией, микроволны, инфракрасные и другие световые сигналы,— сказал «водопроводчик» Поулсен и пососал кончик уса.— Кроме этого, я проверил телефон на предмет параллельных подключений, по проводам и по радио. Компьютер надо проверить?

Эвен сделал движение, которое должно было означать «прекрасно» или «делайте то, что вам положено». Поулсен сел к компьютеру и вынул несколько дискет из ящика с инструментами. Некоторое время Эвен видел только широкую спину, склонившуюся над клавиатурой и экраном.

Ключ от абонентского ящика лежал в кармане и не давал ни на чем сосредоточиться. Эвен спокойно сел на диван и начал перелистывать записи Май. Их было очень много, и были они, мягко говоря, весьма разнообразны. На некоторых страницах были приведены списки слов или понятий, которые подробнейшим образом объяснялись.

Prima materia¹ — священный дух алхимии, который есть во всяком веществе. Должен быть освобожден от неактивных металлов посредством превращения.

Regulus² — латинское слово, которое обозначает небольшого короля, но применительно к алхимии имеет значение «кристаллический»...

---

¹ Исходная материя (лат.).

² Королек (лат.).

О Боже, как она вникала во все эти детали, подумал Эвен с уважением и взял другой листок.

Состояние окисления вещества связано с количеством электронов, которые доступны для участия в реакции в точках, где атом может принять электроны во время химических реакций.

Трудные вещи для человека с гуманитарным образованием. Совершенно очевидно, что Май усиленно старалась постичь мир Ньютона, не только тот, который касался алхимии, но и тот, который соприкасался с химией и физикой.

Другой список слов был значительно более эзотерическим:

Die Chymische Hochzeit Christiani Rozenkreutz (Химическая свадьба Кристиана Розенкройца) — книга, написанная Иоганном Валентином Андреае, который, возможно, был основателем ордена Розы и Креста. Книга рассказывает о свадьбе, где гостей подвергают оккультическим испытаниям, некоторые из них при этом умирают, а потом опять воскресают.

Пеликан — часто применяется в качестве символа братства, состоит в «родстве» с розой и крестом. Пеликан является древним христианским символом возрождения, как птица Феникс (Воскресение Христа?). У вольных каменщиков кровь пеликана является символом Тайного Дела, то есть «воскресения» членов из рабства незнания и переход в свободу знания.

Пеликан — Эвен порылся в бумагах — не об этом ли Май написала в «Тайне Второй»... Где? Да, вот тут, про жезл или что-то подобное. Он проникался все

большим уважением к ее дотошности в такой области, которую должна была считать весьма подозрительной и даже наивной.

Он нашел ксерокопии страниц книги, где строчки были подчеркнуты желтым фломастером. Все цитаты явно говорили об одном и том же человеке — Никола Фатио де Дюилье — которого Ньютон, бесспорно, знал на протяжении многих лет.

«Странная дружба между сдержанным, чопорным и корректным профессором и веселым, довольно взбалмошным и значительно более молодым мужчиной продолжалась много лет, что говорит о том, что у них были общие интересы и помимо математики». Это из статьи Грега Оливера Коуга «Обезьяна Ньютона».

«Фатио де Дюилье и Ньютон бесспорно проводили эксперименты совместно в области алхимии в Кембридже. Переписка между ними во время болезни Фатио в 1692 году позволяет думать, что они нашли какое-то вещество или достигли каких-то результатов, которые они хотели любой ценой сохранить в секрете». Это цитата из книги Майкла Уайта о Ньюtone «Последний колдун».

«То, что эта пара сохраняла какой-то контакт даже после разрыва Ньютона с Фатио де Дюилье из-за вхождения последнего в оккультную группу под названием Prophets of Sevens¹, члены которой в основном были французскими беженцами, может означать

---

¹ «Пророки Севана» (англ.).

только одно — у них была связывавшая их общая тайна, возможно, на века. Была эта тайна из области алхимии, оккультных наук или какого-то иного сорта, сказать трудно, потому что, даже если существовали документы, которые о чем-то могли рассказать, они были наверняка сожжены, когда незадолго до своей смерти Ньютон „разобрался“ в своих бумагах». Этот фрагмент был скопирован из острой статьи Сэмюэля Джексона-Фиффа «Ньютон — гений или сумасшедший, еретик или христианин» в журнале Historical Science News ¹.

Эвен отложил копию, «водопроводчик» выключил компьютер и встал:

— Ну вот, здесь тоже чисто. Хотите, я установлю в телефонном аппарате детектор?

— Э-э... А зачем он мне?

— Он будет показывать, если появится прослушивание. Лампочка просто сменит цвет с зеленого на красный, если кто-то захочет подключиться к линии.

— Вы же только что проверили?

— Да, но кто-то может подключиться сегодня ночью. Я видел, что ввод телефонного кабеля находится под окном. Подключиться может каждый кому не лень.

Поулсен вопросительно поднял бровь, Эвен кивнул. Поулсен вынул из ящика и открыл небольшую белую коробку с проводом и стал подсоединять к телефону. Через несколько минут выпрямился и закрыл свой ящик. Похоже, теперь он сделал все.

— А мобильный телефон?

---

¹ Новости исторической науки (англ.).

— Никогда не говорите по мобильному, если хотите сохранить разговор в секрете. Мобильные прослушиваются очень легко, а обеспечить их стопроцентную секретность невозможно, — раздалось из-под усов. — Это ваша машина? — Он показал на «Фольксваген».

— Да. Вернее, нет. Эту машину мне дали на время. Я приехал на ней сегодня утром, поэтому тут никакой опасности нет. — Эвену вдруг захотелось поскорее отделаться от этого человека и отправиться в город.

Поулсен кивнул и пошел.

— Вас зовут не Финн Поулсен, — сказал Эвен, когда тот был в дверях.

Финн Поулсен хмыкнул:

— А вы не наскочили на дверь.

Эвен закрыл за ним и вернулся в комнату забрать автомобильные ключи и ключ от абонентского ящика.

Найти место парковки в центре было, как всегда, трудно, но Эвен, в конце концов, приткнул свою «мыльницу» между БМВ и «Мерседесом» на улице Королевы Мод. Приятная компания, подумал он и поспешил к почтовой конторе Вика. У стойки стояли клиенты, получавшие бандероли. Эвен направился к абонентским ящикам. Навстречу прошла женщина с дипломатом в руке. Пожилой мужчина стоял у открытого ящика и отсортировывал рекламу, которую тут же беспощадно выбрасывал в большую пластиковую корзину. Оставшуюся почту он положил в большую черную папку, запер абонентский ящик и ушел.

То, что 284 + 1000 должно было означать 1284, было предельно ясно. И так как не было указания на другую почту, непреложно вытекало, что Май опять воспользовалась почтовой конторой Вика. Эвен не

мог понять одного: почему она разделила число на два, но, возможно, она, как верный ученик Ньютона, сделала это, чтобы ввести в заблуждение возможных любопытных или шпионов.

Это здесь! 1250—1299. В серединке он нашел номер 1284 и воткнул ключ в отверстие, приготовился поворачивать — и тут же выпустил ключ, чтобы от усердия не сломать кончик. Ключ выскочил и покатился по полу. Эвен с удивлением посмотрел на номер, поднял ключ, снова нашел ящик 1284. Медленно и осторожно, как будто первая попытка не удалась из-за спешки, он приставил ключ к отверстию, нажал... Нет, ключ не хотел входить. Это был не тот ключ — или не тот замок.

ГЛАВА 63

Женева

Свирепый северный воздух дул над Женевским озером и нападал на город, так что десять морозных градусов ноябрьского воздуха ощущались как двадцать. Солнце было на западе и собиралось спрятаться за заснеженными верхушками гор. Вид на озеро и горы, его окружавшие, был, самое малое, чарующим, и Май-Бритт обдумывала, а не приехать ли ей вместе Финн-Эриком и детьми сюда в отпуск, покататься на пароходе, посидеть на палубе под летним солнцем с бокалом красного вина, пока дети копошатся вокруг... Она повернулась спиной к ветру и потеряла кожаной перчаткой замерзший нос. Но это будет не раньше весны, а скорее лета.

Взятый на прокат автомобиль утром не пожелал заводиться, и Май-Бритт поехала в центр на автобусе к

городскому музею, где по договоренности должна была встретиться с куратором.

А теперь скоро пять, наступил вечер, она стояла, дрожа, на остановке, и вдруг обнаружила, что до следующего автобуса еще полчаса. Она уже стала обдумывать, не поехать ли ей в пансионат на такси, но тут увидела поблизости кафе, которое соблазнило ее больше. Получив чашку капучино, она вынула дневник и ручку. Она растерянно смотрела на поземку, которая несла тонкие клубы снега. Отвернула колпачок ручки и написала:

18 ноября, кафе, Женева

*Ничего интересного не узнала. Знаю, что Жан-Кристоф был еще и астрономом, хотя я не думаю, чтобы это имело отношение к Ньютону. В отличие от брата он жил в своем родном городе Женеве большую часть жизни, но много путешествовал. Жил в Лондоне, где фактически стал *Fellow of Royal Society*¹ в 1706 году, хотя заметных научных подвигов за ним не числится — во всяком случае, я не нашла никаких следов. (В 1706 году Ньютон был президентом Королевского общества!!! Его назначение может быть благодарностью за помощь — в чем-то другом?) Жан-Кристоф ездил в Париж и Рим, но всегда возвращался домой в Женеву.*

Я побывала в библиотеке, городском музее, во многих других музеях, а также в отделе государственного архива. Там очень мало информации о семье Фатио де Дюилье; то, что написано, касается по большей части брата Никола. Никола Фатио де Дюилье жил в последние

---

¹ Человеком года в Королевском обществе (англ.).

годы в Лондоне и помимо дружбы с Ньютоном известен также как изобретатель алмазного сверла, а также своим участием в споре между Ньютоном и Лейбницем по поводу открытия дифференциального исчисления (кажется, это называется именно так, Эвен?).

Но остальная часть семьи — о ней практически ничего. Это раздражает, и я не знаю, как мне двигаться дальше.

Май-Бритт подняла чашку, ее взгляд рассеянно скользнул по залу кафе, где все больше клиентов собиралось за чашкой кофе и пирожным, пытаясь спрятаться от холода. Пока капучино приятно согревал щеки, она вдруг заметила мужчину, который смотрел на нее из-за края журнала. Он сидел очень далеко, около двери в туалет, небольшой полный мужчина, несколько моложе ее, с темными усами, которые на расстоянии производили впечатление неухоженных. Мужчина пристально смотрел на нее, она отвернулась. В его лице было что-то знакомое.

Некоторые встречи между людьми могут быть такими же роковыми, что и встреча между жизнью и смертью. Этот афоризм она где-то недавно прочитала, и сейчас у нее было неприятное ощущение, что ей предстояла именно такая встреча. Она поставила чашку на стол и быстро собрала свои вещи. Краем глаза она отметила, как мужчина встал, она схватила пальто и тоже поднялась. Мужчина пошел к выходу, сделал круг и оказался рядом с ее столом. Май-Бритт повесила на плечо сумку, выпрямилась и приняла самый свирепый вид из всех, на какие только была способна.

— Извините, — сказал он по-английски, хотя акцент свидетельствовал, что он француз. Май-Бритт

сделала вид, что говорит с кем-то другим, и захотела пройти мимо. Он преградил ей дорогу.— Мы не встречались раньше? Меня зовут Симон Латур.

ГЛАВА 64

— Сначала я хотел угостить тебя жареной телятиной а-ля Талейран,— Один Йелм мягкими движениями помешивал варево в кастрюльке,— но нет же, найти нормальную телятину нигде невозможно. Либо телятина пролежала у мясника столько времени, что практически превратилась в говядину, либо она мороженая. А все знают, какой в таком случае вкус,— он посмотрел на Эвена, чтобы услышать подтверждение.

Эвен оглядел кухню, она была совсем как в крестьянском доме: стены из дерева, шкафы из мореного дуба, на грубых полках глиняные горшки, из которых торчат спагетти, в банках видны запасы гороха, консервированных помидоров, грибов и фруктов. Кухонные столы — солидные, из грубо оструганного дерева с тонким пластиковым покрытием. Общая атмосфера такая, что кажется, за окном сейчас начнут мычать коровы и кудахтать куры.

— У тебя газовая плита,— сказал Эвен только для того, чтобы что-то сказать.

— Да-да, так надо. Так лучше следить за температурой,— Йелм попробовал вино, которое он разлил им обоим, посмаковал и скептически посмотрел на этикетку.— Это вино «Медок» с небольшой винной фермы к югу от Ле-Вердона, ровное и прохладное, было

бы хорошо к телятине, но к другому мясу... не знаю — не знаю... А что скажешь ты?

Эвен пригубил и сказал, что вино прекрасное, не слишком сухое, не слишком сладкое.

— Нормально,— добавил он и одним махом осушил до дна, чтобы показать свою крестьянскую натуру.

— Очень опасно вредить своим органам вкуса — это отразится на настроении и интересе к работе, можно стать меланхоликом и потерять заряд энергии,— Йелм попробовал соус, добавил немного соли, помешал и попробовал еще раз.— Это сказал Брилла-Саварен, знаменитый французский теоретик кулинарии,— Йелм удовлетворенно кивнул и протянул ложку Эвену: — Пожалуйста, медленно помешивай соус, а я тем временем спущусь в подвал и поищу чего-нибудь лучше, кажется, у меня есть итальянское охотничье вино, как раз такое, как нам нужно.

Эвен взял ложку и увидел, как Йелм взял ключ, висевший у него на шее, и вышел в коридор. Открылась дверь, потом послышались шаги по лестнице.

«У него в подвале сокровища пиратов, так, что ли»? — подумал Эвен, отложил ложку и налил себе вина. Из окна он смотрел на улицу и думал, в каком из этих домов жила Сусанн Стенли. Дом шестнадцать, сказала она. Йелм жил в одиннадцатом, так что вот он, двухэтажный красный, рядом с которым стоят машины.

Черт! Эвен отставил бокал, чтобы не раздавить его нечаянно от злости. Он же забыл позвонить Сусанн, хотя и обещал. Между прочим, странно, что она не позвонила ему в течение дня. Или... может быть, ей надоело, что он ей не отвечает, и она попросту решила с ним расстаться?

Зайти к ней сегодня вечером по дороге домой и попросить прощения, а может быть, и переночевать? Это было бы весьма практично, похоже, что сегодня он крепко надерется во время обеда у Йелма.

Он снова взял бокал и отпил хорошую порцию, прислонился к подоконнику и стал смаковать приятное вино.

После полного неожиданностей посещения почты он отправился домой, взял формулу Ньютона и бумаги Май, арендовал ячейку в сейфе близлежащего банка и почувствовал облегчение, даже восторг от того, что теперь бумаги в полной безопасности. Потом он принял душ, переоделся, посмотрел на свое фиолетовое лицо в зеркало и попробовал представить себе, что скажет о его внешности Йелм. К его изумлению, издатель ни мимикой, ни взглядом, ни словами не показал, что в лице Эвена что-то необычное.

Шаги по лестнице, дверь в подвал открылась и закрылась, щелкнул замок, Йелм вошел на кухню своей обычной неровной походкой, пытаясь засунуть ключ под рубашку.

— Как дела с соусом?.. О-о! — Он посмотрел на Эвена, застывшего у окна. — Ну ладно, соус наверняка в порядке. Он отставил бутылку, помешал в кастрюльке, взглянул на картошку в печке и открыл бутылку, принесенную из подвала. — Я успел сказать, что в результате у нас будет лосятина? У мясника было филе, такое мягкое, что его можно резать одним взглядом. — Он пригубил вино, предназначавшееся к телятине, и взглянул на гостя: — А что тебя привлекает в Ньютоне?

Эвен посмотрел на свое отражение в оконном стекле, чтобы проверить, не выдал ли он себя. Слишком наивный вопрос. Он жадно отпил вина и ответил:

— Гениальность, стремление смотреть на то, что скрывается за числами, видеть их возможности в новых сочетаниях, делать то, что никто другой во всем мире делать не способен. Он смотрел на мир, как на ребус, который надо решить. И разгадал часть ребуса, при этом чрезвычайно важную часть. Наука сделала огромный прыжок благодаря ему.

— Но разве его гений был уж таким особенным? — Йелм поднял взгляд от разделочной доски, на которой резал брокколи на мелкие кусочки. — Разве нельзя допустить, что он был лентяем и только случайно наткнулся на несколько интересных идей?

Эвен засмеялся, это было наказание за то, что он непочтительно отзывался о еде и хорошем вине. Его уважение к Йелму росло.

— Ну хорошо, давай мы опустим то, что он одним махом сделал Вселенную понятной, объяснил движение планет вокруг Солнца, Луны вокруг Земли, природу приливов и отливов, орбиты комет, дал ответы на самые сложные вопросы, над которыми люди размышляли на протяжении тысячелетий. Лучше я расскажу маленькую историю, которая очень хорошо доказывает его величие, — Эвен выпил и продолжил: — Живший в то время математик по имени Бернулли любил придумывать задачи и проблемы, которые должны были решать его ученики или коллеги — или он сам. В 1696 году он сказал очень простую вещь: «Вот у меня есть две точки А и В, между которыми некоторое расстояние и какая-то разница в высоте. Я делаю дорогу от А к В и пускаю по ней кубик, который скользит только благодаря силе тяжести. Как выглядит путь, по которому кубик будет скользить быстрее всего?»

Йелм внимательно слушал и одновременно мыл брокколи в чашке, потом стал нарезать грибы.

— Ни один ученик или коллега не мог решить задачу, поэтому он послал ее знаменитым европейским математикам, среди них Лейбницу. Но и они тоже не могли решить ее, — Эвен покрутил бокал, наслаждаясь игрой света в красном вине. — Злые языки говорят, что Лейбниц, в общем-то, добрый и миролюбивый человек, со злой улыбкой предложил послать задачу «великому Ньютону», явно с целью припереть его к стенке, точно так же, как были приперты к стенке все другие математики. Ньютон, который в это время был совсем недавно назначен директором Монетного двора в Лондоне, имел множество проблем на работе — Королевский Монетный двор ужасно поносили за недостатки, виной которых был предыдущий директор.

В день, когда пришло письмо с этой задачей, он вернулся с работы весь измученный. Его племянница Катарине, которая в то время жила у него, положила письмо от Бернулли ему на стол. Он вскрыл письмо, прочитал задачу и решил проигнорировать вызов. И голова, и тело пятидесятичетырехлетнего математика ныли от усталости. Он отложил письмо. Но после обеда сначала появилось любопытство, а потом взыграло тщеславие. Он присел к столу с ручкой и бумагой, зажег лампу. Страницу за страницей исписывал расчетами. Наступила полночь. Катарине пожелала ему спокойной ночи и, не получив ответа, легла спать. Проходили часы. Два часа ночи. Три часа ночи. Наконец, он выпрямил затекшую спину и довольный посмотрел на бумагу. В четыре часа ночи задача была решена.

— О, Боже! Это правда? — с уважением сказал Йелм и изобразил на лице французскую гримасу, так что Эвен сразу вспомнил инспектора Бонжува. — Он справился за несколько часов, в то время как все другие

сдались? — Один открыл печь и вынул раскаленный противень с тонко нарезанным картофелем. — А теперь садись к столу, уже все готово.

Мясо, соус, картофель, салат, вино — все было прекрасно. Эвен наслаждался едой.

— Это картофель «*Pommes Anna*»¹, — сказал Йелм и подложил себе еще. — Он получил название в честь Анны Деслион. Это французская куртизанка, которая пользовалась таким успехом, что знаменитое кафе «Англе» в Париже обставило для нее особую комнату, где она могла принимать самых эксклюзивных гостей: королей, принцев и прочую знать. В комнате стояло только самое главное: кровать, шезлонг и стол, накрытый всегда на двоих. Повар в заведении был так доволен, что она привлекала в ресторан знаменитых людей всей Европы, что создаваемым новым блюдам давал ее имя. Картофель «яблоко Анны», который ты сейчас ешь, одно из этих блюд.

Эвен зацепил вилкой кусочек гриба и поднял его:

— А почему *ты* заинтересовался Ньютоном?

Йелм покосился на него и улыбнулся довольный:

— Из-за тайн. В этом человеке множество противоречий. Уникальный человек и одновременно типичный англичанин. — Йелм отложил вилку и взял бокал. — Кстати, о типично английском. Я иногда думаю, что Англия — одна из немногих современных цивилизованных стран, которые в такой степени оградили себя со всех сторон, что могли бы сохранять свои традиции еще тысячелетия, если бы захотели. И, тем не

---

¹ Картофель «Анна», букв. «яблоко Анны» — тушеный картофель, запеченный в духовке с маслом, специями и зеленью.

менее, эта нация пытается найти себя. Посмотрите на движение транспорта. Англичане — единственная нация в мире, которая продолжает настаивать на левостороннем движении; она и те, которые были когда-то под отеческой опекой империи. И мы думаем, что это должно быть у них в глубине, в самих генах, но нет... — Йелм широко улыбнулся и отпил вина. — Это всего лишь упрямство. Посмотри на них, когда они идут по тротуару, — они идут по правой стороне, так, как и мы, все остальные. Или еще яснее: на эскалаторах они стоят справа, точно так, как в остальных странах мира. Это ведь значит — подкапываться под самих себя?

— Один мой добрый друг, — сказал Эвен, — английский математик несколько лет назад был почетным гостем на банкете здесь, в Осло. Во время обеда, когда разговор за столом переходил с одной темы на другую, его кто-то спросил, почему англичане настаивают на левостороннем движении. Он ответил, что у них на самом деле есть планы о переходе на правостороннее. В качестве эксперимента они хотят для начала пустить по правой стороне только грузовой транспорт и посмотреть, что получится.

Йелм, который только что прихлебнул вина, неожиданно засмеялся, и вино полилось через нос.

— Ну вот, пожалуйста, — закашлялся он, — а ведь раньше никто об этом не подумал. У англичан есть новые идеи, хотя они и консерваторы.

Они говорили на самые разные темы, Эвену пришлось признать, что вечер оказался значительно приятнее, чем он даже надеялся предположить. Зашла, конечно, речь и о трагической смерти Май. Йелм заверил, что это было большой потерей для издательства, хотя Май-Бритт работала у них не очень долго.

— А как ты ее нашел? — спросил Эвен. — Она ведь никогда не работала в издательствах.

— У меня есть связи, — Йелм хитро улыбнулся, — и один из моих знакомых показал мне дипломную работу Май-Бритт о влиянии куртизанок на европейскую внешнюю политику в семнадцатом и восемнадцатом веках. Прямо скажу, великолепная работа; так прекрасно написано, что забываешь, что это научный текст, и в то же время настолько научно, что не возникает сомнений: можно верить каждому слову. Тем более что это особый аспект политики — какое влияние эти женщины имели на своих амурных гостей: королей, министров, дипломатов. Весьма немалое, если верить исследованию Май-Бритт Фоссен.

— Можешь совершенно спокойно полагаться на это исследование, — сказал Эвен. — Она получила стипендию от одной женской организации и ездила по Европе сначала на протяжении полугода, а год спустя еще трех месяцев, чтобы провести изыскания в архивах и частных собраниях писем. Она выложились полностью, как делала каждый раз, когда что-то ее всерьез интересовало.

— Вы ведь состояли в браке?

— Да. Я был в докторантуре в Кембридже и жил там какое-то время, но мы ездили друг к другу как можно чаще.

Один Йелм кивнул:

— И там ты познакомился с Ньютоном?

— Нет. Ньютон был для меня кумиром с самого детства, — Эвен взял с тарелки последний кусочек мяса, прожевал его и со стоном откинулся. — О, я так сыт, что пицца могла бы проплыть мимо меня, и я даже не стал бы ее пробовать.

— Пицца! Ты осмеливаешься думать сейчас о пицце? — Йелм был искренне возмущен.

— Но ведь именно это я и говорю, — улыбнулся Эвен. — Даже мысли такой не допускаю.

Йелм удрученно опустил брови и встал:

— Идем, посидим в салоне. Я сделаю кофе плюс рюмочка коньяка и сигара. Потом у нас будет десерт, *Pêche Melba*¹, и твои пиццы исчезнут из кошмаров, как вампиры от запаха чеснока.

«Салон», — подумал Эвен. Коньяк и сигары. *Pêche Melba. Pommes Anna*. Культурный снобизм колоссальных размеров у этого Йелма. Но сноб он довольно симпатичный.

— Говорят, — сказал Один Йелм, входя в комнату с бутылкой коньяка и двумя рюмками из толстого стекла, — что к числам ты относишься страстно, что в любом числе можешь найти что-то особое, так сказать, личное. Это правда?

О нет, подумал Эвен. Словно пришла новая группа студентов на занятия. Всегда найдется кто-нибудь, кто уже слышал эту историю, этот миф. Он знал, что виноват во всем он сам, не промолчал, когда можно было.

— Это очень просто, — сказал он и взял рюмку коньяку. — Нет никаких фокусов. Это может сделать каждый. Знаешь, любое число можно разложить на составные части, посмотреть, из чего оно состоит, определить, к какой группе оно принадлежит, какие свойства в связи с этим имеет. Это все равно, что проанализировать растение, определить, к какому виду и роду относится, какие свойства имеют данный вид и

---

¹ Десерт «Персики Мельба» — ванильное мороженое с персиком и малиновым соусом (фр.).

род, являются листья парными или крестообразными и так далее.— Он пожал плечами и принял из рук Йелма небольшую сигару.— Когда меня спрашивают, я настолько глупый... или самовлюбленный, что отвечаю и рассказываю об этом.— Он вздохнул, посмотрел на сигару и почувствовал, что с выпивкой перебрал.— Люблю производить впечатление на юных студентов. Но все это чистая иллюзия, способ заработать незаслуженные почести. Все проходит, когда они лучше узнают меня.

— Девяносто девять,— сказал Йелм и хитро улыбнулся.

Один из системно несистемных людей, подумал Эвен. Из тех, кто думает, что 100 — пристойное, круглое число, поэтому легкое, и думает, что соседнее число должно быть круглым.

— Возьми какое угодно трехзначное число, например, 785 переверни его, вычти одно из другого и назови разность.

— Что? Я? — Эвен кивнул, Йелм вынул мобильный телефон, настроил калькулятор, стал нажимать кнопки.— Ты сказал, 785 минус обратное число... 587. Смотрим... Разность 198.— Он поднял взгляд.

— 198 вдвое больше 99. Такая разность между двумя трехзначными числами, где одно является обратным другого, всегда будет делиться на 99.

— Всегда будет делиться... Ты шутишь!

— Не веришь? Возьми другое число.

— 982.

— Хорошо. 982 минус 289 равно 693.

— Минутку...— Йелм начал нажимать на клавиатуру.— Да, да...— сказал он и поднял глаза.

— Если 693 разделить на 99, получатся 7, не больше, не меньше.

На лице Йелма отразились растерянность и уважение одновременно, он проверил по калькулятору мобильного и кивнул.

— Я могу сделать кое-что еще, — вдруг как ребенок обрадовался Эвен. — Возьми еще одно трехзначное число, вычти его из обратного, и я скажу тебе уже сейчас, какая цифра в середине. Это 9.

Йелм скептически посмотрел на него, пробормотал 220 и начал считать на калькуляторе.

220. О, Боже! Эвен посмотрел на Йелма. 220. Дружественное число. Черт побери! Вот где решение загадки абонентского ящика, который не хотел открываться. Как же он не подумал об этом! Он недооценивал Май, как и Финн-Эрик? Он единственный из всех знал, что она была настолько умна...

— Вот дьявол, 198, — воскликнул Йелм. — Откуда ты это знаешь?

— Э-э... Вот так обстоят дела, — Эвен рассеянно посмотрел на хозяина и подумал о 220 и 284. Два дружественных числа были соединены цепочкой, были неразделимы, как люди, которые вместе завели детей. Если взять все целые числа, полученные в результате деления числа 284, и сложить их, получится 220. А если точно так же взять все целые числа, полученные в результате деления числа 220, и сложить их, получится 284. Нет никакой логики в том, чтобы это было именно так, и нет никакого объяснения этого феномена. Просто так есть. Одна из изощренных странностей математики. Это было так хорошо известно среди математиков, что он должен был сразу вспомнить 220 в тот же момент, как он увидел число 284. Теперь он понял, зачем Май поставила 1000 отдельно — чтобы дать ему возможность расшифровать код.

Ключ от абонентского ящика лежал в кармане и будто толкал автомобильные ключи, хотел, чтобы хозяин отправлялся в путь немедленно. Но почта была закрыта. Придется ждать до завтра.

Йелм кашлянул.

Эвен посмотрел на него.

— Средняя... Средняя цифра всегда 9, какое число ни возьмешь,— пробормотал он. Потом он встал.— Мне очень жаль, это профессиональная болезнь. Если в голову приходит мысль, я увлекаюсь и все забываю.

Йелм снисходительно махнул рукой, глаза превратились в узкие щелочки, он сказал:

— Я дам тебе еще одно число, расскажи мне, что в нем особого. Например, 364?..

Ну вот опять, подумал Эвен. Не 365 — количество дней в году, а ровно на одну единицу меньше, чтобы мне было труднее. Он попытался сделать вид, что у него возникли проблемы. Он почувствовал, что надо было как-то отплатить хозяину за этот прекрасный ужин, он даже вздохнул и заметил, что Йелм довольно улыбнулся.

— Надо быть осторожным с этим числом,— сказал Эвен и кончил ломать комедию.— 364 содержит столько замечательных историй, что я мог бы всю оставшуюся часть вечера потратить только на это число. Но я удовлетворюсь тем, что укажу на то, что можно назвать родством с игральными картами. Как ты знаешь, в колоде 52 карты, так ведь? Всего есть четыре масти: черви, бубны, трефы, пики — по 13 карт в каждой. Если сложить величины этих карт, считая, что туз равен 1, потом 2, 3 и так далее, валет 11, дама 12, ты придешь к тому, что все карты вместе составят число 364.

— Как это так? — Йелм начал считать на мобильном телефоне, покачал головой и сказал: — Нет, 91.

— Это ты сложил карты одной масти. А есть четыре масти. Умножь на четыре.

Йелм нажал на несколько кнопок и улыбнулся:

— 364, точно.— Потом рассмеялся.— Жаль, что ты не был моим учителем математики в младших классах. Мои отметки выглядели бы иначе.

Эвен сухо усмехнулся.

— Сомневаюсь. Я не очень одаренный педагог, терпения у меня, как у очковой змеи, которую чешешь по носу. Но математика невероятно увлекательна, если ты умеешь это увидеть. Она совершенно неразумно и незаслуженно приобрела клеймо скучной науки.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы ты дописал книгу Май-Бритт Фоссен о Ньютоне,— произнес Один Йелм очень серьезно и почти бюрократически.— Ты знаешь светлые стороны математики и самого этого человека, его загадки и уникальные способности. И, кроме этого, ты — единственный человек, который хорошо знал Май-Бритт Фоссен и поэтому в состоянии завершить книгу, ею начатую. Мы можем подписать договор на эту книгу? — Он взял пистолетик, лежавший на столе, и направил его на Эвена.— Я слышал, что ты взял отпуск в университете, может быть, имеет смысл использовать его для написания книги о Ньютоне?

Он нажал на курок зажигалки-пистолета, и Эвен раскурил сигару, зажатую в руке, о которой совсем забыл. Дым приятно заполнил горло, потом Эвен выпустил его над столом. Облако поднималось вверх от тепла чашки кофе и двух стеариновых свечей. Эвен смотрел на багровый свет свечей в облаке. Отпуск, да. Смыслом отпуска было выяснение обстоятельств самоубийства Май, установление того человека или тех людей, которые стояли за этим. А теперь он тратил время на поиски старых формул Ньютона, их

расшифровку, поиски писем Май о Ньютоне. Постепенно главным стал Ньютон. Неужели Май планировала, что именно он будет заканчивать ее работу? Неужели именно *это* было главным в ее наследстве?

— Май когда-нибудь упоминала мое имя в связи с «Проектом Ньютона»?

Йелм немного подумал, потом покачал головой.

— Не припоминаю. Как я уже говорил в прошлый раз, мы с ней очень мало разговаривали об этом проекте. Я не хотел быть навязчивым, потому что знал, что могу на нее положиться, и видел, как она работает. Но если вспомнить, что случилось потом, то я сожалею, что не договорился с ней, чтобы у нас раз в месяц была беседа о проекте.

— *Должно* быть больше материала, — сказал Эвен. — Она наверняка написала больше. Она работала увлеченно, если что-то ее захватывало. И если я правильно тебя понимаю, этой книгой она увлеклась чрезвычайно.

— О, да. Книга стала ее любимым ребенком, она сама сказала мне зимой. Она работала очень увлеченно, как ты говоришь, много ездила, чтобы собрать материал. Она хотела, чтобы все было изучено досконально, чтобы нельзя было подкопаться.

— Собрать какой материал?

Йелм засмутился.

— Вот этого я не знаю. Как ты говоришь, где-то *должно* что-то находиться, но я не имею ни малейшего понятия, где именно. — Он направил сигару на Эвена. — А вот ты, знающий ее лучше всех, ты должен знать, в каких местах она могла спрятать свои вещи — и почему?

— Нет, — ответил Эвен, глядя на пистолет-зажигалку на столе. — Нет, даже не представляю.

Когда Эвен встал с дивана, чтобы уходить, раздался звонок телефона. Один Йелм взял трубку, немного поговорил, прикрывая рот рукой, и сказал Эвену, что ему надо сходить в кабинет на две минуты и поговорить — деловой звонок. Он тут же вернется. Эвен кивнул и остался стоять посреди комнаты, чувствуя опьянение и не зная, что ему сейчас делать. Он прислонился к столу. Мобильный телефон лежал рядом с вазой, такой маленький и многообещающий, и как будто умолял, чтобы на него посмотрели. Эвен нажал на кнопку, экран осветился. Эвен посмотрел через плечо, нет ли Йелма, и нажал на «Сообщения», пробежал неизвестные Эвену имена, вдруг появилось «Китти». Он прислушался, из кабинета доносился громкий голос Одина Йелма. Палец тут же сработал, появился текст, и Эвен прочитал его с неподвижным лицом. Сообщение было послано неделю назад.

Когда Один вернулся, Эвен стоял в коридоре и надевал кожаную куртку.

— Я сожалею, что вел себя невежливо и вышел, но разговор был довольно важным. Из Франции, — извинился Йелм. — Вот. — Он вынул три сигары и сунул их в карман рубашки Эвена. — *For the road*¹.

...брось херню... мы расстались... будь любезен. Эвен посмотрел на мужчину, который получил такое сообщение от Китти. Получил просьбу. Кто этот человек? Кто прячется под личиной добродушного джентльмена, за фасадом культивированного сноба?

Прежде чем подумать, что он слишком пьян, что вряд ли разумно задавать этот вопрос, он спросил другое:

— Кто такой Симон Латур?

---

¹ На дорожку (англ.).

Один изумленно поднял голову.

— Ты слышал разговор? — Взгляд стал оценивающим, голос сдержанным. — Это французский писатель. А что ты слышал?

— Ничего, — сказал Эвен и пошел. — Ничего.

ГЛАВА 65

Женева

3

а письменным столом сидел очень маленький человек. Май-Бритт засомневалась, доходят ли его ноги до пола. Круглое личико блестело, словно на завтрак он ел венскую сдобу с майонезом. Она видела, что сзади нее, чуть правее стоит Симон Латур, как будто сторожит, чтобы не сбежала.

Симон объяснил, кто она, и человечек кивнул. Май-Бритт попросила Симона выйти, потом рассказала, что именно ее интересует. Говорила по-французски, очень быстро, и сразу взяла быка за рога. Когда она кончила, он сделал торопливые записи у себя в блокноте. На стене в рамках под стеклом висело несколько дипломов, которые доказывали его высокую компетенцию, и еще фото, на котором человечек стоял, обняв за талию мужчину средних лет. В лице мужчины было что-то знакомое, но Май-Бритт не могла вспомнить, кто это. Скорее всего, какая-то швейцарская знаменитость.

— Семья Фатио де Дюилье, — повторил человечек и приписал что-то. — На следующей неделе начну поиски.

— Я хочу знать, куда пропала их библиотека, то есть книги, — повторила Май-Бритт, чтобы убедиться,

что он понял задачу. Ей не нужно генеалогическое древо. — Я — историк, я знаю, что в собрании было много интересных книг, которые сейчас трудно найти.

— Да, понимаю. Куда мне сообщить, когда будет готов результат? — Он говорил так, как будто положительное решение было обеспечено, вопрос только во времени.

Май-Бритт дала номер своего мобильного телефона, подчеркнула конфиденциальность их беседы: никто, в том числе Симон Латур, не должен знать о характере задачи. Человечек спокойно кивнул и принял задаток в пятьсот франков.

Когда они стояли на улице, она положила руку на локоть Симона Латура:

— Хочешь, подвезу тебя до Парижа?

ГЛАВА 66

Эвен не спал, когда услышал негромкий голос за окном.

Он не был в настроении заглянуть к Сусанн после ужина у Йелма. Поэтому взял такси и приехал домой вскоре после двенадцати ночи. Спать не хотелось, и несколько часов он работал над одной страницей из формулы Ньютона, которую сканировал на компьютер. Потом почувствовал усталость и заполз под перину. Позже он проснулся от кошмара, ему снилось, что он сидит на каменной плитке и видит, как все вокруг рушится. Он вспомнил, что однажды уже видел такой сон. В полудреме начал думать о Май и ее «наследстве». Он думал, что она передала «наследство» ему,

потому что считала его неуязвимым, таким человеком, которому невозможно причинить вред. Он жил сам по себе, один; никто не мог отнять у него самое дорогое. У Май были дети, поэтому она умерла. И еще он подумал, что она его очень хорошо знала и создала коды, которые он и, практически, *он один* мог расшифровать. Письмо, написанное в Париже, и карта с пятеркой червей привели его к Китти и конверту, который затем привел к формуле Ньютона. А потом появился ключ, обнаружилась фотография с разложенным пасьянсом, а пасьянс раскрыл тайну: абонентского ящика и пакета с записями и дневником и всеми другими секретами.

Размышляя о ее странном решении предоставить ему информацию с помощью двух следов, он услышал голос за окном. Голос был совсем тихий и говорил с вопросительной интонацией. Никто не ответил. Голос сказал еще что-то, Эвену показалось, что человек говорил по мобильному телефону. Эвен вспомнил, как несколько минут назад приехала какая-то машина, что было странно, поскольку в эти утренние часы люди из квартала уезжали на работу, а не приезжали сюда. Машина остановилась где-то неподалеку, но, так как его спальня выходила во двор, Эвен не соединил данный факт с собой и большого внимания не обратил. Но теперь он слышал голос. Еще раз, опять вопросительная интонация, и опять никакого ответа.

Спуская ноги на пол, он услышал звонок входной двери. Будильник на ночном столике показывал десять минут восьмого. Только люди определенного толка могли звонить в дверь в это время суток и *при этом* одновременно посылать кого-то во двор.

Он спокойно оделся, слушая раздраженное шипение звонка, обулся и вышел в коридор.

— Минуточку,— крикнул он и пошел в ванную комнату, где почистил зубы и плеснул воду на лицо. Он почувствовал себя если не совсем свежим, то, во всяком случае, подготовленным оказаться лицом к лицу с третьей ветвью власти.

— Старший полицейский Молвик,— сказал высокий крупный мужчина под шестьдесят, когда Эвен открыл дверь. Полицейский профессиональным взмахом показал кусочек пластикового удостоверения.— Ты Эвен Вик?

Эвен посмотрел на него.

— Черт побери, ты это прекрасно знаешь.

— Можно войти?

— Зачем?

— Хочешь, чтобы все соседи видели, что ты тут стоишь и разговариваешь с полицейским?

Эвен посмотрел на их машину, белый «Форд Сиера», самый обычный, без указания на принадлежность к полиции.

— Пока вы одеты как люди и ведете себя как люди, соседи в состоянии понять что угодно. Они в этом смысле молодцы.

— Подрался на днях? — Старший полицейский Молвик с интересом посмотрел на глаз Эвена.

— Наскочил на дверь,— сказал Эвен и показал большим пальцем на заднюю сторону дома.— Шофера позовешь сюда?

Старший полицейский отдал приказ куда-то в свою руку, где явно был спрятан микрофон. И почти сразу в конце секционного дома появился мужчина средних лет, обошел заборчик соседа, приблизился к Эвену и протянул руку.— Мохаммед Саикх, полицейский.

— Эвен Вик, измученный,— огрызнулся Эвен и отошел.

Они вошли в кухню.

— Кофе? — спросил Эвен.

Старший полицейский не ответил, а Саикх приветливо кивнул и сказал:

— Спасибо.

— Где ты был в пятницу вечером? — Молвик сел у стола, широко расставив ноги. На небритом лице торчали щетинка волос, круги под глазами были серого цвета.

Кофейная банка оказалась пуста, поэтому Эвен вскрыл новый пакет, пересыпал содержимое в банку, выбросил пакет в мусорное ведро под мойку. Тщательно отмерил кофейный порошок ложкой, поставил кофеварку на место, налил воды в кувшин и оттуда перелил в кофеварку, потом нажал на кнопку, она засветилась красным цветом. Эвен повернулся и прислонился к кухонному столу. Посмотрел на кухонный нож, который лежал в двадцати сантиметрах от руки. Глупо было приглашать их? Старший полицейский Молвик за эти годы располнел, лоб стал выше, но это обычное дело. Эвен вздохнул.

— Я сделаю вид, будто не слышал твоего вопроса, Молвик, и мы начнем сначала. Хорошо? Ты расскажешь мне, зачем вы здесь, и тогда уже я отвечу, если захочу.

Молвик бросил беглый взгляд на своего помощника, как будто хотел сказать: «Видишь, какое дерьмо, этот черт не желает идти нам навстречу».

— В пятницу вечером была убита женщина,— сказал полицейский Саикх.— У нее мы нашли твой номер телефона, и на автоответчике было от тебя сообщение. Поэтому...

— Сусанн? Сусанн Стенли?! — Эвен в ужасе посмотрел на них и опустился на стул. — Это она?

Полицейский кивнул.

— Ее нашли вчера в середине дня, она не пришла на работу. Когда ты разговаривал с ней в последний раз?

Эвен повернул голову.

— Говорил с ней? Я говорил с ней во вторник, значит, неделю назад, когда уходил из ее квартиры.

— Так ты знаешь эту квартиру, побывал уже там? — Это в разговор включился брюзгливый голос старшего полицейского.

— Квартиру? Нет, если ты имеешь в виду ее квартиру в Осло, то в ней я никогда не бывал. Но я был в Лондоне, у нее есть квартира в Лондоне, я... — Эвен замолчал и попытался успокоиться.

— У тебя есть алиби на вечер пятницы? — спросил Молвик.

— Вечер в пятницу... Откуда вы знаете, что она умерла вечером в пятницу?

— Отвечай на вопросы, которые тебе задают... — рявкнул старший полицейский и стукнул кулаком по столу.

Полицейский Саикх взглянул на Молвика, потом ответил Эвену:

— Судебный медик, проводивший вскрытие, говорит, что это случилось вечером в пятницу. Извини, но других сведений мы дать не можем, пока продолжается расследование.

— Убили, — сказал Эвен и нахмурил лоб, — ты сказал, что ее убили, но кто же мог... — Он сам слышал, как глупо это звучало, достал чашки. — Я не знаю, чем могу помочь, но что вы хотите знать?

— Где ты был вечером в пятницу, черт тебя побери!

Эвен сел, посмотрел старшему полицейскому прямо в глаза.

— Здесь. Сидел в комнате и слушал музыку панков и еще считал, используя числа больше ста — большие числа, другими словами. Слишком большие для старшего полицейского.

Молвик наклонился над столом и посмотрел на Эвена.

— Выпендриваешься, да? Все тот же великолепный и гениальный; думает, что с ним ничего не произойдет. А тебе пришлось туго, я вижу. Она отбивалась, когда ты ее душил? Она сопротивлялась, и ты наскочил на дверь? Надеюсь, что тебе было больно.

Эвен схватился за глаз.

— Это у меня появилось вечером в воскресенье, у меня есть свидетели.

— Да ну? И кто же? — Отрывка старшего полицейского докатилась до Эвена, он отодвинулся.

— Китти... Ее зовут Китти Банг. Я могу ей позвонить, она подтвердит. Мы были в кино вместе. На нас напала четверка подростков, которые хотели отнять машину. Минутку, я найду номер ее телефона. — Он пошел в комнату за мобильником. Он лежал у дивана. Эвен услышал, как на кухне хлопнула дверца шкафчика. Когда он вошел, старший полицейский сидел за столом, держа руку в кармане.

— Что там произошло? — спросил Эвена полицейский Саикх. — Вы заявили в полицию о краже автомобиля?

— Кражи не было. Мы избавились от них.

— Да, — сухо сказал Молвик, — я так и думал. Юный Вик не упускает ни одного шанса хорошо подражаться. Четверка подростков, сказал ты, я полагаю,

парней, а еще было сколько-нибудь девиц. Женщины любят в компании с тобой, Эвен Вик, умирать или разбивать себе голову.

— Заткнись, Молвик! Я знаю, что ты все еще вынюхиваешь, где что-нибудь найти, чтобы поймать меня на крючок. А тогда... Ты был свиньей, которая по-дружески...

— Я говорю сейчас не о твоей матери, хотя здесь тоже не хватило только доказательств... Я говорю о моей коллеге из конной полиции, которой разбил голову один чертов панк, наркоман, который хотел показать, какой он сильный и храбрый.— Молвик показал длинным узловатым пальцем, пожелтевшим от никотина, на руку Эвена.

— Ты был у меня под прицелом, но ты удалил татуировку, которая доказывала, что ты это ты. «666» — такая была татуировка на руке той свиньи, которая ударила женщину. Американское посольство прислало нам фотографии. А лицо у этого труса было закрыто платком. Но я знаю, что это был ты,— я *знаю* это,— последние слова он произнес шепотом.

Она не умерла. Получила цветы... Эвен тяжело дышал, был не в состоянии что-то сказать. Поправилась вскоре... Замужем за пожарником, живет в Шиэне.

— Несколько недель назад умерла твоя жена, твоя бывшая жена. Ты рассердился на нее, она предпочла мужчину, который не бил ее? Поэтому она поехала в Париж и там выстрелила в себя? А ты выбросил кокаин в унитаз, в этом ты сам признался.— Молвик говорил тихо, но так озлобленно, что брызги долетали до руки Эвена.— А теперь Сусанн Стенли, молодая красивая женщина. Она хотела бросить тебя, когда ты показал себя с плохой стороны? Ей тоже не нравились

твои садистские черты? Она не захотела нюхать наркотики вместе с тобой? У тебя руки по локоть в крови, Эвен Вик. И я это докажу, докажу...

— Старший полицейский Молвик! — Полицейский Саикх крепко ухватил его за плечо, пожилой полицейский мгновенно замолк. Он стряхнул руку, не отводя взгляда от Эвена, тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Рука полезла в карман куртки и вытащила пачку сигарет.

— Можно закурить?

Эвен покачал головой. Говорить он был не в состоянии. Но черт его побери, если проклятому привидению из прошлого будет разрешено курить в его доме!

— Я открою окно в туалете, заодно отолеку,— буркнул старший полицейский и вышел в коридор, не дожидаясь ответа. Эвен видел, что он сначала открыл дверь в спальню и только потом нашел туалет.

— Извини,— сказал полицейский Саикх.— Ночью мы почти не спали.

Эвен встал со стула, принес кофе. Налил им обоим, вставил колбу обратно в кофеварку, рука дрожала, и стекло стукнуло о металл. Потом Эвен открыл дверцу шкафчика и заглянул в мусорное ведро, пакет от кофе еще лежал там.

— Можно записать адрес твоей подружки?

— Она... в Южной Африке. Уехала вчера,— Эвен сел.— Вернется только через неделю. Я могу ей позвонить.— Он нашел номер мобильного телефона и нажал. Китти говорила, что нужно набрать ее обычный номер, и вызов будет переадресован. Сначала звонок звучал как обычно, потом раздался какой-то свист, несколько цифровых сигналов, как при наборе номеров разных далеких стран. Еще раз звонок, и вдруг голос Китти сказал:

— Алло.

Эвен так обрадовался, что услышал ее голос, что никак не мог что-то сказать.

— Привет, это... я, Эвен,— выговорил он наконец.

— Привет, Эвен, как мило, что ты позвонил. Мне тебя не хватает. Как дела? — Голос Китти звучал изда- лека. Было слышно, что она на улице, слышны голоса и автомобили.

— Мне тебя тоже не хватает,— сказал Эвен и засму- щался, потому что мало думал о ней в последнее вре- мя.— Вы на улице, такой шум вокруг?

— Мы направляемся на тренировку. Как тут чер- товски жарко. Но все остальное хорошо.

— У меня гости,— сказал Эвен и посмотрел на по- лицейского.— Здесь человек, который хочет с тобой поговорить. Хорошо?

— Да, конечно,— сказала Китти, в голосе звучало удивление.

Эвен протянул трубку Саикху, который предста- вился, потом стал расспрашивать о воскресном вечере, синяке под глазом, о фильме, о том, где они оставили машину. Получил какие-то ответы, которых Эвен не слышал, и, поблагодарив, вернул мобильный телефон Эвену.

— Ты еще тут? Я хочу поблагодарить за помощь,— сказал Эвен.

— Эвен, все плохо? Что случилось? Почему у тебя полиция? — Голос Китти дрожал от волнения.

— Ничего. Не думай об этом. Всего лишь недоразу- мение,— Эвен попрощался и отключился.

— Мне казалось, ты сказал, что не куришь.— Стар- ший полицейский Молвик стоял в дверях с сигарой в руке.

— Я не разрешил курить тебе.

Старший полицейский слабо улыбнулся.

— Можно мне взять одну, уж очень хороши на вид.

Эвен устало пожал плечами, его поташнивало, он хотел, чтобы они ушли. Самое последнее из всего, что он хотел сейчас, так это выкурить сигару Йелма. Молвик опустил сигару в карман и посмотрел на своего помощника.

— Ну, я думаю, мы узнали все, что нам требовалось. Спасибо за беседу, дверь мы найдем сами.

Они вышли в коридор, старший полицейский повернулся и заглянул в кухню.

— Прощание сегодня в тринадцать на Восточном кладбище. Твоего отца будут кремировать.

Он скрылся. Наружная дверь хлопнула, вскоре Эвен услышал, как автомобиль завелся, тронулся с места и направился в сторону дороги. А на Эвена кошмарной головной болью обрушилось прошлое.

ГЛАВА 67

Франция

—Э

то похоже на то, как если бы ты пробирался мимо ядовитого паука, крутился над сетью или под сетью, а паук тебя не видел,— Симон Латур вынул сигарету и поднес к губам, но тут его полные щеки покраснели, он быстро убрал сигарету. Май-Бритт сделала вид, что ничего не заметила, и сосредоточилась на управлении машиной, чтобы поддерживать скорость, положенную для средней полосы

автострады. Они проехали Бург-ан-Бресс, Май-Бритт позвонила в прокатную фирму в Лион и сообщила, что оставит автомобиль в Париже.

— Как долго ты этим занимаешься?

— Несколько лет назад я написал одну критическую статью о крупном местном политике в Тулузе, бонзе и мерзавце, какого надо публично повесить и четвертовать. Но сколько доказательств я ни представлял, редактор моей газеты отказывался ее печатать. Он даже запретил мне заниматься дальнейшими расследованиями и грозил увольнением. Это возбудило мое любопытство, я стал следить за обоими. И обнаружил существование в городе клуба, в котором оба состояли членами, и об этом клубе никто ничего не знал. Заседания проходили раз в два месяца на большой аристократической вилле. Однажды мне удалось проникнуть туда на кухню в качестве помощника; я спрятался за занавеской в их святая святых и впервые увидел тайное братство масонов.

Май-Бритт дала сигнал и промчалась мимо бензовоза. Финн-Эрик раньше был членом масонской ложи в Осло, но оставил ее, когда родился Стиг. Вообще-то, он сказал, что оставил ее, но у Май-Бритт было отчетливое ощущение, что некоторые из его так называемых орнитологических заседаний происходили в кругу братьев по ложе. Ей было безразлично, какие это были братья — по орнитологии или по масонству. Она не понимала другого: почему визит в совершенно безобидный мальчишеский клуб должен обставляться так таинственно. И, тем не менее, ей никогда не приходило в голову запретить Финн-Эрику посещать эти заседания. Лучше уж так, чем ездить в центр города и позволять хлестать по себе какой-нибудь бабе в стрингах и

сапогах, или что еще мужики выдумывают, когда делают это втихаря. Все дело, видимо, в их Y-хромосоме — этой детской любви к тайнам. Май-Бритт заметила, что Латур смотрит на нее.

— Да? — очнулась она. — Так что там было?

— Странное зрелище представляли собой взрослые мужчины, которые вели себя как набитые фантазиями двенадцатилетние подростки. Говорили высокопарно, с использованием титулов и почетных обращений, — Латур покачал головой и посмотрел в окно. — Ты не поверишь, если я расскажу все.

— Что именно?

— О том, кто является членом этих клубов для мальчиков. Что они делают, какие у них планы. Некоторые клубы, конечно, совсем безобидные, о них можно прочитать в газетах. Хотя некоторые — всего лишь фасад для других, более подозрительных, как...

— В каком смысле подозрительных? — остановила его Май-Бритт.

— Это значит, что некоторые братства имеют целью... — Он сидел, разглядывая по-зимнему скучные поля, мимо которых они проезжали. — Если я скажу, что один из бывших премьер-министров Норвегии состоит в тайном ордене, который всерьез допускает отмену демократии, ты мне не поверишь.

Май-Бритт улыбнулась, представив себе это.

— Да, не поверю.

— Вот видишь. Членство — это штука серьезная, но упомянутый премьер-министр и его тогдашний посол в США имели несколько встреч с организацией *The Fellowship Foundation*¹. Знаешь что это такое? — Май-

---

¹ Фонд «Братство» (англ.).

Бритт покачала головой.— Это христианская американская организация, охватившая своей сетью почти весь земной шар и в особенности сильная в Европе. Первоначально она была открыта для всех и объявляла своей целью повсеместное распространение одновременного чтения молитвы за столом перед едой.

— Но нет ничего плохого в том, чтобы произносить молитву одновременно,— сказала Май-Бритт с некоторой горячностью.

— Да, ты права. Это совершенно безобидно, но в течение последних пятидесяти лет в повестку дня *Fellowship* поставил нечто совсем другое. Организация стала гораздо более секретной, а стремление к власти куда отчетливей. В их внутреннем документе, который попал мне в руки, один из членов пишет, что они разделили организацию на ячейки, и признает, что эту идею они позаимствовали у мафии и у коммунистических ячеек, существовавших ранее. В сущности говоря, в том документе восхваляются Гитлер, Ленин и прочие деятели за то, что понимали значение концентрации власти в руках маленькой группы людей. Мало демократический образ мышления, скажешь ты.

Май-Бритт удрученно смотрела в окно.

— Ты утверждаешь, что Бундевик мог принимать участие в составлении всемирных планов конспирации? Это слишком глупо.

Симон Латур бросил на нее взгляд.

— Да, согласен. Я думаю, что он не знал, с кем связался, с кем хотел произносить молитву одновременно. Но дело в том, что он это сделал. И я согласен с тобой, что планы конспирации глупы, во всяком случае, до того, как они претворяются в жизнь. С другой стороны, мне трудно наблюдать, как американская политика

осуществляется при Буше, и при этом не думать, какие христианские братства получили поддержку своих ультраконсервативных амбиций во время его правления. У меня не было времени съездить в США и покопаться в этой грязи, но я готов поспорить на бутылку коньяка «Баллантен» 12-летней выдержки, что Рамсфильд, Вулфовитц и серый кардинал Буша Карл Ров — все являются «братьями» в каком-нибудь христианском клубе.

Май-Бритт раздраженно хмыкнула:

— Нужно иметь доказательства, прежде чем высказывать такое.

Латур поднял руку в знак того, что он сдается.

— Хорошо, хорошо. Я буду говорить о том, что знаю. Вот несколько примеров из прошлого.

В этот момент проезжавший мимо огромный трейлер послал целые каскады грязи на их переднее стекло. Латур молчал до тех пор, пока «дворники» не вернули им нормальный обзор дороги.

— Факты. В 1890 году в одном английском журнале была опубликована некая карта. На этой карте была изображена, как утверждалось, будущая Европа, какой ее хотели видеть тогдашние руководители масонов. Каким образом удалось заполучить эту карту, я не знаю, но самое поразительное состоит в том, что эта карта удивительно точно отражает ситуацию, которая возникла в Европе к концу Первой мировой войны, примерно тридцать лет спустя. Исчезли империи, прекратили существование некоторые монархии, все страны стали республиками. То, что монархии в Северной Европе еще существуют, может показаться противоречием, но королевские особы там не имеют никакой реальной политической власти, так что в этом смысле карта права.

— Ты утверждаешь, что Первую мировую войну начали масоны, которые хотели устроить в Европе революции и ликвидировать монархии? О, Господи...— Она бросила беглый взгляд на пассажира и опять сосредоточила внимание на дороге.— Если у тебя нет ничего лучше, то я думаю...

— Я только излагаю факты. Карта существовала в 1890 году, и ее «цель» в большей или меньшей степени достигнута через тридцать лет. Я не могу сказать, случайность это или же здесь прячется циничная политика. Я не историк, но карта, независимо от этого, подозрительно точна в своих предсказаниях. Собственно говоря, есть теории о том, что молодой босниец Гаврила Принцип и его поделельники, убившие наследника престола австро-венгерской монархии Франца-Фердинанда, получили деньги от тайной организации «Черная рука». Ее руководитель, если исходить из этих теорий, был членом тайного братства и получал приказы «из другой точки в Европе», хотя мы не смеем сказать, какой.

— «Черная рука»! Бог ты мой! — Май-Бритт не знала, смеяться ей или возмущаться.— Ты это серьезно? Это ведь название книги для мальчишек.

— Ты имеешь дело со взрослыми мальчишками, и надо твердо сказать, глупое это название или нет, что «Черная рука» реально существовала, о чем можно прочесть в любой исторической книге, рассказывающей о начале Первой мировой войны. Но позволь мне упомянуть еще одну карту. Она была опубликована в 1920 году в книге *Entente-Freimaurerei und Weltkrieg*¹. Немецкий писатель Карл Гейсе подверг глубокому анализу орден масонов и опубликовал некоторые из

---

¹ «Масонство Антанты и Мировая война» (нем.).

их тайных планов. Эта карта, как утверждал Гейсе, была хорошо известна среди высших чинов масонов, в последние тридцать лет особенно в масонской ложе, которая носила название «Шотландский ритуал».

Пока Латур увлеченно рассказывал, Май-Бритт поглядывала на него. Он был весьма необычным. Смешной, странный — она не знала, как его охарактеризовать. Спорт, судя по всему, был для него неизвестным понятием. Латур поддерживал себя в форме тем, что размахивал, как сейчас, руками, когда увлекался своими рассуждения, и мог делать это весьма долго. *Nerd?*¹ Обозначить его этим словом? Май-Бритт пришлось признаться себе, что она никогда не могла толком понять его. «Человек со всепоглощающим стремлением к учебе, научной деятельности и т. п.» — так говорит словарь. Ну и что? Это подходило ко многим. В таком случае надо сказать, что Эвен — математический *nerd*? А Финн-Эрик — орнитологический *nerd*? А она ньютоновский *nerd*, во всяком случае, сейчас? А все эти идиоты — поклонники спорта? Умные люди, которые ходят на лыжах, бегают на коньках, играют в гольф, гоняются на автомобилях в качестве главного дела в этой жизни, и каждого можно назвать *nerd*? В каждом из нас сидит *nerd*, подвела она итог и внезапно почувствовала какую-то симпатию к мужчине на соседнем сиденье. Она улыбнулась Латуру, и он, засмущавшись, остановил на мгновение поток слов, как будто она сказала что-то неприличное. Латур усиленно заморгал, глядя на ехавший впереди автомобиль, словно в глаз ему что-то попало, и провел толстым пальцем по усам.

---

¹ Человек, глубоко интересующийся чем-то одним, как правило наукой или техникой, и равнодушный ко всему остальному (англ.).

— Карта показывает Европу, в пугающей степени похожую на ту, которая формировалась на протяжении последних столетий. Особенно примечательно, что вместо царской России там появилась славянская конфедерация, которая напоминает нынешнюю Россию со странами СНГ. А Великая Германия, которая сформировалась в девятнадцатом веке, уменьшилась на карте до размеров, которые имела Западная Германия перед воссоединением.

— Значит, твои тайные братья не сумели воспротивиться воссоединению?

Латур проигнорировал иронический тон.

— Может быть, не хотели, не знаю. Строго говоря, я не знаю, насколько велико их влияние, но что оно существует, я убеждаюсь все больше и больше. Позволь, я приведу еще один, самый последний пример новейшего времени.

Май-Бритт сделала рукой широкий жест.

— Хорошая история сокращает путь.

Латур улыбнулся и продолжил.

— В 1981 году итальянская полиция нашла в сейфе одного итальянского бизнесмена нечто неожиданное. Они вообще-то заинтересовались им совершенно по другой причине, но их внимание привлек список из 962 имен. И это были не кто попало. Трое министров в тогдашнем правительстве. Сорок три члена парламента. Примерно столько же генералов, чиновников и дипломатов. В списке были четыре начальника полицейских округов крупнейших городов. Остальные тоже входили в высшие сферы итальянского общества.

— Любой человек может составить такой список,— тихо сказала Май-Бритт, когда он замолчал.

— Да, я забыл сказать, что это был список членов «P2». Ты помнишь это дело?

Май-Бритт покачал головой. В 1981 году она думала о размере своей груди и держала в голове совершенно другие вещи, а не итальянские тайны.

— Что такое «P2»? Итальянский радиоканал?

— Масонская ложа «P2» — это итальянский орден, ответвление большого объединения всех итальянских масонов *Grand Orient*¹. *Grand Orient* был весьма достойным и уважаемым объединением, признанным английским объединением лож, которое считает себя своего рода *Godfather*² и самопровозглашенным начальником всех других лож Европы. Но вернемся к «P2». Как выяснилось, это была тайная группировка политического правого фланга, создавшая тайное теневое правительство, которое должно было захватить власть в результате путча.

Май-Бритт скептически посмотрела на него:

— Шутить? Неужели это правда?

— К сожалению, все правда. Все это происходило так недавно, что ты можешь взять газеты и увидеть все написанным черным по белому. Но... — Он криво усмехнулся. — Есть и примеры более мелкого масштаба, в истории моего родного города. Редактор газеты является членом разного рода братств, поэтому никогда нигде об этом деле не писали, хотя оно того заслуживало. Куда пропали, например, результаты расследований английского объединения лож *Grand Orient*? Ложи и ордена во всей Европе, даже в Италии, отмежевались, конечно, от конспиративных

---

¹ «Великий Восток» (фр.).

² Крестным отцом (англ.).

идей «P2», еще бы. Но насколько искренним было отмежевание?

Май-Бритт подала сигнал правого поворота, они стали приближаться к съезду с шоссе.

— Бензин,— заметила она.

После заправки машины спутники зашли в киоск, купили воды и сделали себе бутерброды. Пожилая женщина за стойкой, одетая в черное крестьянское платье, которое деликатно скрывала всю площадь ее тела от ладоней до самого верха шеи, широко улыбнулась, насколько не переживая от того, что одного переднего зуба во рту не было. Май-Бритт заплатила и спросила про туалет. Женщина кивнула, позвала сына, потом помахала своей огромной рукой и вывела Май-Бритт во двор, где показала ей дверь с задней стороны дома.

— Ici ¹,— сказала она, улыбаясь, открыла дверь в помещение без окон и нажала на выключатель. Туалет состоял из дыры в полу. Но пахнет мылом, подумала Май-Бритт.

— Я могу вести машину, если ты хочешь отдохнуть.

— Со мной все в порядке,— Май-Бритт улыбнулась. У нее была собственная теория о том, что наступало автоматическое, заранее определенное природой повышение уровня тестостерона в тот самый момент, когда за руль садится мужчина. Другими словами, она чувствовала себя более спокойно и комфортно, если за рулем была она сама или какая-нибудь другая женщина.

Уже на шоссе они перекусили в машине, и Май-Бритт спросила:

— Как называются такие братства или ордена? Они католические?

---

¹ Здесь (фр.).

Симон засмеялся, дожевывая и ответил:

— Нет, только в самую последнюю очередь, потому что многие братства поначалу были своего рода протестом против католической церкви. Хотя есть и католические организации, как, например, *Knights of Columbus*¹.

Май-Бритт покосилась на француза, чтобы увидеть, что он предпринимает, чтобы на усы не попал майонез. Нет, ничего не предпринимает. Она сосредоточилась на дороге. «Всегда не любила усы,— подумала она,— и майонез тоже».

Латур пожевал немного и продолжил:

— Все зависит от того, как определять «орден» и «братство», поэтому вполне можно допустить, что в большинстве таких организаций есть католики. Обид они больше не держат, можно сказать так. Я могу назвать некоторые братства, и ты получишь представление об их многообразии. Уже говорилось, что существует христианская организация *Fellowship Foundation*, молодая, ей примерно сто лет. По основным положениям она, видимо, консервативно-протестантская. *Орден тамплиеров*, напротив, очень древний, с гностическими ритуалами и оккультными символами тринадцатого-четырнадцатого веков. Существует бесконечное количество ответвлений и вариантов этого ордена с похожими названиями. Например, *Рыцари тамплиеров* со штаб-квартирой в Тулузе, с ними, первыми, я и познакомился. Вначале это был местный орден, но у меня такое впечатление, что он распространился на большую часть Франции. Другие, такого же типа,— *Мальтийские рыцари*, *Мальтийский орден*,

---

¹ «Рыцари Колумба» (англ.).

*Golden Dawn*¹ и еще, как они там называются, — *орден Розы и Креста* — совсем иной, одна из больших загадок эпохи Возрождения, орден, основанный на философии герметиков, то есть алхимиков, если можно так сказать.

На его груди лежала половинка помидора, и Май-Бритт задумалась, сказать ему или промолчать. Такой вот экзистенциальный выбор и делает общение людей друг с другом привлекательным, подумала она и улыбнулась в зеркало. Темного цвета автомобиль «БМВ» на протяжении часа ехал за ними, но сейчас исчез.

— По-видимому, он растворился и исчез, — сказал Латур, и только через секунду Май-Бритт поняла, что он говорит не о «БМВ», а об ордене Розы и Креста. — Но он произвел на свет ряд дочерних компаний, как сказали бы бизнесмены. Я могу назвать более оккультные ордена, как *Temple of Hermetic*² или, например, *Братство Изиды*. Оба считаются довольно безобидными в смысле фанатизма. С другой стороны, в отношениях с фанатиками надо быть весьма осторожным. Некоторые из них не гнушаются никакими средствами, чтобы добиться поставленных целей. Возьмем, например, *Church of Satan*³, штаб-квартира которой находится в Калифорнии, но у них много братских организаций здесь, в Европе. Другая экстремистская американская организация — *ку-клукс-клан*. Можно спорить, является ли она таким же орденом, как орден тамплиеров, тут сложный вопрос дефиниций, но, во всяком случае, элементы структуры и тайные ритуалы у них общие — такого же рода, что и у мафии, можно сказать.

---

¹ «Золотой рассвет» (англ.).

² «Храм Герметики» (англ.).

³ «Церковь Сатаны» (англ.).

— Европа,— сказала Май-Бритт.— Гораздо интереснее с Европой. Есть ли в Европе большие, *по-настоящему* большие? — Она послала ему взгляд, который должен быть пронизывающим, показывать, что она не воспринимала всерьез ни его, ни его ненависть к орденам и братствам, но тут же почувствовала беспокойство. Подумала, не слишком ли невежливо будет поставить какую-нибудь музыку, тихую, лишь бы фон был успокаивающим. У нее в сумке лежали записи Шестой симфонии Бетховена в исполнении Лондонского симфонического оркестра под управлением Герберта фон Караяна, та старая, шестидесятых годов. Это, бесспорно, была ее «пилюля счастья», которую она пускала в ход, когда требовалось успокоить нервы или когда хотелось создать хорошее настроение. Звучание и точность записи были уникальными, и, кроме того, она затрагивала такие струны ее души и поднимала в ней такие чувства, что она всегда оживала и радовалась жизни. А что касается ку-клукс-клана и несимпатичных позиций... Можно что угодно говорить о дирижере Герберте Караяне — она читала, что многие именно это и делали,— но вплоть до самой смерти он был одним из наиболее гениальных дирижеров в мире. И *этого* у него отнять нельзя, независимо от того, что он порой вел себя весьма несимпатично. Странно, кстати говоря, многие гениальные люди были совершенно невыносимы в общении. Их представление о себе искажено талантом и безудержным почитанием, обычно окружавшим их, поэтому им оставалось видеть только свое совершенство, а себя считать своего рода суперменом! К счастью, Эвен не принадлежал к людям такого типа и не был настолько невыносим — его характер — детский сад по сравнению с такими людьми, как Ньютон и Караян.

Она незаметно улыбнулась и бросила быстрый взгляд на своего пассажира. Он казался ей человеком с заниженной самооценкой, не увлекающимся самокопанием и самоанализом, но все-таки что-то ранимое в нем ощущалось.

Наверняка музыку в момент своего рассказа он воспримет плохо.

Латур почесал свои косматые усы, нащупал майонез и слизал его.

— В Европе... ты говоришь? Большие? М-да, у нас есть орден, христианский орден, о котором я сам узнал совсем недавно. Вообще-то, я знал, что он функционировал 300 лет назад, но думал, что давно вымер. И только год назад обнаружил, что он существует как ни в чем не бывало. Это в высшей степени закрытая организация, по-видимому возникшая при распаде ордена Розы и Креста в семнадцатом веке. К моему удивлению, он — один из самых больших орденов в Европе, и в то же время он практически неизвестен для тех, кто не состоит его членом. *Невидимое братство* возникло в Лондоне, но...

— Невидимое!.. — громко закричала Май-Бритт. Автобус, ехавший сзади и начинавший обгон, стал подавать сигналы и мигать огнями. Она выровняла машину.

Симон Латур посмотрел через плечо на автобус.

— Да. *Invisible Brotherhood* — английское название. *Fraternitatis Invisibilis* — то же самое на латинском языке. Члены общества скрыты под рясами и капюшонами во время встреч и знают по именам только очень немногих. Это непроницаемая для непосвященных организация, и доказать существование ордена чрезвычайно трудно. Только руководители на самом верху знают о количестве ее членов и силе.

Fraternitatis Invisibilis! «*Effugium fraternitatis invisibilis*» — так было написано на зашифрованном листке, который она нашла в Кембридже несколько месяцев назад. Это должно быть тем самым братством, от которого Ньютон сделал попытку убежать, это те самые братья, от которых он кодом пытался скрыть свое сообщество. Она внимательно смотрела на дорожку.

— Почему ты заинтересовался именно этим братством?

— Меня интересуют все они, а это братство не больше других. Но я думал, что «Невидимое братство» исчезло. Его сила и размах потрясли меня, и я решил потратить на него немного больше времени. В свое время это было одно из самых фанатичных братств. Если верить слухам, организация применяла смертную казнь для членов, которые раскрывали ее тайные коды или покидали братство. Не все соглашались с этим. Но было известно, что «Невидимое братство» применяло ее на практике. Полгода тому назад, когда я встретил тебя в Лондоне, один источник дал мне бесспорные доказательства, что это братство распрекрасно существует и по сей день, оно незаметно превратилось в один из самых могущественных орденов Западной Европы. Впечатление такое, что братство распространяется, как клетки рака в старом ослабленном организме.

Май сжала руль так, как будто автомобиль сносило сильнейшим ветром. Впервые с тех пор, как она приступила к работе над книгой о Ньютоне, она почувствовала мерзкое ощущение, как будто едет по дороге, которая приведет ее туда, куда не следует. Когда она написала в «Тайне Второй», что Ньютона пригласил в братство мистер Ф., то это было на основании длительного изучения материала, различных записей и многих источников. Но

она писала о братстве, которое, если верить источникам, давно перестало существовать. Это было все равно, что писать о *tyrannosaurus rex* — омерзительном, но вымершем динозавре. И вдруг этот Латур говорит, что чудовище живо и, более того, стало еще страшнее, чем раньше.

Она отвернула колпачок с бутылки и выпила воду до дна. Симон Латур замолк, сидел себе, задумавшись, и смотрел на унылый пейзаж за окном. Те, кто за ней охотился — она чувствовала, что кто-то охотился, — это и есть невидимые братья? Один из невидимых братьев копался в ее бумагах в издательстве? Но зачем они это делали? Тоже гонялись за формулой Ньютона? Ну нет, это явная чушь. Откуда они могли знать, что она будет искать ее или найдет? Они не могли этого знать, *никто* не мог этого знать. Она не рассказывала про это ни одной живой душе.

А кстати: кто он такой, этот Симон Латур?

Голос в голове шептал ей, что следует забыть о Ньютоне и обо всем с ним связанном, сжечь записи и как можно скорее ехать к мужу и детям. Пусть другие люди интересуются и этим гением, и всеми его тайнами. Она больше не ньютоновский *nerd*.

Но она уже влюбилась в эту работу, связанную с гением. И еще... Разве не рискует тот, кто хочет победить?

ГЛАВА 68

— Когда я вошел в квартиру, Эвен Вик стоял, склонившись над телом, его руки были в крови. Он был вне себя, бушевал, пытался меня ударить и говорил слова, которые я не могу повторить в зале суда. Все

свидетельствовало о том, что он незадолго до того выплеснул гнев на свою мать,— Эвен вспомнил, что, рассказывая это, полицейский Молвик смотрел исключительно на судью.

Обвинитель отошел на шаг назад и спросил, были ли в квартире другие люди.

— Его отец,— ответил Молвик.— Сверре Вик лежал в кровати и спал.

Обвинитель сверился с записями в блокноте и спросил, не может ли полицейский подробнее описать состояние отца.— Он спал,— ответил Молвик.— Я только что сказал это.

— Да, но разве он не был в сильном опьянении? И разве не было крови на его руках и его одежде?

— Он спал и явно был не в состоянии совершить то преступление, которое было осуществлено по отношению к его жене.

— Вы были не первым человеком на месте преступления, полицейский Молвик, вы вообще не дежурили в тот день. Почему ваши свидетельские показания так сильно отличаются от заявлений двух других полицейских, которые мы заслушали сегодня?

— Их обманул этот парень, он хитрая сатана, заставил их поверить, что виноват Сверре Вик. Но я работал в паре со Сверре десять лет — нет, одиннадцать, если быть точным,— и знаю, что Сверре любил свою жену, он не из тех, кто может совершать такие поступки. А вот сын — наоборот,— в этот момент Молвик посмотрел на Эвена, и взгляд его был в точности такой же, как у отца.

— Они ненавидели меня за мои способности,— пробормотал Эвен и повернулся в постели, когда боли в животе усилились.

Он забрался глубоко под перину, прижал колени к груди. Лежал, спрятавшись от дня и света. Пытался заставить себя забыть про удары по глазам, про мозг, который хотел выпрыгнуть из черепной коробки. Они ненавидели меня, эти свиньи, ненавидели мой ум. За то, что учитель в школе обучал меня отдельно, потому что уже во втором классе я считал лучше, чем они могли только надеяться научиться считать когда-нибудь в будущем. За то, что меня называли гением. Директор пришел к нам домой и сказал, что мне надо идти в гимназию уже после восьмого класса. Эта свинья ненавидела меня потому, что не осмелилась отказать ему в этом. Отец и его чертов партнер ненавидели меня: я был другим, не таким, как они.

Под периной было темно. Глаза стали сухими и заболели от духоты. Он поморгал.

— Я ударил ее,— пробормотал он,— ударил констебля, женщину-полицейского.— Звук треснувшего черепа повторялся в ушах долгие месяцы после этого, он просыпался с громким криком среди ночи. Май приходилось обхватывать его и убаюкивать.

Май! О Боже, как ему ее не хватало! Если бы Бог был, Эвен отдал бы все, что угодно, только чтобы вернуть ее, чтобы ее руки снова обняли его. Он нарушил бы свое обещание, и они бы завели детей, он сделал бы все, что она пожелала, все темное выставил на свет, рассказал ей все свои тайны и позволил прогнать всякое зло силой добра.

— Я ударил ее,— бормотал он.— Но я думал, что это мужчина. Прочитал только на другой день в газете, что констебль оказался женщиной. Когда она сидела на лошади, не видно было... Я не знал...

Он закрыл лицо руками, лежал тихо. Лица женщин: матери, констебля, Май, Сусанн пролетели перед ним.

Сусанн, ну почему *она* должна была умереть? Какая доля его вины в этом? При чем тут его злоба? Связано ли это с преследователями Май? Он никак не мог понять, как она могла... И Китти тоже не было рядом, в такой момент, когда она была нужна больше всего...

Изображение лиц в сознании размылось, он отключился.

ГЛАВА 69

— Это *он*,— сказал Молвик.— У него на совести трупов — как мух на липучей бумаге над собачьим дерьмом. Ты видел ботинки в коридоре, две пары, обе сорок четвертого размера?

Саикх затормозил перед автобусом, который отъезжал от остановки.

— Отпечатки сапог в саду у Сусанн Стенли были сорок пятого размера.

— Но ведь это нормально, когда сапоги на номер больше. И у меня тоже так, чтобы оставалось место для толстых носков,— Молвик вытащил из бардачка машины пластиковый пакет, вынул сигару из кармана, понюхал ее и положил в пакет.— Сигара точно такая же, как та, что мы нашли в саду, могу поспорить. Запах тот же.— Он осторожно самыми кончиками пальцев вынул мятые бумажные салфетки с остатками пиццы из другого кармана и положил их в другой пластиковый пакет. Тушью написал дату, имя — «Эвен Вик» — и свои инициалы на обоих пакетах и положил их на заднее сиденье.— Передай их в Судебно-медицинский институт, пусть сравнят ДНК на салфетках с тем, что мы нашли на остатке той сигары.

Мохамад Саикх подъехал через служебный подъезд к полицейскому участку и остановился с другой стороны дома. Над ними кричали чайки, казалось, что они дрались. Молвик резко открыл дверь и вышел. Саикх громко сказал ему в спину:

— Ты же знаешь, что они не будут этого делать. Ты взял салфетки из мусорного ведра без его ведома, и у нас нет серьезных оснований для подозрений. Ты действуюешь не по правилам, потому что ты...

— «Нет серьезных оснований», — прорычал старший полицейский и просунул голову в машину. — У нас, черт побери, есть все основания, которые желательны и необходимы, и если ты не дашь газу своей черной заднице, то получишь от меня такой пинок, что мигом докатишься до самого Судебно-медицинского института.

Мохамад Саикх молча посмотрел в переднее стекло. Медленно взял рычаг переключения передач и включил задний ход. Молвик все еще стоял рядом.

— Эвен Вик стоял в пятницу вечером в саду и курил сигару, потом отбросил окурочек, — старший полицейский ткнул в Саикха длинным желтым указательным пальцем. — Он был в своих сапогах сорок пятого размера, вошел в дом и задушил Сусанн Стенли. Когда я это докажу, то разберусь и с твоей маленькой нахальной задницей. Не думай, что я буду терпеть такое поведение, — он покачал головой и с удивлением посмотрел на Саикха: — Так разговаривать со старшим полицейским?! Ни черта себе! — Дверь хлопнула так, что автомобиль затрясся.

Мохамад Саикх отпустил педаль сцепления и уехал со стоянки.

ГЛАВА 70

Все еще пребывая в приятном сне, в котором к нему прильнула Китти (или это была Май?) и куснула его за мочку уха, шепнула ему что-то, чего он не понял, что-то о том, что дневник был раньше конверта, Эвен потянулся и зевнул. Приоткрыв один глаз, он обнаружил часы на столике и тут проснулся полностью.

— Черт! Половина пятого! Почта сейчас закроется.

Он выпрыгнул из кровати, вбежал в гостиную и вызвал по телефону такси. Быстро в ванную, где с изумлением обнаружил, что ни голова, ни живот больше не болят. Умылся и оделся, не смотрясь в зеркало, сделал бутерброд, нащупал в кармане автомобильные ключи и выбежал.

Тут же подъехало такси. Когда он увидел мигание его огонька, вдруг вспомнил про ключ от абонентского ящика и, не дожидаясь сыра, крикнул: «Стойте!» Шофер подождал, пока он бегал в дом, чтобы вынуть из вчерашних брюк ключ. Движение по дороге в центр было перегруженным. Эвен, ругаясь про себя и посылая проклятия, открыл окно, чтобы вдохнуть свежий воздух. Есть расхотелось, он выбросил остаток бутерброда. Шофер с извинениями взглянул на него и включил радио. Эвен попросил убавить звук и вынул мобильник. Справочная дала ему номер телефона почтовой конторы Вика, а служащий объяснил, что почта закроется через две минуты, нет, подождать десять минут они не могут.

Он бесспорно опоздал.

Эвен удрученно вздохнул, заплатил и вышел из такси прямо в поток машин. Упавший духом, он без цели брел

по центру, зашел в кафе и выпил капучино. Подумал о Май, которая всегда заказывала капучино, и подумал о том, где она сейчас, — на том ли небе, в которое всегда верила, или же пребывает в долгом бесконечном сне, который Эвен считал единственным логическим завершением жизни. А может быть, это два разных названия одного и того же, того самого, о чем никто не имел ни малейшего представления, а все только мечтали и фантазировали? Как о рыбке, которую будут ловить в следующем году. Эвена всегда удивляло, что теологи и другие специалисты по «я-лучше-всех-вас-знаю» рассуждали и горячо спорили о вещах, о которых никто, абсолютно никто, *ничего не знал*. Все это было только догадками и предположениями. Большое спасибо судьбе за то, что он — математик.

«Осло-Сити» был еще открыт, и, хотя он терпеть не мог этих больших универмагов, ему вдруг захотелось купить что-нибудь Лине и Стигу. Когда он час спустя вышел, у него под мышкой было полное собрание немых фильмов Чарли Чаплина на DVD для Стига. Он не знал, подходят ли они четырехлетнему мальчику, но он не хотел упустить шанс. Головоломка с изображением котят и кукла для Лине были в самый раз. Он стоял и смотрел на машины, автобусы, такси, которые мчались мимо него, громко звонивший трамвай, вернулся в магазин и купил Стигу еще и большой автобус.

Через полчаса такси остановилось во Фрогнере, в квартале от дома Йелма. Эвен заплатил и подошел к красному «Фольксвагену», который резко выделялся среди блестящих серебром машин. Но Эвен надеялся, что Йелм не успел заметить его за это время. А если бы заметил, то подумал, что Китти завела нового любовника в этих краях.

Эвен отпер дверь и вполз в «мыльницу», завел ее и поехал по узким улочкам в сторону Маюрстюен. Нашел Слемдалсвейен, свернул на север, миновал Фрёен, Виндерен и поехал по кольцевой дороге на восток около Гэуста. Посмотрел налево.

Больница Гэуста, «Клиника психического здоровья», как изящно она теперь называется, была расположена среди деревьев. «Государственный приют» — так она называлась когда-то раньше... Однажды отец Эвена закричал на мать, что он отправит ее в приют, если она не перестанет канючить целый день. Это было правдой, кто-то из ее семьи был сильно с приветом. Эвен думал сначала, что отец имел в виду его самого, но позже выяснилось, что отец мамы, школьный учитель, который покончил жизнь самоубийством еще до рождения Эвена, несколько раз попадал сюда из-за постоянных депрессий. Дедушка тоже был талантливым математиком, это вспомнила мама, когда однажды неохотно стала рассказывать о своем отце. Эвен не понял, насколько утешительным было это сообщение. Граница между гениальностью и сумасшествием была неприятно тонкой, он это знал. Математик и лауреат Нобелевской премии Джон Нэш, о котором был снят фильм, был удачным примером гения, который периодически оскальзывался в мир безумия, — его сын воспринял обе линии — и математику, и безумие. Еще одним был отец теории множеств Джордж Кантор, который попал в больницу и умер там. Курт Гёдель, Шриниваса Рамануян и Алан Тьюринг были гениальными математиками, пытавшимися с большим или меньшим успехом покончить жизнь самоубийством, когда одолевало безумие. А весь список гораздо длиннее.

— Профессия с повышенным риском — так, пожалуй, это надо называть,— пробормотал Эвен и включил сигнал поворота, собираясь свернуть к Крингшо.

Ставя машину около дома Финн-Эрика, Эвен, к своему удивлению, увидел флаг, вывешенный рядом с дверью. Воздушные шарики, красный и синий, были привязаны к перилам. Финн-Эрик открыл дверь и удивленно посмотрел на него.

— Как ты узнал?..— спросил он и посмотрел на подарки.

— Узнал о чем? — сказал Эвен и вошел.

Стиг выбежал в коридор с картонной короной на голове. СТИГ 5 ЛЕТ — было написано золотыми буквами на ней между наклейками с Человеком-Пауком и Капитаном Саблезубом.

— Привет, Стиг, поздравляю с днем рождения! — Стиг большими глазами смотрел на четыре пакета.— Два из них для Лине.— Эвен с удовольствием любовался, как усердные ручонки отрывали от бумаги большие куски.

— Хочу попросить тебя списать для меня номера телефонов, которые остались на мобильном Май,— шепнул он Финн-Эрику, когда на них никто не смотрел.

Финн-Эрик сразу согласился.

— Э-э... да. Получишь до ухода. Тебя побили?

Эвен дотронулся до глаза.

— Наскочил на дверь.

— Кстати, сюда приходил старший полицейский Молвик из полицейского управления. Он хотел проинформировать, что продолжается расследование обстоятельств смерти Май.

— Он приходил к тебе *сегодня*?

— Да, днем. Он вел себя очень мило, долго разговаривал, спрашивал, как дела. Спросил, есть ли у меня

контакты с тобой. Был несколько удивлен, что мы в хороших отношениях.

Эвен изобразил улыбку и пробормотал:

— Ну да.

— Он захотел узнать, что мы выяснили, поэтому я сказал о том, что именно ты нашел у Китти и еще про то, что ты съездил в Лондон. Я сказал, что ему следует поговорить с тобой.

Эвен подавил стон.

— Ну вот, а теперь торт,— Финн-Эрик кивнул в сторону комнаты.

Отец Май, ее сестра с мужем, а также их дети, двое всем недовольных тинейджеров, сидели у дивана вокруг прекрасно накрытого стола. Эвен сказал, что только забежал отдать подарки, что у него назначена встреча и он мешать не будет. Финн-Эрик радушно пригласил его присесть и угостил чашкой кофе. Еще одно место найдется, никаких проблем. Сестра покосилась и сдержанно поздоровалась. Стиг попросил показать ему тут же один из чаплинских фильмов.

— Сначала торт,— сказал Финн-Эрик. Как раз предстояло разрезать торт с пятью горящими свечами. Стиг задул их — со второй попытки. Все захлопали.

Спустя два часа Эвен доехал по короткой дороге до Согнсванна и поставил там машину. Шел мелкий моросящий дождь, Эвен поднял воротник куртки выше ушей и, спотыкаясь, пошел между деревьями вниз к воде. Час или два бродил он по дорожкам между деревьями, пока, наконец, ноги не стали похожи на вареный лук, а ночной туман не сделал все вокруг холодным и влажным. Ботинки стали грязными, носки мокрыми. Он увидел около воды скамью и сел, не обращая внимания на то, что брюки

тут же намокли. Пара лебедей злобно посмотрела на него, а он все продолжал думать о числах, начиная с самого момента, как ушел со дня рождения. Маленькие числа 5 и 9 — он оперировал ими так, словно математика состоит из демонических символов, как будто ему самому пять лет, и он никогда не встречался с подобными числами. Наконец он замерз, зубы стали стучать, он поднялся со скамьи и пошел назад к машине. Миновал Высшую народную школу со спортивным уклоном и даже не подумал о Китти, подъехал к своему дому при свете первых слабых лучей солнца, вошел в дом и улегся в постель, забрался под перину, как пятилетний ребенок, который боится темноты. Почувствовал удушье, высунул голову, увидел плакат с Клэшем и подумал, что «он» стал похож на такую же музыку. Подумал вдруг, что он, Эвен Вик, должен научиться принимать нормальную здоровую пищу, а не лопать пищу, следить за собой и не подвергать себя опасностям. Относиться к себе ответственно.

У него вдруг появились сомнения. А если Май была неверной женой?

Нет, она — не из таких... *была* не из таких. В ее жизни *такое* было невозможно. Позвоню Финн-Эрику и спрошу у него. Когда наступит утро.

ГЛАВА 71

— Да?

— Привет, это Эвен. Спасибо тебе, все очень мило было вчера.

— Послушай, Эвен. Мне нужно сейчас отвести Стига к «дневной маме»... Ты можешь позвонить мне...

— Одну минутку. Э-э... этот телефонный список, эти... номера, записанные в нем, ты не знаешь их, то есть людей, которым они принадлежат?

— Нет, если там не написаны имена рядом. Ты видишь, я написал их карандашом?

— Да, да. Все правильно, но...— Эвен почесал в затылке. Вот черт, как про это трудно спросить.

— Но?..— голос Финн-Эрика был нетерпелив.— Только это ты и хотел спросить?

— Нет, э-э... Есть еще кое-что, но я думаю, с этим можно подождать.

Финн-Эрик тут же прервал связь, а Эвен почувствовал себя идиотом. Он посмотрел на часы и взял ключи от машины.

В девять утра он стоял у входа в отдел абонентских ящиков почтовой конторы Вика, и не успел служащий отпереть дверь, как он вошел, повернул налево и направился вдоль синих ящиков.

Он нервно присел и вставил ключ в замок абонентского ящика номер 1220, помедлил и подумал, что он будет делать, если номер неправильный. Потом нажал на ключ и почувствовал, как он легко поворачивается, словно замок только что смазали. Эвен открыл ящик и вынул большой конверт с французскими марками. Он был туго набит и закрыт двумя пружинными зажимами.

— Я только посмотрю...— тихо пробормотал он, словно хотел извиниться за свое любопытство. Один зажим со звоном упал на пол. Он остался сидеть на корточках, положил конверт в ящик открытым верхом в свою сторону и вынул много бумаг и отдельно дневник. Он стал медленно перелистывать бумаги, записи о лич-

ной жизни Ньютона, о его письмах друзьям, о визитах и тайных встречах. Ряды дат и имен помощников, друзей и знакомых Ньютона с указанием, когда это было. Копии книг и статей, выписок из книг Ньютона. Эвен открыл дневник в первом попавшемся месте.

19 ноября, Париж

Сегодня ехала из Женевы в Париж вместе с Симоном Латуром.

Он — странный человек. Рассказал историю, которая настолько фантастична, что нужно быть автором приключенческих романов, чтобы сочинить такое. О биче Европы, тайном братстве, которое везде плетет свои сети. Это обратная сторона художественного повествования, то, чего мне надо остерегаться, — не поддаваться очарованию безграничных возможностей сочинительства, так как это отразится на достоверности истории.

Мне не понравилось, когда он упомянул Невидимое братство. Все равно что читать листок Ньютона, который я нашла в Кембридже, или читать то, что я написала о встрече мистера Ф. и Великого Магистра. Мне подумалось, не является ли это предупреждением мне, косвенным сообщением о том, что он следит за мной, — если это он.

Это должен быть он — какие еще «случайности» могли привести его в Женеву как раз тогда, когда там была я? Какие «планы» он должен составить, чтобы направляться в Париж именно тогда, когда я собиралась сделать это?

Я решила остановиться в большой гостинице на Монмартре, а не в моей обычной гостинице, не хотела, чтобы он знал, где я обычно живу.

У него соседний номер, он пригласил меня прогуляться по городу завтра вечером. Он что-то мне покажет, так он сказал. Но я выеду завтра утром, он не будет этого знать, а я поеду...

Дневник Май и все вокруг Эвена вдруг потонуло в ярком свете, который молнией осветил почту. Эвен изумленно обернулся и увидел человека с огромным фотоаппаратом, который был обращен к нему.

— За каким чертом ты это делаешь! — Вспышка сработала еще раз, ослепив Эвена, он завопил, выпрямился и бросился за мужчиной. Фотограф выбежал из здания почты и припустился по улице. Эвен чуть не наткнулся на пожилую женщину на тротуаре, выронил дневник Май и несколько листов, остановился, запыхавшись, чтобы поднять их. Одна девушка подхватила листок, который ветер хотел перенести через улицу Хокона VII. Эвен поблагодарил ее и осмотрелся по сторонам, фотографа и след простыл. С проклятиями он вбежал в здание почты, хотел поговорить со служащими за стойкой, спросить, не узнал ли кто-нибудь этого мерзавца, но там стояла очередь, и все служащие были заняты. Он засомневался, что кто-то вообще обратил внимание на происходившее.

Поэтому он пошел к абонентским ящикам, раздраженно посмотрел на то место, где стоял человек, как будто пол был виноват тоже. Посмотрел на удивительный мир синих ящиков с белыми номерами. Какого дьявола потребовалось этому мужчине фотографировать все это? И его, человека около абонентского ящика?

В секторе никого не было. Ящик номер 1220 был единственным открытым. Но зато открыт он был полностью. Ключ еще торчал в замке, Эвен это видел. Хо-

рошо, что никто его не взял. Колечко, к которому он присоединил ключ, слабо болталось, словно недавно в секторе дул ветер.

О Боже! Эвен широко раскрыл глаза. Как глупо он себя вел... Тремя прыжками он подскочил к ящику, уже приготовившись к тому, что увидит, заглянул в четырехугольное отверстие и испустил громкие проклятия.

Ящик был пуст.

ГЛАВА 72

Осло

Телефонный звонок из Швейцарии поступил за неделю до Рождества во время утреннего заседания. Май-Бритт уже давно перестала ждать ответа, кроме того, весь декабрь у нее были другие многочисленные дела, и она отложила «Проект Ньютон». Йелм и коммерческий директор раздраженно посмотрели на нее. Она вынула мобильный телефон из сумки, чтобы отключить его, но вместо этого уставилась на номер.

— Сожалею, но я вынуждена его принять, — редактор Эспенсен, как всегда, презрительно фыркнул, если кто-нибудь в его присутствии делал что-то такое, что, по его мнению, не могло понравиться Йелму. «Чтоб у тебя язык отсох», — зло подумала Май-Бритт и вышла в коридор.

— *Oui*¹, это Май-Бритт Фоссен, — сказала она и узнала голос человека из Женевы. Он рассказал коротко и

---

¹ Да (фр.).

ясно, что проследил пути большей части библиотеки, принадлежавшей семье Фатио де Дюилье. Она попала в три места, но возможно, что теперь их стало больше, если кто-то из адресатов позже перепродавал книги. Он сожалеет, что, кроме частного коллекционера в Женеве, с которым он поддерживает постоянный контакт, нет возможности проверить других, так как они находятся за пределами его страны. Май-Бритт вошла в ближайший кабинет, попросила бумаги и сказала:

— Я готова писать.

Он назвал два адреса, оба в Париже. Один — частного коллекционера по имени Жюлиус д'Альвейдр, другой — антиквариата в Латинском квартале: магазин старой книги «Бернано».

Оставшиеся наследники рода де Дюилье распродали библиотеку в начале 1930-х годов, когда были в стесненных условиях во время депрессии. Частный коллекционер в Женеве, а вернее, внук того, кто купил собрание, был готов показать Май-Бритт книги, если она этого пожелает.

Май-Бритт не хотела говорить, что она охотится за *Origins of Gentile Theology* и ответила, что сначала поедет в Париж.

— Я обращаюсь к вам, если потребуется дополнительная помощь. Сколько я вам должна?

Человечек назвал вполне приемлемую сумму и номер своего банковского счета, они обменялись вежливыми фразами, разговор закончился.

Когда Май-Бритт вернулась, Один Йелм остановился в двух метрах от нее и свирепо посмотрел.

— Что это столь важное, что ты ушла с единственного за месяц заседания, на котором я требую обязательного присутствия всех?

— Я сожалею,— она развела руками и неуверенно посмотрела вокруг.— Но это писатель, живет во Франции. Он пишет книгу о... тайных обществах, а сам, как бы это сказать, полон тайн. А сейчас он позволил мне, чтобы сказать, что готов показать фрагменты книги.— Она сделала голос потверже и посмотрела Йелму в глаза: — Это будет бомба, как мне кажется. Ты, например, знал, что есть премьер-министры, президенты и генералы в разных странах, которые заседают в этих самых тайных братствах и разрабатывают планы о переделе стран, вплоть до уничтожения демократического строя некоторых из них?

Если тебе надо соврать, используй вместо лжи правду, тебе самой ее легче запомнить, а другим труднее разоблачить, сказал однажды Эвен. Похоже, он говорил на основании собственного опыта, подумала она тогда.

Йелм поднял голову, как собака, почуявшая дичь.

— Тайные общества? Какие общества?

— Нет, э-э... Он не назвал ни одного, но это невидимые братства, тайные ордена.

— Его имя?

— Премьер-министра? А, ты имеешь в виду писателя? Фамилия — Латур, имя — Симон.— Она запервничала, почувствовала себя больной. Совсем не привыкла к таким вещам, ей показалась даже, что она натянула нос самой себе.

Йелм кивнул:

— Подожди с ним до Нового года. Сейчас мы должны думать о рождественских продажах. Ты не забыла, что у тебя встреча с Фредриком Нурхеймом в агентстве «Нурли» ровно в двенадцать? Он должен поставить подпись.

— Да-да,— Май-Бритт кивнула. Посмотрела на записку в руке, подумала, что она ждала веселого Рождества с детьми и Финн-Эриком, но самый лучший подарок на Рождество уже получила — и притом заблаговременно.

ГЛАВА 73

Эвен посылал небу проклятия, мысли его путались все время, пока он ехал с почты домой. Дневник был в конверте среди бумаг. Сверху копии, потом записи, потом дневник, а потом что?.. Поглядывая на дорогу, он перелистывал пачку, лежавшую на пассажирском сиденье... Потом другие записи, их множество, потом... еще одна «Тайна». «Тайна Третья. Физика в движении... (не по закону)» — так было написано на первой странице. А ниже ничего нет. «Тайна Третья» лежала в самом низу... Теперь.

Итак, вор украл сам конверт и все то, что оставалось в нем. Что же там было, черт побери? Какого дьявола он так сглупил, что побежал вслед...

Дискета, подумал он, когда поставил машину и вошел в дом. Возможно, пропала дискета, потому что здесь ни одной нет. И еще какие-то бумаги! Он вспомнил, что не вынул их все — пальцы не захватили самые нижние. Была надежда, что страниц не так много. Там что-то разоблачительное?

То, что он попал в ловушку, сомнений не было. Неужели ее подставил Молвик, эта свинья?

Эвен запер входную дверь и вошел в комнату. Окинул ее привычным быстрым взглядом, проверил бу-

маги на письменном столе, размещение стульев, дисков и журналов на диване — он расширил сферу контроля после визита к нему «водопроводчика» Поулсена — но нет, к нему домой никто не приходил.

Он положил почтовый ключ в ящик письменного стола, посмотрел внимательно на него, потом коленом закрыл ящик. Какой дьявол мог знать, что он сегодня поедет на почту?

Раздался телефонный звонок. Эвен схватил его и раздраженно буркнул:

— Да?

— Привет, это я, Китти. Что-то случилось? У тебя недовольный голос.

— М-да, не могу найти кое-какие бумаги,— растерянно ответил Эвен и сел на стул.— Ну и каково у вас там на югах?

— Прекрасно. Сейчас пойдем на тренировку... Я хотела только позвонить и услышать, как... я имею в виду вчерашнее? У тебя проблемы? Что хочет полиция? Я хотела позвонить вчера, но... Я испугалась, что с тобой что-то случилось.

— Ничего, успокойся. Все прекрасно, все о'кей. Я вчера вечером был на дне рождения, старшему ребенку Май и... Финн-Эрика исполнилось пять лет,— Эвен сел на стул у письменного стола и посмотрел на ящичек у телефона. Горел зеленый огонек. Чужих ушей не было.— А полиция провела обычную рядовую проверку. Мне кажется, кто-то из парней в тот воскресный вечер попал в больницу с травмой и опознал меня. Полицейские хотели услышать нашу версию происходившего. Что-то в этом роде... Я в точности не знаю. Они ушли сразу после разговора с тобой и были, по-моему, довольные. «И это, в общем, не ложь»,— подумал Эвен. Молвик, эта свинья,

был доволен собой, как американский президент, победивший на повторных президентских выборах.

— Значит, все хорошо? — В голосе Китти звучало неуверенность. Он почувствовал, что рад слышать это — рад, что кто-то волнуется за него. Такого с ним не бывало уже давно.

— Да-да, не думай об этом. Грейся на солнышке. Кстати, раз уж я беседую с врачом... — Он помедлил: очень глупо спрашивать?

— Да?

— Так вот. Когда стерилизуют мужчину, то перерезают семявыводящий проток, ну, знаешь. А может ли он потом срastись, я имею в виду, сам по себе, и может ли потом... Ну, понимаешь.

— Может ли снова наступить оплодотворение?

— Да.

— Да, такое наблюдалось. Удаляют по кусочку каждого протока в обоих яичках, как ты, конечно, знаешь. Случалось так, что два кончика этого протока сами собой снова соединялись и могли пропустить некоторое количество спермы. Но это бывало чрезвычайно редко.

— Как редко?

— Н-ну, не знаю, два-три раза на тысячу, я думаю, примерно так. А почему ты спрашиваешь?

— Да, всего лишь... Мне вчера позвонил один из моих университетских друзей. Жена его забеременела, хотя он разделил протоки двенадцать лет назад. Теперь он чертовски зол и думает, что у нее кто-то есть на стороне. Я подумал, что я что-то похожее уже слышал о том, что ты рассказываешь, поэтому...

— Значит, ты не волнуешься от того, что я забеременела от тебя, — раздался в трубке смех Китти.

— От меня? Ну нет. А может быть, все-таки от меня? — Он вдруг занервничал.

— Очень сомневаюсь. Я пользуюсь спиралью, и, кроме этого, у меня только что была менструация. Но мне надо бежать, остальные ждут.

— Да, хорошо. Минутку, еще вопрос. Когда это Май передала тебе тот конверт, ну, знаешь — помнишь?

— Надо точно?

— Как можно точнее...

— М-да, нелегко. Мне кажется, как-то в ноябре, в середине... А почему?

— Нет, ничего — есть одна мысль.

— Прекрасно, но мне пора...

— Да-да, понимаю, не буду тебе мешать. Спасибо за звонок, — сказал Эвен и положил трубку.

23 сентября. Май послала первый дневник в абонентский ящик. С готовой программой книги, множеством записей и двумя «Тайнами».

Ноябрь, говорит Китти, середина... Он размышлял и пришел к выводу, что Май наверняка положила в конверт незаконченную программу и случайные записи — а также «Тайну Первую», и только ее одну — чтобы заострить его внимание, пробудить любопытство. Она должна была гарантировать, что он все завершит, что он додумается до записи из «Гермеса Триса», что он доберется до формулы Ньютона. Должно же быть какое-то объяснение этому расхождению...

Отец. Папа. Слова, которые для него всегда означали страх и ненависть. Они были синонимами побоев, боли и ругани. Злобы. Он сделал глубокий вдох и выглянул из окна. Разве могло это быть по-другому для него? Мог бы он, если бы не говорил эти слова, а слышал их как обращенные к себе, вложить в них... доброту, радость...

любовь? Было это возможно при той жизни, которую прожил он? Мог он держать злобу под контролем, потому что знал, что она существует и только ждет, когда ей дадут подпитку?

Пять лет. Вчера. По-другому и быть не могло. Май ушла от него пять лет, семь месяцев и... еще сколько-то дней тому назад — он, к своему изумлению, обнаружил, что потерял счет. Это значит, что она была беременной, когда уходила от него. Насколько он знал, прошло несколько месяцев, прежде чем она встретила Финн-Эрика. Таким образом, *неминуемо*, он, Эвен Вик, был отцом Стига.

Эвен выглянул в окно: красный «Фольксваген» сиял под утренним солнцем, чистый после ночного дождя. Он посмотрел на улицу, нет ли там незнакомых автомобилей. Посмотрел на людей, которые шли или ехали по улице. Обернулся и посмотрел на бумаги, лежавшие на столе.

Уязвим. Он вдруг стал уязвим. У него появился сын, которого можно использовать в борьбе с ним. Если кто-нибудь узнает... Нет, он не будет никому говорить, не будет звонить Финн-Эрику и спрашивать о чем бы то ни было. Никто не должен знать про это.

Но сам Финн-Эрик знал. Должен был знать. Май была на пятом месяце беременности, когда они встретились. Но он не знал, что Эвен знал это. И лучше всего, если так и будет. Всегда, вечно. Эвен не принадлежал к числу «папаш». Он был совсем не той моделью для подражания, какая нужна ребенку, он не был способен нести такую большую ответственность. Финн-Эрик являлся самым лучшим в мире и самым заботливым папой. Никакой злобы в генах. Скучный, но добрый.

Решение было принято.

Эвен пододвинул поближе «Третью Тайну», удивился названию: какое движение в области физики не подчиняется законам Ньютона? И приступил к чтению.

ГЛАВА 74

Тайна Третья

«ФИЗИКА В ДВИЖЕНИИ... СНЕ ПО ЗАКОНУ»

*Тринити-колледж, Кембридж, Англия
17 октября 1672 года*

ара в комнате была ужасной, железная печка стала почти красной, содержимое тигля весело кипело, а большие пузыри лопались с громким треском.

— Дай мне, пожалуйста, соляную кислоту,— сказал Ньютон и помешал содержимое тигля.

— Соляную кислоту?! Но ведь тогда...— Уиккинз растерянно посмотрел на коллегу.

— Одну ложку,— Ньютон показал на стеклянную ложку, лежавшую на столе.— Пробы и ошибки, Уиккинз, пробы и ошибки, на этом и учатся. *Regulus*¹ железо $9 \frac{1}{4}$, медь 4 дает субстанцию с тонкой полусферической пленкой. Я хочу очистить смесь и повесить ее духовную ценность.

Уиккинз задумчиво кивнул.

---

¹ Кристаллическое (лат.).

— Но ведь соляная кислота... — промямлил он, — разрушит...

Он посмотрел на неподвижную спину Ньютона, взял бутылку с соляной кислотой и отлил из нее нужное количество.

— Спасибо, — буркнул Ньютон и вылил содержимое в кипящую массу, продолжая помешивать.

Результат не замедлил проявиться. Желтый едкий дым пошел из тигля и стал распространяться по комнате. Пузыри запрыгали с быстро возрастающей скоростью, дым подступил к горлу. Ньютон отскочил, размахивая руками, Уиккинз открыл окно во двор и закрепил крючками, чтобы оно не захлопнулось.

Некоторое время спустя они стояли за порогом и смотрели на комнату, погруженную в кромешную тьму. Ньютон с трудом мог разглядеть в углу свою кровать и изобразил на лице гримасу.

— Я думаю, мне придется просить тебя позволить мне спать сегодня в твоей кровати, дорогой Уиккинз. Спать здесь — значит умереть раньше срока.

Уиккинз посмотрел на друга, с которым делил жилье уже десять лет.

— Мне это доставит удовольствие, и я думаю, что... — Он показал на кровать Ньютона, — что эту пропитанную ядом перину мы оставим здесь.

Они взяли фонарь и вошли через маленькую прихожую в комнату Уиккинза, разделись и легли на узкую кровать. Оба были только в ночных рубашках. За окном опускалась октябрьская ночь, они слышали возглас из окна у ворот, кто-то ответил. Громко закричала ворона откуда-то с крыши. Уиккинз лежал на боку спиной к Ньютону. Так они молчали некоторое время, замечая, как тепло соседа заставляет другого дрожать. Потом

Ньютон встал, положил руки на бедра друга, наклонился и задул фонарь. В комнату вошла молчаливая освобождающая тишина.

Королевское общество, Лондон

12 июня 1689 года

Исаак Ньютон разговаривал с Робертом Бойлем и Джоном Локком, когда раскрылась дверь. Президент Королевского общества лорд Браункер показывал рукой путь пожилому джентльмену очень приятной наружности. Вошедший имел ясный взгляд, который, казалось, пронизывал всех насквозь. Лорд Браункер в своей обычной высокопарной манере представил научному сообществу нидерландского профессора Христиана Гюйгенса. Профессор почтительно наклонился и стал прогуливаться по залу, поочередно разговаривая с членами Общества. Темноволосый молодой человек шел следом, громко смеясь и приветливо улыбаясь; он, судя по всему, сам себя провозгласил оруженосцем Гюйгенса.

— Кто этот молодой мужчина, идущий за профессором? — тихо спросил Ньютон у Бойля, который обычно был в курсе всех сплетен.

— Это Никола Фатио де Дюилье, швейцарский математик, который приехал в Англию несколько лет назад. — Бойль говорил так громко, что Хук, отвечавший в Обществе за эксперименты, с раздражением повернулся к ним, но это несколько не смутило Бойля. — Он сопровождает Гюйгенса в поездке по Англии в это лето. Активный и привлекательный молодой человек, сказал бы я. Кстати говоря, мне припоминается, что он пробует объяснить твою теорию о влиянии каждой данной массы на другие массы тем, что называет теорией поддержки. Он наверняка с

удовольствием объяснит тебе свои идеи, потому что, насколько я знаю, стремился с тобой встретиться.

— Вот как, — произнес Ньютон и поклонился подходившему Гюйгенсу.

— Очень рад встрече с вами, профессор Ньютон, — сказал Гюйгенс с большой искренностью в голосе. — Я долго ждал момента лично принести вам извинения.

Ньютон еще раз поклонился, с осторожностью и выжидая. Такие ясные и решительные заявления не были приняты среди коллег по Обществу, поэтому он подумал, нет ли тут ловушки.

— Когда мы в свое время обсуждали вашу теорию о разложении света на составные цвета, то для меня это была гипотеза, основанная на очень интересной, но утопической мысли. Дело в том, что мои размышления давали другой ответ. Позднее я в большей мере понял ценность экспериментов, которые отвергают или подтверждают гипотезу и, как в вашем случае, превращают ее в теорию, не подлежащую опровержению. Я человек старый, закостенелый, упрямый и привыкший к своей правоте. Должен признать, вы меня научили, что с этими точными документированными экспериментами наука вошла в новую и важную эру.

— Профессор Гюйгенс, для меня это слишком большая честь... — заикаясь, произнес Ньютон.

— О, нет, вовсе нет. Мне следовало уже давно высказать вам свою поддержку в эпистолярном жанре, но я несколько лет назад попросил профессора Хука передать вам мои извинения, потому что, как я понял, у меня и у него были одни и те же возражения, — а также одно и то же недостаточное умение подкреплять доказательствами свои аргументы.

Краем глаза Ньютон увидел, как Хук старается затеряться в толпе. Он явно расслышал сказанное Гюйген-

сом и не хотел публично нести ответственность за то, что извинение не было доведено до Ньютона.

— Я слышал, что несколько лет назад у вас был пожар в рабочем помещении, — выразил сочувствие Гюйгенс. — Это кошмар для ученого — внезапно лишиться результатов своих исследований и все начать с самого начала.

Ньютон благодарно поклонился и не стал комментировать событие. Гюйгенсу задал вопрос Джон Локк, и они стали обсуждать теории преломлении световых и звуковых волн.

— Мое имя Никола Фатио де Диюлье, для меня большая честь встретиться с вами, мистер Ньютон, да, большая честь.

Ньютон повернулся к молодому человеку и улыбнулся:

— Рад встретиться с вами, мистер Фатио де Диюлье.

— Зовите меня Никола, если мне будет дозволена эта фривольность, — отвечал швейцарец и смиренно поклонился. — Надеюсь, у меня будет возможность представить вам мою теорию.

— Разумеется, — предупредительно ответил Ньютон. — У нас впереди целое лето.

Тринити-колледж, Кембридж, Англия

22 октября 1689 года

«Дорогой Никола!

Я ужасно рад, что ты — друг мистера Оливеуса, и сердечно благодарю за то, что ты любезно познакомил меня с его наблюдениями из области алхимии. Они, без сомнения, продвинули меня в экспериментах, которые мы начали, когда ты в последний раз был у меня. Я планирую поездку в Лондон на следую-

щей неделе и хотел бы жить вместе с тобой. Я возьму с собой книги, которые ты захочешь посмотреть, а также твои письма.

Мистер Бойль использовал различные поводы, предлагая мне обмениваться информацией по этим вопросам, но я отказывался из-за его безалаберного образа жизни и из-за того, что он общается с людьми любого сорта. На мой взгляд, он также слишком открытый и слишком увлечен собственной славой. Пошли всего лишь одну-две строчки, можно ли мне жить в том же доме, что и ты, или ты хочешь, чтобы я нашел другое место проживания.

До скорой, как я надеюсь, встречи...»

Перо остановилось. Ньютон долго смотрел в окно. Потоки дождя обрушились на город, как будто возвещая о приближении нового наказания Божьего. Ньютон вздохнул, подписал письмо и запечатал его воском.

ГЛАВА 75

Эвен переворачивал листы, но все они с обратной стороны были чистыми. «Тайна Третья» кончилась. Он встал и принялся ходить по комнате, выглянул в окно и посмотрел на машину, потом на соседа, который ходил проверять почту. Эвен вернулся к дивану и сел. Заголовок был хорош — шутка, которая пробуждала любопытство. И, в общем, удовлетворяла его. И все же он чувствовал себя обманутым. Текст об этой тайне был

слишком коротким. Он вскрывал такую сторону личности Ньютона, в которую сам Эвен никогда не вникал или не уделял ей особого внимания, а именно — сексуальности ученого. Но текст *только* открывал тему, не развивая ее, не конкретизируя проблемы, которая вставала перед Ньютоном, не завершал ее. Ну ладно, завершить — это, пожалуй, требовать слишком многого, но, во всяком случае, надо было исследовать ее поглубже.

Конечно, вопрос был сложным, поэтому не исключено, что Май собиралась включить его в историческую часть книги. Но этот текст все равно казался незаконченным. С другой стороны, Май была не из тех, кто прыгает через забор там, где ниже. Однажды ради шутки он сказал ей, что она сначала изучает забор с одной стороны, потом делает в нем дыру, пролезает туда и изучает его же с другой стороны. Май засмеялась и сказала, что частично он прав.

Может быть, она написала что-то об этой проблеме в своем дневнике? Он взял дневник и стал читать его с самого начала.

Своеобразный ответ был дан 30 декабря.

Писала, уничтожала, меняла, добавляла и все равно не удовлетворена «Тайной Третьей». Я боюсь, что она будет сальной, что-то в стиле бульварных журналов. Это во-первых. Поэтому я столь неконкретна (туманна?) в приближении к изображаемому. Во-вторых, доказательная база слаба, и я чувствую, что пересекаю невидимую границу, когда «настаиваю на своем», хотя совершенно уверена, что Ньютон был в интимной связи сначала с Уиккинзом, потом с Никола Фатио.

Фактически, я чувствую себя трусихой. Хотела бы настаивать на своем, но... Мне кажется, что здесь игра-

ет роль мое воспитание — или это глупое извинение? Нет, это гораздо труднее, чем я думала: получившей христианское воспитание девушке прийти в общественное место и начать рассказывать о своем восприятии мужского однополрого секса. Хотя я и понимаю, что предрассудки и суеверия — теперь пройденный этап. Я с ужасом думаю, что будет, если придется публично высказываться об этих вещах, например, в связи с выходом книги.

Я нисколько не сомневаюсь, что наш Один Йелм скажет: «Приступай! Настаивай! Не прячься! Это интересно, это то, что людям надо знать».

Да-да, думаю я, наверное, надо. Но разве это так важно?

Сомневаюсь. Пусть полежит, посмотрим. На будущий год я, возможно, буду более мужественной.

Болсе мужественной? Эвен опустил дневник на колени.

Черт. Она не знала себя. Если и был на свете мужественный человек, так это она. Не многие люди нашли бы в себе силы встретиться со смертью так, как встретила ее, даже ради собственных детей. Мужественная, неподражасмая Май.

Эвен смотрел на свои руки. Она лежала тут, в его ладонях, он это чувствовал, в его порах, в его клетках — на веки вечные. Ее кожа, подрагивающая, влекущая, как уравнение с четырьмя неизвестными, одновременно мягкая, эластичная, но также покрытая родинками, веснушками и царапинками. Ее живот, «самое мягкое место в мире», как он обычно говорил. Темные волосы, которые ниспадали и торчали одновременно. Мягкие губы, которые целовали его пальцы и своей улыбкой могли заставить его делать что угодно.

но и когда угодно. Кончики пальцев помнили ее лучше, чем любая видеозапись.

Он смотрел в пространство, тоска по ней грызла сердце, как гусеница яблоко. За окном он видел «Фольксваген» и соседа, копавшегося в садике перед домом.

Эвен вернулся к чтению и остановился. Грызло теперь еще что-то другое, что-то, связанное с книгой о Ньютоне, или с кодами, или с... Он не знал.

В течение января Май работала над фактическим материалом, систематизировала его и писала черновые варианты глав. В начале февраля она поехала в Париж.

8 февраля, гостиница «Берсоли», Париж

Побывала сегодня у Жюлиуса д'Альвейдра, коллекционера, который купил значительную часть собрания Дюилье. Его квартира — нет, правильное слово «резиденция» — расположена недалеко от гостиницы, поблизости от Люксембургского сада, поэтому я предпочла сначала прийти к нему. К сожалению, его не было дома. Вернее, его сына не было дома. Женищина (домоправительница? — она не производит впечатления жены) сказала, что Жюлиус д'Альвейдр умер почти тридцать лет тому назад, но с его сыном Жюлем д'Альвейдром можно встретиться через три недели. До конца месяца он проживет на юге Франции, в доме, принадлежащем семье.

Придется мне набраться терпения.

После этого я погуляла по Латинскому кварталу в попытках найти Бернано и его магазин старой книги. Тоже без особого успеха. Владелец мог умереть, что очень вероятно, поскольку книги куплены семьдесят лет назад. Или магазин прекратил существование. А может быть, новый владелец поменял название.

Я не стала спрашивать. Просто потому, что была под наблюдением весь день, и это совсем не паранойя!!

Я уверена. Два раза я фиксировала, что крепкий мужчина с усами всюду следовал за мной на расстоянии и тут же отворачивался, когда я смотрела на него. Он похож на Симона Латура, но я думаю, что это не он. Я хотела подойти, поговорить с ним, спросить, чего он хочет. Но он тут же исчез за углом.

10 февраля, Париж

Нашла магазин старой книги Бернано! Правда, называется он теперь иначе: Livres et Antiquités¹. Это соединение туристского киоска, магазина старой книги и антикварного магазина. Дитя времени? Владелец — потомок одного из братьев или сестер прежнего и ничего не знает о покупке книг в Женеве. Но он знает, что несколько коробок с книгами лежит на чердаке, у него не было времени просмотреть их. (Он вступил во владение магазином только две недели назад.) Возможно, что собрание лежит там, сказал он. Мы договорились, что я вернусь к нему завтра сразу после открытия магазина, в это время ему удобнее всего помочь мне.

Пока я стояла и разговаривала с владельцем, вчерашний мужчина вошел, встал около стеллажа сзади меня и стал листать какую-то книгу. Я почувствовала его запах и вспомнила, где видела его раньше, — в прошлом году он был в библиотеке в Кембридже, когда я занималась Ньютоном, — я запомнила, что от него несло потом. Неприятно было стоять так близко, и не только из-за запаха. Это было демонстрацией: «Ви-ди-шь, я разрешаю тебе знать, что слежу за тобой».

Не знаю, что мне делать, потому что этот тип, без сомнения, слышал о моей договоренности с владельцем.

---

¹ «Книги и антикварные товары» (фр.).

Когда я уходила, он оставался в магазине. Иначе я заговорила бы с ним, спросила, что он хочет, чем занимается. Но больше я его в этот день не видела.

Это отвратительно. Мне плохо, чувствую себя униженной и боюсь одновременно. Перебралась в большую гостиницу на Монмартре, чтобы избавиться от него.

Кстати, вечером мне позвонил Симон Латур. Завтра он приедет в Париж. Спросил, в той ли гостинице я живу, что в прошлый раз. Случайно вышло, что в той! Он сказал, что позвонил в издательство, разговаривал с Одием, записал номер моего мобильного телефона и узнал, что я буду в Париже всю неделю.

Странно... Примечательно, что он звонит в тот день, когда за мной откровенно следят.

Мне совсем не хочется разговаривать с ним...

Эвен бросил дневник на диван и встал. Словно преследуемый, он стал ходить взад-вперед по комнате, пнул ногой книгу, упавшую со стола, так что она отскочила к стене, и ударил кулаком по дверной раме. Читать записи Май в дневнике — это все равно, что сидеть привязанным к стулу и смотреть, как ядовитая змея подбирается к ее ногам. У него было желание дико заорать: «Берегись! Уходи!» — как будто ее еще можно было спасти, до той нулевой точки, к которой она медленно приближалась.

Эвен опять остановился у окна. Ведь он сам тоже приближался к нулевой точке. Красный лак «Фольксвагена» вдруг блеснул под солнечным лучом. Кто-то знал, что он должен был поехать на почту в это утро. Кто-то знал, что именно туда, на эту почту. Лак померк, когда облако закрыло солнце. Кто-то следил за его передвижениями. Он смотрел на машину в течение нескольких секунд, потом подошел к телефону,

помедлил, прежде чем взять трубку, посмотрел на ящичек, который «водопроводчик» подключил к телефону, и набрал номер. Ящичек светился дружеским зеленым светом, цветом весны. Раздался звонок, женщина, та же, что и в прошлый раз, взяла трубку.

— Офицера разведки Яна Юхансена, спасибо, — сказал Эвен и посмотрел на зеленый глазок. Зеленый. По-прежнему.

Его переключили, и голос произнес: — Юхансен.

— Говорит Эвен Вик.

Зеленый глазок даже не дрогнул. Посторонних ушей нет. Он предпочел взять быка за рога.

— Мне надо проверить автомобиль, но мне кажется, за домом ведется наблюдение, так что придется выбрать другое место.

Секундная тишина.

— Где-нибудь рядом есть заправка с мойкой?

— Да, двести-триста метров отсюда, в сторону города. Эссо.

— Какого типа автомобиль?

— «Фольксваген», старинная «мыльница», модель 1974 года. Красный. Ярко-красный.

— Будь там на месте через час, считая с этой минуты. Поставь на мойку. Финн Поулсен будет ждать.

ГЛАВА 76

В мойке было пусто. Подъезжая к щеткам, Эвен наблюдал за зелеными лампами и сразу остановился, когда загорелись красные. Ворота сзади него зашумели и двинулись вниз. Мужчина в красном комбинезо-

не нагнулся, чтобы пройти под воротами, подошел к Эвену и кивнул. Усов не было, волосы блестели, как будто он для волос применял использованное масло. Но это был все тот же Финн Поулсен.

— Надо взглянуть на устройство,— заговорил он на диалекте Осло и подмигнул Эвену.— Кое-что подправить перед включением. Предыдущий клиент пожаловался.

— Прекрасно,— сказал Эвен.— Мне подождать снаружи?

— Необязательно, это займет две минуты, я думаю,— мойщик автомобилей Поулсен вынул из ящика с инструментами проверочный аппарат и обошел дважды машину. Аппарат спокойно попискивал до момента, когда Поулсен стал обходить ее сзади, частота звуков резко возросла. Поулсен надел наушник, отключил громкий звук и обошел машину еще раз, внимательно наблюдая за экраном. С помощью маленького зеркала и карманного фонарика начал изучать внутреннюю сторону бампера.

— Вот где она,— хмыкнул он и вынул маленькую плоскую коробку.— В ней находится передатчик GPS, с помощью которого отслеживается любое твоё передвижение,— Эвен подошел ближе.— Тот, кто ведет слежку, имеет карту, примерно такую, как ты, конечно, видел в такси. Ты его не видишь, а он все равно знает, где находится твоя машина.

Эвен смотрел на черный предмет и не знал, что сказать. Казалось, он парализовал его и заблокировал мыслительную деятельность.

— Ты замечал поблизости какие-нибудь неизвестные машины или незнакомых людей? Ваши секционные дома расположены на отшибе, так что среди бела

дня незаметно подобраться к твоей машине не так-то легко.— Финн Поулсен смотрел на него.

Эвен покачал головой.

— Нет, я ничего не замечал.

— Ты ездил на машине куда-нибудь, где она оставалась без присмотра — парковка в центре, у супермаркета или еще где-нибудь?

— Одну ночь она стояла во Фрогнере,— Эвен отвел взгляд от коробки и посмотрел на Поулсена.— И еще несколько часов она стояла близко от дома моего...— Он замолчал, внезапно почувствовав, что испугался. Это делало его уязвимым, а этого допускать нельзя.— Я хочу сказать, что машина несколько часов стояла недалеко от дома моих друзей, где отмечался день рождения их сына.

Поулсен кивнул.

— Нужно пять секунд, чтобы прикрепить такой магнит. Это могло произойти где угодно. Мне его забрать?

Коробка выглядела так невинно. Маленькая, беззащитная. Ничего не стоит бросить на землю и раздавить.

— Нет, поставь обратно,— сказал Эвен.

ГЛАВА 77

Он ехал домой. И представлял себя в виде красной точки на электронной карте.

В комнате было тихо. У окна на кухне жужжала муха, как дальнее напоминание о лете. В косом луче солнца особенно явно проступала пыль. «Зато я могу увидеть, были ли здесь незваные гости»,— подумал Эвен и сел на диван. Поднял с пола дневник. «Второй дневник „Проекта Ньютон“» — было написано на первой странице.

11 февраля, Париж

Копалась в книгах на чердаке, где так мало места, что почти невозможно стоять во весь рост. Уже просмотрела половину коробок, но не нашла *Origins of Gentile Theology* Ньютона. Времени уходит много, потому что я должна убедиться, что рукописная книга Ньютона не переплетена вместе с другой книгой в один том. Поэтому перелистывать приходится все страницы.

Усатый не показывался после вчерашней встречи ни в магазине, ни на улице.

Симон Латур подсел ко мне безо всякого приглашения, вечером, когда я ужинала в ресторане гостиницы. Он пытался выяснить, оказал ли мне помощь человек из Женевы. Пришлось применить невинную ложь и сказать, что помощь была очень мала. Он выглядел разочарованным, сказал, что это лучший швейцарский генеалог из всех, кого он знает, и, кроме того, хороший специалист по розыску. Симон Латур сказал также, что если он может чем-нибудь помочь, то надо обязательно к нему обращаться. Конечно, сказала я, непременно. Я не знаю, как мне к нему относиться. Он выглядит одновременно жалким и импозантным. Навязчивым и стеснительным. Приятным и ужасно раздражающим. Полон противоречий, можно сказать.

Он рассказал, что нашел кое-что интересное о Невидимом Братстве. Он обнаружил существование ответа ордена, о котором никогда раньше не слышал. Речь идет о Северной Европе, о Скандинавии. Он сказал это и стал смотреть на меня, как будто это должно меня особо заинтересовать.

— Да, это я, — сказала я и подняла руку, как бы сдаваясь, — я во всем сознаюсь.

Латуру это не показалось забавным. «В ордене только мужчины,— сказал он.— Он называется Невидимое Братство, а не Сестринство».

— А если Супружество? — сказала я.— Невидимое Супружество?

О чем-то подобном упоминал мой муж в последний раз, когда я говорила с ним по телефону. Ему надоело, что половину всего времени я провожу в поездках, говорит он. Симон рассказывал, что его жена работает вместе с ним, поэтому никаких проблем нет. Она сидит дома и систематизирует тот материал, который он находит. Ухаживает за курами и архивами. Детей у них нет.

Вот весело было бы, если бы Финн-Эрик и я могли работать вместе над каким-нибудь проектом! Или не очень? Не знаю, о чем бы он мог быть. Он думает только о страховании и птицах. Жизнь птиц в эпоху Возрождения. Продажа гарантирована.

Я все время вспоминаю Эвена, вот с ним такое могло бы получиться. Он гораздо более разносторонний, творческий, открытый для всего нового.

Я думаю... Если бы я могла сделать выбор снова, я вернулась бы к Эвену — если бы он захотел этого,— когда я поняла, что беременна.

Эвен вскочил и бросился в туалет, закрывая рукой рот, опустил перед унитазом, его стошнило. Боли в желудке немного погодя стихли, но он остался сидеть с головой, прислоненной к холодному фаянсовому краю. Рука дотянулась до ручки, вода полилась и все смыла. Запах исчез. Некоторое время гудели трубы, потом пропал и шум, только звенело в ушах.

Открыв позже глаза, он увидел дневник, лежавший на полу туалета. Какими-то старческими ватными движениями он открыл его и продолжил чтение.

28 февраля, Осло

Позвонила Жюль д'Альвейдру после ужина, когда дети смотрели детскую передачу по телевизору. Финн-Эрик отправился изучать жизнь птиц вместе с друзьями. (Так он сказал. Я думаю, что это те самые уж-жасно тайные братья, потому что его резиновые сапоги стоят в шкафу. А выходные кожаные туфли отсутствуют. Ох, уж эти мужики!)

Я говорила с женщиной, домоправительницей, которую встретила в последний раз, когда была в Париже. Она меня не забыла и сказала, что месье д'Альвейдр вернулся в столицу. Она сейчас же поговорит с ним об этом деле, сказала она и тут же отложила трубку, не дав мне ничего сказать. Я отчетливо слышала ее шаги, слышала дальний разговор. Я скрестила пальцы и тихо молилась, пока она шла обратно. Она снова взяла трубку и сказала, что месье д'Альвейдр будет рад моему визиту! Пожалуй, я немного перестаралась, когда благодарила ее, но я ведь так обрадовалась. Мы договорились, что я приду к нему 8 марта. И только когда я заказала билет на самолет, до меня дошло, что я приду к старому коллекционеру в женский день.

ГЛАВА 78

Париж

ом был огромный, реликт времен Людовика Четырнадцатого с крытыми балконами, розетками и другими финтифлюшками, которые так обожала архитектура рококо.

Жюль д'Альвейдр оказался пожилым, сухощавым мужчиной с бородой клинышком, в изящном жакете с

протертыми локтями. Он выслушал ее вопрос молча, ни разу не прервав. Потом поднялся и привел ее в огромный зал с лестницей, где не было практически никакой мебели, а на стенах виднелись пятна от исчезнувших картин. Каблуки Май-Бритт щелкали по плитам пола и отзывались эхом в огромном помещении. Месье д'Альвейдр открыл дверь и галантным жестом впустил ее первой в библиотеку, в которой книг было не меньше, чем в какой-нибудь норвежской городской. Полки от пола до потолка — а потолок высокий! — были забиты книгами. Пожилой мужчина прошел к одному стеллажу между окнами и показал на полку на высоте бедра. Здесь стоят некоторые книги из тех, что его отец купил в Женеве, объяснил он. Тонким согнутым указательным пальцем он вынул красивый том с золотым корешком.

— Это первое издание книги Виктора Гюго *Notre Dame de Paris*¹. Рядом стоит книга *Les Misérables*², но в более скромном издании. Жюль д'Альвейдр ласково погладил обе книги, как будто они были его маленькими друзьями, к которым нужно проявить внимание. — Есть ли какие-нибудь определенные книги, которые вы ищете, юная дама?

Май-Бритт посмотрела на полку, повернулась и оглядела всю библиотеку. Теперь, когда она смотрела внимательно, она заметила на полках зияющие дыры пустот — неужели изымались все произведения какого-то автора? — напоминающие мерзкие незажившие раны на теле человека.

— Я ищу рукописный текст на английском языке, и я не знаю, есть ли там переплет. Труд называется *Origins of Gentile Theology*.

---

¹ «Собор Парижской Богоматери» (фр.).

² «Отверженные» (фр.).

Бородка клинышком задумчиво покачалась, мужчина пошел к стремянке, стоявшей в углу.

— Вам помочь? — Май-Бритт подошла ближе, когда увидела, что стремянку придется передвигать.

— Если вы будете так любезны поместить этого монстра, созданного человеком по необходимости, рядом с глобусом, то я взлечу ввысь и посмотрю, что там можно найти.

Май-Бритт последовала его указанию, и старик стал с большим трудом взбираться по ступеням, а Май-Бритт с испугом наблюдать за перемещением изношенных лаковых туфель. Она придерживала стремянку; взгляд на истощенное тело посеял в ней страх, что любая муха сможет вывести его из равновесия.

Он остановился на предпоследней ступеньке и, пока его палец скользил по белым и пестрым корешкам, стал негромко перечислять названия, хотя корешки были без надписей. Казалось, что этот оживший анахронизм знал все свои книги наизусть, словно каждая занимала особое место в его сердце. Бормотание прекратилось. Он вынул том с коричневым корешком из слегка подгнившей кожи. Обложка была из картона, на который потом наклеили бумагу с полосками.

— Тогда использовали тонкую и плохую кожу,— сказал Жюль д'Альвейдр извиняющимся тоном и протянул ей книгу.— Но я не счел это произведение столь важным, чтобы ассигновать средства на его украшение. К тому же, если сказать прямо, английский язык не самая сильная моя сторона, и я ничего не прочитал, кроме первых страниц,— он начал свой долгий путь вниз.

Они перешли в уголок, где стояли кресла. Старик, кряхтя, опустился сам и предложил ей сесть. Кресла были высокими, с прямой спинкой, красивыми золотыми узорами ткани и резными подлокотниками. Роково,

середина восемнадцатого века, подумала Май-Бритт и села осторожно, на самый краешек. Мосье д'Альвейдр вынул из нагрудного кармана сложенный носовой платок и стал вытирать высохший, как пергамент, лоб.

— Позвольте предложить вам что-нибудь: херес, кальвадос, бокал вина?

— Бокал вина — это было бы прекрасно, — сказала Май-Бритт и почувствовала, что день, проведенный с этим человеком, заставит ее ходить с выпрямленной спиной в самом буквальном смысле. От него исходило благородство, которое позволяло видеть в жизни широкие горизонты, словно внутренняя гордость за то, кем ты являешься и что за тобой стоит, могла противостоять чему угодно. Даже нарастающей бедности и упадку.

Жюль д'Альвейдр взял маленький колокольчик со стола и коротко позвонил. Вскоре в библиотеку вошла пожилая женщина и получила распоряжение принести два бокала самого лучшего вина. Май-Бритт узнала женщину, которую видела месяц назад.

Май-Бритт нервно посмотрела на книгу, лежащую на коленях, осторожно открыла ее, словно боялась того, что может прятаться под переплетом. Большие витиеватые буквы на титульном листе свидетельствовали, что это действительно книга *Origins of Gentile Theology*, написанная Исааком Ньютоном. Но титульный лист писал не сам Ньютон, подумала Май-Бритт, это не его большие буквы. Они более позднего происхождения. Она стала листать дальше. Бумага изменилась, стала хуже, почерк мельче. Маленькие неразборчивые буквы, ньютоновские. Текст рассказывал о происхождении теологии, о, мягко говоря, неортодоксальных взглядах Ньютона на христианскую религию. Май-Бритт медленно перелистывала одну страницу за другой, читала

первые слова на каждой и переводила взгляд на следующую. Просмотрев почти половину тома, она вдруг остановилась, увидела совершенно другой текст и почувствовала, что кровь отхлынула от лица. Жюль д'Альвейдр в этот момент разговаривал с домоправительницей и не заметил реакции Май-Бритт.

Она беззвучно вдыхала воздух, стараясь восстановить дыхание, снова и снова перечитывала верхнюю строчку *Via vitae aeternae* — «Путь к вечной жизни». Она выдохнула и посмотрела на страницу, где значки и символы алхимиков стояли среди латинских и английских слов. Перелистывая, она насчитала шесть страниц формул и объяснений.

Безграничное чувство счастья распространилось по всему телу, она был искателем приключений, который, наконец, взобрался на свой Эверест. Она нашла то, что искала, нашла то, о чем говорил Пазкар. Она нашла ответ на все намеки, формулу, ту самую *неизвестную* формулу, написанную самим Исааком Ньютоном.

ГЛАВА 79

9 марта, Париж

Я купила *Origins of Gentile Theology*. Нет... это не совсем так, потому что купить мне не разрешили. Я получила книгу в подарок (красивой женщине, сказал он) — с одновременно данным Жюлем д'Альвейдром милостивым дозволением выразить благодарность домоправительнице небольшим подарком в момент ухода. Он меня не провожал, он остался спокойно сидеть среди всех своих книг с выражением лица, что и райские

кущи не смогут предложить ему что-то такое, чего у него нет в этом зале.

Я выложила весь свой запас наличных денег, которые были в кошельке, и передала их домоправительнице (позднее я отдам книгу для оценки и пошлю уточненную недостающую сумму д'Альвейдру, он ведь должен получить то, что книга реально стоит). Она приняла 634 евро, не моргнув глазом, и сказала, что такси, о котором я просила, стоит у дверей. У меня было желание поцеловать ее, прыгнуть в библиотеку и расцеловать старика, желание танцевать и ликовать. Но я вышла спокойной, благородной походкой на улицу и села в такси. Попросила довезти до гостиницы. Когда машина отъезжала от тротуара, мой взгляд автоматически скользнул по стоявшим машинам, и на какой-то момент я увидела знакомую физиономию. На месте водителя сидел мой преследователь, мужчина с усами, и смотрел в мою сторону.

Май нашла формулу чуть более месяца назад — но при этом дала Китти коричневый конверт в ноябре — *пять месяцев назад!*

Дневник выскользнул из ослабевших пальцев. У Эвена в глазах почернело. Он оперся об унитаз, с трудом поднялся на ноги, открыл кран и плеснул в лицо холодной водой. *Конверт, полученный от Китти, привел его в Лондон.* Глаза с красными кругами смотрели на него из зеркала. Он ощущал потребность рычать, смеяться, рушить все вокруг себя. *В Лондоне ему вручили формулу Ньютона!* Спутавшиеся волосы нуждались в парикмахере, торчали во все стороны, на осунувшемся лице седая многодневная щетина. Он стал похож на сумасшедшего профессора. Сумасшедший профессор

математики, который решил уравнение МАЙ с одним неизвестным — кто стоит за ее убийством.

Он действительно сумасшедший профессор. И он действительно решил это уравнение.

Взревев, он ударил кулаком по зеркалу, стекла полетели над раковиной, кожа на костяшках пальцев лопнула, но он не замечал боли. Кроваво-красная лава в груди перекрывала все остальное. Рука вяло повисла на краю раковины, кровь лилась из глубоких ран и смешивалась с соленой водой, падавшей с лица. Он поднял голову, из горла вырвался стон. Профессор смотрел на него из осколков стекла, которые его искажали и разрезали на куски жуткой мозаики. Один глаз отсутствовал, другой был расчленен на три фрагмента, не было большей части челюсти, рот был кривым и уродливо смеялся. Мозговые доли лба представали в форме пустых черных квадратиков. Он был черным, он был белым. Кусок стекла оторвался и упал в раковину. Эвен распадался на части.

Наконец он увидел себя таким, каким был на самом деле.

ГЛАВА 80

Телефон зазвонил, когда он ел яблоко в перерыве на завтрак.

Старший полицейский Молвик посмотрел на яблоко. Собственно говоря, он не любил яблок, но сегодня один особо красный экземпляр настойчиво взывал, чтобы его прихватили с собой, и Молвик его взял, проходя мимо киоска к себе на работу. Торговцы не

должны выставлять свой товар вот таким образом на тротуаре. Яблоко было не из худших. Сочное и сладкое. Он вытер уголки рта и, направив взгляд на Мохамда Саикха, повелительно кивнул головой в сторону телефона. Полицейский вздохнул, отложил кусок хлеба с козьим сыром и подошел к письменному столу старшего полицейского.

— Алло, это телефон старшего полицейского Молвика,— полицейский слушал, говорил «да», «так точно» и положил трубку.— Нам обоим приказано немедленно явиться к полицеймейстеру,— сказал он и завернул в бумагу остаток завтрака.

— Что она хочет? — спросил Молвик, когда они шли по лестнице.

— Она не сказала, но голос был...

— Довольным?

Мохамад не ответил. Когда они подошли к кабинету полицеймейстера, он постучал. Услышав «Войдите!», отступил в сторону, чтобы первым вошел старший полицейский.

Госпожа полицеймейстер имела очень неприветливый вид. Вообще-то, совсем приветливого вида у нее не было никогда, а только разные градации неприветливого вида, но это был явно очень-очень неприветливый. Мохамад решил говорить как можно меньше и держаться на самом заднем плане.

— Я слышала, что вы побывали у человека по имени Эвен Вик? — Она подняла со стола листок и спокойно держала его в руке, так что они не могли прочитать текст или увидеть шапку.

Тональность голоса предусматривала ответ, и Молвик пробурчал «да», сопровождая его недовольным взглядом на полицеймейстера.

— На каком основании?

— Он подозревается в убийстве Сусанн Стенли во Фрогнере.

— Потому что?..

— Они знали друг друга. Вик курит те же сигары, которые мы нашли на месте преступления, и носит обувь того же размера, как те, отпечатки которых мы нашли на месте преступления.

Почти, подумал Мохамад, почти того же размера.

— Я получила письмо из Судебно-медицинского института. Они спрашивают, есть ли бумаги, которые доказывают, что биологические образцы, которые вы взяли у Вика, добыты законным путем.

— Он ведь подозреваемый и...

— А он знал, что вы взяли биологические образцы в его доме?

Молвик не ответил, полицеймейстер посмотрела на Мохамада Саикха.

— Нет, он не знал,— признал Саикх. Молвик покопался на Мохамада.

Взгляд полицеймейстера вернулся к Молвику.

— Я предполагаю, что ты знаешь о родстве между этим Эвеном Виком и Сверре Виком, твоим бывшим напарником в полиции.

Молвик хотел сделать вид, что удивлен, но потом передумал и сказал, что знает это.

— Но для данного дела это не имеет никакого значения,— добавил он.

— Разве? — Нарисованные брови полицеймейстера взлетели вверх, потом опустились.— Я моложе тебя, Молвик, и не работала в восьмидесятые годы в этом здании и даже в этом городе. Но историю о Сверре Вике я знаю. Эту историю знают здесь все. Не успеет

человек побыть и неделю, как уже услышит ее, как пугающий пример того, как власть униформы может коррумпировать человека.

Она спокойно откинулась назад, ее глаза в очках блеснули, когда она посмотрела Молвику в глаза.

— Сверре Вик был свиньей. Более точного определения не найти, а ты был его напарник. В городе его называли Гиммлером, потому что некоторые из наших старших клиентов, встретившись с ним, вспоминали войну. Дома Сверре Вик терроризировал сына и жену, дсделал это на протяжении многих лет и, в конце концов, убил жену. При этом обвинил своего сына в убийстве. Единственный человек, который не понял этого, был ты, Молвик.

Старший полицейский покраснел и уставился на женщину за письменным столом.

— Мне нет необходимости мириться с инсинуациями со стороны...

— Женщины? — спросила полицеймейстер, на ее губах появилась слабая улыбка. — Увы, Молвик, *есть* такая необходимость. И еще я могу сообщить, что собрала папку с материалами, которые, быть может, не по отдельности, но в совокупности достаточны, чтобы изменить твое положение в полицейском корпусе. Мой совет тебе, чтобы, начиная с этого момента, ты вел себя как можно скромнее, соблюдал все правила, забыл о мести — да, и перестал размахивать кулаками. Последнее — приказ, — она посмотрела на Мохамеда Саикха, как будто думала, не сделать ли и ему выволочку, раз уж начала. Но вместо этого просто кивнула:

— Можете идти.

Молвик и Саикх уже выходили из дверей, когда их остановил голос полицеймейстера:

— Что касается результатов анализа, полученных Судебно-медицинским институтом, то пробы с сигар, найденных на месте преступления, не совпадают с пробами, взятыми с бумажных салфеток. Другими словами, они показали, что сигару курил не Эвен Вик.

Она протянула им бумагу. Мохамад Саикх вернулся и взял ее.

— Это значит, что вам придется вести поиск в других направлениях.

ГЛАВА 81

Алхимический процесс начался.

Он распространялся от груди на все тело, превращал одну клетку за другой в отполированный металл, кости в медь, мускулы и кровь в железо и ртуть. Сердце в свинец. Пока бритва выравнивала подбородок и щеки, он чувствовал, как движения тела становились механическими, а сердце застывало, как застывает лава, выливаясь в море. Эвен принимал душ, а в голове рождался план, который должен основываться на точном соотношении между судьбой и везением, между местью и очищением. Он долго стоял под ледяной струей, готовясь к ночному холоду, потом обтерся, надел на себя темный свитер и синие спортивные штаны. Сверху свитера пояс. Из шкафа в коридоре он взял пару старых кроссовок и кожаные перчатки, которые давно надо бы выбросить. На указательных пальцах были дыры, которые он залепил пластырем, потом замазал его тушью. Взяв в руки тряпку, он вышел к «Фольксвагену» и стал тереть лак, словно наводил на машину блеск и глянец. Подойдя к

задней части, он незаметно сунул руку за бампер и нашел передатчик GPS. Оторвал его, подошел к боковой части машины, стал натирать в самом низу и приставил магнит передатчика к нижней стороне решетки сточной канавы рядом с поребриком.

Снова и снова он возвращался к размышлению, которое привело его к тому, что он собирался делать. Если в дневнике Май говорилось, что она нашла формулу Ньютона в марте, а Китти получила конверт с указанием на Лондон в ноябре прошлого года, то одно из этих двух утверждений должно быть фальшивкой. Все другое невозможно. Как утверждение, что $2 + 2 = 5$.

В ближайшем торговом центре он нашел спортивный магазин и купил короткий топорик, который можно вешать на ремень, два рулона спортивной ленты и два банджа для взрослых. В магазине метизов нашел шило, молоток и коробку гвоздей. В киоске «Нарвесен» подобрал карту Осло и позвонил по нескольким телефонам. Ян Юхансен ответил. Финн-Эрик не ответил. Спортивная школа подтвердила то, чего он боялся.

В три часа машина стояла у тротуара и работала на холостом ходу. В зеркале он увидел, как из дома вышел Стиг, помахал «дневной маме» и пошел в сторону машины. Она стояла у изгороди и смотрела на него до тех пор, пока кто-то из детей не начал громко смеяться, тогда она скрылась за изгородью. Когда Стиг проходил мимо «Фольксвагена», Эвен открыл дверь и поздоровался. Мальчик удивленно посмотрел на него и подошел ближе.

— Правда, хорошо, когда тебе пять лет? — спросил Эвен. Стиг кивнул, смутившись от того, что он был один на один со взрослым. — Тебе понравился автобус?

— Мм, и еще фильмы с этим... Шаплиным,— сказал Стиг и засмеялся.— Он все падал, а полицейский все не мог его поймать.

— Да-да, полиция так никогда и не поймала его. Это то, что мне особенно нравится в фильмах Чаплина,— Эвен кивнул и посмотрел по сторонам.— Послушай, я договорился с твоим папой, что я отвезу тебя сегодня в другое место. Хочешь?

— А куда? — Стиг смотрел на машину безо всяких подозрений, скорее с любопытством.— Это что, настоящая «мыльница»?

— Да,— Эвен хлопнул по рулю,— самая настоящая «мыльница». Иди сюда, я посажу тебя рядом, и ты сможешь даже поддержать руку на руле, пока мы едем.— Стиг кивнул и сел на место пассажира. Эвен застегнул на нем пояс безопасности и посмотрел по сторонам. Не было видно ни Финн-Эрика, ни подозрительных машин.

Когда они ехали по окружной дороге, Стиг спросил, сколько лет машине и принадлежит ли она Эвену. Эвен лгал, как умел, старался изображать спокойствие, а глаза искали в зеркалах совсем другое. Он оставался, чтобы свериться с картой, и, наконец, нашел нужный адрес. Въехали на площадку для гостей, и Стиг получил возможность посидеть в машине и «порулить», а Эвен подошел к многоэтажному дому и позвонил в переговорное устройство.

— Да? — раздалось в динамике около двери.

— Это Эвен Вик, знакомый Финн-Эрика. Мне нужно с тобой срочно поговорить. Это важно. Можешь спуститься?

— Минутку,— металлический голос замолк. Эвен подошел к машине и позвал Стига. Когда дверь открылась, они оба стояли и смотрели на нее.

— Привет, Стиг,— воскликнула удивленная Будиль Мюнте.— Ты тоже приехал?

— Стиг хочет к тебе в гости,— сказал Эвен и отвернулся от мальчика, который странно посмотрел на него.— Я хочу, чтобы ты взяла его к себе и держала, пока я не скажу.

— Взяла к себе? — Будиль Мюнте посмотрела на Эвена, как будто он сказал, что Стиг только что прилетел с Марса.

— Послушай, Стиг, я забыл пакет с конфетами на заднем сиденье. Можешь принести? — Стиг бросился по плиткам к машине. Эвен стал говорить тихо и быстро: — В последнее время ты часто бывала с Финн-Эриком. Он тебе рассказал о моей теории, что кто-то заставил Май совершить самоубийство? — Она слабо кивнула.— А он тебе рассказал, что Стиг — мой?..— Он посмотрел на нее, не осмелился сказать слово из страха, что свинец в груди начнет плавиться.

Она кивнула:

— У него была задумка рассказать тебе об этом... когда-нибудь. Май-Бритт не хотела этого, потому что ты был против детей. После ее смерти Финн-Эрик начал... Я хочу сказать, Финн-Эрик говорил, что правильнее было бы сказать это тебе, но надо подождать, пока...— Она остановилась и посмотрела на мальчика, который шел к ним с лакричной палочкой во рту.

— Пока что?

— Пока ты не успокоишься, пока не станешь человеком, которому можно довериться, сказал он. Он не хотел отказываться от Стига, вам пришлось бы делить его. Он любит мальчика. Он боялся, что ты захочешь...— Стиг остановился около Эвена и с интересом смотрел на кошку, которая пробиралась вдоль стены.

— Это твоя кошка, Будиль? — спросил мальчик.

— Нет, но ты можешь подойти и поговорить с ней. Это хорошая кошка, приятная в общении.

Стиг подошел к кошке и присел на корточки, Эвен смотрел на властную даму.

— Ты и Финн-Эрик, вы планируете жить вместе?

— Господи, конечно, нет, — воскликнула она и странно посмотрела на Эвена. — Речи быть не может. Мы всего лишь друзья.

Эвен кивнул, как будто все стало на свои места.

— Удобно тебе будет присматривать за Стигом? Я позвоню Финн-Эрику и скажу, что с мальчиком все в порядке, но не скажу, где он.

Она сказала «да» и внимательно посмотрела на Эвена.

— Почему я?

— Потому что я знаю, что Стиг тебя знает, и Финн-Эрик поймет, что у меня были серьезные причины, когда услышит, где сейчас Стиг.

— А эти причины?

— Они в том, что люди, которые охотились за Май, теперь охотятся за мной. В том, что я стал таким же уязвимым, как Май, и жизни Стига угрожает опасность.

— Но... — Она растерянно посмотрела на него. — Откуда они могут знать, что *ты* — отец Стига. Об этом знает только Финн-Эрик...

Эвен повернулся к ней спиной и, не отвечая, пошел через газон. Будиль Мюнте молчала и смотрела, как он садится в машину, заводит ее и уезжает. Только тогда, когда «мыльница» скрылась из вида, она позвала Стига, и они вошли в дом. В квартире она долго стояла у телефона, держа руку на трубке.

ГЛАВА 82

Эвен заехал в лес. Остановился и убедился, что мог наблюдать за дорогой. Район Нурмарка очень удобен для ожидания. Он взял один бандаж и шилом проделал в нем много отверстий. Потом вставил гвозди в отверстия и подложил второй, чтобы прикрыть шляпки гвоздей изнутри. Съев батон, который имел вкус резины, он откинулся на сиденье и попытался заснуть.

10 марта, дома в Осло (опять)

Вчера в Париже, когда я собиралась лечь спать, звонил телефон в моем гостиничном номере.

Эвен не мог выбросить из головы последнее, что прочитал прежде, чем сесть в машину.

Мужчина, француз, сказал, что я должна встретиться с ним «завтра в десять утра» (то есть сегодня) у главного входа в церковь Сакре-Кёр. Это в десяти минутах ходьбы от моей гостиницы, сказал он. Я спросила, кто он, но он ответил, что его имя ничего не значит. Важно то, что я должна с собой взять то, что принадлежит ему. Те бумаги, которые я нашла, «принадлежат нам», сказал он. Принадлежат нам. Кому «нам»? — спросила я. Голос его стал раздраженным, он сказал, что лучше всего слушаться его, иначе пострадает моя семья. И он прервал разговор.

Я не спала всю ночь. Собрала все свои вещи и вышла через черный ход гостиницы к такси, которое заказала по мобильному телефону. Минут администратора; я никому не доверяю. В десять, когда я должна была

стоять у церкви Сакре-Кёр, как он думал, я уже сидела в самолете, который направлялся в аэропорт Гардемуен. Забрала Стига и Лине домой, была с ними весь день, не выпускала из вида.

Ничего не произошло. Никаких телефонных звонков, никто не подходил к дверям. Сейчас ночь, я измучена, дети спят, Финн-Эрик тоже, он очень обрадовался, что я так быстро вернулась. Он хороший человек. Он мне дорог.

Боюсь, что не усну.

Эвен смотрел на молодую женщину, которая в спортивной одежде бежала с собакой, привязанной к поясу. Они бежали быстро и вскоре скрылись в лесу.

Десятое марта. Май не знала, что ей оставалось жить двенадцать дней.

ГЛАВА 83

По дороге в город он выбросил в придорожный контейнер молоток и шило, обтер машину изнутри и затем выбросил тряпку. Наступила ночь, машин на улицах и дорогах почти не было. Он бодрствовал, мысли были четкими и ясными. Приближаясь к дому, выключил зажигание, машина катилась, пока не остановилась. В доме было пусто — полное впечатление покоя. Ключи он не стал вынимать, обтер их лишний раз, потом прикрепил топорик к поясу и обошел дом. Одно окно, видимо спальни, было на подходящей высоте. Он дважды провел лентой по стеклу вдоль и поперек. Благодаря ленте удар по стеклу получился беззвучным. Он осторожно опустил осколки на землю.

Всунул руку внутрь, отодвинул защелку и открыл окно полностью. За спиной в кустарнике раздался шорох. Он остановился, затаив дыхание, потом смахнул осколки с подоконника и прыгнул. Видимо, какая-то мышка решила прогуляться ночью. Проходя мимо кровати, он ударился коленом о комод, негромко выругался и пожалел, что не взял с собой карманный фонарик. В коридоре он осмелился и включил электричество, взялся за ручку двери в подвал. Как он и ожидал, дверь была заперта. Два хорошо нацеленных удара топориком, и дверь широко распахнулась на хорошо смазанных петлях.

Лестница уходила в темноту, он нашел выключатель у двери, который осветил не лестницу, а все помещение. Он медленно шел, держа топорик перед собой в качестве оружия, и все еще не был уверен, что никто не поджидает его внизу.

Открывшееся зрелище было ошеломляющим. Подвал представлял собой большую комнату с шестью несущими балками, стоявшими в два ряда. Большой стол возвышался между балками и делил пространство на две части. У дальней длинной стены находилось несколько компьютеров, телевизор с проигрывателями видео и DVD и другое электронное оборудование, которое Эвен не мог рассмотреть, стоя на лестнице. У длинной стены, ближе к лестнице стояли верстак, стол для работы по дереву и еще один для работы по металлу. На стене висели инструменты в таких количествах, что им только позавидовал бы любой любитель столярного или слесарного дела.

— Ничего себе, — ошеломленно пробормотал Эвен.

Он обогнул большой стол и подошел к телевизору. Какой-то внутренний толчок заставил его включить видеопроигрыватель. Сначала было мелькание, потом по-

явилась картинка улицы, зимы накануне Рождества. Из дома вышел мальчик, помахал «дневной маме» и пошел по улице. Стиг шел и пиная ногами снег, потом слепил снежок и перебросил его через изгородь. «Время 15.07», — прошептал кто-то. Экран почернел, потом сцена повторилась, но снег был совсем грязным и почти исчез. «Время 15.05», — произнес голос, когда Стиг вышел на улицу.

Эвен выключил воспроизведение, он стоял, едва дыша, невидящими глазами уставившись на мерцающий экран. Потом взял себя в руки, осмотрел ряд видеокассет, почитал надписи и вынул одну. Пульт лежал на столе, он сменил кассету и нажал воспроизведение. Мгновение спустя смотрел, как он сам выходит из ворот и подходит к остановке автобуса. Камера изменила масштаб, стало видно, что съемки велись в районе Блиндерн, потом крупным планом показан номер автобуса. В следующем кадре было видно, как он сидит в автобусе, почесывая себя за ухом, съемка сзади. Дело происходило зимой, на голове вязаная шапка. Камера повернулась, раздался голос, стало темно. В центре кадра вдруг появился его дом, в правой — сосед сел в машину, уехал. Потом подошел Эвен, отпер дверь, вошел в дом. Крупным планом окно комнаты, немного спустя — за занавесками движущаяся тень. Опять темно. Эти кадры не сопровождались никаким словесным комментарием.

Эвен выключил видеопроигрыватель, прислонился к столу, осмотрелся в комнате. Взглянул на телефон, который стоял на пластиковой коробке, адаптер со множеством маленьких горящих красных лампочек и только одной желтой. Телефон и адаптер соединены. Провод шел к соседнему компьютеру.

Пачка фотографий на столе привлекла его внимание, он взял их в руки и громко выругался. Первая была из

Лондона, с Ньютон-роуд, он на поребрике читает дневник. На другой он сидит на лестнице с конвертом в руке. Третья показывает, как он входит в книжный магазин «Гермес Трис». Одна была очень темная, снята ночью на большом расстоянии через кухонное окно Финн-Эрика. Еще одна из Лондона, он обнимает и целует Сусанн Стенли. Она стоит на цыпочках, обхватив его голову. «Когда я уезжал, видел ее в последний раз». Одна фотография была из ресторана, где они с Сусанн обедали, она нежно взяла его руку в свою и смотрела на него взглядом... Каким, он не знал, влюбленным? Молча смотрел он на ее глаза, на ласкающую руку, на себя самого, сидящего с мобильным телефоном и горьким выражением на лице. Он вдруг вспомнил свое ощущение тогда в ресторане — того, что где-то сверкнула вспышка, но увидел только мужчину за соседним столом, который говорил по мобильному телефону. И запах пота. Мужчина имел усы, был французом — тем самым, которого видела Май.

Эвен застонал и быстро перелистал пачку фотографий. Не удивился, увидев себя в Париже, в метро, во время разговора с Бонжувом в кафе, при выходе из гостиницы. Не удивился, увидев фотографии последних дней в Осло, в здании почтовой конторы Вика, где сидел на корточках у абонентского ящика. Он отбросил фотографии, взял нож, лежавший на столе, и с бешеной силой воткнул в одну из них. Они месяцами следили за ним, Май и Стигом, они планировали все это давным-давно. Они знали, что делают, каждый шаг; знали, какой будет его реакция на смерть Май, позволяли ему совершать бег через те препятствия, которые они же и установили.

Он едва успел вздохнуть, будучи в полном отчаянии, оглядеться по сторонам, как вдруг одновременно обнаружил две вещи.

Под столом стояла пара больших черных сапог, по-прежнему грязных. Размер 45, догадался Эвен и даже не пожелал измерять их. Рядом лежал пластиковый мешок с недокуренными сигарами.

На столе лежал конверт с французскими марками и именем Май, тот, который был украден у него на почте. Он открыл его и вынул несколько листов бумаги. На верхнем написано «Тайна Четвертая — „Невидимые братья“».

Эвен начал читать.

ГЛАВА 84

Тайна четвертая

«НЕВИДИМЫЕ БРАТЬЯ»

Неизвестное место, Лондон, Англия

6 декабря 1692 года

Н

ьютон поправил одежду, чтобы капюшон сидел как надо. Он должен закрывать лицо, но не мешать все видеть. Ньютон всегда чувствовал себя плохо в том изолированном мире, который создавала эта одежда, но анонимность, ритуалы и тайная информация, которую он получал, хотя и не знал, от кого, и не мог передавать ее дальше, затрагивали в нем какую-то жилку и делали его возбужденным и полным ожидания каждый раз, когда приближалось очередное заседание.

В дверь трижды постучали, и Ньютон, бросив в последний раз взгляд на зеркало, пошел открывать. В коридоре открылись все двери по обе стороны, появились одетые в рясы и капюшоны фигуры, закрыли за собой двери и стали молча ждать. Где-то в глубине дома прозвучал гонг. Медленно, один за другим они начали движение по коридорам к лестнице. Ньютон представлял, как из других концов дома другие невидимые братья направлялись к большому залу ордена, находившемуся в подвале. Другие братья, которые знали друг друга только по именам в ордене.

Все шли вниз по лестнице, лишь края одежд шелестели по ступеням. Шли по освещенным факелами коридорам, проходили под большой дубовой дверью под розой в зал, где все сказанное остается тайным навеки.

Он был членом братства уже семнадцать лет. За это время его стул переместился от самого последнего ряда в зале примерно до середины в сторону возвышения, где стояло кресло Великого Магистра. За семнадцать лет голос Великого Магистра тоже изменился. Он стал более низким и совпал с голосом мистера Ф., единственного человека, который знал, кто скрывается под тайным именем *Jeova Sanctus Unus*. И единственным человеком в зале, о котором Ньютон знал, кто он во внешнем мире.

Ньютон остановился перед стулом, на котором сверху было вырезано его имя. Так было сделано на всех личных стульях братьев — членов ордена. В течение семнадцати лет Ньютон подавал свой голос в зале всего несколько раз, чаще всего задавая вопрос какому-нибудь брату, который высказывал свое мнение. В этих случаях он говорил намеренно высоким голосом и использовал акцент, который был скорее ипсвичским, чем кембриджским.

Но сегодня все будет по-другому, сегодня он не удовлетворится вопросом. Мистер Ф. какое-то время настаивал на том, чтобы он изложил результаты своих алхимических исследований — тех, которые в последнее время возбуждали его и делали моложе, чем он был когда бы то ни было прежде. Ньютон долго сопротивлялся, но обязательства перед братством, «которое никогда ничего не скрывает от вас», как это аргументировал мистер Ф., заставили его, наконец, сдаться.

После вводных ритуалов и приветствий Великий Магистр поднялся и призвал всех посмотреть через туннели капюшонов на главное место. Он указал скипетром на стул Ньютона и сообщил, что «брат *Jeova Sanctus Unus* в этот темный декабрьский вечер поделится со всеми новым знанием. Таким знанием, которое даст братству более глубокий взгляд на жизнь и смерть; знанием, которое принесет им больше власти и влияния в том мире, который находится за этими стенами».

Великий Магистр сел, Ньютон медленно поднялся. Смутная неуверенность родилась в его душе, когда он слушал слова Великого Магистра. Правильно ли он поступал? Он ведь давал обещание Никола Фатио никогда не делиться этим с другими...

— Дорогие братья,— начал он, изменив голос.— Откровение снизошло на меня некоторое время назад во время эксперимента с *Regulus Mars*¹. Я вдруг увидел, как зеленые заросли расступились и указали мне тропинку к *elixir vitae*, тропинку, которая позволяет мне сказать, что я теперь обладаю формулой, дающей вечную жизнь и...

Беспокойство, которое поднялось среди одетых в рясы и капюшоны братьев, заставило его остановиться.

---

¹ Кристаллическим золотом (лат.).

Из задних рядов прозвучал одинокий голос, хотя никто не давал ему слова:

— Это формула эликсира жизни, и мы что, ни с того ни с сего должны ему поверить? Пусть доказывает!

Великий Магистр встал и прогремел:

— Тихо! Дайте высказаться брату Jeova Sanctus Unus.

Ньютон почувствовал, как у него перехватило горло. В голосе, который говорил, было что-то знакомое. Он посмотрел поверх ряда стульев, нашел стул того, кто говорил, и прочитал наверху имя, данное братством: *Other Brook* — «Другой ручей». Он быстро переставил буквы — очень примитивная анаграмма. Глубоко вздохнул и почувствовал, что все вокруг закружилось.

Robert Hook — Роберт Хук стал членом Невидимого братства!

Тот человек, который всегда был противником и врагом Ньютона, человек, которому он никогда в жизни ничего не доверит.

Его поступок был спонтанным и быстрым. Он, не медля, быстрыми шагами пошел между рядами стульев к дубовой двери, открыл ее и вышел. За собой он слышал изумленные голоса, которые перебивали друг друга, Великий Магистр воскликнул:

— Никто не покидает этот зал без позволения Великого Магистра!

Ньютон закрыл дверь, поднялся по лестнице и прошел в свою комнату. Спокойно переоделся в свою обычную одежду и собирался уйти, когда дверь открылась. На пороге стоял Великий Магистр, загораживая дорогу.

Ньютон, выжидая, отступил на шаг назад.

— Ты знаешь, что правила ордена строги. Ты знаешь, что нельзя покидать зал без...

— Я покидаю не только зал,— перебил Ньютон.— Я покидаю орден.

Он заглянул в туннель капюшона и почувствовал на себе взгляд Великого Магистра.

— Ты знаешь, что за уход из ордена полагается смерть.

— Я это знаю. Но я узнал также одного из братьев, человека, которому я никогда в жизни не доверю тайну. И ты, Иязекиль, тоже не должен доверять...

— Не называй моего имени,— прошипел Великий Магистр, сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь.

Ньютон спокойно посмотрел на человека, которого он знал с юности.

— Ты — единственный человек, который знает, кто я. Никто не может требовать от Великого Магистра ответа на вопрос, куда девался брат *Sanctus Unus* или кто он. Если ты ничего не скажешь, то никто не сможет меня наказать.— Он поднял палец: — Значит, ты и решаешь, уйдет ли моя формула вместе со мной в могилу, потому что она находится вот здесь.— Он постучал пальцем по лбу.

Великий Магистр снял рясу и капюшон. Мистер Ф. холодно улыбнулся.

— Я тебе не верю, Исаак. Я тебе не верю, потому что такая формула должна быть и довольно длинной, и очень точной. Ты никогда не доверился бы своей памяти. Ты ее записал и где-то спрятал, и мы ее найдем. А когда мы ее найдем, твоя жизнь не будет стоить и одного пенни.

Ньютон отодвинул его в сторону и вышел в коридор. Остановился, постоял немного, потом заговорил, по-прежнему не оборачиваясь:

— Хорошо, я ее записал. Но я сохраню свою тайну,— он чуть-чуть повернул голову.— Я сохраню свою тайну, и вы никогда ее не найдете. А если вы ее найдете... Свет от факелов непрерывно менялся, освещая его

резко очерченный профиль, как будто по коридору гулял холодный ветер, и тени дьявольски набрасывались на его лоб. — А если вы ее найдете, то десять раз пожалеете. Потому что на всякого, кто без позволения воспользуется моей формулой, упадет вечное проклятие. — Он повернулся и посмотрел Великому Магистру прямо в глаза: — Ты знаешь мои способности, Иезекиль, тебе тоже надо опасаться их. — Ньютон слегка поклонился в знак прощания и вышел.

Эвен резко поднял голову и посмотрел в сторону лестницы. Скрипнул пол наверху? Он внимательно слушал. Нет, тихо. Это наверняка шумит ветер.

Проклятие. Ньютон обладал сверхъестественными силами? Это, видимо, придумала сама Май. Хотя события последнего времени...

Он встал, прошелся по комнате и вдруг обнаружил то, на что до того не обращал внимания. Высохшую розу над дверью, рясу и капюшон, которые висели на плечиках около станков, маленькую серебряную пластинку над компьютером. Он подошел и прочитал: *Возлюбленный отец, любящий брат, верный учитель, преданный друг*. Вокруг текста виноградная лоза, собранная в верхней части вокруг креста, а в нижней — вокруг пеликана. Под пеликаном написано: *F. I.*

Fraternitatis Invisibilis, пробормотал Эвен и услышал скрип ступеней. Он медленно повернулся и увидел на лестнице контуры фигуры человека.

— Ты понял, что это я?

Они смотрели друг на друга изучающим взглядом, очень похожим на тот, которым они обменялись при своей первой встрече.

— Я понял, что это ты, — сказал Эвен наконец. — В конце концов, я понял это.

В разговор вмешался еще один голос, голос, говоривший по-английски, но с сильным французским акцентом:

— Веди себя тихо, мы захватили твоего сына, Стик у нас...

ГЛАВА 85

Париж

Ты в Париже? — Судя по голосу, Симон Латур очень удивился. Май-Бритт хотела ответить: «Ты и сам знаешь». — Я еду к тебе, прибуду через час. Ты живешь в той же гостинице, что в прошлый раз?

Она почувствовал себя разбитой, как будто грипп высосал из нее все силы. И так было все время с того момента, когда ей позвонили в Осло два дня назад.

— Да, — сказала она. — В той же.

Симон Латур попрощался и положил трубку.

Она откинулась в кровати и посмотрела в потолок. Телефонный звонок на ее мобильный поступил в понедельник, мужчина говорил по-французски, тот же самый мужчина, что звонил ей в Париже около недели назад, тот, который угрожал ей. Теперь он сказал, что знает, где она живет. Где живут дети. В Осло. В Норвегии. Он назвал улицу и номер дома. Она должна приехать в Париж с бумагами. На этой неделе. Он назвал гостиницу на Монмартре. Он знал, что она там жила. Он знал все. Потом положил трубку.

Париж. Бумаги.

Бумаги. Дети. Выбор был очень простой. Выбора не было.

И вот она здесь. Среда. Она ждала, когда он к ней обратится.

Симон Латур постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошел. Сел на стул и беспокойно посмотрел на нее.

— В Невидимом Братстве есть женщина,— сказал он без предисловий.

Май-Бритт посмотрела на него. Одежда вся мятая, как будто он в ней спал, волосы грязные, нестриженные, глаза покраснели от усталости. Вид как у сумасшедшего.

— Как ты не понимаешь! Это сенсация; удивительно, что у них есть женщина. Именно она все спланировала. Она является вторым лицом в скандинавском отделении Братства.

— Я хочу отдохнуть,— сказала Май-Бритт и снова откинулась на кровати.— У меня болит голова. Ты можешь оставить меня в покое?

Симон Латур глубоко вдохнул и так же медленно выдохнул.

— Извини,— сказал он.— Я начну с самого начала, я не рассказал тебе всего. Иногда со мной так бывает, когда я работаю слишком много. Я забываю, что знают и чего не знают другие люди. Понимаешь, Невидимое Братство заинтересовалось тобой, заинтересовалось чем-то, что ты нашла. Я не знаю, что это, и не желаю знать. Но все спланировала эта женщина.— Он встал и огорченно посмотрел на нее.— Я проявил бы осторожность на твоём месте. С ними шутить нельзя.— Он посмотрел на часы.— У меня есть договоренность о встрече через час с еще одним информатором. Посидишь со мной на эту встречу?

ГЛАВА 86

— Ты обманул нас, сняв с машины передатчик GPS,— она говорила это, чтобы поставить француза на место, косвенным образом указывая, что угрожая, он вел себя невежливо.

Эвен смотрел на нее. Пытался успокоиться, надо было задавать правильные вопросы.

— Где Стиг? Когда вы его захватили?

Китти вышла на свет. В зеленых глазах была тоска.

— Когда он ушел от «дневной мамы». Мы поняли, что ты его отец.

Эвен успокоился. Она лгала. Оба лгали. Они не знали, где Стиг. Свой план он может осуществлять дальше.

— Почему?..— сказал он упавшим голосом.— Почему она должна была умереть?

Китти стояла под лампой. Волосы полыхали, как жертвенный костер, она удерживала его взгляд своими зелеными глазами так крепко, словно это были не глаза, а руки.

— Это должно было происходить по-другому, она не должна была умирать. Так вышло без моего...

Она замолчала; фигура, стоявшая за ней, выступила из тени на свет: огромный мужчина с усами. Тот самый усатый из ресторана в Лондоне. И с фотографии, сделанной Май в гостиничном номере. Он спокойно стоял и целился пистолетом в живот Эвена.

— Кто втянул ее в это безумие? — голос Эвена осип.

— Кое-кто...— Она украдкой взглянула на француза, как будто чувствовала, что надо взвешивать слова, которые доходят до его ушей.— В течение столетий

было известно, что формула Ньютона существует, но никто не мог ее найти. Многие поколения наших братьев просматривали оставшиеся после Ньютона документы, часть из которых была впервые опубликована только в 1950-е годы. Они искали любые следы и в текстах, и в других местах, но безо всякого успеха. Великому Магистру ордена я предложила, чтобы поисками занялась женщина, лучше всего из посторонних, в этом смысле девственница, и выбор пал на Май-Бритт.— Китти грустно улыбнулась.— Мы, женщины, более чувствительны, у нас есть, как бы это сказать... изящество. Если кто-то мог найти формулу, так это Май-Бритт.

— Но ведь это привело ее к... Она умерла, черт побери! Ты ее убила!

— Я не знала...— прошептала Китти и усиленно затрясла головой. Глаза были влажными, когда она смотрела на Эвена, она как бы просила прощения. Она откашлялась и заговорила громче.— Они считали, что для того, чтобы направить тебя к формуле, заставить расшифровать код, требовалось твое участие, чтобы ты был... *devoted*¹ — такое слово они употребляли — этим делом. Требовалась твоя экспертиза, когда речь зашла о кодах и математике. «Требуется гений для того, чтобы расшифровать гения», — как это выразил Великий Магистр.

Безумная взаимосвязь всех событий вдруг дошла до Эвена.

— Ты хочешь сказать?! Вы *знали* с самого начала, когда давали поручение Май, что она умрет, когда найдет формулу... и что *таким образом* вы заманите меня для расшифровки кода? Вы нездоровы, вы же попросту сумасшедшие!

---

¹ Увлечен (англ.).

— Я не знала. Они знали, как я теперь понимаю. Во всяком случае, тогда, когда Май решила не вовлекать тебя в создание книги о Ньютоне, она подписала свой смертный приговор. Мы думали, что она обратится к тебе, попросит у тебя помощи, но этого не произошло, и тогда... Видимо, тогда они и решили изменить план.— Китти подошла ближе, теперь их разделял только стол. Она снова стала ловить его взгляд.— Не надо недооценивать братство, Эвен. У нас у всех своя мерка безумия, но план не был безумным. Аморальный и мерзкий — да, но не безумный. Все шло так, как они предусматривали. Во всяком случае, мы обнаружили, что свои находки Май-Бритт спрятала от нас и что они попали тебе в руки.

— Но она была твоей подругой, черт побери, вы были как сестры, выросли вместе...

— Мы были как сестры, да, это правда,— Китти серьезно посмотрела на него.— Но мы изменились, пошли, как ты заметил, разными путями. И ты оказал свое огромное влияние на этот процесс. Кто-то, может быть, скажет, что ты ее раздавил, что ты заставил ее забыть Господа и веру, я знаю, что так утверждает ее сестра. Я бы не определяла это так резко, но если ты будешь делить вину, то не забудь и себя. Твое прошлое совсем не...— Он видел, что она положила руки на стол, пальцы образовали на столе линии системы координат. Она подняла голову и печально смотрела на него.— Я знаю, что у тебя были трудности... ты можешь объяснить, почему все закончилось именно так. Думаю, что понимаю тебя и хочу...— Она покосилась на француза и заговорила тише: — Хочу тебе помочь. Я искренне рада была узнать тебя, Эвен.— Пальцы соединились.— Ты прав, произошли ужасные вещи. События развивались так,

как я не хотела, но... Надо идти вперед от того места, где мы находимся.— Она сделала глубокий вдох и еще раз обернулась назад, потом сказала:

— Я надеюсь, что ты видишь свои возможности и поэтому сделаешь правильный выбор. Нам нужен такой человек, как ты. Мы сумеем оценить твою работу.

Эвен не ответил, но нога его осторожно двигалась назад.

Китти бросила взгляд на стол.

— Ты нашел конверт, как я вижу. Да, мы следили за тобой до почты. Пьер отвлек тебя.— Она слабо улыбнулась, как будто это была их общая шутка.— Тебя легко отвлечь, ты впечатлительный. Я это люблю, Эвен. Мы хорошая пара.— Рука сделала движение в сторону конверта.— Ты прочитал то, что там было, и код тоже?

Эвен смотрел на нее, не отвечая.

Ее улыбка застыла и превратилась в гримасу, она сунула руку в конверт.

— Можешь ничего не говорить. Только посмотри сюда.— Она вынула листок размером в половину от формата А4 и протянула ему через стол. Он не пошевелился.

— Прекрасно, прекрасно,— пробормотала она, скорее себе самой. Она держала в вытянутой руке листок, и он мог его читать. Буквы были большие и отчетливые:

*UNUFNJPERLQR ISPNJISFR TR
AMSIBR KMNIDNKNS ASCON*

— Как видишь, это код, тот, который требует некоего слова для расшифровки. Субституционный шифр, кажется, так это называется. Это твой мир, Эвен, в этом ты специалист. Ты нам нужен, чтобы найти это слово. Скажи, что ты хочешь взамен.

Эвен не смотрел на листок. *Последний код*. Тот, на который указывали все намеки Май. Код, который они использовали между собой, она и он, и больше никто. Код, который закрывал доступ врагу к цели.

— Как ты заставила Одина Йелма заняться книгой о Ньютоне?

Китти удивилась, потом положила руки прямо перед собой.

— Хорошо. Мы займемся кодом позже. У нас достаточно времени. Один, говоришь. Это было...— Она удрученно посмотрела в пространство, как будто думать об этом ей было стыдно.— Это было легко. Он влюбился в меня по уши. Все, что бы я ни говорила, все было для него «золотыми словами». Однажды вечером мы много выпили, он больше. Заговорили о Ньютоне, и я предложила, чтобы он поручил Май-Бритт написать книгу о его тайнах. На следующий день он вспомнил только саму идею и посчитал ее своей собственной.— Она иронически улыбнулась.— Как это делаете все вы, мужчины. Я бывала у него в издательстве несколько раз осенью, когда была уверена, что он один, слонялась по коридорам, пока ждала, что он кончит свои дела. Так он думал. А я заходила в кабинет Май-Бритт, чтобы посмотреть, насколько все продвинулось. Я находила очень мало нового в ее бумагах и считала, что дело идет туго, это меня огорчало.— Она показала на человека за ее плечом.— Но Пьер сказал, что она, тем не менее, продвигалась вперед, хотя этого не было видно. Он отслеживал каждый ее шаг, бывал в некоторых случаях ее живой тенью. Он считал, что она хранила все написанное в своей сумке. Мы решили, что не будем вмешиваться в ее дела, предпочли доверять ей, как бы ты сказал.

Пока Китти говорила, Эвен незаметно отодвинулся. Внезапно негромко загудел телефон, все трое несколько секунд смотрели на серый аппарат около компьютера. Еще одна лампочка засветила красным. Китти тут же сунула руку в задний карман; зазвучала мелодия вызова. Она взглянула на экран мобильного телефона, сморщила лоб, потом выключила телефон и сунула его в карман. Наступившая тишина была долгой и мучительной, как во время научного доклада, когда докладчик вдруг потерял нить. Эвен почувствовал, что во рту стало сухо, сухо во всем теле.

— Как ты узнал, что это я? — Китти смотрела на него так, словно ей попала песчинка в глаз. Эвен глубоко вздохнул, развел руками, отвлекая внимание, а сам отодвинулся еще дальше и, наконец, почувствовал спиной рабочий стол.

— Это подсказала мне Май. По дневнику, она нашла формулу Ньютона в Париже месяц назад. Ты же сказала, что она передала тебе конверт в ноябре — *пять* месяцев назад. Математическая операция, которая не сошлась.

Он помолчал немного.

— Но даже невозможная задача может быть решена, Китти. В конверт, который я получил от тебя, ты сама положила все: копии бумаг, которые ты нашла в кабинете Май, чтобы меня заинтересовать, — и сама написала записку с названием книжного магазина в Лондоне, чтобы я нашел формулу. Это могла быть только ты. Но чтобы быть совершенно уверенным, я позвонил в твою спортивную школу и узнал, что ты была на курсах в Лондоне три недели назад. Кроме этого, ты вела занятия сегодня утром, а о поездке в Южную Африку они ничего не знали.

— Я очень внимательно отнеслась к этим кодам, ведь правда? — Китти смотрела на него, как будто надеялась услышать похвалу. — Помню, вы ужасно раздражали меня этими дурацкими кодовыми кличками: Ноябрь, Океан — и прочее. — Она наморщила лоб и сказала искренне: — Для меня было облегчение, когда уехала Май-Бритт, вы оба мне надоели.

Эвен положил руки на край стола сзади себя. Попытался сделать самый беззаботный вид, когда заговорил. (Это было важным. Это было ядром всего.)

— Пьер был у Май в гостиничном номере, ведь так? Это он написал твоё имя на пятерке червей?

— Да, — она смотрела на какую-то точку за ним, далеко сзади, в другом мире. Кулаки сжаты. — Да, он был там. Я поняла это позже. Но запланировано все было не так... Он позвонил мне и сказал, что она покончила жизнь самоубийством, что он пришел в её комнату. Её прощальное письмо лежало на столе, и он переслал письмо, чтобы я прочитала. Мы должны были обезопасить себя, зная, что в нём нет ничего разоблачительного. И всё же было... Она написала слово «сердце» пять раз и употребила странное слово «субтрагенд»... — Взгляд Китти нашел Эвена. — Субтрагенд. Я подумала, что это слово она написала для тебя, это математический термин. Чтобы Финн-Эрик понял, что письмо написано и для тебя тоже. Я сказала об этом Пьеру. Он вспомнил, что рядом с письмом был разложен пасьянс, и там была пятерка червей. Тогда мы составили план, который должен был привести тебя в Лондон, чтобы получить формулу. Пьер нашел формулу среди бумаг Май-Бритт в гостинице. Во всяком случае, он так сказал.

— Но ты же знаешь, что дело было не так, — тихо сказал Эвен. — Ты знаешь, что он лгал. Он был там, когда она писала письмо, диктовал ей письмо...

Она не выдержала его взгляда, отвернулась и беспокойно задвигалась.

— Да, *теперь* я это знаю,— она неумышленно оказалась в середине между Эвеном и пистолетом Пьера. Эвен спрятал правую руку за спину.

Усатый отошел в сторону, опять появилась свободная линия огня. Пистолет был нацелен в пустое пространство между ними, готов к употреблению, все было сделано очень профессионально. Эвен посмотрел на коричневую одежду в углу.

— А как ты смогла стать членом Братства, если оно существует только для мужчин, ты что же, пряталась под рясой и говорила низким голосом?

Китти посмотрела в угол.

— Нет. Мой отец восемнадцать лет был Великим Магистром ордена в Скандинавии, и он поменял правила,— она пожала плечами.— Если амбициозные мужчины не имеют сыновей, они вынужденно меняют правила. Я живу рядом с орденом последние тринадцать лет. Мой отец давно имел на меня большие виды, он воспитал меня так, что я займу его место Великого Магистра, когда придет время.

— Так это твой отец отдавал тебе приказания?

— Нет, нет! Он уже не у дел. То, что я тебе рассказывала, правда. Он болен, второй год прикован к постели, парализован. Но он купил мне эту усадьбу в свое время, чтобы я превратила ее в штаб-квартиру,— она замолчала.

Пьер подошел к ней и что-то тихо сказал. Она кивнула, ее взгляд остановился на бумаге с кодом, лежавшей на столе.

— Зачем вы заставляли ее принимать кокаин, прятали его в ее вещах? Зачем было унижать ее так?

Китти непонимающе посмотрела на него.

— Что такое?.. Какой кокаин? — Она повернулась к Пьеру и что-то тихо сказала по-французски.

Пьер отвечал, не отводя взгляда от Эвена.

— Спроси его и о том кокаине, который был спрятан в моих вещах.

Китти повернулась к нему, лицо было белое.

— Она не употребляла кокаин... Пьер говорит, что внутрь не принимала, было только чуть-чуть помазано у носа.— Рука поднялась, словно хотела показать что-то Эвену, но передумала и тяжело упала на стол.— Полиция имеет дело с сотнями самоубийств, где замешаны наркотики, и при этом ты...— Она вдруг остановилась, словно его голос только сейчас долетел до нее и передал сообщение мозгу.— Что ты говоришь? В твоих вещах?

— Да. Я нашел пакетик кокаина в своем носке, когда был в Париже.

Она широко раскрыла глаза и стала похожей на маленького ребенка; повернулась и взглянула на Пьера, который буркнул что-то.

— Это был не кокаин, а...— Она переговорила с Пьером и посмотрела на Эвена,— а картофельная мука.

— Картофельная мука!!

— Да,— у кончиков губ мелькнуло что-то, похожее на улыбку, но тут же исчезло,— Пьер хотел гарантировать, чтобы эта провокация заставила тебя начать расследование.

Усатый сказал раздраженно:

— *Qu'il se décide*¹.— И показал на Эвена пистолетом.

---

¹ Пусть он принимает решение (фр.).

— Ты подключила телефон к спутниковой системе,— продолжил Эвен,— чтобы каждый вызов шел через спутник на твой мобильный. Поэтому и казалось, что ты находишься в Южной Африке.— Он повернул голову, обратив все внимание на телефон. За спиной его рука нащупала нож, который торчал в столе.

Телефон звякнул, и Китти опять стала смотреть на Эвена.

— Мне очень жаль, Эвен, но Пьер сказал, что ты должен принять решение.— Пока она говорила, он осторожно высвободил нож и прижал его к руке.— Вытащи меня из той трясины, в которую я попала. Помоги нам расшифровать код, добытый Май-Бритт. Она обманула нас и спрятала несколько страниц из формулы Ньютона перед самоубийством. Мы должны найти недостающие страницы, иначе мы оба, ты и я, будем убиты.— Она сказала это одностонно, как говорят на похоронах. Эвен внезапно бросил быстрый взгляд на лестницу.

Расчет траектории полета. Вращения ножа. Воздействия движения, которое длится сотую долю секунды. Взгляд Эвена на лестницу был быстрым, но таким заметным, что Пьер увидел его. Француз отвлекся, и этого было достаточно. Рука Эвена сделала нужное движение, нож вращался, как надо,— один полный оборот и еще пол-оборота вокруг центра тяжести — и попал французу в шею с такой силой, что вонзился по самую ручку. Усатый отклонился назад, палец нажал на курок, и компьютер взорвался каскадом стеклянных брызг. Эвен бросился на пол, еще одна пуля расплющилась о стену сзади него, разбитая полка рухнула на пол. Китти с бешеной скоростью

бросилась под стол, чтобы спрятаться в укрытии, уса-
тый сполз на пол, последняя пуля попала в потолок,
лампа вспыхнула и погасла.

Пьер лежал на спине, направив взгляд вверх. Нога
сделала судорожное движение, потом опустилась.
Мужчина издал звук, которые издавали старинные
паровозы, когда выпускали пар. Взгляд застыл. На-
ступила тишина.

Китти осторожно пошевелилась. Посмотрела на
Эвена.

— О Господи! Спасибо.— Она подползла к нему и
взяла за руку. Эвен встал на ноги, она наклонила голо-
ву, чтобы не стукнуться о край стола, и тоже медленно
поднялась.— Ты спас мне жизнь.

— Я спас *себе* жизнь,— сказал Эвен. Он судорожно
схватил край стола, словно боялся упасть. Не отводил
взгляда от тела на полу.

Китти удивленно кивнула.

— Да-да, конечно. Ты свою жизнь... А я свою, навер-
ное, сама...

Эвен тяжело дышал.

— Ты не спасла ничью жизнь. Ни мою, ни жизнь
Сусанн Стенли, ни Май.

— Что... ты этим хочешь сказать?

Эвен огромным усилием воли перевел взгляд на нее.

— Я хочу сказать, что ты погрязла выше своих ры-
жих волос. Хотя ты и поняла, что тебя братство обма-
нуло, хотя ты поняла, что тебя не посвятили в этот
ужасный план, ты не соскочила с поезда, а продолжа-
ла ехать в нем дальше. Ты...

— Это было бы невозможно,— озлобленно прервала
она его.— Ты не знаешь, какие там правила,— тебя убь-
ют, если ты захочешь уйти из братства. А я не могла...

Понимаешь, мой отец... Я обещала ему продолжить его работу, я хотела, чтобы он мной гордился. Не могла его предать, он бы умер, если бы узнал, что я его...

Эвен поднял кулак и закричал:

— И все это надо было скрывать и дальше, а братья по-прежнему делали свои дела?! У тебя нет никакой морали, Китти? Ты или Пьер убили Сусанн, убили ни в чем не виновную женщину, потому что боялись, что она отвлечет меня от тебя. Это, я думаю, и было причиной. Может быть, есть другая, более благородная? Скажи мне, Китти, есть?

Китти не могла выговорить ни слова. Он успокоился и заговорил тише:

— Важно было, чтобы ты продолжала быть в контакте со мной. Важно, чтобы вы всегда знали, как можно больше, что я делаю. В постели люди откровенны, открывают секреты и...

— Нет! Дело было не так. Я любила тебя, Эвен. Я клянусь на Библии...

Эвен показал под стол.

— Ты собирала окурки у Одина Йелма, чтобы он оказался виновным в убийстве Сусанн. Скорее всего, ты сама купила сапоги нужного размера.

— Но я не знала, для чего их будут использовать. Я не знала, клянусь. Это все Пьер...

— Ты рассказала Пьеру, что у меня есть сын.

Она широко раскрыла глаза, губы шевелились, но ни единый звук не выходил из них.

— Ты прекрасно знала, что это означает смерть для Стига — или для меня. Смерть *ребенка*, Китти.

Она отошла на шаг назад, как будто каждым словом он бил ее по лицу, взгляд блуждал, она тяжело дышала. Эвен сжал кулаки, встал перед ней с видом обвинителя, широко расставив ноги.

— Ты не взяла на себя ответственность, Китти. Май покончила жизнь самоубийством, чтобы спасти жизнь Линс и Стигу. Она взяла на себя ответственность. Когда я рассказал тебе, как на самом деле обстояли дела, ты поняла, что сама виновна. И ты знала, что тяжесть этой вины будет возрастать, что могут погибнуть и другие люди. И все же ты не сделала выводов, не осмелилась разоблачить тех, кто убил твою подругу детства. Ты не осмелилась остановиться, сказать, что все не так, что происходящее нарушает человеческие законы и нормы, нарушает законы Библии, в верности которой ты сама и эти братья клянетесь. У тебя не было мужества сделать то, что сделала Май, пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти жизнь других людей. Ты приняла придуманные твоим отцом и невидимым братством правила игры, какую-то новую мораль, которые касаются только вас.— Эвен покачал головой.— А вот этого вы как раз не можете.— Он вдруг глубоко вдохнул, грудь высоко поднялась, потом он стал выпускать воздух через сжатые зубы.— А я еще думал, что это у меня нет морали.

Китти смотрела на него так, как будто он произносил ее смертный приговор. Потом быстро повернулась, чтобы убежать. Эвен прыгнул и встал между ней и лестницей. Она остановилась, испуганная, помедлила.

— Что ты хочешь... Убить меня?

Его охватила тоска, он медленно покачал головой.

— Нет, ведь и правда, ты же не бьешь женщин.— Она почувствовала облегчение, как будто он ей сказал, что она может уходить. Она подняла голову и посмотрела на него, прощаясь.

— Это не значит, что ты можешь уходить,— Эвен загородил дорогу.

Она странно посмотрела на него:

— Хочешь позвонить в полицию; изо всех людей именно *ты*?

— Нет. Они ничего не смогут доказать. Правда о Май не поддается никаким доказательствам. Полиция знает, что она выстрелила в себя на глазах у двадцати свидетелей. Все остальное они никогда не узнают,— Эвен сунул руку в карман, потрогал что-то крупное, но не вынул.— Поэтому тебя будет судить тот единственный, кто видел, как все происходило; единственный, кто может судить тебя по справедливости.

— Единственный, кто может?..

Широко раскрытые изумленные зеленые глаза. Она стояла со смущенной улыбкой, как будто он рассказал ей анекдот, и она была не уверена, что поняла его правильно. Черное облако отчаяния заволокло взгляд. И вдруг последовала атака, быстрая и жестокая. Китти ринулась вперед, отбросила свободную руку Эвена, а правое колено с огромной силой ударило ему в пах.

Зрачки расширились, боль проникла в мозг и послала импульсы по всему телу, открылся рот, и непроизнесенный звук ворвался в уши Эвена. Эвен отбросил Китти назад, она освободилась от гвоздей и с ужасом посмотрела на колено, где из множества ран текла кровь.

Эвен вынул, наконец, из кармана спортивную ленту.

— Слабое место у мужчин,— он дотронулся до паха, где из спортивных штанов торчали гвозди.— Ты как-то говорила, что охотишься за этим местом. Поэтому я обезопасил себя бандажом. И гвоздями.— Китти попыталась отойти, но ноги не слушались. Эвен быстро вывернул ее руки и связал за спиной лентой.

Она заплакала и упала на стол.

— Что ты хочешь? Что... мы будем делать? — В глазах полно слез. Он поставил ее на ноги. Китти прошептала: — Помоги мне, Эвен. Это не была игра... Дни, которые я провела с тобой, я так любила их! Гораздо больше, чем надо было. — Ее взгляд затуманился, как будто ей было стыдно говорить это... — Мне не разрешали, моей ошибкой было принимать участие в этом, но... я полюбила тебя. Я хотела... — В глазах была боль, она подавила рыдания и прислонилась к нему. — Твоя любовь, быть может, спасет меня от того ужаса, в который я попала, — прошептала она ему в грудь.

Эвен развернул ее и подтолкнул к лестнице.

— Моя любовь?.. Ты ее убила — дважды.

Она издала вопль и больной ногой стукнула его по голове. Эвен откатился назад, она подскочила к французу и стала вертеться в поисках пистолета. Эвен успел раньше и отбросил пистолет в угол.

— Иди, все кончено, — он твердой рукой повел ее вверх. — Ни Симон Латур, никто другой в братстве не помогут тебе. Ты одна теперь, как я.

— Симон Латур... — Она недоверчиво посмотрела на него. — Ты ничего не понял, ничего, *профессор*.

ГЛАВА 87

Париж

прекрасно, увидимся. Пока, — Симон Латур положил мобильный рядом с чашкой кофе и знаком показал официанту, что хочет заплатить. — Он не может сейчас прийти, но предложил,

чтобы мы взяли такси до виллы Ла Роше, он встретит нас там. Это где-то в Отей.

Май-Бритт задумалась.

— Я, пожалуй, не поеду, вернусь в гостиницу.

Латур пожал плечами.

— Прекрасно. Но он сказал, что ему интересно встретиться с тобой, ему есть о чем рассказать тебе.

— Да, и о чем же?

— Не знаю. Что-то о тех людях, которые хотят получить от тебя бумаги. То, что они хотят заплатить тебе. По-видимому, очень много. А когда денег много, то про мораль забывают. Даже в христианском братстве. Мне кажется, этого человека проклинали. Видишь ли, он хочет уйти от них, потому что организация резко изменилась за последние годы, больше стремится к погоне за властью.

— А почему бы ему просто не порвать с организацией и не исчезнуть?

— У них есть правило, которое говорит, что это невозможно. Тех, кто покидает Невидимое Братство, объявляют вне закона, на практике это означает смертный приговор. Это старое правило, можно сказать, восходит к Средневековью, но они используют его до сих пор, говорит он. Поэтому он хочет разоблачить орден. Всю верхушку этого праздничного пирога он хочет выставить на свет Божий с их именами, делами и всем прочим. А остальные члены организации тут же без руководства разбегутся. Такой у него план. Ни один человек не знает, кем являются другие братья, кому можно доверять. Это самая сильная сторона братства, но она же и самая слабая. Если он это сделает, у него будет шанс выжить.

— Но откуда он узнал имена руководителей, если они тайные?

— Он стоит близко к руководителям и в последние несколько лет усердно узнавал настоящие имен центральных персонажей.

Официант принес счет, и Симон настоял на том, что он сам заплатит за все.

Они вышли в гардероб, взяли пальто и куртку. Май-Бритт подумала о пакете, который она подготовила днем. В нем лежал ее последний дневник, записи и две последние «Тайны». На пакете написан адрес: абонентский ящик в почтовой конторе в Осло. Это было подготовка к завершению. Она не понимала почему — действительно, сама не понимала этого. Может быть, следовало остаться в гостинице, в надежном месте? С другой стороны, ей хотелось узнать, кто был ее противником, кроме того, кто же это целыми днями шпионил вокруг нее.

К поребрику подкатило такси, и Май-Бритт быстро приняла решение:

— Хорошо. Я еду с тобой.

Шофер был молодым парнем в кожаной куртке, он кивнул, когда Симон назвал адрес. Он разговаривал по телефону, давал сигналы поворота и вскоре свернул направо, на бульвар Клиши. Времни было уже половина одиннадцатого, на улицах вечером в четверг машин почти не было.

Май-Бритт задумалась, глядя на мерцание уличных фонарей. Вот так это получилось. Кто-то позвонил по телефону и что-то сказал, она поехала, кто-то другой позвонил по мобильному, и она поехала в новое место. Казалось, теперь другие люди распоряжались ее собственной жизнью, она стала только предметом, роботом, который должен слушать и выполнять, а не принимать решения. Она надеялась, что эта поездка положит всему

конец. Она всегда восхищалась одной чертой у Эвена, он *действовал*, шел своим путем, не удовлетворялся тем, что выполнял распоряжения других. Она увидела это в один из первых дней, когда они познакомились, — он навестил в больнице женщину-полицейского. Женщина была еще в коме после удара по голове, он как-то пробрался туда и поставил цветы у нее на столе, прекрасно понимая, как это опасно для него. Он на это плюнул и рискнул, когда его непостижимая мораль, или что там у него есть, сказала, что это надо сделать. Это был Эвен в самом кратком очерке — и с хорошей, и с плохой стороны. Но это же заставило ее уйти от него. Непредсказуемость, то, что он не обращал внимания — на нее. Иногда. И на других тоже. И, тем не менее, когда ту женщину выписали из больницы, он наблюдал за ней издали, узнал, что у нее появился возлюбленный, что она вышла замуж за пожарника. Переехала в Шиэн. Завела детей. Только после этого он перестал за ней наблюдать. Май-Бритт так никогда и не смогла разобраться в Эвене. Поэтому она и сдалась?

Симон Латур что-то сказал.

— Извини, я не расслышала...

— Я сказал, что музей «Мармотен» расположен недалеко отсюда, направо, вот по этой дороге, — он показал из окна. — Я подумал, что для историка, такого, как ты, было бы интересно узнать, что у них есть старые раскрашенные манускрипты.

Пошел дождь, большие капли били по лобовому стеклу, «дворники» ходили взад-вперед. Ширк-ширк-ширк. Май-Бритт похолодела и ухватила за ручку двери.

— Откуда ты знаешь, что я историк? Я никогда не рассказывала...

Симон ухмыльнулся:

— Я человек основательный. Не забывай, что я старый журналист, я люблю знать, с кем имею дело, кому я оказываю доверие.

— Я хочу выйти,— Май-Бритт пыталась говорить спокойно.— Останови машину и позволь мне выйти.— Она положила руку на плечо шофера и повторила. Он повернул голову и сказал, что они сейчас приедут.

— Вон там, вон он стоит,— Симон Латур указал на мужчину, который махал рукой, глубоко спрятав голову под зонтом. Шофер затормозил, мужчина бросил зонт на тротуар и сел в машину. Машина двинулась, не дожидаясь, когда дверь захлопнется. Май-Бритт хотела открыть свою дверь, но обнаружила, что она заблокирована.

— Извините, но я хочу выйти,— громко сказала он и ухватила за плечо шофера.— Сейчас!

Пассажир на переднем сиденье повернулся и посмотрел на нее. Черные усы закачались при его улыбке.

— Это, к сожалению, невозможно, мадам Фоссен, сначала нам нужно кое-что сделать.

Симон Латур растерянно посмотрел на них.

— Вы знакомы?

Май-Бритт не отводила глаз от мужчины, потом откинулась на сиденье.

— Не притворяйся, Симон,— сказала она с отвращением.— Вы следите за мной полгода. Почему? Что вы хотите? Я всего лишь пишу книгу о Ньютоне. Что там может быть интересного?

— Но я же вовсе не...— Симон повернулся к пассажиру, чтобы получить объяснение.— Откуда вы знаете мадам Фоссен? Неужели вы участвуете... Эй, что происходит?..— Шофер съехал с дороги, вместо фонарей замелькали деревья и большие поляны с травой.

Они ехали по узкой тропе.— Это Булонский лес. Зачем мы приехали сюда?

— Нам нужна показательная процедура,— сказал усатый и дал знак шоферу остановиться.— Дело в том, что нам надоело, что ты крутишься вокруг нас и все время вынюхиваешь, чем мы занимаемся.— Он вышел и открыл заднюю дверь перед Симоном Латуром.— Выходи.

Латур посмотрел на Май-Бритт, его взгляд был растерянным и испуганным.

— Я не понимаю...

Его вытащили из машины и вытолкнули вперед, так что он попал в освещенное фарами пространство. Он стоял беспомощный, ослепленный светом и, мигая, смотрел на усатого, который что-то тихо сказал ему. Симон покачал головой.

Май-Бритт увидел, как поднялась рука, пистолет прицелился. Она хотела закричать Симону: «Беги!» — но выстрел заглушил ее, она видела, как Симон откидывается назад, его колени сгибаются, он опускается с безумным выражением лица. На груди выросла красная роза, которую стал размывать дождь. Усатый стал копаться в карманах Симона Латура, вынул кошелек, паспорт и записную книжку, вытряс из кошелька деньги и положил их в карман куртки покойного. Потом сел в машину.

— Поехали.

Май-Бритт было трудно дышать, она смотрела на уличные фонари, которые снова появились вокруг них, на дома, в которых люди жили, укладывались спать, невинные и не сознающие, что рядом с ними только что умер человек. Его расстреляли, убили, казнили.

— Розочки, пикники, красивые буковые деревья. Это Булонский лес днем.— Усатый тихо говорил сам с собой.— Ночью — гомофилы, педофилы... некрофилы. Из-за найденных денег труп исчезнет на много дней, может быть, навсегда.— Голос был спокойным, констатирующим.— Показательная процедура доказывает, что мы люди серьезные.— Он повернулся и посмотрел на нее.— Этот Симон Латур давно раздражал нас, и это был удобный способ показать, что ты можешь полагаться на наши слова. А теперь я скажу, что мы убьем твоих детей, если ты не сделаешь, как мы говорим, и ты согласишься, что мы это сделаем.

Май-Бритт смотрела на него.

— Завтра в два часа, в четырнадцать ноль-ноль, я приду в твой гостиничный номер, ты меняпустишь и отдашь мне бумаги Ньютона, которые нашла в старинной книге. Завтра в два часа.

Почему не сейчас? Почему он не предлагает сделать это сейчас?

Он прочитал ее мысли.

— Я знаю, что ты спрятала страницы где-то здесь, в городе. Ты их найдешь, и в два часа они будут в гостинице, когда я туда приду.

Машина отъехала к тротуару, он открыл дверь.

— Не вздумай просить о помощи, не обращай ни к кому. Это навредит твоим детям. Делай то, что я сказал. Желаю приятно провести вечер.

Он вышел и исчез в темноте.

Взгляд шофера в зеркале периодически останавливался на ней. Сначала она не осмеливалась встречать его, но потом решилась и выдержала.

Это навредит твоим детям...

Лица Лине и Стига мелькали в свете автомобильных фар. Она чувствовала бедром мобильный телефон в кармане пальто, ей хотелось позвонить им, услышать их веселые голоса, узнать, что с ними все хорошо. В глазах появилось жжение, она почувствовала, что слезы застывают на щеках, а в груди нарастает гнев.

...и дашь мне бумаги...

«Бумаги». Вот так он сказал. Не сказал «все шесть страниц». Они не знают, сколько тут страниц!! Подумала она. Они не знают!! Она подумала о пакете в гостиничном номере. Он был закрыт только зажимами. Была возможность применить код. Последний код. У нее было утро, время, чтобы выбраться через черный ход, взять бумаги, разделить их на две части. Спрятать первую и последнюю страницы.

Если они должны выиграть, то пусть они также и проигрывают.

Если она должна проиграть, то пусть она также и выиграет.

Она сидела у письменного стола, держа половину колоды карт в руке, когда он постучал. Время 14.00. Четверг 22 марта. Он точен, подумала она и сказала: «Войдите», хотя этого не желала. Солнце стояло высоко и золотом освещало полосу у окна. В коридоре кто-то говорил по-японски. Голоса пропали, как только дверь захлопнулась. Он стоял в ожидании в полутьме у шкафа, и она показала на конверт, лежавший на кровати.

— Четыре страницы,— сказал он, открыв конверт.

Это не вопрос, а констатация, подумала она. Ответ не требуется.

Он положил конверт во внутренний карман куртки и вынул телефон. После того как он опять положил его в карман, он вынул пистолет, дал его ей и рассказал, что нужно делать. Сказал без обвиняков, что она знает слишком много, чтобы они могли рискнуть и просто отпустить ее.

Она не согласилась и дрожащими руками стала целиться в него, целиться в грудь, в омерзительные усы, между глаз. Он протянул руку и снял пистолет с предохранителя.

— Можешь стрелять, — сказал он и добавил, что ее старший ребенок умрет, если он через десять минут не позвонит в Норвегию. Он дал понять, что она должна сделать выбор между собой и сыном. Сказал, что может позвонить сама, чтобы понять, что все именно так.

Стиг и Лине подбежали к ней и обняли так, что она не могла вздохнуть, Финн-Эрик улыбнулся и сказал, что любит ее. Глаза заморгали. Огромная скорбь нашла на нее, она села на кровать. Пистолет выскользнул из рук и стукнулся об пол. Она долго сидела, не шевелясь, шок чуть не парализовал ее. Потом она подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза и подумала, что должна умереть без страха, у нее есть время примириться со смертью. Она не выкажет своего бессилия, не позволит ему испытать триумф от того, что она потеряла самообладание. Всеми силами она постарается наполнить любовью к своему мужу, своим детям, к жизни каждую клетку, каждую хромосому вплоть до самого конца. И ей предстояло осуществить свой план. Она подумала о слове «субтрагент», коротко улыбнулась ему, что явно привело его в смятение, поднялась и указала на письменный стол:

— Можно мне написать прощальное письмо?

ГЛАВА 88

Эвен столкнул лодку в воду. Ветер был слабым, и небольшие волны плескались о берег. Облака на небе перемещались, и месяц со звездами то появлялись, то исчезали. Был приятный апрельский вечер, но воздух казался прохладным. Вода холодной.

— Ты хочешь меня утопить? — голос у Китти вибрировал, она заплакала. Потом вдруг повернулась и захромала по берегу.

Эвен положил на большой камень лист бумаги, прижал сверху мобильным телефоном.

— Это было завещанием Май, а теперь оно мое, — тихо сказал он и пошел следом за Китти. Больная нога скоро откажет, подумал он и почувствовал в своем сердце свинец. Она споткнулась, упала на бок и истерично заплакала.

— Я не буду топить тебя, — сказал он, помог ей встать и стряхнул с ее брюк песок, словно хотел успокоить. Он поддерживал ее, пока они не дошли до лодки.

— Я могу позвать на помощь! — сказала она с последней искрой сопротивления, когда он усадил ее на заднюю скамейку.

— Да, — сказал он, — а я могу заклеить твой рот липкой лентой. Но я думаю, что сегодня ночью здесь никого нет, ты живешь очень изолированно. Кроме этого... — Он оттолкнулся от берега, прыгнул в лодку и взял весла, — я не думаю, что ты уж очень заинтересована подключать других людей, если в этом нет необходимости.

— Нет необходимости? — Голосок был тонким, хрупким, как будто ответ мог сломать его, и он исчез бы навсегда.

Он навалился на весла.

— Это знаешь только ты, — сказал он. — Ты — единственный человек, который знает, что принимает твой Бог. Это не мой Бог, поэтому мне неизвестно...

— Мой Бог, что ты хочешь сказать!! — закричала она и пнула его. Он отложил весла, взял липкую ленту и обернул несколько раз вокруг лодыжек. Когда он опять сел, он засомневался в направлении, лодка перед этим крутилась. Ему показалось, что позади лодки он увидел свет, решился и опустил весла в воду.

— Господи, ты хочешь переплыть фьорд? Это много километров! — Она крикнула в истерике, но замолкла, когда он не ответил.

Пятьдесят метров, подумал он, этого, наверное, вполне достаточно. Китти наклонила голову, тело раскачивалось вперед-назад, она принялась неистово бормотать:

— Я не хочу умирать, Эвен, не дай мне умереть, — она посмотрела на него безумным взглядом. — Я не хотела, чтобы так получилось, слышишь, не хотела этого. План, который я придумала, был надежным, обеспечивал мне... Разве ты сам не хочешь жить? Жить хорошо, Эвен?! Послушай меня! Два миллиона... евро... мы можем их разделить... нет, ты получишь их все... все... и, может быть, вечную жизнь, ты получишь ее, если формула работает, а она работает, никогда нельзя знать, потому что Ньютон был волшебником, сверхчеловеком, Эвен, ты это знаешь лучше всех других. Если кто-то мог найти формулу вечной жизни, то это должен быть именно он, ведь это так, Эвен, это

так, мой дорогой.— Она говорила, как безумная.— Я могу предложить тебе, Эвен, избавиться от смерти, стать богатым, миллионером... Ты увидишь, как твой сын вырастет и заведет своих детей, ты увидишь детей своих праправнуков... Подумай о Стиге, ты можешь дать ему все: деньги, вечную жизнь.— Голос стал мощным.— Эвен, послушай меня, Эвен! Это эликсир жизни, ты не понимаешь?! Может быть, он *действует*!! — Крик отнял у нее последние силы, она обмякла, что-то забормотала и совсем замолкла.

Не глядя на нее, он встал, посмотрел по сторонам, потом взял одно весло и бросил его далеко в воду. Они слышали плеск в ночи. Она молча смотрела на него.

— Но, Эвен, неужели ты?!...

Не обращая на нее никакого внимания, он взял второе весло и тоже бросил его в темноту. Широко расставив ноги, он стоял в лодке, чуть-чуть переместил центр тяжести, чтобы не потерять равновесие, и стал освобождать топорик, прикрепленный к поясу.

— Но ведь ты сказал...— жалобно простонала она, когда он взял топорик в обе руки и приготовился бить. Она закричала при первом ударе. В днище появилась дыра. Он ударил еще раз. Забулькала вода.

— Ты сошел с ума! Ты хочешь нас утопить?! — Она попыталась встать на ноги, он ударил еще раз и толкнул ее назад на скамейку.

— Сиди.— Он сел на среднюю скамейку, прямо перед ней и поймал ее взгляд.— Я не могу тебя судить, Китти, ты это знаешь. Как может человек, который только что убил другого человека, судить других за это же,— он с горечью посмотрел на нее.— Как может человек, живущий со злобой в душе, ударивший женщину, так что она была на миллиметр от смерти, стать судьей?

— Но она же не умерла, Эвен,— прошептала Китти.— Так ведь?

— Она могла... могла...— В его взгляде была боль, когда он смотрел на нее.— Ты и я, Китти, нарушили закон, человеческий и Божеский. Мы не можем дальше убегать от...— Он взмахнул рукой в темноту.— Пришло время, чтобы нас взвесили и судили. Очистили.— Он посмотрел на воду, которая уже доходила до лодыжек.— Наказание? — Взгляд был спокойным, когда он посмотрел ей в глаза.— Я даю возможность твоему Богу определить наказание, решить, будешь ты жить или нет. Только он может судить тебя по справедливости. Он знает твои мысли и тайны. Знает, как стоят весы,— добро против зла. Ты сама это сказала. Он будет тебя судить. И если ты выживешь, то будешь невиновной.

Китти молча смотрел на него, Эвен обратил взгляд в темноту.

— Смотри на это как на очищение.

— Но я...— Она замолчала. Вода лизала икры ног. Ледяная вода.

Эвен кивнул, словно понял ее.

— Я не верю в Бога, ни в твоего, ни в какого другого. Я отдамса на волю вероятности, физическим законам...— Он почувствовал, что пальцы ног потеряли чувствительность,— ...борьбе между теплом и холодом судить меня.— Он поднял голову и осмотрелся.— До берега пятьдесят метров.

Он быстро разрезал топориком ленту вокруг ее ног, перевернул ее и разрезал ленту вокруг рук. Потом бросил топорик далеко в воду. Снял пояс и тоже бросил. Ступни и икры занемели. Они посмотрели друг на друга, она сделала гримасу, как будто хотела что-то

сказать. Он поднялся, постоял мгновение, потом спиной через борт упал в воду. Из-за холода он тут же начал хватать воздух ртом, потом посмотрел на небо и попытался среди облаков найти звезды, Большую Медведицу, Полярную звезду. В лодке забулькало, большие пузыри пошли по воде, когда она погрузилась. Последнее, что он видел, это то, что Китти сидела в лодке в момент погружения. Выпрямившись. Как будто приняла окончательное решение.

Мышцы его стали отвердевать. Он сбросил с ног туфли и поплыл изо всех сил в ту сторону, где, как он надеялся, был берег.

ЭПИЛОГ

Мужчина вставил серый билет в отверстие и получил доступ в *Salle C*¹.

У стойки он задал свой вопрос.

Библиотекарь в *Bibliothèque nationale de France*² в отделе *Sciences et techniques*³ объяснила, что книга Ньютона *Principia*⁴ стоит на стеллаже напротив лестницы с левой стороны, и показала, где это. Она прошла по клавиатуре компьютера и посмотрела на экран. Да, в библиотеке есть два экземпляра, один на английском языке, другой — факсимильное издание собственноручного черновика Ньютона, значит, он на латинском языке.

— Мне факсимильное издание, спасибо,— сказал мужчина.

Библиотекарь написала на листке: +509.030 92 NEW Ti 1 — и сказала, что он найдет книгу по этому адресу.

---

¹ Зал С (фр.).

² Национальная библиотека Франции (фр.).

³ Наука и техника (фр.).

⁴ Принципы (лат.).

Мужчина дружелюбно улыбнулся и сказал: *merci beaucoup*¹. Он говорил с заметным акцентом. Библиотекарь стала смотреть, как он спокойно идет по залу, поднимается по лестнице на площадку и входит в мир науки. За короткое время эту книгу спрашивают уже во второй раз, подумала она. Для ученых *Principia* представлялась такой книгой, о существовании которой знали все, но которую никто не читал. В точности так же обстояли дела у читателей художественной литературы с романом Джеймса Джойса «Улисс».

Мужчина без промедления подошел и остановился у нужного стеллажа, почесал бороду, словно она была для него чем-то непривычным, а его взгляд тем временем стал изучать названия. Вот она. *The Preliminary manuscripts for Isaac Newton's 1687 Principia, 1684–1685 Facsimiles of the original autographs*². Книга была большого формата и стояла на полке корешком вверх. Два тома. Он взял оба, перенес на ближайший стол. Стал медленно садиться, оглядываясь по сторонам. Очень далеко, на противоположной стороне ряда, сидел пожилой мужчина с очками на самом кончике носа. Глубоко погрузившись в чтение книги, он периодически делал пометки в своей тетради. Больше никого в этой секции не было.

Рука человека опять пощупала бороду, потом потянулась к металлической панели, нажала на кнопку, мягкий приятный свет упал на стол и обе книги. Пальцы нервно постукивали по верхней, он еще раз нервно осмотрелся по сторонам. Было видно, как вниз, у

¹ Большое спасибо (фр.).

² Предварительные рукописные наброски к «Принципам» Ньютона 1687 года, факсимильное издание оригинальных автографов 1684–1685 годов (англ.).

лестницы библиотекарь разговаривает с читателем. Закончив, она бросила взгляд на него и слабо улыбнулась, когда встретилась с ним глазами. Он отодвинулся назад, чтобы край стола оказался между ними и пододвинул к себе верхнюю книгу. Посмотрел на большие буквы заглавия, на шмуцтитул и защитную пленку, оценил размер и толщину. Посмотрел на стеллаж с другими книгами Ньютона и на мужчину, который делал пометки в своей тетради.

Быстрым движением, как будто только сейчас набрался мужества, он раскрыл книгу на последних страницах, белых, пустых, тех, что по естественной причине никого не интересовали. Скрестив ноги и опустив книгу на колени, он медленно перелистывал одну белую страницу за другой. Тщательно изучал их, как будто мог прочитать там невидимый текст. Сзади него у стеллажей прошла женщина, он открыл книгу в середине, она прошла мимо, улыбнулась, он улыбнулся в ответ и посмотрел, как она спускается вниз по лестнице. Он стал листать дальше, дошел до самой последней белой страницы и закрыл книгу. Взял другую. Просмотрел все белые страницы, одну за другой, без результата. Ничего не было.

Он растерянно положил книгу на стол рядом с первой. Рассматривал их, сравнивал, думал. Потом снова взял первую, повернул корешком к себе и заглянул в узкую щель между книгой, шмуцтитулом и защитной пленкой.

— Тут,— хмыкнул он и посмотрел по сторонам.

На площадке было тихо, все были заняты своим делом. Он осторожно освободил ленту, которая держала пленку, и сунул пальцы под шмуцтитул. Очень нежно он отделял ленту сантиметр за сантиметром, словно

там пряталось тонкое стекло. Размеренными движениями, так медленно, что во время совершения этой операции он оценил ее комичность и улыбнулся, вынул два листка из их укрытия и положил на колени.

Подумал: «Ньютон, спрятанный у Ньютона» — и еще раз улыбнулся. Подумал о женщине, которая спрятала эти две страницы здесь и оставила код, чтобы он мог найти их. Этой женщины больше не было. Она жила только в воспоминаниях. Прикрывшись книгой, он сложил листки один раз, чтобы их можно было положить в карман куртки, потом раскрыл на странице 13 и стал читать. Он был одним из тех немногих в мире, кто понимал, о чем тут говорилось.

Полчаса спустя, дойдя до страницы 26, он закрыл книгу и поставил ее на место.

Он кивнул библиотекарю, проходя мимо стойки. Она улыбнулась в ответ, но потом долго смотрела вслед, сморщив лоб. Она подошла к столу, где он сидел, и выключила свет. На пол упал листок бумаги. Она подняла его и развернула.

Наверху был написан алфавит от А до Z. Ниже все буквы алфавита были написаны еще раз, но в другой последовательности. На первом месте было подчеркнутое слово «*SUBTRAGEND*», затем те буквы алфавита, которых это слово не содержало.

Ниже этих строчек была еще одна строчка с сочетанием букв, которые, с ее точки зрения, были совершенно бессмысленны. Может быть, код? А ниже под непонятным словом было написано то, что она оценила, как расшифровку кода.

Она улыбнулась, подумала, что это была игра между взрослыми людьми с детской душой, и решила, что это очень приятно, когда кто-то мог использовать се-

бя, библиотеку, науку и книги таким образом. Если этот мужчина вернется когда-нибудь, она поможет ему создать новый код. Он, этот человек, был таким приятным, взгляд ясный. «Просветленный», — подумала она и еще раз посмотрела на листок:

ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ
SUBTRAHENDCFG IJKLMOPQ VWXYZ

код: UNUFNJPERLQR ISPNJISFR TR
это значит: BIBLIOTHEQUENATIONALEDE

код: AMSIBR KMNIBNKNS ASCON
это значит: FRANCEP R INCIPIA FAKSI

Ниже было нацарапано на языке, которого она не знала:

Это значит, что недостающие страницы спрятаны в Национальной библиотеке Франции — в книге Ньютона Principia. Слово «факси» — это значит «факсимильный»?

Библиотекарь сунула листок в карман. Наступило время завтрака, она сходила за кошельком. Через десять минут она взяла в кафе бутерброды с сыром и помидором, но передумала и решила выйти на площадь перед входом, чтобы съесть их там и заодно немного подышать.

По небу плыли многочисленные маленькие облака. Подыскивая себе стену, к которой она могла бы прислониться под лучами солнца, она заметила того мужчину. Он стоял у лестницы и разговаривал по мобильному телефону. Она подошла ближе, делая вид, что интересуется группой молодежи, проходящей мимо.

Язык, на котором он говорил, был ей неизвестен, но, судя по интонации, он разговаривал с ребенком. Она встала за его спиной и услышала, как он сказал «Шарль де Голль», это аэропорт под Парижем. Мужчина засмеялся, смех был приятным, под конец он сказал что-то вроде: «Привет Лине».

Когда он положил мобильный телефон в куртку и стоял, задумавшись, она едва удержалась, чтобы не выдернуть телефон из кармана. Не для того, чтобы украсть, а чтобы получить предлог навестить его, заговорить с ним. Услышать его историю. Потому что она знала, что ему есть что рассказать. Это было видно по его взгляду.

Но она этого не сделала. Вместо этого она увидела, как он выпрямился, похлопал себя по груди, видимо, для того, чтобы убедиться, что паспорт был во внутреннем кармане, спустился по лестнице в подземный переход, перешел на ту сторону и быстрыми шагами направился к набережной де ла Гар.

Вскоре он исчез в людском потоке, а она подняла лицо к солнцу.

ЭПИЛОГ ЭПИЛОГА

Кенсингтон, Англия, 13 марта 1727 года

учер наклонился и сказал что-то двум пассажирам, которые садились в его экипаж. Они закрыли дверь, он взмахнуло кнутом, и экипаж исчез в облаке пыли.

Истощенный мужчина, одетый слишком плохо, чтобы его одежда могла спасти от холодного западного ветра, прошагал по садовой дорожке и вошел в дверь, как будто он был своим человеком в этом доме. В коридоре он остановился около лестницы и прислушался, прежде чем войти в комнату. В ней никого не было, поэтому он продолжал обход дома, поднялся по лестнице, осторожно открыл дверь.

— Кто там бродит по моему дому? — услышал он слабый голос с кровати.

— Твой старый друг, которого ты не хотел видеть так долго, — ответил мужчина и подошел поближе.

Ньютон посмотрел на него ясным взглядом, хотя пот струился по его лицу.

— Никола,— улыбнулся он, и язык попытался облизнуть сухие губы.— Ты еще жив?

— Ты видишь перед собой совсем не привидение, я живу, как ни в чем не бывало. Но в городе говорят, что ты при смерти.

Ньютон слабо кивнул.

— Да, вероятно, так оно и есть. Мы были не такие умные, как думали. Мы не будем жить вечно.

— Тебе восемьдесят пять лет. Это на полпути к вечности. Я не буду жаловаться, если проживу столько же.

Ньютон посмотрел на впалые щеки старого друга.

— Тебе нужны деньги? Я припрятал немного...

Никола Фатио де Дюилье сделал отклоняющий жест рукой.

— То, что мне нужно, у меня есть. У меня все хорошо. Я хотел только проститься...— В глазах показались слезы, он отвернулся.

Ньютон раздраженно посмотрел на него. Подождал, пока тот перестал рыдать.

— А теперь уходи. Я каждую минуту жду визита.

Они молча посмотрели друг на друга.

— Прощай, дорогой Исаак,— сказал Фатио и хотел взять его за руку. Ньютон убрал ее.

— Прощай, Никола. Желаю тебе хорошей жизни.

Никола Фатио де Дюилье покинул дом. Через четырнадцать дней Исаак Ньютон умер.

Никола Фатио де Дюилье умер в 1753 году в возрасте восьмидесяти девяти лет.

Спасибо

— Туре (женатому на Лисе) — за хорошие идеи (в первой главе), юмор и долгую дружбу

— Лисе (жене Туре) — за до-о-олгую дружбу, юмор и Туре

— Кину и Миа — без них никак нельзя!

— Хелене Сельдран Юханнесен, Рейдару Хагену, Яну Энгедалу и Рольфу Мёллеру за помощь с несколькими деталями

— Адаму Дж. Перкинсу, хранителю научных манускриптов Кембриджской университетской библиотеки, который буквально из кожи вон лез, чтобы я смог получить возможность полистать одну из оригинальных рабочих тетрадей Ньютона (содержащую предварительные записи о принципах тяготения), — для меня это был священный момент

— Патриции Мак-Гайр, хранительнице библиотеки Королевского колледжа, которая дала информацию об алхимических записях Ньютона и, проявив доброту, позволила мне заниматься изучением оригинальных рукописей на протяжении целого блаженного дня

— Нильсу Эстергору, который трудился, как ютландский ломовоз, чтобы создать великолепный веб-сайт:

www.kurtaust.dk

Литературно-художественное издание

Курт Ауст

КОД НЬЮТОНА

Ведущий редактор *А. Р. Галль*
Отвественный редактор *Е. А. Суринова*
Художественный редактор *О. М. Бегак*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой, Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»

141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса: **WWW.AST.RU**

E-mail: **astpub@aha.ru**

ООО «Астрель-СПб»

197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,

корп. 1, ЛИТЕР А

E-mail: **mail@astrel.spb.ru**

Издано при участии ООО «Харвест».

ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: **harvest@anitex.by**

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.

Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

